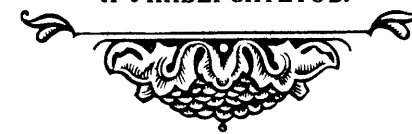

Н.М. ЕЛКИНА

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
И УНИВЕРСИТЕТОВ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва — 1960

Данную книгу автор посвящает памяти безвременно скончавшегося доцента Московского университета Василия Константиновича Чичагова — прекрасного педагога, читавшего в течение целого ряда лет в стенах Московского университета курс старославянского языка.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс старославянского языка открывает собой чтение ряда исторических лингвистических дисциплин, необходимых для подготовки филологов-славистов.

Изучение студентами старославянского языка вызывает всегда большие трудности. Особенно труден этот курс для студентов-заочников. Эти трудности усугубляются еще тем, что учебника, отвечающего установкам «Программы по курсу старославянского языка (для студентов филологических факультетов госуниверситетов)», пока еще нет.

Поэтому данная книга является попыткой в какой-то степени помочь студентам овладеть материалом старославянского языка в соответствии с имеющейся программой.

В основу ее положены лекции, читавшиеся автором в течение ряда лет в Московском университете. Однако в ней отсутствует изложение синтаксиса старославянского языка. Также опущены разделы о наречиях, союзах и предлогах. Над этими материалами автор только еще работает и надеется со временем опубликовать их.

При изложении материала автор не останавливается на истории решения того или иного вопроса, а дает в основном изучаемым фактам такие объяснения, какие считает наиболее соответствующими истине.

Чтобы облегчить усвоение материала, при объяснении происхождения форм не выдерживается хронология в объяснении фонетических изменений.

Несмотря на все это, автор решается выпустить в свет эту книгу, так как полагает, что она в известной степени будет полезна студентам.

Автор выражает глубокую благодарность члену-корреспонденту Академии наук СССР профессору Московского университета Р. И. Аванесову за оказанную им помощь и за критические замечания, сделанные им в процессе работы над этой книгой.

Все критические замечания просьба направлять по адресу: Москва, И-18, 3-й проезд Марьиной рощи, 41, Учпедгиз, редакция русского языка.

НАУКА О СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ЗАДАЧИ

§ 1. Курс старославянского языка является первой лингвистической дисциплиной в ряду тех исторических лингвистических дисциплин, которые необходимы для подготовки студентов-филологов, будущих преподавателей русского языка.

Старославянский язык представляет собой древнейшую дошедшую до нас письменную обработку, письменное закрепление славянской речи. В нем зафиксированы фонетическая система, грамматический строй и словарный состав одной из разновидностей славянской речи середины IX в., дошедшей до нас непосредственно в письменных памятниках XI и отчасти X вв. Сами эти письменные памятники являются переводами с греческих богослужебных книг на славянский язык. Все другие славянские языки были закреплены письменностью значительно позже (древнейшие сохранившиеся русские памятники письменности относятся ко второй половине XI в. и являются списками с более древних старославянских текстов; древнесербские памятники относятся к XII в.; древнечешские — к XIII в.; среди сохранившихся польских памятников самые древние относятся к XIV в.). Таким образом, старославянский язык в ряде случаев дает возможность представить славянские звуки и формы на их древнейшей ступени развития.

Старославянский язык, далее, являясь первым литературным языком славян, имел важное культурное значение для многих славянских народов.

Все славянские языки, чрезвычайно близкие между собой и теперь, были еще ближе друг к другу в эпоху создания славянской письменности. Поэтому старославянский язык, т. е. язык переводов, сделанных создателями славянской письменности, во многих своих элементах был понятен всем славянам. Правда, вначале он обслуживал только церковь, на нем писали только религиозные книги, но позже он стал обслуживать и другие области письменности. У болгар, например, начиная с X в. старославянский язык способствовал созданию оригинальных произведений не только ду-

ховной, но и светской литературы (лишь со второй половины XII в. болгары стали пользоваться для этой цели так называемым среднеболгарским языком). Старославянский язык долгое время был в употреблении у сербов (до XV в.). Русские стали пользоваться им после принятия христианства, причем вначале и у них этот язык обслуживал церковь, но затем его стали использовать также для светских целей. При употреблении старославянского языка различными славянскими народами он изменялся, проникая элементами языка того народа, который пользовался им. В результате возникал церковнославянский язык, представлявший собой результат скрещивания старославянского языка с языком того или иного славянского народа. При этом каждый славянский народ имел свой церковнославянский язык. Даже в памятниках старославянского языка, которые позднее переписывались сербскими, русскими или болгарскими писцами, много новых языковых элементов, внесенных переписчиками. Это объясняется тем, что, несмотря на хорошую выучку, писец при переписке старославянского текста не мог не отразить в переписываемом им памятнике черт своего разговорного языка. Эти старославянские памятники с чертами того или иного славянского языка получили название изводов старославянского языка.

Став церковно-литературным языком для большинства славян, старославянский язык способствовал распространению среди них христианства и культуры. Восприняв этот язык, славяне старались писать языком кирилло-мефодиевских переводов, что привело к превращению последнего в общеславянский литературный язык.

§ 2. Старославянский язык сыграл известную роль в развитии русского литературного языка. Официальное принятие Киевской Русью христианства (988 г.) повлекло за собой признание кирилловского алфавита как единственного, одобренного светской и церковной властью¹. Поэтому русские люди учились читать и писать по книгам, написанным на старославянском языке. На этом же языке, с прибавлением некоторых древнерусских элементов, они стали писать церковно-литературные произведения. В дальнейшем старославянские элементы проникают в художественную литературу, в публицистику и даже в государственные акты.

Церковнославянский язык до XVII в. употреблялся у русских в качестве одной из разновидностей русского литературного языка. С XVIII же века, когда русский литературный язык в основном стал строиться на основе живой речи, старославянские элементы стали использоваться в качестве стилистического средства в поэзии и публицистике.

Современный русский литературный язык содержит в себе значительное количество различных элементов старославянского языка,

¹ Есть свидетельства (например, в „Житии Константина“) о существовании каких-то русских букв („русьскыяхъ писмь“) еще до принятия Киевской Русью христианства.

подвергшихся в той или иной мере определенным изменениям в истории развития русского языка.

Старославянские слова в составе русского языка можно отличить по фонетическим, морфологическим и смысловым признакам. Так, среди слов, имеющих фонетические признаки старославянизмов, следует в первую очередь отметить:

1. Слова с отсутствием полногласия: *град* — *город*, *глава* — *голова*, *среда* — *серета*, *привратник*, *вратарь* (ср. *ворота*), *безбрежный* (ср. *берег*), *прохладный* (ср. *холод*) и т. д.

2. Слова с сочетанием *жд*, чередующимся с корневым *д*, причем этому *жд* в русском языке соответствует *ж*: *вождь* (ср. *водить* — *вожу*), *утверждать* — *утверждение* (ср. *утвердить* — *утвержу*), *награждать* — *награждение* (ср. *наградить* — *награжу*), *суждение*, *осужденный* (ср. *судить* — *тужу*), *рождество*, *рождение* (ср. *родить* — *рожу*) и т. д.

3. Слова со звуком *щ* (*š'*), чередующимся с корневым *т*, причем этому *щ* в русском языке соответствует *ч*: *освещение* (ср. *осветить* — *освечу*, *свеча*), *возвращаться* (ср. *возвратиться* — *возвращусь*, диалектн.) и т. д.

В русском литературном языке много старославянизмов, легко выделяемых по наличию старославянского суффикса:

-тель: *предатель*, *властитель*, *распорядитель*, *хранитель* и т. д.

-тельн-: *страдательный*, *мучительный*, *растительный*, *поразительный*, *омерзительный* и т. д.

-ствие: *царствие*, *бедствие*, *содействие*, *лицедействие*, *странствие*, *бесчувствие*, *сочувствие* и т. д.

Для смыслового признака старославянских слов характерна их книжность, абстрактность, принадлежность к высокому торжественному стилю, часто используемому в области поэзии. Русские параллели к старославянским словам отличаются простотой смысла. Ср., например, *истина* — *правда*, *чело* — *лоб*, *уста* — *губы*, *втуне* — *напрасно*, *мзда* — *плата*, *сонм* — *сборище*, *одр* — *постель*, *зижду* — *строю*, *вспять* — *назад* и т. д.

Из старославянского языка вошло в русский язык так много слов и употребляются они настолько часто, что некоторые из них, утратив свой книжный оттенок, проникли в разговорный язык, а параллельные им слова исконно русского происхождения вышли из употребления. Например: *сладкий*, *прохладный*, *время*, *плен*, *прозрачный* и т. д.

Все это показывает, насколько органически выросли в русский язык старославянские элементы. Вот почему нельзя основательно изучить современный русский язык, не зная старославянского языка, и вот почему многие явления современной грамматики становятся понятными лишь в свете истории языка. А для изучения истории языка необходимо привлекать факты родственных языков. Об этом

писал еще Ф. Энгельс: „Но ведь «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“¹. Следовательно, изучение старославянского языка необходимо для того, чтобы лучше понять и исторически объяснить грамматические явления современного русского языка. Так, например, без исторического объяснения нельзя понять, почему в род. пад. ед. ч. у существительных мужского рода с основой на твердый согласный встречается два окончания (например, *сахара, дома, воза, но кусок сахару, из дому, с возу упало* и т. д.). Это отчетливо разъясняется при знакомстве с системой склонения существительных в старославянскими древнерусском языках.

Нельзя объяснить выпадение гласных звуков (появление так называемых „беглых гласных“): *сучок — сучка, сон — сна, день — дня, весь — всего* и т. д., не познакомившись с историей изменения так называемых редуцированных гласных звуков [ъ] и [ь], что особенно хорошо засвидетельствовано древнейшими памятниками старославянского языка.

Без знания старославянского языка нельзя объяснить процесса появления полных прилагательных; нельзя понять, почему, например, в русском языке глагол в прошедшем времени имеет родовые окончания; нельзя объяснить наличия различного вида основ в словах среднего рода на *-мя* (например, *семья — семени, время — времени*) и т. д.

Знакомство со старославянским языком дает возможность увидеть, как в языковых фактах отражается развитие мышления, движение от конкретного к абстрактному, т. е. к отражению связей и закономерностей окружающего мира. Так, в древних старославянских памятниках многие слова имеют конкретное значение по сравнению с тем, какое они приобрели позднее. Например, современное слово *понятие* восходит к конкретному действию „брать“ (ср. ст.-слав. ꙗти), слово *соперник* легко расшифровывается ст.-слав. словом ꙗбрь — „противоположный“ и т. д.

Таким образом, сравнение старославянского и русского языков помогает выяснить историю значения слов, помогает глубже, полнее понять наш родной язык.

§ 3. Необходимо отметить, что по отношению к языку кирилло-мефодиевских переводов в науке о языке нет единого названия. Одни лингвисты называют этот язык древнецерковнославянским, другие — древнеболгарским, третьи — старославянским.

Однако термин „древнецерковнославянский язык“ не является достаточно определенным, т. к. церковнославянская письменность велась у разных славянских народов и в более позднее время.

Термин „древнеболгарский язык“ имеет своей задачей обозна-

чить происхождение языка. Этот термин ближе определяет элементы языка кирилло-мефодиевских переводов, указывая на их связь с языком славян, которые стали известны под именем „болгары“. Однако сам по себе термин „древнеболгарский язык“ недостаточно удовлетворителен. Первоначально слово „болгары“ обозначало принадлежность к народу тюркского племени, который пришел в VII в. на восток Балканского полуострова и покорил жившие там славянские племена. Следовательно, в IX в. на востоке Балканского полуострова болгарами назывались не славяне, а турки. И лишь позднее за славянами болгарского государства утвердилось имя „болгары“. Но и тогда, как и в IX в., это славянское население все еще называлось „словенами“. Такое название держалось за ними как в Болгарии, так и за ее пределами — в Греции и Албании. Язык кирилло-мефодиевских переводов в исторических источниках называют „словенским“.

Более удовлетворительным является термин „старославянский язык“, включающий в себя понятие первого литературного языка славян и указывающий на лингвистическое значение этого языка для изучения истории славянских языков. Однако и он не вполне удачен, т. к. не определяет, к какой именно славянской группе относился этот славянский язык в своей основе.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

§ 4. В 862 или 863 г. моравский князь Ростислав отправил к византийскому императору Михаилу III посольство с просьбой прислать в Моравию² проповедников, которые научили бы мораван христианской вере на их родном языке. По-видимому, эта просьба моравского князя Ростислава была вызвана тем, что он, борясь против латино-немецкого духовенства, являвшегося проводником влияния немецкого императора, хотел получить от Византии политическую и церковную поддержку своей власти. В Византии благосклонно отнеслись к этой просьбе, т. к. это открывало перспективу для распространения и укрепления влияния Византии на западе, в областях Моравского княжества. Было решено отправить в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата-грека Константин и Мефодий. Первый из них, посвятивший себя церковной деятельности, был известен своей ученостью и миссионерской деятельностью. Его имя в источниках обычно употребляется с эпитетом „философ“. Мефодий был некоторое время правителем одной из славянских областей. Оба они были уроженцы гор. Солуны (Фессалоники), который в то время являлся греческой колонией на славянской территории и был окружен славянскими поселениями.

¹ См. П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, изд. АН СССР, Л., 1930.

² В пределы моравского княжества входили области нынешней Словакии.

Константин и Мефодий хорошо знали язык славян, живших как в самом городе, так и в его окрестностях. Именно об этом, по свидетельству „Жития Мефодия“, сказал византийский император, обращаясь к братьям: „Вы оба — солуняне, а солуняне все хорошо говорят по-славянски“ (кы во юста селунянина да селуняне кыи чисто словѣныкы вѣстѣдоуютъ).

По сообщению „Житий“ Константина и Мефодия, Константин еще до отъезда в Моравию составил славянскую азбуку и начал переводить евангелие на славянский язык: „сложи писмена и начатъ вѣстѣдоу писати еуангелскоую“ („Житие Константина“), „и авие оустроикъ писмена и вѣстѣдоу съставль поути сѧ патъ моравьскааго“ („Житие Мефодия“).

Более трех лет провели братья в Моравии, где готовили кадры славянских „книжных людей“, будущих служителей церкви, и переводили на славянский язык греческие богослужебные книги. С первых же дней славянский язык в письменности и церковном ритуале был встречен враждебно со стороны немецкого духовенства, видевшего в деятельности Константина и Мефодия большую опасность для себя. Чтобы получить поддержку в своей деятельности, Константин и Мефодий с группой своих учеников отправились в Рим к папе. По пути из Моравии в Рим они остановились в Паннонии¹, славянском княжестве, населенном предками нынешних словенцев. Там они были радушно встречены князем Коцелом, который дал им для обучения славянской письменности около 50 учеников.

В Риме Константина и Мефодия принял папа Адриан II, который, стремясь укрепить свое влияние в Моравии и Паннонии, признал славянский язык в письменности и литургии. Там Константин заболел и умер в 869 г., постригшись незадолго до смерти в монахи под именем Кирилла. После смерти Константина Мефодий с учениками возвратился вначале в Паннонию. В Моравии в это время на престол вступил Святополк, племянник Ростислава, изменивший политическую ориентацию на латино-немецкую. С целью утверждения своего влияния в Моравии и Паннонии папа Адриан II основал для этих областей особую славянскую епископию, и Мефодий был назначен епископом Паннонии. Но вскоре он попал в руки немецких епископов, которые заключили его в тюрьму в Баварии, где он находился более двух лет. В Моравии за это время произошли изменения. После восстания против франков Святополк стал независимым правителем Моравии. Мефодий вернулся в Моравию. Но Святополк, все больше подчиняясь немецкому влиянию, не был сторонником славянской письменности. Поэтому деятельность Мефодия и его учеников проходила в крайне тяжелых условиях.

В 885 г. Мефодий умер. После его смерти противники славянской письменности добились у папы Стефана V запрещения

славянского языка в церковной литургии. Ученики Мефодия были изгнаны из Моравии. Покинув ее пределы, одни из них направились на юг, к хорватам, а другие — на юго-восток, в Болгарию, где они и продолжали дело славянской письменности.

Особенно благоприятные условия для славянской письменности создавались в Болгарии. Наиболее талантливым учеником Мефодия был Климент, деятельность которого протекала в Македонии и юго-восточной Албании. В Македонии он и его ученики переписывают кирилло-мефодиевские оригиналы богослужебных книг и делают новые переводы с греческого языка.

Расцвет старославянской письменности падает на время правления царя Симеона (893—927), когда центр Болгарии Преслав становится не только государственным центром, но и центром славянской письменности на востоке Болгарии. Преславские книжники пользовались тем же языком, каким писали и в Македонии, но в их рукописях отступления от прежних языковых книжных норм отражались более значительно, чем на западе, в Македонии.

В Моравии и Чехии после изгнания учеников Мефодия славянская письменность продолжалась до конца XI в., когда в чешском Сазавском монастыре, где она еще сохранялась, славянские книги были или уничтожены сторонниками латинского письма, или так испорчены, что по ним больше нельзя было читать.

О НАРОДНО-ЯЗЫКОВОЙ ОСНОВЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 5. Старославянский язык — язык литературный и поэтому в известной степени язык искусственный. Однако это не освобождает нас от необходимости разрешения вопроса о том, какой язык лег в основу старославянского языка, в основу кирилло-мефодиевских переводов богослужебных книг.

Этот вопрос интересовал ученых-славистов уже в самую раннюю пору разработки славяноведения.

Во второй половине IX в., т. е. когда Константин работал над составлением славянской азбуки и вместе с Мефодием занимался переводами греческих богослужебных книг на славянский язык, славянские языки хотя и были ближе друг к другу, нежели теперь, тем не менее были уже дифференцированными языками с достаточно отчетливо выраженными, присущими отдельным из них, признаками.

Славянские языки являются одной из ветвей так называемой индоевропейской семьи языков. Все они делятся на три группы: южную, западную и восточную.

В южнославянскую группу входят болгарский, сербохорватский, словенский языки и недавно выделившийся как самостоятельный македонский язык. В западнославянскую группу — чешский, словацкий, польский, кашубский, лужицкий (серболужицкий) и полабский языки. В восточнославянскую — русский, белорусский и украинский языки.

¹ Территория Паннонии находилась между верхним Дунаем, Дравой и Муром.

Данная группировка славянских языков имеет под собой лингвистические основания. Так, при сопоставлении славянских языков друг с другом в их настоящем состоянии, а также в их истории, можно заметить, что в отношении ряда черт некоторые славянские языки будут объединяться друг с другом, отличаясь в то же время от других. Это и позволяет выделить (объединить) их в отдельные группы.

Какое же место занимает старославянский язык среди перечисленных выше славянских языков? Сопоставление старославянского языка с другими языками показывает, что он в отношении ряда языковых черт объединяется с языками южно- и восточнославянской групп, в отношении других — с южно- и западнославянскими языками, в отношении третьих — с южнославянскими языками.

1. В старославянском языке представлены сочетания [cv] чк и [zv] < [d̥z'v] зк перед [ě] < [oj] 'к (например, чкѣтъ, зкѣзда).

Подобные сочетания перед [ě] или его заместителями представлены в южно- и восточнославянской группах: словен. svetje, zvezda; сербохорв. sveće, zvezda; болгар. *цвят, звезда*; рус. *цвет, звезда*.

В языках западнославянской группы в данном случае будут представлены группы [kv] и [gv]: пол. kwiat, gwiazda; чеш. květ, hvězda; словац. kvet, hviezda.

2. В старославянском языке, так же как и в языках южных и восточных славян, в определенных категориях слов представлен согласный [l] л, в то время как в языках западнославянской группы употребляют сочетания [tl] и [dl]: ст.-слав. молитка, рало; сербохорв. molitva, ralo; словен. molitev, ralo; рус. *молитва, рало*; болгар. *молитва, рало*.

Ср. пол. modlitwa, radlo; чеш. modlitva, rádló; словац. modlitva, radlo.

3. Старославянский язык объединяется с языками южно- и восточнославянской групп в отношении употребления в середине слова сочетания губного согласного с последующим [l]: ст.-слав. земля, локма; сербохорв. zemlja; словен. zemlja, lovljenje, kupljen; рус. *земля, ловля, купленный*.

Ср. пол. ziemia; чеш. země, koupě; словац. zem, lovenie, kúpa.

4. В отношении одной черты старославянский язык объединяется только с южно- и западнославянскими языками: употребление начального сочетания [je] в соответствии с гласным [o], характерным для восточнославянских языков: ст.-слав. ѣдинъ, ѣзеро; серб. jedan, jezero, jelen, jesen; словен. eden, jezero, jelen, jesen; бол. *един, езеро, елен, есен*; пол. jeden, jezioro, jelen, jesień; чеш. jeden, jezero, jelen; словац. jeden, jelen, jeseň.

Ср. рус. *один, озеро, олень, осень*.

5. В старославянском языке, так же как и в языках южнославянской группы, в начале слова всегда будет представлено сочетание [ra-] ра- и [la-] ла-. Например: раетъ, рало, рабынъ, лакътъ, ладни, лакоми.

Ср. серб. rast (uzrast), ralo, ravan, lakat, ladja, lakomac; словен. rast, ralo, raven, laket, ladja, lakom(en); болгар. *растеж (възраст), рало, равен, лакът, лаком*.

Что касается западно- и восточнославянских языков, то в соответствии со старославянским [ra-] и [la-] в начале слова там употребляются или те же сочетания, или сочетания [ro-], [lo-]. Например: пол. wzrost, radło, równy, łokieć, łódź, łakomy; чеш. rádló, rovný, loket, lod'ka, lakomý; словац. vzrast, radlo, rovný, laket', lod'ka, lakomý; рус. *рало, ровный, локоть, лакомый*.

6. Как и в южнославянских языках, в старославянском языке употреблялись неполногласные сочетания между согласными: [-ra-]-ра-, [-rě-]-рѣ-, [-la-]-ла-, [-lě-]-лѣ-. Например: ст.-слав. градъ, вѣтъкъ, глаба, млѣко; сербохорв. grad, brežuljak („холм“), glava, mleko; словен. grad („замок“), breg, glava, mleko; болгар. *град, бряг, глава, мялко*.

Ср. с восточно- и западнославянскими языками (кроме чешского и словацкого): рус. *город, берег, голова, молоко*; пол. gród, brzeg, głowa, mleko.

7. В старославянском языке на положении слоговых элементов могли выступать плавные [r] и [l]: плавнъ [rпъ], прыкъ [rгъ], тръкъ [trгъ].

Ср. сербохорв. pun, prvi, trg; словен. poln, prvi, trg; рус. *полный, первый, торг*; пол. pełny, pierwszy, targ; чеш. plný, prvý, trh; словац. plný, prvý, trh.

На основании указанного выше видно, что старославянский язык ближе всего к языкам южнославянской группы. Какой же из языков южнославянской группы лег в основу старославянского языка?

Одной из особенностей старославянского языка является наличие в нем сложных согласных [št'] и [žd'] шт и жд. Например: *кѣшта, межда*.

Ср. болгар. *свещ, межда*; сербохорв. sveća, medja; словен. sveča, meja.

Сравнение показывает, что в отношении этой черты старославянский язык объединяется с болгарским языком. Он объединяется с ним и в отношении ряда других черт. Так, в старославянском языке был звук [ě], который обозначался буквой ѣ и произносился как широкое открытое [e], т. е. [ä]. Обследование македонских говоров болгарского языка (в районе г. Фессалоники) показало, что там в конце XIX в. звук [ě] произносился как широкое открытое [e].

В старославянском языке употреблялась аффриката [d̥z']. Для ее обозначения в азбуке существовала особая буква — з „зѣло“. В македонских говорах болгарского языка в конце XIX в. эта аффриката также существовала. Таким образом, все это говорит о том, что старославянский язык был ближе всего к болгарскому языку.

В настоящее время вопрос о народно-языковой основе старославянского языка решается следующим образом: языковой осно-

вой старославянского языка являются македонские говоры болгарского языка, т. е. говоры тех славян, которые во второй половине IX в. жили вокруг г. Солуня.

Не расходится ли этот вывод с историческими фактами?

§ 6. Исторические источники говорят, что Константин составил азбуку и вместе с Мефодием приступил к переводу богослужебных книг еще до того, как они отправились в Моравию. Константин и Мефодий были уроженцы г. Фессалоники (Солуня), который в то время представлял собой греческую колонию, населенную и окруженную славянским населением, говорившим на македонском наречии. Как уроженцы этого города, Константин и Мефодий хорошо знали язык славян, живших как в самом городе, так и в его окрестностях. Поэтому при составлении славянской азбуки Константин и взял за основу македонские говоры. В ту пору различие между отдельными славянскими языками не ощущалось так сильно, как в настоящее время. Язык жителей Моравии мог отличаться от языка жителей г. Фессалоники только некоторыми чертами, которые не имели существенного значения.

То, что в основу старославянского языка легли македонские говоры болгарского языка, подтверждается также следующим: в старославянских памятниках встречается слово *сѣбота* (ср. рус. *суббота*). Это слово было заимствовано из греческого языка. Однако в литературном греческом языке это слово звучало как *sabbaton* (σαββατον). В греческих говорах оно произносилось как *sambaton* (σαμβατον). Следовательно, в старославянский язык это слово попало из живой народной речи. А это могло быть только там, где происходило непосредственное общение славян с греками, что вновь указывает на район г. Фессалоники.

Таким образом, в основу старославянского языка положены македонские говоры болгарского языка второй половины IX века.

Однако к этой точке зрения по вопросу о народно-языковой основе старославянского языка ученые пришли не сразу.

§ 7. Крупнейший славянский ученый (чех) И. Добровский, выступив против положения о том, что старославянский язык был родоначальником всех славянских языков, считал, что в основу этого языка лег древнесербский язык. Русский филолог А. Х. Востоков разделял взгляд И. Добровского на то, что старославянский язык не является родоначальником всех остальных славянских языков, а что он, напротив, был наречием только одного какого-то племени. А. Х. Востоков высказывал предположение, что старославянский язык тождествен древнеболгарскому. К такому выводу привело его внимательное изучение Фрейзингенских отрывков.

Против взгляда И. Добровского о древнесербской основе старославянского языка выступил словенец В. Копитар, который стал оспаривать у сербского языка его права на ближайшее родство со старославянским языком в пользу своего родного словенского языка. В. Копитар явился основателем так называемой паннонской теории, согласно которой в основе старославянского языка лежат

не македонские говоры болгарского языка, а язык жителей Паннонии второй половины IX в., т. е. словенский язык.

При доказательстве своей теории В. Копитар исходил из следующего:

1. Из соображений исторического характера. Братья Константин и Мефодий находились какой-то период времени в Паннонии, и, следовательно, Паннония представляет собой область, на которую распространилась деятельность Константина и Мефодия.

2. Из лингвистических соображений. Изучая язык старославянских памятников, В. Копитар установил, что в старославянских памятниках есть много слов, относящихся к церковной терминологии, которая по своему происхождению представляет заимствования либо из латинского, либо из немецкого языка. Например: *оцѣтъ* — лат. *acetum*, *оцѣтарь* — лат. *altare*, *погѣтъ* — др.-нем. *fasta*, *попѣ* — др.-нем. *pfaffe*, *цѣсарь* — др.-нем. *kaizer* и т. д. Указывая на слова подобного рода, В. Копитар считал, что они могли принадлежать такому славянскому языку, носители которого жили поблизости от областей с латино-немецкой культурой. А ближе всего территориально к областям с латино-немецкой культурой находилась Паннония. Сторонником паннонской теории был и ученик В. Копитара Ф. Миклошич, который прежде всего старался доказать, что язык древнеславянских памятников не являлся языком болгарским. Понятно, почему так поступал Ф. Миклошич: если удалось бы доказать, что старославянский язык не является болгарским, то, следовательно, в его основу положен словенский язык, ибо чешское происхождение старославянского языка никогда не приписывалось. В пользу паннонской теории Ф. Миклошич выдвинул следующие аргументы:

1. В старославянском языке наметился в ряде случаев переход редуцированных звуков [ъ] и [ь] в гласные полного образования: [ъ] > [o], [ь] > [e], тогда как в болгарском языке [ъ] и [ь] слились в один глухой звук [ъ].

2. В старославянском языке были носовые гласные звуки [õ] и [ẽ] (которые обозначались как ж и љ), а в болгарском языке этих звуков нет.

3. Одной из характерных особенностей старославянского языка является наличие в нем сложных согласных [št̃] и [žd̃], тогда как в македонских говорах болгарского языка эти сложные согласные отсутствуют и вместо них представлены [k'] или [č] и [g'] или [d].

Одновременно с этим Ф. Миклошич приписывал наличие носовых звуков и сложных согласных [št̃] и [žd̃] словенскому языку времен Константина и Мефодия. Это свое мнение он основывал на том, что в венгерском языке эти звуки имеются лишь в заимствованных из славянского языка словах: *galamb* (ст.-слав. *голъбъ*), *rend* (ст.-слав. *рѣдъ*), *pentek* (ст.-слав. *пѣтъкъ*), *Pest* (произносится *pešt* в названии „Будапешт“, ст.-слав. *пѣштъ*), *rozda* (произносится *rožda*, ст.-слав. *рождѣ*) и т. д. Эти слова, по мнению Ф. Микло-

щича, могли попасть в венгерский язык только из такого славянского языка, который могли слышать венгры, общаясь с населением, говорившим на этом языке. А соседствующими с венграми славянами были словенцы.

К точке зрения В. Копитара и Ф. Миклошича присоединился П. И. Шафарик, который первоначально придерживался болгаро-македонской теории. П. И. Шафарик, став сторонником паннонской теории, присоединил в ее пользу следующие положения: в наиболее древних старославянских памятниках (следовательно, отражавших, по его мнению, наиболее близко паннонское наречие) имеется ряд слов, которые в настоящее время встречаются только в словенском языке, а также в чешском и хорватском языках, заимствовавших эти слова из языка потомков словенцев, бежавших от венгров при их нашествии. К числу таких слов он относит, например, *локка* (дождь), *рѣиота* (истина), *ашоуть* (напрасно), *валии* (врач), *вратрз* (брат), *влизика* (родственник), *отокз* (остров), *отзлѣкз* (остаток), *натроути* (наполнить) и т. д. По мнению П. И. Шафарика, язык, в состав которого входили перечисленные и подобные им слова, мог принадлежать населению, жившему на западе славянской языковой территории. А таким населением являлось население Паннонии.

Все эти положения сторонников паннонской теории могли бы иметь решающее значение, если бы им удалось ответить еще на один вопрос чисто исторического характера, а именно: как было возможно Константину и Мефодию, начавшим переводы с греческого еще в Византии и затем жившим около трех лет среди моравян, воспользоваться для перевода с греческого языка языком словенцев, среди которых они оказались значительно позднее? Это возражение было снято немецким историком Дюммлером, по мнению которого во времена Константина и Мефодия не только Паннония, но и весь левый берег Дуная были заселены словенцами, а нынешнее чехо-моравское население пришло сюда значительно позднее. Оказывалось, таким образом, что братья переводили богослужбные книги не для моравян, а для словенцев. Ф. Миклошич, ссылаясь на авторитет Дюммлера, заявлял, что в IX в. словенцы жили не только на правом, но и на левом берегу Дуная.

Однако со временем паннонская теория начала подвергаться критике, и дальнейшие исследования показали ее несостоятельность. Особенно большое значение в этом отношении имела работа словенца В. Облака, вышедшая в 1896 г. и посвященная исследованию македонских диалектов, в которой он установил:

1. В современных болгарских диалектах, расположенных территориально в Македонии вокруг г. Фессалоники, и поныне наблюдается переход сильных [ъ] в [о], [ь] в [е], как это свойственно было и старославянскому языку, тогда как в словенском языке [ъ] и [ь] совпали или в [е] или в [а]. Например, болг.-македон.: *сон*, *ден*, в словенском языке в одних говорах *sen*, *den*, в других *san*, *dan*.

2. Наличие говора (около местечка Сухо), где сохраняются следы носовых звуков *gnb* (ст.-слав. гъва), *znp* (ст.-слав. зъвз).

3. Наличие говора, где произносятся [št] и [žd] в соответствии со старославянскими [št] шт и [žd] жд.

Таким образом, на основании материала, данного в исследовании Облака, аргументы, выдвинутые Миклошичем, оказались несостоятельными.

Несостоятельными оказались и утверждения немецкого историка Дюммлера.

С другой стороны, тот факт, что в старославянском языке были слова латино-немецкого происхождения, отнюдь не исключает того, что в его основе лежат македонские говоры болгарского языка. Старославянский язык — это язык литературный, а в любом литературном языке всегда есть заимствования из других языков.

В настоящее время общепризнанным является положение о том, что в основу старославянского языка легли македонские говоры болгарского языка.

Согласно данным „Жития Константина“ известно, что перед отъездом в Моравию он уже сделал перевод евангельских чтений. Это говорит о том, что язык перевода мог быть лишь языком солунских славян, живших около г. Фессалоники, но никак не языком моравских или паннонских славян, на территории которых Константин и Мефодий оказались значительно позднее.

СЛАВЯНСКИЕ АЗБУКИ

§ 8. Древнейшие дошедшие до нас старославянские памятники написаны двумя азбуками — глаголицей и кириллицей.

Кириллица в дальнейшем легла в основу русской, украинской, белорусской, македонской, болгарской и сербской азбук. Глаголица вышла из употребления и сохранилась только в Хорватии в церковном обиходе (до XVII в. она употреблялась там и для светских целей).

Каждая буква в обеих азбуках имела свое название. Некоторые буквы употреблялись также в числовом значении. Сопоставление обеих азбук показывает, что, за незначительным исключением, буквы их непохожи друг на друга (см. азбуку на стр. 18—19).

§ 9. Вопрос о возникновении этих двух азбук и о их взаимном отношении с давних пор занимал ученых.

Старославянские памятники свидетельствуют о том, что две сильно отличавшиеся друг от друга азбуки существовали уже в глубокой древности.

В „Житии Константина“ говорится о том, что он изобрел лишь одну азбуку, с которой якобы и повелась славянская письменность.

Изобретателем какой же из двух азбук явился Константин?

Выдающийся чешский славяновед И. Добровский считал, что более древней азбукой является кириллица и что именно она была

Глаголическая буква	Цифровое значение	Кириллическая буква	Цифровое значение	Название буквы	Звуковое значение
ⱁ	1	а	1	азъ	a
ⱂ	2	б	—	буукы	b
ⱃ	3	в	2	кѣдѣ	v
ⱄ	4	г	3	глаголи	g
ⱅ	5	д	4	добро	d
ⱆ	6	е	5	иетъ	e
ⱇ	7	ж	—	живѣте	ž ʒ
ⱈ	8	з, с	6	зѣло	dz
ⱉ	9	з	7	земля	z
ⱊ, ⱋ	10	и	10	ижеи	i
ⱌ	20	и ¹	8	иже	i
ⱍ	30	(н)	—	г'еркъ	g'
ⱎ	40	к	20	како	k
ⱏ	50	л	30	людие	m
ⱐ	60	м	40	мыслите	p
ⱑ	70	н	50	нашь	o
ⱒ	80	о	70	онъ	p
ⱓ	90	п	80	покон	r
ⱔ	100	р	100	ръци	s
ⱕ	200	г	200	глоко	t
ⱖ	300	т	300	тѣрьдо	u
ⱗ	400	ѡ	400	оукъ	f
ⱘ	500	Ѣ	500	Ѣрьть	ch
ⱙ	600	х	600	хѣръх	o
ⱚ	700	w	800	отъ	ŝt
ⱛ	800	щ	—	ща (шта)	c
ⱜ	900	ц	900	ци	č
ⱝ	1000	ч	90	чрькъ	š
ⱞ	—	ш	—	ша	ʒ
ⱟ	—	х	—	иеръ	ʒ
Ⱡ	—	ь	—	иерь	y
ⱡ, Ɫ, Ᵽ, Ɽ	—	zi, xi (zi)	—	иеры	
ⱥ	—	ѣ	—	ѣть (ять)	ě
ⱦ	—	ю	—	ю	ju
Ⱨ	—	я	—	—	ja
—	—	ю	—	—	je

¹ По техническим причинам буква „иже“ передается знаком и.

Продолжение

Глаголическая буква	Цифровое значение	Кириллическая буква	Цифровое значение	Название буквы	Звуковое значение
Є	—	а, а, ▲	900	юс малый	ę
ЄЄ	—	ж	—	юс большой	o
ЄЄЄ	—	ѡ	—	юс малый йотованный	je
ЄЄЄЄ	—	ѡ	—	юс большой йотованный	jo
—	—	ѡ	60	кси	ks
—	—	ѡ	700	пси	ps
Ѣ	800	а, д	9	дита	f
Ѣ	—	у, у	400	ижица	i, v

составлена Константином. Что касается глаголицы, то, по его мнению, она возникла около XIV в. в Хорватии (Далмации). Ее возникновение он объяснял так: римская церковь в областях, которые входили в ее подчинение, преследовала все, что свидетельствовало о связи с Византией, т. е. с греческой церковью. А так как кириллица, основанная на греческом письме, явно говорила об этой связи с Византией, то она была заменена глаголицей с целью сохранить богослужение на славянском языке. Такая точка зрения вполне соответствовала материалам, которыми располагала в то время наука для суждения по этому вопросу: глаголические рукописи были известны только хорватского происхождения, и они были не древнее XIV века.

В 1836 г. видный славянский филолог В. Копитар открыл в библиотеке графа Клоца древнюю рукопись, писанную глаголицей. По палеографическим данным она была гораздо древнее тех рукописей, которые были известны И. Добровскому. Это открытие привело к пересмотру прежней точки зрения на происхождение славянских азбук. В. Копитар выдвинул положение о сравнительной древности глаголицы по сравнению с кириллицей.

Дальнейшие открытия в этой области подтвердили точку зрения, выдвинутую В. Копитаром.

Русский ученый В. И. Григорович совершил в 40-х годах XIX в. поездку в ряд монастырей Балканского полуострова. Во время этой поездки им было открыто несколько древних славянских памятников, писанных глаголицей и ранее неизвестных. Это поновому осветило вопрос о происхождении славянских азбук. По мере этих открытий возрастал интерес к глаголическому письму.

Выдающаяся роль здесь принадлежит трудам П. И. Шафарика, посвященным глаголице, где он, пересмотрев свои прежние взгляды на ее происхождение, пришел к выводам о том, что, во-первых,

глаголица древнее кириллицы, во-вторых, именно глаголица была изобретена Константином, в-третьих, кириллица была изобретена учениками Константина и Мефодия.

О большей древности глаголицы говорит следующее:

1. Глаголица беднее по количеству букв, и, следовательно, кириллица является более совершенной азбукой.

2. Древнейшие в языковом отношении памятники написаны глаголицей (например, Киевские листки, Зографское и Мариинское евангелия).

3. Имеется много рукописей, написанных кириллицей на пергаменте со смытой глаголицей, но нет рукописей, написанных глаголицей по смытой кириллице.

Само название „кириллица“ не может еще указывать на принадлежность этой азбуки Константину-Кириллу. Первоначально это название, по-видимому, применялось по отношению к другой азбуке, к глаголице. Так, в списке „Книги пророков“, скопированном в 1499 г. в Новгороде, повторена запись оригинала 1047 г., сделанная переписчиком рукописи попом Упырем Лихим. В этой записи указано, что рукопись была списана „ис коуриловиць“, иначе говоря, с письма, имевшего иной вид и называвшегося „куриловица“ (т. е. кириллица). Это дает основание предполагать, что оригинал, с которого переписывал поп Упырь Лихой, по-видимому, был написан глаголицей, которая первоначально называлась кириллицей. Позднее же название „кириллица“ было перенесено на другую азбуку. Это подтверждается также и тем, что в списке попа Упыря, написанном кириллицей, кое-где попадаются глаголические буквы.

На списывание многих кириллических рукописей с глаголического текста указывает и то, что в кириллический текст нередко вносились отдельные слова, а иногда и целые строчки из глаголического оригинала. Правда, в глаголических рукописях также можно встретить слова, написанные кириллицей, но они не одновременны с глаголическим написанием, а позднейшего происхождения и представляют собой различные пометки практического содержания. В настоящее время почти всеми учеными принята та точка зрения, что глаголица древнее кириллицы, и именно она была составлена Константином, кириллица же появилась позднее.

Палеографический анализ кириллицы также указывает на то, что эта азбука не была составлена Константином в IX в.: греческий унциал, который положен в основу кириллицы, относится к X в. На это указывают полуовалы, заостренность и вертикальность букв кириллицы.

В пользу старшинства глаголицы свидетельствуют и языковые черты глаголических памятников: в глаголице не было букв, которые бы соответствовали греческим ξ, ψ. В них не было надобности, так как в славянской фонетической системе IX в. отсутствовали сочетания [ks] и [ps]. Наличие в кириллице букв ѡ и ѱ и передача ими сочетаний [ks] и [ps] говорит о том, что кириллическая азбука

составлялась уже тогда, когда эти сочетания были не совсем чужды славянской фонетической системе, что свидетельствует о более позднем состоянии этой системы сравнительно с той, для которой составлялась глаголица.

Области распространения глаголицы также подтверждают ее старшинство. Киевские листки и Пражские отрывки свидетельствуют о том, что в Моравии применялась глаголица, а не кириллица. В западных областях Болгарии (в Македонии), где протекала деятельность учеников Константина и Мефодия, письменность была также глаголическая.

Когда и где возникла кириллица? Она возникла в восточной Болгарии в период правления царя Симеона (893—927), т. е. тогда, когда там уже давно была принята христианская религия, но богослужение совершалось греческими священниками на греческом языке. Царь Симеон хотел противопоставить Византии не только мощь государственную, но и мощь культурную. Поэтому для ограждения самостоятельности болгарской культуры от излишних посягательств Византии необходимо было ввести богослужение на славянском языке. Но греческие священники с трудом усваивали глаголическую азбуку. Поэтому нужно было пойти на компромиссное решение: заменить глаголицу другой азбукой, сходной с греческой. Предполагают, что по образцу греческого алфавита эту новую славянскую азбуку сложил ученик Мефодия пресвитер Константин. Позднее славянские книжники стали отождествлять пресвитера Константина с первоучителем Константином-Кириллом, а изобретенная им азбука стала называться по имени второго — кириллицей.

Что же послужило прототипом для глаголицы и кириллицы?

§ 10. Мнения ученых по вопросу о происхождении глаголицы весьма противоречивы. Форма ее букв настолько своеобразна, что сближение ее со всеми известными алфавитами терпело неудачу и не всегда могло быть признано удовлетворительным.

Так, некоторые ученые считали ее полностью самостоятельным изобретением Константина-Кирилла. П. И. Шафарик указывал на сходство некоторых букв глаголицы с сирийскими буквами восточных алфавитов. Русский языковед В. И. Григорович выводил глаголицу из арабских писем. Чешский лингвист Л. Гейтлер пытался доказать, что глаголица возникла на основе албанского письма. Некоторые ученые сближали глаголицу с готским руническим письмом и т. д.

В 80-х годах XIX в. английский палеограф И. Тейлор попытался объяснить происхождение всех букв глаголической азбуки из греческого минускульного письма. Эта мысль И. Тейлора о происхождении глаголицы была поддержана профессором Казанского университета Д. Ф. Беляевым и академиком И. В. Ягичем, которые во всех буквах глаголицы видели греческий источник — буквы минускульного письма или их комбинацию.

Несомненно, между отдельными буквами глаголицы и греческими минускулами существует большое сходство. Например:

глаголическая буква	греческий минускул	кириллическая буква
Ѡ	Ϝ	Г
ѡ	Ϟ	Д
Ѣ	Ϡ	А
Ѥ	Ϣ	П
Ѧ	Ϥ, ϥ	Т
Ѩ	ϣ	Н и т. д.

Как показывают приведенные примеры, буквы глаголицы в сравнении с греческими минускулами характеризует более петлеобразный рисунок. Учитывая эту стилистическую черту глаголицы, становится ясным происхождение ряда глаголических букв. Так, почти все буквы глаголицы, обозначающие такие же звуки в славянской фонетической системе, какие были в греческом языке, более или менее сходны с соответствующими буквами греческого минускульного письма.

В зависимости от греческой азбуки и в глаголице были две буквы для [i]: Ѣ и Ѥ. Третья буква для [i] в глаголице Ѧ была введена в употребление позднее и представляет собой видоизменение Ѥ. На то, что первоначально буква Ѧ в глаголице отсутствовала, указывает и то, что она не имела цифрового значения.

В подражание греческой азбуке в глаголице употребляются две буквы для передачи звука [o]. По греческому образцу для передачи звука [u] в глаголице также употребляется соединение двух букв Ѡ и ѡ: Ѡѡ, что представляет собой упрощение сочетания двух букв Ѡ и ѡ, как это сочетание еще заметно в написаниях Киевских листков.

Но откуда были взяты буквы глаголицы, обозначающие звуки, имевшиеся в славянской фонетической системе, но отсутствовавшие в греческом языке, например для передачи звуков: [š], [št], [ě], [o], [e], [č], [c], [dž], [b], [ž], [ь], [ъ], [y], [ʹu]?

По вопросу о происхождении глаголических букв для данных славянских звуков нет единого мнения.

Некоторые ученые пытались объяснить происхождение некоторых из них как результат заимствования их из других алфавитов (еврейско-самаритянского письма, коптского письма и других восточных алфавитов). Так, например, Ф. Ф. Фортунатов¹ предполагал, что глаголица в основном была связана с греческими минускулами, но некоторые ее буквы были составлены по образцу коптского письма: ш из коптской Ш („шеи“); ѡ из коптской Ѱ

¹ См. Ф. Ф. Фортунатов, О происхождении глаголицы, ИРЯС, 1913, кн. 4, стр. 221—256, XVIII, а также „Отчет отделения русского языка и словесности Академии наук“, 1913.

(„джанджа“); ѡ (χ) из коптской буквы „хеи“; в первой части букв Ѡ (Ϝ) и ѡѡ (ϞϢ), по его мнению, отражается нижеегипетский курсивный i.

И. Тейлор указал на возможность происхождения глаголических букв для славянских звуков из греческого источника, а именно, как на комбинацию (лигатуры) букв минускульного письма.

С мнением И. Тейлора были согласны Д. Ф. Беляев и И. В. Ягич, но все же оно не было общепризнанным. В последнее время некоторые исследователи, подкрепляя свои выводы археологическими открытиями, пытаются отвергнуть изложенные выше гипотезы о самостоятельном изобретении глаголицы Константином-Кириллом и о заимствовании отдельных глаголических букв из других, главным образом восточных алфавитов. Дело в том, что, по свидетельству историков, у славян еще до принятия христианства была уже письменность. Как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам, самобытная славянская письменность имела культовое значение. Однако дохристианская славянская письменность не дошла до нас, т. к. после принятия славянами христианства беспощадно уничтожалось все то, что имело какое-либо отношение к языческому культу.

Кроме того, в житии Константина-Кирилла указывается, что Константин-философ по пути к хозарам, жившим в Приазовье, куда он был отправлен византийским императором как глава посольства, нашел в Херсонесе евангелие и псалтырь, писанные роушьскими (рогьски) писменами, т. е. русскими буквами, а также встретил там человека, знающего этот язык, и быстро научился читать и говорить на этом языке. Следовательно, Константин и Мефодий в переводах с греческого языка на славянский язык богослужебной литературы не были новаторами. Поэтому не исключена возможность, как думают некоторые исследователи, что частичным источником глаголицы могла быть и самобытная славянская письменность.

Представляет интерес статья черноризца Храбра „О письменех“, написанная не позднее начала X в., в которой имеется указание на то, что славяне, будучи язычниками, „чрѣтами и рѣзми чѣтѣхъ и гатаахъ погани сѣще“. По принятии христианства славяне, бывшие в сфере воздействия римской культуры, пользовались латинскими буквами, а славяне юго-восточных областей, находившихся в сфере влияния Византии, — греческими. Но такое применение латинского и греческого письма было лишено системы. Кроме того, латинскими или греческими буквами нельзя было передать многих славянских звуков. Только Константин-философ составил славянам полную азбуку из 38 букв, из которых одни соответствовали греческой азбуке, а другие передавали только славянские звуки: „сѣтвори имѣ .л. писмена и оумь, шка оубо по чиноу грѣчьскыхъ писменъ, шка же по словѣнѣстѣи рѣчи“.

§ 11. Происхождение кириллицы не вызывает сомнения: ее источником явилось греческое унциальное письмо торжественных

книг. Что касается передачи славянских звуков, то кириллица следует здесь за глаголицей, изменяя ее буквы для славянских звуков так, чтобы придать им геометрические формы в стиле прочих букв. Так, например, кириллические ж и л представляют собой угловатую перелицовку глаголических букв ѿ, ѿѿ, повернутых вправо на 90°.

На связь кириллицы с греческим алфавитом указывает также и то, что в кириллице в цифровом значении выступают только те буквы, которые взяты из греческого алфавита, при этом кириллическая буква обозначает ту же самую цифру, что и соответствующая греческая буква.

Необходимо отметить, что кириллическая азбука в том виде, как она приведена выше (см. стр. 18—19), представляет собой результат более позднего усовершенствования. Так, например, в нее введены многие йотованные буквы, которых не было первоначально.

Алфавитно-буквенный состав кириллицы довольно точно соответствует звуковому составу старославянского языка, передавая своеобразие славянской звуковой системы.

Именно это явилось причиной того, что она до сих пор лежит в основе многих алфавитов славянских народов, и именно это позволило известному французскому языковеду А. Мейе назвать кириллицу шедевром среди других известных алфавитов.

§ 12. Как указывалось выше, буквы глаголицы и кириллицы могли иметь числовое значение, т. е. употреблялись в значении цифр. Над буквой, употреблявшейся в значении цифры, ставился знак ѿ, а по бокам писались точки: ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥ и т. д.

Сопоставление глаголицы и кириллицы (см. стр. 16—17) показывает, что в этих азбуках имеет место расхождение в числовом значении букв. Это объясняется тем, что в глаголической азбуке в значении цифры могли выступать и те буквы, которым не было соответствия в греческом алфавите, а в кириллической азбуке в значении цифры выступали только те буквы, которые соответствовали греческому алфавиту.

Для передачи чисел от 11 до 19 включительно употреблялись сочетания показателей единицы с последующим i-десятеричным, при этом единицы писались обычно впереди десятка:

$$\cdot \bar{\text{ѿ}} \cdot \hat{\text{ѿ}} \cdot - \cdot \bar{\text{ѿ}} \cdot \hat{\text{ѿ}} \cdot = 12.$$

Цифры сверх 20 передавались так: вначале ставились десятки, а потом единицы: ѿ̣ ѿ̣ · — · ѿ̣ ѿ̣ = 47; ѿ̣ ѿ̣ · — · ѿ̣ ѿ̣ = 33. Тысячи обозначались буквами, передающими единицы, но только перед ними ставился значок ѿ: ѿ̣ = 1, а ѿ̣ ѿ̣ = 1000; ѿ̣ = 2, а ѿ̣ ѿ̣ = 2000 и т. д.

§ 13. В обеих азбуках употреблялись надстрочные знаки, так называемые диакритические знаки и титла. Для правильного понимания старославянских текстов необходимо знать их значение. Важнейшими из них являлись следующие:

1. Над начальным гласным, а иногда и над другими гласными ставились значки ' и '̣: и̣ принесе гла҃ж̣ ѿго на влюдѣ; ꙗко не ѿмѣша земля многы ѿ авие прозавоша. Однако эти значки в старославянском языке значения не имели и ставились в подражание греческому тексту, где они обозначали придыхание разного вида.

2. Для обозначения мягкости согласных употреблялись значки ' и ~: зан'е, земля'ѣ, глагола, кз немоу. Мягкость согласных могла передаваться также с помощью употребления йотованной буквы после мягкого согласного: земля, кола, глагола и т. д.

3. При пропуске редуцированных гласных х или ь писцы также иногда употребляют значок '̣, '̣, который называют паерком: к'то, в'сего, ч'то, д'ка (вместо кзто, кзсего, чьто, дзка).

4. Если слова передавались на письме в сокращенном виде, то по греческому образцу над ними писали титла, вид которых не был одинаковым: ѿ, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣. Под титлами писались обычно часто встречающиеся в речи слова: оца̣ (отца), бж̣ (богъ), гь̣ (господь), гла҃ште̣ (глаголште), црь̣ (царь), вж̣е̣ (воже), члч̣е̣ вжи̣ (члокчче вжи), стьнх̣ (скатынх) и т. д.

Во избежание ошибки при чтении некоторых сокращенных слов писцы ставили над сокращенным словом одну из пропущенных букв: ѿ̣ (выгъ), кз оно̣ (кз оно крѣма), мц̣ь (мѣлаць), гла̣ (глаба).

Кроме того, как указывалось выше, титла ставились над буквой, употребленной в значении цифры.

Старославянское письмо является слитным, без отделения слов друг от друга, с довольно редким употреблением знаков препинания и заглавных букв.

Из знаков препинания чаще всего употребляется точка, которая обычно делит предложения на части и ставится не внизу строчки, а выше, над строчкой: рече емоу ѿ̣ аминь гла҃ж̣ теѣвѣ ꙗко кз снж̣ ношть прѣжде: даже коурх̣ не кззглаголѣтъ · три крѣты отхрѣжешѣ са мене (Зогр. ев., Мф. XXVI, 34).

Для указания на конец предложения или главы употребляли комбинацию точек и черточек: :, ::, · · · ·, · · · ·, · · · ·, ::, :—, ѿ̣ и т. д.

§ 14. Сопоставление двух старославянских азбук помогает выявить черты сходства и различия между глаголицей и кириллицей.

Так, основными чертами сходства в общей системе глаголицы и кириллицы являлись следующие:

1. В обеих азбуках существовало две буквы для передачи звука [i] (третья глаголическая буква ѿ представляла собой модификацию буквы ѿ̣). Наличие двух букв для передачи одного славянского звука [i] было вызвано влиянием греческого письма.

2. Две буквы для передачи славянского звука [o], что также объясняется влиянием греческого алфавита, в котором наличие

двух букв „о“ было вызвано существованием разных по количеству гласных: долгого гласного [ō] (передававшегося буквой ѿ) и краткого гласного [o] (передававшегося буквой о).

3. В обеих азбуках для передачи звука [u] в подражание греческому письму буква „и“ состояла из двух частей: **Ѣ** — оу.

4. Одинаковый способ для передачи гласного [y]: сочетание буквы **ѣ** (ѣ) с буквой для [i]: **ѣи**, **ѣи** — **ѣѣ**, **ѣѣ**, **ѣѣ**.

5. Одинаковый принцип в передаче [ъ] и [ь]: **ѣ** — **ѣ** и **ѣ** — **ѣ** (варьирование одного и того же значка).

6. Одинаковый способ передачи [št]: **ѣ** — **ѣ**.

7. Общие элементы в передаче букв, обозначающих славянские звуки [ž], [š], [č], [c], [ě].

8. Одинаковость в написаниях диакритических знаков и титл.

Некоторые общие черты глаголицы и кириллицы могут объясняться тем, что в основе обеих азбук лежит греческое письмо: скорописное, минускульное — в основе глаголицы; уставное, унциальное — в основе кириллицы. Но особенно показательна общность букв даже во внешнем виде при передаче звуков, характерных только для славянской фонетической системы.

Однако, наряду с этим, между обеими азбуками имеются некоторые различия в системе.

1. В глаголице была одна буква **Ѣ**, которой в кириллице соответствовали **ѣ** и **ѣ**.

2. Первоначально в глаголице для передачи [e] употреблялась только одна буква **Ѣ**. Позднее эта буква стала употребляться в соответствии кириллическому **ѣ**, а вторая часть его **ѣ** стала выступать в значении кириллического **ѣ**.

3. В глаголице употреблялась только одна буква **Ѣ**, в соответствии которой в кириллице употребляются **ѣ**, **ѣ** (или **ѣ** после мягкого согласного).

4. В глаголице употреблялись разные буквы для передачи аффрикаты [dž] и звука [z]: **Ѣ** (= dz) и **ѣ** (= z). В кириллице для аффрикаты [dz] представлена модификация буквы **ѣ** — **ѣ**; там же употреблялась еще буква **ѣ**, но она выступала в основном в значении цифры 6.

5. В глаголице для передачи мягкого [g'] в заимствованных словах употреблялась особая буква **Ѣ**. В кириллице же в этих случаях мягкий звук [g] передавался с помощью буквы **ѣ** и значка мягкости: **ѣ**.

6. В кириллице в соответствии с греческими **ξ** и **ψ** для передачи сочетаний [ks] и [ps] употреблялись буквы **ѣ**, **ѣ**. В глаголице эти буквы отсутствовали.

7. В кириллице в значении цифр могли выступать только те буквы, которые соответствовали греческому письму. В глаголице же такое соответствие не принималось во внимание; там цифры следуют в порядке алфавита.

Не все указанные выше черты различия между глаголицей и кириллицей восходят к первоначальному составу кириллицы. Так, например, в кириллице в ее раннем виде не было йотованных букв **ѣ**, **ѣ**, **ѣ**, как это показывает исследование архаических элементов в написании кириллических памятников.

ПАМЯТНИКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 15. Все сохранившиеся и дошедшие до нашего времени старославянские памятники в зависимости от того, какой азбукой они написаны, подразделяются на две группы: глаголические памятники, более древние, и кириллические памятники, как мы себе представляем, менее древние.

Однако до нас не дошли старославянские памятники непосредственно от времени деятельности Константина и Мефодия. Большинство старославянских памятников относится к XI в., и, следовательно, они отделены от времени кирилло-мефодиевских переводов периодом в 150—200 лет. Это не могло не отразиться на их языке. Но все отступления от языка кирилло-мефодиевских переводов в поздних памятниках легко выделяются, и за ними обнаруживается основа более ранних оригиналов, восходящих к кирилло-мефодиевским переводам.

Все глаголические памятники идут из западных областей Болгарии. Написаны они большей частью в Македонии. Большинство из них представляет сравнительно точный перевод с соответствующего греческого оригинала.

В глаголических памятниках по сравнению с кириллическими отражен более древний языковой строй. Это касается не только звуковой системы языка, но и его грамматического строя, что особенно наглядно видно на употреблении глагольных форм (главным образом имперфекта и аориста).

В лексическом отношении глаголические памятники характеризуют, с одной стороны, наличие значительного количества непеведенных греческих слов, а с другой — они совершенно свободны от тюркизмов.

1. Самым древним глаголическим памятником являются Киевские листки („Киевский миссал“). Этот памятник относится к X в. и представляет собой отрывок католической обедни по славянскому образцу. От него сохранилось всего 7 листов. Так как этот памятник является наиболее древним из глаголических, то из него берутся обычно образцы глаголического письма. Для глаголических букв в Киевских листках характерна округлость форм.

Некогда этот памятник был вывезен из Иерусалима и находился в библиотеке Киевской духовной академии, где он в 1874 г. был открыт И. И. Срезневским. Лучшее издание данного памятника сделано И. В. Ягичем в Вене в 1900 г. В языковом отношении памятник характеризует одна западнославянская черта:

вместо [št] и [žd'], восходящих к [tj] и [dj], в памятнике употреблены [s']—ч и [z']—ѡ. Это является языковой чертой славян западной части прежнего Моравского государства. На западное происхождение памятника указывает и его содержание.

Памятник характеризуется правильным употреблением ж и ѡ. Лишь в двух случаях написана форма кжѣхъ вместо кѣхъ, что А. М. Селищев считает опиской писца.

Кроме того, для памятника характерно употребление ѐ еще в значении нейотованного юса малого.

2. Зографское евангелие. Относится к XI в. и состоит из 304 листов. Однако не все листы одинаково древни. Так, 17 листов (с 41 по 57) вставлены позднее.

Зографское евангелие хранилось в Зографском монастыре на Афоне. В 1860 г. оно было подарено императору Александру II, который передал его в Публичную библиотеку (в настоящее время оно находится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде).

В Зографском евангелии имеются вставки и надписи, сделанные кириллицей. Это лишнее раз говорит о том, что кириллица появилась позднее глаголицы. В нем еще продолжается употребление округлой глаголицы.

Памятник не датирован. Ученые долгое время колебались, к какому веку отнести его: к X или XI в. Так как для Зографского евангелия характерно уже смешение и пропуск в употреблении ж и ѡ, то отнести его к X в. нельзя. Наиболее отличительной языковой чертой является то, что здесь имеются случаи прояснения редуцированных ѡ и ж: вместо ж можно встретить употребление о, а вместо ѡ — е.

В ряде случаев перед гласными и и ѡ наблюдается пропуск согласного л после губного.

По грамматическому строю Зографское евангелие продолжает традиции Киевских листков.

Памятник издан в 1879 г. в Берлине акад. И. В. Ягичем.

3. Мариинское евангелие. Относится к XI в. и содержит 173 листа. Хранился этот памятник на Афоне в монастыре св. богородицы (Марии). В 1842 г. он был там найден В. И. Григоровичем. В настоящее время этот памятник находится в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Так же, как и в Зографском евангелии, в Мариинском евангелии наблюдается смешение и иногда пропуск в употреблении букв ж и ѡ. Возможны случаи употребления о и е вместо ж и ѡ.

В ряде случаев перед гласными и, ѡ, а иногда и перед е не употребляется после губного согласный л.

Однако наиболее характерными грамматическими особенностями данного памятника являются следующие:

1. Смешение в употреблении [o] и [u], что отражается в смешанном употреблении букв ж и оу (жъ и ю):

мжжъ мждоу (вм. мжоу мждоу) — Мф. VII, 24; кѣржжште (вм. кѣроужште) — Ио. XX, 31; лжжъе (вм. лжъе) — Ио. V, 42; кжзлюблю (вм. кжзлюбж) — Ио. XIV, 21; кж нжже (вм. кж нжже) — Мр. IV, 24; Ио. IV, 53; V, 28 и т. д.

2. Употребление в начале слова оу вместо кж: оуцеленжжъ (вм. кжцеленжжъ) — Лук. II, 1; оуржжъ ѡ (вжоржжъ ѡ — в Зогр. ев.) — Лук. XI, 21.

3. Форма ѡга вместо ѡго (ѡга ради — Мр. VI, 14).

В отражении этих грамматических особенностей в Мариинском евангелии видят отражение некоторых языковых черт писца из сербской языковой области.

Мариинское евангелие было издано И. В. Ягичем в Петербурге в 1883 г. со статьей о языке и полным словарем. Есть два вида евангелия: четвероевангелие и евангелие-апракос. Четвоевангелие включает в себя сочинения 4-х евангелистов: Матвея, Марка, Луки и Иоанна. Евангелие-апракос — это недельное евангелие.

Упомянутые выше Зографское и Мариинское евангелия по содержанию представляют собой четвероевангелия.

4. Ассеманиево евангелие. Относится к XI в. По содержанию представляет собой евангелие-апракос. Состоит из 158 листов. Свое название это евангелие получило в честь востоковеда Ассемани, который в конце XVIII в. вывез эту рукопись из Иерусалима. Хранится оно в библиотеке Ватикана. Отсюда его другое название — Ватиканское евангелие. В данном памятнике отражен новый этап в утрате редуцированных ж и ѡ: писец довольно часто не пишет знака редуцированных в конце слова.

Грамматические формы и лексика его имеют много архаизмов.

Первое издание памятника (глаголическим шрифтом) сделал Ф. Рачки в Загребе в 1865 г. Однако это издание малоудовлетворительно. Лучшее издание памятника (глаголическим шрифтом) сделано И. Вайсом и И. Курцем в Праге в 1929 г. В 1955 г. в Праге вышло издание этого памятника (кириллическим шрифтом), сделанное И. Курцем.

5. Сборник Клоца. Относится к XI в. и представляет собой отрывок из сборника поучений. Состоит из 14 листов, из которых 12 были найдены В. Копитаром в библиотеке графа Клоца в Триенте и изданы им в 1836 г. Позднее были открыты в музее в Иннсбруке еще 2 листа, изданные Ф. Миклошичем в 1860 г. Полное издание памятника с палеографическим введением и словарем было сделано В. Вондраком в Праге в 1893 г. В лексике его встречаются новые варианты по сравнению с более древними.

6. Синайская псалтырь. Относится к XI в. На горе Синай (Синайский полуостров) есть монастырь св. Екатерины, где до сих пор хранится этот памятник. Лучшее издание памятника сделано С. Северьяновым в Петрограде в 1922 г.

По содержанию и языку данный памятник связан с кирилло-мефодиевской эпохой. Об этом свидетельствуют такие архаизмы,

как употребление форм простого аориста; в области лексики — непереуведенные греческие слова, характерные для древнейших евангельских текстов.

7. Синайский требник, или Синайский эвхологий. Хранится в монастыре св. Екатерины на Синае.

Словом „требник“, или „эвхологий“, называется сборник молитв или служб на разные случаи жизни, касающихся выполнения различных ритуалов религиозного значения.

Лучшее издание памятника (глаголическим и кириллическим шрифтом) сделано Р. Нахтигалом в 1941—1942 гг. в Любляне.

Оригинал переводов требника был сделан в моравско-паннонский период старославянской письменности, на что указывает наличие в составе памятника переводов с немецкого и латинского языков (наряду с основными переводами с греческого языка).

По мнению акад. Н. С. Державина, данный памятник относится к X в. (См. по этому вопросу его статьи в „Сборнике статей и исследований в области славянской филологии“, М.—Л., 1941 г.)

8. Охридские листки. Найдены В. И. Григоровичем в Охриде. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета. Состоят из одного полного листа и из половины другого листа.

Лучшее издание этого памятника сделано в Петрограде в 1915 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. III, вып. 2.

9. Македонский глаголический листок. Найдены В. И. Григоровичем и хранятся в библиотеке Академии наук (в фонде И. И. Срезневского).

Издан в Петербурге в 1909 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 6.

Глаголические памятники, дошедшие до нас, не датированы. Время их написания определяется приблизительно по палеографическим, языковым и отчасти историческим данным.

Древнейшими из перечисленных выше старославянских памятников считаются Киевские листки, относящиеся к X в.

§ 16. Кириллические памятники характеризуются более поздним этапом возникновения по сравнению с глаголическими. В них представлено более низкое качество перевода с греческого языка, в лексике памятников встречаются тюркизмы. Отсюда делают вывод, что они были написаны в восточных областях Болгарии, т. к. там тюркское воздействие на славянскую среду было значительнее, чем на юге и на западе страны.

Все кириллические памятники, за исключением одного, не датированы.

В кириллических памятниках довольно своеобразно представлено падение редуцированных [ъ] и [ь] (см. об этом ниже, §§ 31—32).

1. Древнейшим кириллическим памятником является надпись царя Самуила, относящаяся к 993 г.

Надпись была сделана на каменной плите по распоряжению царя Самуила на могиле его родственников. Найдена она была в 1894 г. в юго-западной Македонии в селе Герман, недалеко от

озера Преспа. Содержание надписи состоит из 11 строчек. Правый угол каменной плиты отбит.

В языковом отношении эта надпись дает мало. Значение ее главным образом палеографическое. Надпись датирована, а это для палеографа является исходным пунктом в определении сравнительной древности недатированных кириллических памятников старославянского языка, так как дает возможность судить о способах начертания кириллических букв в определенный исторический период.

Имеется несколько изданий этой надписи. У нас эта надпись была издана в 1899 г. в „Известиях Русского археологического института в Константинополе“, т. IV, кн. 1.

2. Саввина книга. Относится к XI в. Написана на маленьких листочках пергамента. Свое название данный кириллический памятник получил по двум припискам с упоминанием попа Саввы. По содержанию он представляет собою евангельские чтения. Хранится в Московском главном архиве, в фонде Типографской библиотеки.

Издан этот памятник В. Н. Щепкиным в Петербурге в 1903 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 2. Немного раньше, в 1899 г., вышло исследование В. Н. Щепкина о языке данного памятника под названием „Рассуждение о языке Саввиной книги“. До сих пор это исследование В. Н. Щепкина наряду с его другими исследованиями считается образцом работ подобного рода.

Данный памятник создает впечатление одного из наиболее ранних кириллических памятников. В нем не употребляются йотованные буквы ѣ и ю, а вместо ѣ чаще употребляется ѣ.

Памятник интересен в языковом отношении: в нем не отражен переход сильных [ъ] и [ь] в гласные полного образования [о] и [е].

В морфологии и лексике здесь меньше сохраняется старины, чем в Зографском и Маринском евангелиях.

3. Супрасльская рукопись. Относится к XI в. и отличается от названных выше памятников по содержанию. Если большинство из последних представляло собой евангельские чтения, то Супрасльская рукопись содержит мартовскую mineю (книгу церковных чтений на все дни марта — жития святых, легенды, беседы Иоанна Златоуста и др.).

Рукопись найдена в монастыре в Супрасле около Белостока. Она включает в себя около 260 листов и состоит из трех частей. Первая часть хранится в Любляне, в бывшей Лицейской библиотеке, вторая часть (151 л.) находилась в Варшаве, в библиотеке Замойских, третья часть (16 л.) принадлежала И. А. Бычкову в Ленинграде и хранится в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Памятник отличается от указанных выше по морфологии и лексике. В нем есть отражение изменения сильного [ь] в [е], но нет перехода сильного [ъ] в [о].

Наряду с начальным сочетанием [ra-] (из *ort-) встречается сочетание [ro-] (т. е. наряду с ra- пишется ро-). В лексике памятника отражены некоторые слова тюркско-болгарского происхождения, отсутствующие в других старославянских памятниках.

Полное издание памятника сделано С. Северьяновым в Петербурге в 1904 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. II, вып. 1.

4. Хиландарские листки. Они содержат отрывок поучения Кирилла Иерусалимского. Найдены В. И. Григоровичем в Хиландарском монастыре на Афоне. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета.

Изданы в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 1, СПб, 1900.

5. Зографские листки. Содержат отрывок из „Правил“ св. Василия и хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Открыты они были П. А. Лавровым, им же описаны и изданы в журнале „Revue des études slaves“, VI (и отдельно).

6. Листки Ундольского. Представляют собой отрывки из евангельского текста. Принадлежали библиофилу В. М. Ундольскому.

Изданы в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 3, СПб, 1904.

7. Македонский листок. Содержит отрывок текста, напоминающего одно из произведений Иоанна экзарха болгарского. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Издан в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 5, СПб, 1906.

§ 17. Старославянским языком пользовались книжники в областях чехо-моравских, сербо-хорватских и русских. Книги, написанные там, отражали в той или иной мере черты языка самого писца.

Ценный материал по изучению старославянского языка дают ранние памятники чешские, сербские, среднеболгарские и восточнославянские, созданные на старославянской основе. При изучении этих памятников необходимо четко различать черты старославянских оригиналов, с которых они переписывались, и те языковые наслоения, которые отразились в них при переписке.

Восточнославянские памятники XI—XII вв. многочисленны. Среди них отметим Остромирово евангелие. Этот памятник датирован 1056—1057 г. и написан в Новгороде для новгородского посадника Остромира (отсюда и его название). Памятник писан двумя писцами. Остромирово евангелие — монументальный, роскошно оформленный и прекрасно сохранившийся памятник, состоящий из 294 листов. Он хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В Остромировом евангелии сочетаются две языковых стихии: старославянская и древнерусская.

Так, памятник отличается тем, что в нем редуцированные ж и ѣ употребляются правильно, тогда как в старославянских памятниках XI в. они уже смешиваются.

Среди других древнерусских черт следует отметить:

1. Замену носовых гласных [o] и [e] неносовыми [u] и [a], что в памятнике представлено как смешение в употреблении букв ж с оу, гж с ю, а с и, и наоборот. Например, землю (вм. земля), гжштж (вм. гжштю, дат. п. ед. ч.), моря (вм. моря, род. п. ед. ч.).

2. Написание ѣр, жр, зл между согласными корня вместо старославянских рь, рж, ль, лз. Например, кжрвь (вм. кржвь), зрьно (вм. зрьно), напзаниша (вм. напзаниша).

3. Частое употребление глагольного окончания в 3 л. ед. и мн. ч. в формах настоящего и простого будущего времени в виде [-тъ] -ть вместо [-тъ] -тх, характерного для старославянского языка.

4. В творит. п. ед. ч. у существительных муж. рода вместо окончания [-оть] -омь, характерного для старославянского языка, встречается древнерусское окончание [-тъть] -змь. Например, гладзмь вместо гладомь и др.

Данный памятник был издан три раза: первое издание сделано А. Х. Востоковым в 1843 г., второе и третье издания — фотолиитографические, сделаны купцом Савиновым в 1883 и 1889 гг. Лучшим изданием памятника является третье.

О языке и письме этого памятника имеется много работ. Правда, многие из исследований уже устарели.

Кроме Остромирова евангелия, из памятников старославянского языка русской редакции следует назвать Чудовскую псалтырь XI в., Изборник Святославов 1073 г., Изборник Святославов 1076 г. и др.

Из памятников старославянского языка сербской редакции следует отметить Мирославо евангелие XII в. и Вуканово (или Волканово) евангелие XIII в.

Из памятников старославянского языка среднеболгарской редакции заслуживают внимания Добромирово евангелие XII в., Добрейшево евангелие XIII в. и Болонская псалтырь XIII в.

Из памятников старославянского языка чешской редакции следует назвать Пражские глаголические отрывки XI—XII вв.

ФОНЕТИКА

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX ВЕКА

§ 18. Памятники старославянского языка позволяют проследить совершенно сложившуюся звуковую систему, характерную для этого языка. Эта звуковая система сложилась в период, предшествовавший возникновению старославянской письменности, и представляет собой продукт многочисленных процессов, имевших место до возникновения письма. Звуковая система не была застывшей, но постоянно изменялась и развивалась.

О характере звуковой системы старославянского языка кирилло-мефодиевской поры можно судить на основании сравнения старославянских памятников между собой.

Для звуковой системы старославянского языка второй половины IX века были характерны следующие черты.

I. В старославянском языке в ту пору господствовал закон открытого слога. Это значит, что все слоги в словах были открытыми, т. е. каждый слог должен был оканчиваться слогообразующим звуком. Например: пра-вь-да, сы-нъ, зна-тъ, гла-го-лѣх и т. д.

II. В середине слова могли употребляться только такие группы согласных, с которых могло начинаться слово. Например: жи-знь, же-зѣх и т. д. Ср. зна-ти, зла-ти-ца и т. д.

При этом расположение согласных в подобных группах шло по принципу восходящей звучности. Это значит, что каждый последующий согласный был более звонким, чем предшествовавший ему.

При передаче заимствованных слов сохранялось действие закона открытого слога. Если в заимствованных словах употреблялись группы согласных [mn], [dn (tn)], [pt], [ps], [ts], [kch], [tl (dl)] или группы согласных, начинавшихся с носового согласного [m] или [n], плавного [r] или [l] и с губного согласного [v], то они не были характерны для славянской фонетической системы. (Исключение составляют только группы [tl] и [dl], которые не подвергались никаким изменениям в языке предков западных славян.) Для того

чтобы избежать этих звуковых сочетаний, а следовательно, чтобы избежать закрытости слога, в славянской фонетической системе IX в., отраженной в старославянском языке, происходило образование редуцированного гласного [ъ], реже [ь], между согласными, группу которых было невозможно употребить в то время в старославянском языке. Например: капернаоумъ (ср. греч. [kapernaúm] — Καπερναούμ), скандѣлъх (ср. греч. [skándalon] — σκάνδαλον), егуптъ (ср. греч. [aigüptos] — Αἴγυπτος), псалмъх (ср. греч. [psalmós] — ψαλμός), ехидна (ср. греч. [échidna] — ἐχίδνα), пакълъх (ср. греч. [paũlos] — Παῦλος).

Написание х, ь в этих случаях не представляло только графического явления: и в произношении этих слов между указанными согласными были редуцированные гласные [ъ] и [ь]. Так, наряду с указанными написаниями егуптъх, псалмъх, пакълъх и т. д. в памятниках XI в. встречаются написания егупет(х), псалом(х), Пакел(х), что свидетельствует о том, что в фонетическом отношении редуцированные [ъ] и [ь] подвергались тем же изменениям, которые были вообще характерны в XI в. для редуцированных гласных [ъ] и [ь] в болгарской языковой области.

III. В старославянском языке на положении слогообразующих звуков могли выступать не только гласные, но в ряде случаев и плавные звуки [r] и [l]. Например: прѣхъ, трѣхъ, зръно, павъх и т. д. ([rɣvъ], [trɣъ], [zrno], [plnъ] и т. д.).

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

§ 19. В старославянском языке были представлены следующие гласные фонемы: [a], [e], [ě], [i], [e̞], [o], [u], [o̞], [y], [ъ], [ь].

Все гласные в старославянском языке подразделялись на гласные полного образования и гласные неполного образования. В свою очередь среди гласных полного образования можно выделить гласные переднего ряда: [e], [i], [ě], [e̞] и гласные непереднего ряда: [a], [u], [o], [o̞], [y]. Среди гласных неполного образования гласным переднего ряда являлся [ъ], а гласным непереднего ряда [ь].

Гласные неполного образования принято называть редуцированными, или глухими, гласными. Редуцированные гласные отличались от гласных полного образования тем, что напряжение и вибрация голосовых связок при их произношении были неполными.

В звуковой системе старославянского языка второй половины IX в. можно предположить еще наличие редуцированных гласных [i̞] и [y̞], возникавших на месте редуцированных [ь] и [ъ], когда последние оказывались в позиции перед следующим [j] ([i̞j]) или [j].

Среди гласных полного образования гласные [e̞] и [o̞] являлись носовыми. При их произношении нёбная занавеска была опущена, так что звучащая струя воздуха попадала не только в полость рта, но и в полость носа.

Звук [ě] обозначался буквой „ять“. О качестве данного звука можно судить на основании его графического изображения. В гла-

голице употреблялся один значок **Δ**, в соответствии с которым в кириллице писался или **Ѡ** или **ѡ** (или **'а**). Основываясь на этом, можно предполагать, что звук, изображавшийся буквой „ять“, был близок к звуку [a] после мягкого согласного. Именно только этой близостью можно объяснить, что писец глаголицей воспринимал гласный [ě] и гласный [a] после мягкого согласного как один звук, то есть не различал их и передавал оба звука на письме одним значком. Предполагают, что буквой „ять“ передавался в старославянском языке широкий открытый [e], близкий к [a], т. е. [ǣ].

§ 20. В качестве слоговых звуков, как указывалось выше, в старославянском языке могли выступать плавные звуки [r] и [l]. Они становились слоговыми тогда, когда оказывались в позиции между двумя согласными. Однако в старославянских азбуках не было специальных значков для обозначения слоговых плавных [r] и [l]. Поэтому писцы для подчеркивания слоговости плавных обычно после букв **р** и **л**, обозначающих слоговые плавные [r] и [l], писали буквы **х** или **ь**. Например, **прѣхъ**, **плѣхъ**, **трѣхъ**, **кльхъ** — [rɣvъ], [rlnъ], [trgъ], [vlkъ].

Возможно, что буквы **х** и **ь** служили первоначально в этих случаях не только указанием на слоговость плавных [r], [l], но и передавали некоторый гласный элемент, похожий на [ъ] или [ь] и сопровождавший артикуляцию слоговых плавных. Однако позднее эти слабые неслоговые гласные были утрачены. Так, старославянские памятники XI в. указывают лишь на графическую традицию писать **х** или **ь** после плавного. Для употребления в этих случаях букв **х** или **ь** была характерна свободная мена их (зрѣно и зрѣно, мрътѣхъ и мрътѣхъ, дльгъ и дльгъ и т. д.), а иногда в некоторых памятниках и пропуск их. Например, в Зограф. ев.: **кѣ цркѣкѣ** — Мф. XII, 5, 6, **ръдѣце** — Мф. VI, 21; XIII, 15, **ръдѣца** — Лук. XVI, 15; в сб. Клоца: **кѣ цркѣ** — I, 670; в Синайской пс.: **цркѣкѣ** 31⁶/₉ и т. д., что свидетельствовало о том, что в данном случае носителем слога являлся плавный. Сходное написание, „плавный + редуцированный“ между согласными, можно встретить в старославянских памятниках и в том случае, когда на положении слогового элемента выступал не плавный, а редуцированный. Например, **крѣхъ**, **плѣхъ**, **крѣтѣхъ**, **слѣза** [krɣvъ], [rlnъ], [krstъ], [slɣza].

Однако в этом случае почти не наблюдается свободной мены и пропуска букв **х** и **ь** после плавного. Чтобы отличить сочетания первого типа от сочетаний второго типа, следует прибегать к сопоставлению с русским языком. Если в русском языке произносится в позиции между двумя согласными сочетание [ol], [or], [er] (например, *первый*, *полный*, *торг*, *волк*), то это значит, что в старославянском языке слогообразующим элементом являлся плавный [r], [l] и, наоборот, если в русском языке в позиции между двумя согласными произносится сочетание [ro], [lo], [re], [le] (например, *кровь*, *плоть*, *крест*, *слеза*), то, следовательно, в старославянском языке на положении слогового элемента выступал редуцированный [ъ] или [ь].

§ 21. Гласные звуки старославянского языка отличались той особенностью, что они могли изменять свое звучание в зависимости от их положения (позиции) в слове.

Наиболее ярко это сказывалось при произношении редуцированных звуков.

В зависимости от положения в слове различают слабую и сильную позицию редуцированных. При этом позицию редуцированных следует определять с конца слова. В слабой позиции редуцированные [ъ] и [ь] оказывались:

- 1) в конце слова: **домъ** [domъ], **сынъ** [synъ], **конь** [konъ];
- 2) перед слогом с гласным полного образования (или перед слогом с редуцированным, находящимся в сильной позиции): **пракъда** [pravъda], **къто** [kъto].

В слабой позиции редуцированные гласные, являясь и без того гласными неполного образования, настолько ослабевали, что в дальнейшем переставали произноситься. Эта утрата редуцированных в слабой позиции в памятниках старославянской письменности XI в. передается или меной редуцированных, т. е. смещением в употреблении значков редуцированных, или пропуском их.

В сильной позиции редуцированные [ъ] и [ь] находились:

- 1) в начальном слоге под ударением: **дѣкѣ** (вин. пад. ед. ч. от **дѣка**) — [dъskъ];
- 2) перед слогом с редуцированным в слабой позиции: **конѣцъ** [konъsъ], **крѣпѣкѣ** [krɣpъkъ], **тельцѣ** [telъsъ], **жньцѣ** [žnpъsъ].

В сильной позиции редуцированные [ъ] и [ь], наоборот, усиливались и позднее переходили в гласные полного образования: [ъ] > [o], [ь] > [e], что нашло свое отражение в старославянских памятниках XI в.

§ 22. Редуцированные [ъ] и [ь] легко подвергались воздействию соседних звуков. Особенно сильно влияли на них последующие [j] ([i]) и [i]. В положении перед данными звуками при произношении [ъ] и [ь] несколько повышался подъем спинки языка. Благодаря этому редуцированный [ъ] в своем звучании приближался к [y], а редуцированный [ь] — к [i]. Но этот переход не был полным, редуцированный характер этих звуков сохранялся. Следовательно, на месте редуцированных [ъ] и [ь] возникали редуцированные [ÿ] и [ï]. Для передачи этих редуцированных гласных в старославянских памятниках не было специальных значков, и потому они передавались двояко: редуцированный [ÿ] передавался с помощью буквы **ы** или **ѣ**, а редуцированный [ï] — с помощью буквы **и** или **ь**. Например: **дѣврѣ** и **дѣврѣи**, **гѣгтѣ** (им. пад. мн. ч. от **гѣгъ**) и **гѣгтѣи**.

Редуцированные [ÿ] и [ï], подобно редуцированным [ъ] и [ь], могли находиться в слабой и сильной позиции. В слабой позиции они находились тогда, когда употреблялись перед следующим слогом с гласным полного образования (при этом данный слог всегда начинался с [j] ([i]), что на письме обычно передавалось

написанием йотованной буквы)¹: пѣтиѣ (им. пад. мн. ч. от пѣть) [pətije], коѣтъж (твор. пад. ед. ч.) [kostiʃo].

В сильной позиции редуцированные [ŷ] и [i] находились:

1) в начальном слоге под ударением: мыѣж [mŷjo], биѣж [biʃo], кыѣ [vŷja];

2) перед конечным гласным [i], подвергшимся в дальнейшем сокращению: доѣри [dobryi], сини [sin'ii], коѣти [kosti].

Если во второй половине IX в. редуцированные [ŷ] и [i] в старославянском языке были живыми звуками, то в X—XI вв. они пережили изменения, состоявшие в том, что редуцированные [ŷ] и [i] в слабой позиции утрачивались, а в сильной прояснялись в гласные полного образования [y] и [i] (см. об этом ниже, § 34).

§ 23. В зависимости от смягченности предшествующего согласного гласные также могли подвергаться позиционным изменениям. Так, после мягкого согласного в старославянском языке не могли употребляться гласные [o], [ъ], [y], [ě] (< [ē]). В позиции после мягкого согласного [o] изменялось в [e], [ъ] в [ь], [y] в [i], [ě] (< [ē]) в [a]. Например: кѣнѣ — коѣнѣ [synъ] — [konъ], село — поѣле [selo] — [pol'e], село — поѣли [sely] — [pol'i], жарѣж (вм. жѣрѣж) [ž'arъ] < * gērъ) и т. д.

Для некоторых гласных это изменение было менее чувствительным, но также несомненным. Так, гласные [a], [u], [o] после мягких согласных не становились гласными переднего ряда, но, несомненно, их артикуляция немного продвигалась вперед, что в транскрипции обозначается постановкой точки над этими гласными: после [t']² [a] > [á], [u] > [ú], [o] > [ô]. Например: рѣка — рѣѣка — строуѣ [roka] — [s'ěč'á] — [strujá], рѣѣж — рѣѣж — строуѣж (вин. пад. ед. ч.) [roko] — [s'ěč'ô] — [strujô], раѣоу — коѣноу — краю (дат. пад. ед. ч.) [rabu] — [kon'ú] — [krajú].

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ В НАЧАЛЕ СЛОВА

§ 24. В старославянском языке слово не могло начинаться с любого из перечисленных выше гласных. Это было связано с особой фонетикой начала слова, восходящей еще к доисторическому времени.

Наиболее свободно в начале слова употреблялись гласные [o] (око, оѣ, оѣа, онѣ) и [o] (жѣль, жѣзи, жѣрѣѣа, жѣница). В отношении употребления гласных [a] и [u] в начале слова наблюдаются колебания на письме: в одних случаях писцы пишут слова с начальным [i] ([ij]) перед [a], [u] — я ю, а в других нет: азѣ — ѣзѣ, агнѣць — ѣгнѣць, акѣти — ѣкѣти, оутро — ѣтро, оуже — ѣже и т. д. Однако старосла-

¹ В глаголических памятниках не было специального значка для передачи йотованного „е“ [je]. Поэтому при переводе глаголических памятников на кириллицу сохранена эта их особенность, и для передачи [e] и [je] использован только один значок ѣ.

² [t] = любой мягкий согласный,

вянский язык обнаруживал тенденцию к утрате [i] особенно перед начальным [a]. Это подтверждают заимствованные из греческого языка слова с начальным [a]: акѣа (греч. [abbā] — „отец“ — ἄββα), аѣрѣж (греч. [áēr] — „воздух“ — ἀήρ), аромѣж (греч. [ároma] — ἄρωμα), архѣтриклиѣж (греч. [árchitriklinos] — „главный столик“ — ἀρχιτρίκλινος) и т. д.

Более последовательно развивался [i] перед начальным [e], в связи с чем в старославянских памятниках употребляется буква ѣ в начале слова. Например: ѣзѣжѣ, ѣза, ѣтро, ѣти (но кѣзѣти), ѣтры и т. д.

В отношении решения вопроса об употреблении начального [e] или развития перед ним [i] старославянские памятники вследствие своей графики представляют большое затруднение: в глаголических памятниках для передачи [e] и [je] служит только один значок ѣ; кириллические памятники, следуя глаголическим оригиналам, тоже не всегда различали е и ю. Только в Супрасльской рукописи наиболее последовательно различаются написания е и ю.

В старославянском языке наблюдаются колебания в употреблении е в начале слова: возможны употребление и с начальным е и с развившимся перед ним [i] (ю). Например, еѣ — ѣѣ, еѣль — ѣѣль, еѣка — ѣѣка, еѣзеро — ѣѣзеро, еѣлень — ѣѣлень и т. д.

Но, по-видимому, произношение слов с [i] перед начальным [e] было уже неактуально в фонетической системе старославянского языка X—XI вв., так как заимствованные из греческого языка слова с начальным [e] передавались в старославянских памятниках посредством употребления в начале этих слов буквы е: елиѣж (греч. [ellēn] — ἔλληγ), епитѣмиѣ (греч. [epitimía] ἐπιτιμία — „наказание“) и т. д.

В старославянском языке совершенно невозможно было употребление в начале слова редуцированных [ъ], [ь] и гласного [y].

Если слово должно было начинаться с редуцированного [ъ], то вместо него в старославянском языке употреблялся гласный [i], восходящий к сочетанию [iъ]. Например: иѣж (1 л. ед. ч. наст. вр.) [imō < iъm,] — „беру“. Ср. кѣзѣжѣ [vъzъmō].

Если слово должно было начинаться с редуцированного [ъ] или гласного [y], то перед ними развивался [v] (< ѱ). Например, кѣпѣль [vъp'ь], кѣпѣти [vъp'iti] (ср. кѣзѣпѣти [vъzъp'iti]), кѣкѣжѣти [vukp'iti], кѣѣра [vudra] и т. д.

Согласный [v] в этих словах не является приставкой, т. к. в то время приставка выступала не в виде одного согласного [v], а в виде [vъp-] кѣп-.

Как указывалось выше, процесс развития [i] и [u] > [v] в начале слова протекал еще до возникновения славянской письменности, а старославянский язык лишь фиксирует те изменения, которые происходили в славянской фонетической системе в общеславянский период.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ

§ 25. Классификация согласных в старославянском языке может быть представлена следующей таблицей.

Место образования	Способ образования	Губные	Язычные			
			зубные	небно-зубные	средне-небные	задне-небные
Шумные	взрывные	звонкие глухие	b p	d t		g k
	фрикативные	звонкие глухие	v (f)	z, ž' s, š'		j ch
	аффрикаты	звонкие глухие		dz' c'	č'	
	сложные	звонкие глухие			zd' št'	
Сонорные	носовые		m	n, n'		
	плавные			l, l'	r, r'	

§ 26. В старославянском языке имелись глухие и звонкие согласные. Распределение их по звучности было такое же, как и в современном русском языке, однако соотношения между ними были иными.

Благодаря закону открытого слога отсутствовала ассимиляция согласных по глухости и звонкости. Количество исключений из этого было незначительно. Так, в тех случаях, когда приставки [iz-] из-, [bez-] без-, [gaz-] газ-, [vъz] взз- встречались с корнями, начинавшимися с глухого согласного, то происходила ассимиляция по глухости, вследствие чего конечный согласный приставки [z] изменялся в [s]. Например: ишодити, искоушити, распжтне, расточити, възкрѣние, възхотѣти, възпхтънх и т. д.

Если данные приставки-предлоги оказывались в позиции перед корнем, начинавшимся с согласных [s], [z], [š'], то в старославянском языке был представлен результат фонетического изменения: один согласный [s], [z], [š'] вместо долгих [ss] < [zs], [zz], [šš'] < [sš'] < [zš'], получившихся вследствие объединения артикуляции согласного [z] > [s] в приставке с согласными [s], [z] или [š], которым начинался корень. Например, в Зографском евангелии:

вєстраха — Лук. 1, 74 (вм. вєстраха), ісѣченх — Мр. XV, 46 (вм. ісѣченх), ісѣчєнх — Мр. I, 29 (вм. ісѣчєнх), ишѣдше — Мф. XXVII, 53; XII, 14, Мр. I, 29; III, 6; VI, 11; IX, 30; Лук. X, 10 (вм. ишѣдше), вєзаконне — Мф. XIII, 41 (вм. вєзаконне). В Маринском евангелии: и-сѣчєнх — Ио. XII, 42 (вм. и-сѣчєнх), вє-страха — Лук. 1, 74 (вм. вєстраха), ишедх — Лук. XXII, 62 (вм. ишедх), вєзаконьника — Мр. XV, 28 (вм. вєзаконьника), исакнєтх — Мф. XXIV, 12 (вм. исакнєтх), вє-сапогх — Лук. XXII, 35 (вм. вєсапогх). В сборнике Клоца: вєстоудна(ѣ) — II, 96; I, 217. [вм. вєстоудна(ѣ)], вєстоудє — II, 148 (вм. вєстоудє), вєзмрѣтє — I, 605 (вм. вєзмрѣтє), вєзаконьникх — I, 931 (вм. вєзаконьникх). В Синайской псалтыри: раширѣ — 156^{6/10}, 109^{6/9} (вм. раширѣ), козъргх — 152^{6/17} (вм. козъргх), вєзаконєнѣ — 18^{а/1}, 19^{а/22}, 30^{6/19} и т. д. (вм. вєзаконєнѣ), расждитх — 110^{а/14} (вм. расждитх). В Супрасльской рукописи: вєзмрѣтнаго — 69₂₅ (вм. вєзмрѣтнаго), вєзаконьнаго — 217₇ (вм. вєзаконьнаго).

Перед согласным [с'] сочетания с этими предлогами в памятниках старославянского языка представлены неодинаково: Например, в Зографском евангелии: ицѣли — Мф. XII, 15, 22; XIV, 14; XV, 30; Мр. I, 34; III, 10; VI, 5; Лук. VII, 21; IX, 42; XIV, 4 (вм. ицѣли), іцѣли — Мф. XXI, 14 (вм. іцѣли); в Маринском евангелии: и-цѣрке — Мф. XXIV, 1; Ио. II, 15; VIII, 59 (вм. и-цѣрке); в Синайской псалтыри: іцѣлєнѣ — 40^{а/18} (вм. іцѣлєнѣ); в Саввиной книге: іцѣлѣ — Лук. IX, 42, ицѣли — Мф. VIII, 16 (вм. іцѣлѣ, ицѣли).

Перед согласным [č'] сочетания с этими приставками-предлогами подвергались изменениям, в результате или возникал сложный согласный [št'] < [š'č'] < [sč'] < [zč'] в Зографском евангелии: іштитити — Мр. I, 40 (вм. ісчитити), іштадитѣ — Мф. XII, 34; Лук. III, 8 (вм. ичадитѣ), вєштѣтна — Мр. XII, 4 (вм. вєштѣтна); в Маринском евангелии: иштєзе — Лук. XXIV, 31 (вм. иштєзе), вєштадх — Лук. XX, 28 (вм. вєчадх), вєштадьнх — Лук. XX, 30 (вм. вєчадьнх); в сб. Клоца: иштєж — I, 829 (вм. иштєж); в Синайской псалтыри: иштѣрка — 25^{а/18} (вм. із чѣрка), ицѣзакѣще — 47^{6/4}, іштєж — 47^{6/4}, 77^{а/1-2} (вм. иштѣзакѣще, іштєж), иштєжѣтх — 80^{6/7} (вм. иштєжѣтх); — или происходила утрата конечного согласного приставки [z] < [s]; в Зографском евангелии: ичѣрка — Мф. XIX, 12 (вм. ичѣрка), вѣчѣсти — Мф. XIII, 57 (вм. вѣсчѣсти); в Маринском евангелии: и-чѣрка — Мф. XIX, 12; Лук. I, 15 (вм. и-чѣрка); в Синайской псалтыри: ічѣрка — 146^{6/14}; в Ассеманьевом евангелии: ичѣсти — Мр. I, 40, 41 (вм. ичѣсти); или иногда сохранялось сложное образование с и-, вє-, взз-: ичѣрка — Саввина кн., Мф. XIX, 12, вєсчѣстна — Супр. рук. 74₂₅₋₂₆; възхотѣтх — Супр. рук. 55₁₄.

§ 27. Большие своеобразия в системе согласных в старославянском языке представляла категория твердости и мягкости. В зависимости от этого признака все согласные старославянского языка делились на следующие группы.

1. В старославянском языке выделялась группа согласных, которые постоянно выступали только как несмягченные звуки. К ним относились задненебные [k], [g] и [ch], которые не могли употребляться перед гласными переднего ряда ([e], [i], [e], [ě], [ь]) и перед [j]. Эти согласные могли сочетаться только с гласными переднего ряда. Например: *гъивѣль, хъитръ, хъинъати*. Ср. в русском языке: *гибель, хитрый, кинуть*. Однако были и отступления от этого правила: в заимствованных из греческого языка словах возможны были сочетания задненебного согласного с последующим гласным переднего ряда: *кегарь, кинька, евангелие* и т. д. В глаголических текстах писцы передавали в этих случаях смягченный согласный [g'] знаком *м*. В кириллических текстах не было особых букв для передачи смягченных задненебных согласных, и в заимствованных словах они передавались теми же буквами, что и несмягченные задненебные согласные.

2. В противоположность первой группе согласных в старославянском языке выделялась группа согласных, выступавших только как мягкие согласные звуки: [š'], [ž'], [č'], [c'], [št'], [žd'], [j], [dž']. После этих согласных не могли употребляться гласные [ě], [o], [ъ], [y]. Под воздействием предшествующих мягких согласных [ě] изменялось в [a], [o] в [e], [ъ] в [ь], [y] в [i]. Например: *видѣти* [viděti], но *дышати* [dyš'ati], *мъхчати* [mlč'ati], *стојати* [stojati]; *око* [oko], но *плече* [pleč'e], *лице* [lic'e], *рубище* [rubišt'e]; *брагъ* [vragъ], но *ножь* [pož'ь].

В ряде случаев после [c'] и [dž'] мог употребляться гласный переднего ряда [ě] (< [oi]), например: *члѣкъъ* — *члѣкъѣ*, *дрѹгъ* — *дрѹгѣ* (местн. пад. ед. ч.).

3. Губные согласные [b], [p], [m], [v] и зубные [t], [d] могли выступать в старославянском языке и как твердые, несмягченные согласные, если они употреблялись перед гласными переднего ряда, и как полумягкие согласные, если они оказывались в позиции перед гласными переднего ряда. Например: *вогъ* — *вѣгъ* [vogъ] — [b'ěsъ], *вода* — *вѣкъ* — *видѣти* [voda] — [v'ěkъ] — [viděti], *даръ* — *дѣка* [darъ] — [d'ěva], *тыца* — *тѣтъ* [t'ьšt'a] — [t'atъ] и т. д.

4. В старославянском языке выделяется группа согласных, которые могли выступать и как твердые, несмягченные, и как мягкие согласные фонемы. К числу этих согласных относились [l], [n], [r], [s], [z]. В позиции перед гласными переднего ряда согласные [l], [n], [r] сохраняли твердость, в позиции перед гласными переднего ряда они получали полумягкость. Смягчение же согласных [l], [n], [r] последующим [j] приводило к возникновению мягких фонем [l'], [n'], [r']. Например: *равъ* — *режъ* [ravъ] — [r'ekъ], но *морє* [mog'e]; *нашь* — *нѣсти* [naš'ь] — [nesti], но *конь* [kop'ь]. Согласные [s] и [z] являлись мягкими фонемами тогда, когда они выступали на месте задненебных согласных [ch] и [g] в результате палатализации последних. При этом согласный [z'] восходит к бывшей аффрикате [dž'], утратившей свой звонкий затвор. Напри-

мер: *нога* — *ногѣ*, *ногѣ* [noga] — [nodž'ě], [noz'ě] (мест., дат. ед. ч.); *снаха* — *снахѣ* [sn'acha] — [sn'as'ě] (мест., дат. ед. ч.).

В заключение обзора согласных следует сказать, что в старославянском языке отсутствовал звук [f]. Буквы *д* (*дита*) и *ф* (*фрътъ*), употреблявшиеся для передачи звука [f], встречались только в заимствованных словах.

§ 28. Для передачи согласного звука [j] в старославянских азбуках не было особой буквы. Сочетания с [j] передавались с помощью употребления йотованных букв: *ю-[je]*, *ѡ-[ja]*, *ю-[ju]*, *ѡ-[jе]*, *ѡ-[jо]*. Йотованная буква в составе слова могла иметь разное значение. Так, если йотованная буква употреблялась в начале слова (или после гласной), то она указывала на наличие целого слога, состоявшего из [j] в сочетании с последующим гласным. Например: *ютро* [ju-tro], *юсєнь* [je-se-нь], *моєго* [mo-je-go], *нобага* [no-va-ja] и т. д.

Если же йотованная буква употреблялась после согласной, то она указывала только на мягкость предшествующего согласного. Например: *морє* [mog'e], *морѣ* [mog'a], *морю* [mog'u] и т. д. Наряду с этим мягкость согласного могла обозначаться и надстрочным значком: *морѣ* [mog'e], *морѣ* [mog'a], *конь* [kop'ь] и т. д.

Иногда писцы при обозначении мягкости согласных использовали оба эти способа: *морѣ*, *земѣ* и т. д.

ПОЗДНЕЙШИЕ ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОТРАЗИВШИЕСЯ В ПАМЯТНИКАХ XI И ОТЧАСТИ X ВВ.

§ 29. Возникновение старославянской письменности относится ко второй половине IX в. Между тем старославянские памятники, дошедшие до нас, были написаны в X—XI вв. и, следовательно, отделены от момента возникновения старославянской письменности периодом в полтора-два века. За это время старославянский язык не оставался неизменным, он продолжал развиваться.

Изменения, отраженные в памятниках старославянского языка, следует разделить на две группы: 1) изменения, связанные с судьбой редуцированных, и 2) изменения, не связанные с судьбой редуцированных.

СУДЬБА РЕДУЦИРОВАННЫХ [ъ] И [ь]

§ 30. Редуцированные [ъ] и [ь] пережили в старославянском языке несколько изменений. Одно из наиболее ранних изменений редуцированных [ъ] и [ь] состояло в том, что в положении после шипящих [š], [ž], [č], [št], [žd] редуцированный [ъ] заменился редуцированным [ь]. Данное изменение еще не отражено в наиболее древних старославянских памятниках, в Киевских листках и Зографском евангелии. Однако эта замена редуцированного переднего

ряда [ъ] редуцированным заднего ряда [ъ] после шипящих отражена в большинстве старославянских памятников, особенно в Саввиной книге. Например: прихъдъ (шѣ) — Лук. XV, 15; X, 32; Ио. XIX, 33; къзложъше — Лук. X, 30; кѣчнѣжъ — Лук. X, 25; дажъжнъ — Ио. XIX, 7; кашъ — Ио. XIX, 14; гръчъскы — Ио. XIX, 24 и т. д. (вместо прихъдъ (шѣ), къзложъше, кѣчнѣжъ, дажъжнъ, кашъ, гръчъскы и т. д.). Как показывают приведенные примеры, подобное изменение происходило независимо от того, в какой позиции находился редуцированный [ъ], в сильной или слабой.

Некоторые исследователи полагают, что подобная замена редуцированного [ъ] редуцированным [ъ] была вызвана отвердением шипящих. Однако А. М. Селищев связывает подобную замену редуцированных с явлением диспалатализации гласных, считая, что здесь отразился тот же процесс, который имел место при изменении [ĕ] (<[ē]) в гласный [а] после сильно смягченных согласных [j], [ž], [š], [č].

§ 31. Редуцированные гласные [ъ] и [ь] в X—XI вв. подверглись двум изменениям в зависимости от позиции в слове: 1) в одних условиях они утрачивались, 2) в других — прояснялись в гласные полного образования. Утрата редуцированных происходила тогда, когда они находились в слабой позиции, а прояснение их в гласные полного образования [е] и [о] — когда они были в сильной позиции (см. выше § 21).

Эти процессы изменения редуцированных нашли отражение в памятниках старославянской письменности.

Киевские листки еще не дают никаких данных, которые позволили бы судить об изменении редуцированных [ъ] и [ь]. В этом памятнике знаки редуцированных ж и ъ употребляются всегда правильно, т. е. там, где они произносились в живой речи. В памятнике только два раза вместо къкъжъ написана форма къкъжъ, что А. М. Селищев считает опиской писца. В Зографском евангелии наблюдается уже много отклонений от правильного употребления букв ж и ъ, и это свидетельствует о существенных изменениях, происшедших в живой речи писца. Так, Зографское евангелие в ряде случаев отражает переход в сильной позиции [ъ] > [о], [ь] > [е]: црѣкоѣ — Мф. XVI, 18; XXVII, 40; Мр. XI, 16 (вм. црѣкъѣ), тогда — Мф. IV, 1, 5, 10, 11; VII, 23; XII, 22; XVI, 20, 24 (вм. тѣгда), пришедъ — Мф. IV, 13; VIII, 7, 14; IX, 23 (вм. пришьдъ), гжъчь — Мф. VII, 4 (вм. гжъчь), подобенъ — Мф. XIII, 52; Лук. VI, 48, 49 (вм. подовьнъ), токмо — Мф. V, 47; X, 42 (вм. тѣкмо), висеръ — Мф. VII, 6 (вм. висьръ), отъ старецъ — Мф. XVI, 21 (вм. отъ старьць), образъ — Мф. XII, 16 (вм. образъ съ), когда — Мф. XXIV, 3; XXV, 38, 39, 44; Лук. XVIII, 20 (вм. къгда) и др. Эта черта была свойственна тем глаголическим старославянским памятникам, которые отражали македонскую речь (Маринское евангелие, Ассеманиево евангелие, сборник Клоца и особенно Синайская псалтырь). Например, в Маринском евангелии: кѣренъ — Лук. XVI, 10, XIX, 17 (вм. кѣрьнъ), крѣпокъ — Лук. XV, 14 (вм. крѣпкъ), день — Лук. XIII,

14, 31; XVII, 30, 31; XVIII, 7 (вм. днь), локоть — Мф. VI, 27; Лук. XII, 25 (вм. локтъ), скерокъ — Лук. XII, 53 (вм. скеркъ), кскркъ — Лук. IX, 19 (вм. къскркъ), слепецъ — Лук. XVIII, 35, (вм. слѣпецъ), отъ конецъ — Лук. XI, 31 (вм. отъ коньць), кѣнецъ — Ио. XIX, 5 (вм. кѣньць), пришедъ — Мф. II, 23; IV, 13; IV, 21; V, 24; VIII, 7; XII, 44; Лук. VII, 3 и т. д. (вм. пришьдъ), подобенъ — Мф. XIII, 52; Ио. VIII, 55 (вм. подовьнъ), отъ старецъ — Мф. XVI, 21 (вм. отъ старьць), когда — Мф. XIII, 15; Мр. XIII, 33, 35; Мф. XXV, 38, 39, 44 (вм. къгда), кротокъ — Мф. XI, 29; XXI, 5 (вм. кроткъ) и т. д.; в Ассеманиевом евангелии: пришедъ — Ио. XI, 17; Мф. XXV, 27; Ио. XII, 35 (вм. пришьдъ), конецъ — Лук. XVI, 24; Мф. XXIV, 31 (вм. коньць), тогда — Ио. XI, 6, 14; XII, 16; Мф. XXIV, 6, 9, 10, 14, 16 и т. д. (вм. тѣгда), къ ксь — Ио. XI, 30; Мф. XXVI, 36; Лук. XVII, 12 (вм. къ късь), днь — Ио. XII, 1, 12; Мф. XXVI, 50; Ио. VI, 39; Лук. XXIV, 47 и т. д. (вм. днь), когда — Мф. XXIV, 3 (вм. къгда), црѣкоѣ — Мф. XXVII, 40 (вм. црѣкъѣ), кѣнецъ — Мф. XXVII, 29 (вм. кѣньць), оцетъ — Мф. XXVII, 34 (вм. оцѣтъ) и т. д.; в сборнике Клоца: крокъ — I, 313, 316 (вм. кркъ), начатокъ — I, 625 (вм. начаткъ), кѣренъ — II, 20 (вм. кѣрьнъ), Пакелъ — I, 284; II, 82, 142 (вм. Пакълъ), крѣтъ — I, 608 (вм. крѣтъ), любокъ — II, 31 (вм. лювкъ), любокнѣмь — I, 534 (вм. лювкънѣмь), тогда — I, 292, 413, 421, 432 и т. д. (вм. тѣгда), пришедъшю — I, 333 (вм. пришьдъшю) и т. д.; в Синайской псалтыри: конецъ — 2^{а/18}, 5^{а/13}, 8^{а/16}, 20^{а/21} и т. д. (вм. коньць), праведна — 2^{б/11} (вм. правьдѣна), праведенъ — 6^{б/15}, 171^{б/22} (вм. правьдѣнъ), прѣподобенъ — 19^{б/5} (вм. прѣподовьнъ), непороченъ — 20^{а/9-10}, 22^{а/10} (вм. непорочьнъ), отъ стьсь — 21^{а/12} (вм. отъ стьсь), кскъ 23^{а/9}, 29^{а/10} (вм. късь), днь 21^{б/13}, 22^{б/22}, 24^{б/21} и т. д. (вм. днь), крѣпокъ — 28^{б/2-3}, 86^{б/9} (вм. крѣпкъ), съ сонмомъ — 30^{б/9} (вм. съ сонмомъ), црѣкоѣ — 30^{б/5} (вм. црѣкъѣ), тогда — 170^{б/1}, 126^{а/19} (вм. тѣгда), когда — 160^{б/4}, 149^{б/20} (вм. къгда), пришедъ — 155^{б/12}, 52^{а/12}, 52^{а/1} (вм. пришьдъ), къшедъ — 153^{б/9} (вм. къшьдъ), дньсь — 125^{а/9} (вм. дньсь), жьзлъ — 146^{б/7} (вм. жьзлъ), кѣренъ — 118^{б/26} (вм. кѣрьнъ), морекъ — 101^{б/10} (вм. морькъ).

Что касается слабой позиции редуцированных, то в этих памятниках отражается смешение в употреблении букв ж и ъ, а также пропуск их. Например, в Зографском евангелии: къде — Мф. XII, 42; XIV, 8, 17; XXIV, 23; XXVI, 38; XXVIII, 6 и т. д. и къде — Мф. XVI, 28; XVII, 7; много — Мр. VI, 20 и много — Мр. VIII, 31; къгда — Мф. XXVI, II; Мр. XIV, 7; Лук. XVIII, 1 и къгда — Лук. XIV, 31; висеръ — Мф. XIII, 46, но висьра — Мф. XIII, 45; къа — Мр. V, 40 и къа — Мф. IX, 35; XXV, 7; Мр. I, 32; III, 13 и т. д.; дньсь — Мф. VI, 30, но дньсь — Мф. XXVII, 19, дньсь — Мф. XXI, 28; подовьно — Мф. III, 15; XIII, 31, 33, 44, 45; Лук. XIII, 18, 19 и подовьно — Мф. XX, 1; Лук. XIII, 20; къто — Мф. VII, 9; VIII, 27; XII, 11, 48; Мр. II, 7 и др. и къто — Мф. XII, 29; XIX, 25; XXI, 3; къде — Мр. XIV, 14; XV, 47; Лук. VIII, 25; XVII, 37 и къде — Мф. VIII, 20 и т. д.; в Маринском евангелии: пѣтиць —

Лук. XII, 8 и птицъ — Мф. X, 31; Лук. XII, 6, 24; мьздаж — Мф. X, 41 и мьздаж — Мф. X, 41; кьси — Мф. XII, 23 и кьси — Мф. XI, 13, 28; мьногъ — Мф. XIV, 14 и мьногъ — Мф. II, 18, кѣрѣни — Лук. XVI, 11, 12 и кѣрѣни — Лук. XVI, 10; обьде — Лук. XVII, 21 и окьде — Лук. XVII, 23; подовьни — Лук. VII, 31, 32, подовьно — Мф. XIII, 23, 44, 45, 47; XX, 1; Лук. XIII, 18, 19 и подобно — Мф. XIII, 31; III, 15; книжницы — Мф. VII, 29; XV, 1; XVII, 10 и книжники — Мф. XII, 38; XVI, 21, книжники — Мф. II, 4, книжники — Мф. V, 20; чьто — Мф. VI, 3, чьто — Мф. IX, 5; XII, 3; XVI, 8 и чьто — Мф. V, 47; VI, 25; IX, 11; X, 19; XVI, 26 и т. д.; в Ассеманиевом евангелии: дьбою — Лук. VIII, 42, дька — Мф. XXV, 22 и дьбою — Лук. VIII, 43; пришедаж — Лук. XIV, 21, пришедаж — Мф. XXIV, 42 и пришедаж — Лук. VIII, 51; доньдеже — Ио. XII, 35 и дондеже — Ио. XII, 36; сътворити — Ио. XI, 37, сътвориша — Мф. XXVI, 19 и створж — Ио. XIV, 13; кьси — Лук. IX, 6; VIII, 52; кьси — Лук. XIV, 18; Мр. I, 37 и кьсе — Ио. VI, 37; чьто — Мф. XVIII, 12; Лук. VIII, 28; X, 26 и чьто — Лук. XXVI, 38 и т. д.; в сборнике Клоца: подовьномь — I, 406, подовьна — I, 244 и подовьни — II, 55; кьсего — I, 630 и кьсего — I, 630 (ср. кьсе — I, 401, 419), мьзды — I, 710; II, 122 (вм. мьздаж); кто — I, 287, 109 и кьто — I, 46, 236, 565, 929; сьзнъце — I, 577, 587, 679, 837 и сьзнъце — I, 328, 561, 787, 949, кьназъ — I, 89 и кьназа — I, 104; кѣрѣно — I, 912 и кѣрна — I, 148 (ср. кѣрѣнъ — II, 20); в Синайской псалтыри: до коньца — $9^{a/6}$, $10^{b/9, 14}$, $13^{a/5}$, $16^{a/5}$ и т. д. и до коньца — $9^{a/6}$, пракдаж — $27^{a/13}$, $4^{b/12}$, $14^{b/4}$ и пракдаж — $8^{a/10}$, 21 , $12^{a/4}$, озьлобленъѣ — $19^{a/7}$ и зьлоба — $6^{b/9}$, кьсѣ — $7^{b/9}$ и кьсѣ — $7^{b/21}$, бьнидетъ — $28^{a/20}$ и бьнидетъ — $28^{b/8-9}$, кьто — $3^{b/18}$, $5^{b/5}$, $14^{a/19}$, $22^{b/6}$, $28^{b/2, 9}$ и т. д., кьто — $12^{b/5}$ и кто — $144^{a/13, 14}$, мьнѣ — $21^{a/16}$, мьнѣ — $83^{a/21}$ и мьнѣ — $3^{a/14}$, $13^{b/4}$, $51^{a/7}$, $52^{b/14}$, $85^{b/8}$, грѣшници — $9^{a/1}$, $121^{b/22}$ и грѣшници — $11^{b/3}$, кьса — $4^{b/1, 3}$, $7^{b/10}$ и кьса — $31^{b/6-7}$, младенцемиж — $17^{a/17}$, младенца — $177^{a/17}$ и младенцемиж — $164^{a/13}$, сътвори — $151^{a/20}$ и створи — $7^{a/5}$.

В Ассеманиевом евангелии буквы ж и ѣ зачастую не пишутся даже в конце слова, где они, несмотря на то что обозначали редуцированные гласные, находящиеся в слабой позиции, и, следовательно, подвергались утрате, долго еще сохранялись в написании в других старославянских памятниках по традиции: ѣдѣм — Ио. XI, 16, градет — Ио. XI, 20, кѣрокаж — Ио. XI, 27, плачет са — Ио. XI, 31, был — Ио. XI, 32, съблюдет — Ио. XII, 7, нам — Мф. XXIV, 3; прѣдадат — Мф. XXIV, 9, вѣдет — Мф. XXIV, 28; XXVI, 2; Ио. XV, 7, възплачат са — Мф. XXIV, 30, речет — Мф. XXIV, 48, начьнет — Мф. XXIV, 49, положит — Мф. XXIV, 51, коупит — Мф. XXV, 10, кѣдѣах — Мф. XXV, 24, жьсток — Мф. XXV, 24, кь дом — Мф. XXVI, 6, оученик — Мф. XXVI, 18, иудеѣм — Ио. VI, 39, 47, мьнит са — Ио. XVI, 2, кь иудеѣх — Ио. XI, 54, ѣтх них — Ио. XII, 36, мьног — Лук. VIII, 27, некрѣн — Лук. IX, 41, прид — Мр. I, 38 и т. д.

Иначе отражается судьба редуцированных в кириллических памятниках. Так, в Саввиной книге и Зографских листках отражается изменение в сильной позиции [ъ] > [о], [ѣ] > [е] только

в ударенном конце односложных слов. В Саввиной книге, как полагают, отражен один из диалектов восточной Болгарии.

Супрасльская рукопись, „Листки Ундольского“ и „Хиландарские листки“ представляют примеры перехода сильного [ъ] в [е], но почти не дают примеров на переход сильного [ъ] в [о].

Например, в Хиландарских листках: вьзгрѣшенъ — I, Аа 14 (вм. вьзгрѣшнъ), пришегити — I, Аа 24 (вм. пришегити), доврочьстнъи — II, Вв 1 (вм. доврочьстнъи), благочьстнъихъ — II, Вв 6—7 (вм. благочьстнъихъ), нечьстнѣ — II, Вв 15 (вм. нечьстнѣ); в „Листках Ундольского“: пришедше — 9 (вм. пришедше), тогда — 8, 33 (вм. тьгда), шьдше — 13, 16—17 (вм. шьдше), пришедши — 63 (вм. пришедши), пракьдши — 33 (вм. пракьдши), скрѣжеть — 32 (вм. скрѣжеть); в Супрасльской рукописи: пришедшиимъ — 47₂₄₋₂₅ (вм. пришедшиимъ), пришедаж — 50₁, 72₁₈ (вм. пришедаж), коньца — 51₃₈, 67₃₀ (вм. коньца), денъ — 72₁₉ (вм. дьнь), пракьдника — 215₁₀ (вм. пракьдника).

Что касается слабой позиции редуцированных, то в этих памятниках наблюдается смешение и пропуск букв ж и ѣ, когда они отражали слабые редуцированные [ъ] и [ѣ] (при этом в „Листках Ундольского“ представлена в написании только одна буква ж): в Хиландарских листках: тьмож — II, Ав 11 (вм. тьмож), сѣтъгла — II, Аа 23 (вм. сѣтъгла), обьходитъ — II, Ва 15 (вм. обьходитъ), пракѣрѣнъихъ — II, Вв 19 (вм. пракѣрѣнъихъ); в листках Ундольского: подобно — 3 (вм. подовьно), полъса — 161 (вм. польса), кто — 68, 71 (вм. кьто), мьногъ — 57 (вм. мьногъ), пшеница — 7 (вм. пшеница), кьса — 30 (вм. кьса); в Супрасльской рукописи: зьло — 211₂₇ и зьло — 211₂₂, мнѣ — 49₁₄, 54₁₄ и мьнѣ — 210₃₀, ськашти — 50₁₅ и ськашти — 50₂₁, мнѣахъ — 52₁₈ и мьнѣаше са — 212₁₁, пракьдника — 215₁₀ и пракьдника — 216₂₇, 217₄, пракьдника — 217_{6, 20}, 219_{13, 25}, кьзѣмише — 219₁₆ и кьзѣмише — 219₇, црѣжкѣ — 220₂₉, 254₁₈ и црѣжкѣ — 219₁₀, градаж — 221₄ и градаж — 218₉, дька — 255₁₂, дька — 52₂₁ и дькъма — 217_{1, 24}, старѣць — 299₈ и старцоу — 298₂₀, и т. д.

В Македонском кирилловском листке, независимо от позиции, представлена только одна буква ѣ для обозначения редуцированных гласных [ъ] и [ѣ]: сьнавьдѣкьше — I, 3; жьтъ — I, 5, 7, 24; II, 19; зьлокѣрѣни — I, 10; оученикъ — II, 26; глакьнь — II, 5; кракьнь — II, 3; великъ — II, 26; кьде — I, 18.

§ 32. Отражение утраты слабых редуцированных в старославянских памятниках.

Старославянские памятники представляют незначительное количество примеров с отсутствием ж и ѣ в конце слова. Но малочисленность написания слов без ж и ѣ в конце слова не имела фонетического значения: книжники легко запоминали, что в конце слова следует писать ж или ѣ, и употребляли их там по традиции. Исключение в этом отношении составляет только Ассеманиево евангелие,

¹ По техническим причинам для передачи аффрикаты [dz'] в старославянских примерах использована буква „з“.

где имеется много написаний без **х** и **ь** в конце слова. Утрата редуцированных [ъ] и [ь] перед слогом с гласным полного образования происходила в болгарских говорах, отразившихся в старославянских памятниках, не одновременно во всех словах. При некоторых условиях редуцированные утрачивались раньше, при других — позднее.

По-видимому, наиболее благоприятными фонетическими условиями ранней утраты слабых редуцированных являлись следующие:

1. Употребление редуцированных [ъ] и [ь] в начале слова между согласными [p]/[s] (пъгати), [p]/[š] (пъшеница), [m]/[n] (мзного), [v]/[s] (къге), [p]/[t] (пътица).

2. Употребление редуцированного [ь] в суффиксе перед сонорным согласным: къръна, подобъна, прикъна, козьла и т. д.

3. Чаше редуцированный [ъ] или [ь] утрачивался тогда, когда он не получал в пределах данного слова чередования с сильной позицией. Ср. книжничъ и гзна (от гзнъ).

4. Более ранняя утрата [ъ] и [ь] перед слогом с гласным полного образования была обусловлена не только артикуляцией соседних согласных и положением в начале слова, но известную роль здесь играл и синтаксический фактор. Так, например, во многих местоимениях и наречиях, в связи с более слабым их произношением по сравнению с именами и глаголами, редуцированные [ъ] и [ь] в слабой позиции подвергались довольно ранней утрате. Например: кто, что, гдѣ и т. д. (вместо къто, чьто, къде и т. д.).

В отличие от перечисленных выше существовали и такие условия, где редуцированные **х** и **ь** сохранялись дольше. Это прежде всего относится к тем группам согласных, произношение которых без редуцированных было затруднено. Например: [d]/[n] (дзно), [t]/[m] (тъма), [m]/[st] (мьстити) и т. д. Но и здесь в дальнейшем редуцированные подвергались утрате. Следовательно, слабые редуцированные [ъ] и [ь] не были устойчивой категорией, в одних условиях они исчезали быстрее, в других — медленнее.

§ 33. В старославянских памятниках XI в. наблюдается весьма частое смешение в употреблении букв **х** и **ь** в том случае, когда ими обозначались редуцированные [ъ] и [ь] в слабом положении: пишется **х** вместо **ь**, и наоборот.

Акад. И. В. Ягич впервые обратил внимание на то, что подобная мена знаков редуцированных находилась в зависимости от следующего слога: перед слогом с гласным заднего ряда писался **х** (вхрати, дхрати, вздокица, къръна, дзка и т. д.), а перед слогом с гласным переднего ряда писался **ь** (дъкъѣ, въдѣти, къръни, зьлѣ и т. д.). И. В. Ягич и его последователи считают, что подобная мена букв **х** и **ь** отражала соответствующее явление речи, а именно ассимиляцию слабых редуцированных с последующим слогом. По их мнению, это явление относилось к более раннему времени, чем эпоха написания дошедших до нас памятников, и именно к тому периоду, когда в славянской фонетической системе употреблялись

еще редуцированные [ъ] и [ь] в слабом положении. В период же написания дошедших до нас старославянских памятников слабые редуцированные [ъ] и [ь] уже не произносились. В связи с этим нет выдержанности в передаче мены букв **х** и **ь** в зависимости от следующего слога: пишут дзка и дьба, дхни и дьни и т. д.

Однако мена букв **х** и **ь** в старославянских памятниках XI в. имеет и другое объяснение. Так, А. Лескин и А. М. Селищев считают, что подобная мена отражает явление, имевшее место после утраты редуцированных [ъ] и [ь] в слабой позиции. По их мнению, написание, например, вхрати вместо върати отражает твердое произношение губного согласного [b], оказавшегося после утраты редуцированного [ь] перед следующим твердым звуком, и, наоборот, написание дькъѣ вместо дъкъѣ отражает смягченное произношение звука [d], оказавшегося после утраты редуцированного [ъ] перед следующим смягченным согласным.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ [ǔ] и [ǐ]

§ 34. В старославянском языке, как об этом упоминалось выше (см. § 22), наряду с редуцированными [ъ] и [ь] существовали редуцированные [ǔ] и [ǐ]. Эти редуцированные, находясь в слабой позиции, ко времени написания дошедших до нас старославянских памятников XI в. утратились. Вот несколько примеров, указывающих на утрату редуцированного [ǐ] в слабой позиции: време — Син. пс. 21^{а/з} (вм. врьние), крокиж — сб. Кл. I, 313, 316 (вм. крѣкиж), пришеѣткие — Ас. ев., Мф., XXIV, 27, 39 (вм. пришьѣткие) и т. д. Гласные [o] и [e] вместо [ъ] и [ь] появились благодаря утрате в следующем слоге редуцированного [ǐ], находившегося в слабой позиции.

Примеров с редуцированным [ǔ], находящимся в слабой позиции, в старославянских памятниках не сохранилось. По-видимому, его утрата произошла значительно раньше.

Что касается редуцированного гласного [ǐ], находившегося в слабой позиции, то в XI в. он, как показывают приведенные выше примеры, уже не существовал в фонетической системе тех говоров, которые отразились в старославянских памятниках. Поэтому слова типа знамение, когыж и т. д. произносились в это время как [znapeŋ'je], [kost'jo], а буква и/ь, обозначающая [ǐ], имела здесь чисто графическое значение: она указывала на наличие [i] ([j]) после согласного.

Редуцированные гласные [ǔ] и [ǐ], находясь в сильной позиции, прояснились к X—XI вв. в гласные полного образования [u] и [i].

На письме они по-прежнему передавались буквами **ѣ** и **и**. В старославянских памятниках очень часто можно встретить употребление стяженных форм: сочетания [ǔ i], [ǐ i] или позднее [yǐ], [i i] (гласный [ǐ], находясь в заударном слоге после гласного, становился редуцированным, а позднее и неслоговым) подверглись асси-

миляция и стяжению в один гласный [y] или [i]. Например, мѣдрѣи — Зограф. ев., Мф. XXV, 9 (вм. мѣдрѣи), кѣчынѣи — Зограф. ев., Лук. XVIII, 18 (вм. кѣчынѣи), которѣи — Мар. ев., Лук. VII, 43, XXII, 23 (вм. которѣи), чѣкчкѣи — Мар. ев., Лук. VII, 34; Ио. XIII, 31 (вм. чѣкчкѣи), друугѣи — Мар. ев., Лук. IX, 61 (вм. друугѣи), лѣ(ка)кѣи — Син. пс., 4^а/₁₉ (вм. лѣкѣи), прѣкѣдѣи — Син. пс., 47^б/₂₀ (вм. прѣкѣдѣи), доврѣи — Мар. ев., Ио. X, 11, 14 (вм. доврѣи).

Если не происходило стяжения, то конечный редуцированный [i] < [i] в сочетаниях [yī] и [iī] становился в славянских языках неслоговым: [umyī], [dobryī], [pīi] (вместо [umy], [dobry], [pī]). В старославянских памятниках встречаются формы типа господен — Мар. ев., Мф. XV, 27 (вм. господин), людѣи — Мар. ев., Мр. XIII, 15 (вм. людин), дѣтѣи — Мар. ев., Мф. XV, 38; Лук. VII, 16 (вм. дѣтѣи), волѣи — Мар. ев., Лук. XXII, 24; Ио. IV, 12; VIII, 53; XIII, 16 (вм. волни), нарицаемои — Мар. ев., Ио. XXI, 2 (вм. нарицаемыи), дьнеи — Мар. ев., Лук. II, 44; V, 17 (вм. дьнии), оумерои — Мар. ев., Ио. XII, 1 (вм. оумерыи), крохвѣи — Син. пс., 40^б/₁₇₋₁₈ (вм. крохвѣи), печалѣи — Син. пс., 41^б/₇ (вм. печалии), пѣснѣи — Син. пс., 176^б/₂₀ (вм. пѣснии), запобѣдѣи — Син. пс., 160^б/₁₅, 156^б/₁₉, 155^б/_{14, 20}, 118^б/₉ (вм. пѣснѣи), лѣкакои — Син. пс. 14^б/₁₂ (вм. лѣкакѣи), прѣподовзнои — Син. пс., 12^а/₉ (вм. прѣподовзныи), нечѣстикои — Син. пс., 10^б/₁₆ (вм. нечѣсткѣи), ништѣи — Син. пс., 11^а/₂, 40^б/₂₂ (вм. ништѣи), волѣзнеи — Син. пс., 124^а/₁₆ (вм. волѣзныи), опракъданѣи — Син. пс., 161^а/₁₂, 160^б/₁, 156^б/₁₂ (вм. опракъдании), людѣи — Син. пс., 149^а/₁₆, 137^б/₁₀, 124^а/₁, 118^а/₆ (вм. людин), дьнеи — Син. пс., 160^б/_{2, 3}, 131^а/₁₃, 51^а/₁₂, 121^б/₁ (вм. дьнии) и т. д. Употребление здесь гласных [o] и [e] вместо [y] и [i] указывает на то, что они возникли в данном случае на месте редуцированных [ъ] и [ь], находившихся в сильной позиции. Наличие [ъ] и [ь] в этих формах было вызвано влиянием родственных форм и основ, в которых [ъ] и [ь] не находились перед [i]. Например, в слове лѣкакѣи звук [ъ] перед [i] мог не измениться в [y] > [y] под влиянием именной формы лѣкакѣ; форма род. п. мн. ч. с окончанием [-ѣи], например дьньи, людѣи и т. д., вместо окончания [-ii]: дьнии, людин и т. д., вызвана связью с другими формами, где сохранялся [ъ], например дьньмѣ, дьньмѣи, дьньмѣхъ и т. д.

СЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ [ъ] И [ь]

§ 35. В результате утраты редуцированных [ъ] и [ь] в слабой позиции произошли очень большие изменения в фонетической структуре старославянского языка, отразившиеся в памятниках письменности.

1. С утратой слабых редуцированных [ъ] и [ь] создалась возможность употребления закрытых слогов (как в конце слова, так и в середине слова). Например: [rabъ] рабѣхъ > [rab], [synъ] сынѣхъ > [syn], [damъ] дамѣхъ > [dam], [pōtъ] пѣтъхъ > [pōt] и т. д.

Однако в конце слова еще долго сохранялось традиционное употребление (написание) букв ѣ и ѣ, хотя они уже не обозначали звуков. Написание их указывало на выучку писца, а может быть имело и некоторое морфологическое значение. Так, например, написание слова гъвѣль [guběl'] с ѣ в конце слова указывало на то, что данное слово относится к склонению существительных типа когть (бывш. скл. с основой на -i).

2. Вследствие утраты слабых редуцированных [ъ] и [ь] возникли сочетания согласных, ранее невозможные в старославянском языке. Например, [tl], [dl], [tn], [dn], [pn], [bs]; [ks], [kt], [ps] и др.: [kъto] (кто) > [kto] (кто), [sedъlo] (сѣдѣло) > [sedlo] (сѣдло), [světъla] (свѣтъла) > [světla] (свѣтла), [dъni] (дъни) > [dni] (дни), [pъsi] (пъси) > [psi] (пси) и т. д.

В XI в. появились в старославянском языке сочетания [pn], [bn] (пн, бн) и иного происхождения; они возникли вследствие нового присоединения глагольных суффиксов [-nō] -нѣ в инфинитивной основе, [-ne] -нѣ в основе настоящего времени к корню, оканчивающемуся на [b-] и [p-]: погъвнѣтъ — Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Лук. XXI, 18; Зогр. ев., Ио. VI, 12; Син. пс., 54^а/₁₄; погъвнѣтъ — Зогр. ев., Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXVI, 52; Мр. II, 22; Лук. V, 37; Ио. X, 28; Син. пс., 8^а/₆, 131^а/₂₁; (нѣ) погъвнѣ — Син. тр., 83^б/₂₁, 84^а/₆; ѡгъльпнѣша — Супр. 323₃, ѡгъльпнѣша — Супр., 197₁₀, прозвнѣтъ — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 32; Мр. XIII, 28 и т. д.

3. В новых сочетаниях согласных, возникших вследствие утраты слабых редуцированных [ъ] и [ь], стала возможна ассимиляция их по глухости и звонкости. Например, [sbde] съдѣ > [sde] сдѣ > [zde] здѣ — Зогр. ев., Мф. XVII, 4; XX, 6; XXIV, 2; [kъto] ккто > [kto] кто > [hto] что — Мар. ев., Мф. III, 7.

Вследствие тесного объединения слов во фразе в ряде сочетаний произошла ассимиляция конечного согласного одного слова с начальным согласным следующего слова. Многочисленные примеры такой ассимиляции отражены в Синайской псалтыри: на-дѣлы — 7^б/₇ (вм. на(д)дѣлы), подѣ языко-моимѣ — 79^б/₁₄ (вм. подѣ языком(ь) моимѣ), поклонит-гѣа — 78^б/₁₃ (вм. поклонит(х)тѣ гѣа), вхъздыханьѣ-моимѣ — 5^б/₇ (вм. вхъздыханьѣм(ь) моимѣ), гъдѣце-моимѣ — 115^а/₃ (вм. гъдѣцем(ь) моимѣ), сѣты-моимѣ — 118^а/₈ (вм. сѣтым(ь) моимѣ).

4. Происходит образование вторичных слоговых плавных перед согласными в результате утраты между ними слабых редуцированных [ъ] и [ь].

Ед. ч. Им. [krъstъ] (кръстѣ) > [krest(ъ)]
Род. [krъsta] (кръста) > [krsta] > [krsta]
Дат. [krъstu] (кръстоу) > [krstu] > [krstu] и т. д.

Если в первом случае редуцированный [ъ] после плавного [r], оказавшись в сильной позиции, прояснялся в гласный полного образования [e], то в двух других редуцированный находился

в слабой позиции и, следовательно, подлежал утрате. Утрата слабого редуцированного перед слогом с гласным полного образования приводила к развитию слоговости плавным согласным. В результате одно и то же слово в разных формах имело разные основы: то со слоговым редуцированным, прояснявшимся в гласный полного образования, то со слоговым плавным, развившим слоговость после утраты слабого редуцированного. Утрата слабых редуцированных после плавных [r] или [l], развивших слоговость, отражена в памятниках старославянской письменности смещением в употреблении знаков редуцированных **ѣ** и **ь** или иногда их пропуском: **ѣлѣзѣ** — Мар. ев., Мр. IX, 24; Лук. VII, 38, 44 (вм. **ѣлѣзи**); **крѣстѣлѣ** — Мар. ев., Мр. VIII, 28; Зогр. ев., Мф. XI, 11, 12; XIV, 8; XVI, 14; **крѣстѣлѣ** — Мар. ев., Лук. VII, 28; Мф. XI, 11, 12 (вм. **крѣстѣлѣ**); **ѣз крѣта** — Зогр. ев., Мф. XXVII, 40, 42 (вм. **ѣз крѣта**); **ѣзкрѣсе** — Зогр. ев., Мф. XIV, 2; Мар. ев., Лук. XIII, 55; IX, 8 (вм. **ѣзкрѣсе**); **до крѣке** — Мар. ев., Мф. XXIII, 35 (вм. **до крѣке**); **оутрѣни** — Мар. ев., Мф. VI, 34 (вм. **оутрѣни**); **кокрѣкѣнѣ** — Син. пс., 12^{6/8} (вм. **ѣзкрѣкѣнѣ**); **ѣлѣзы** — Син. пс., 55^{а/7}, 69^{6/9} (вм. **ѣлѣзы**); **пѣлѣтѣкѣ** — Син. тр. 3^{а/13} (вм. **пѣлѣтѣкѣ**); **крѣкѣ** — Син. пс., 8^{6/8} (вм. **крѣкѣ**); **крѣта** — Супр., 428^{16, 19-20}, 65²² (вм. **крѣта**); **крѣта** — сб. Клоца 1. 718 (вм. **крѣта**); **пѣлѣтѣ** — Супр. рук., 11^{8, 26}, 448^{8, 6}, 456⁶ и т. д.

Старославянские памятники XI в. представляют указание на объединение звукового вида основы для разных форм. При этом объединение основы шло в направлении обобщения для всех форм основы со слоговым плавным [r] или [l].

В памятниках письменности это нашло отражение в том, что знаки редуцированных **ѣ** и **ь**, отражавшие сильные редуцированные [ъ] и [ь], смешивались или совсем пропускались: [krv(ъ)] **крѣкѣ** — Мар. ев., Мф. XVI, 17 (вм. **крѣкѣ**), [pl(ъ)] **пѣлѣтѣ** — Мар. ев., Ио. VI, 51; Зогр. ев., Мф. XVI, 17; Ас. ев., Ио. VI, 51 (вм. **пѣлѣтѣ**), [krv(ъ)] **крѣкѣ** — Зогр. ев., Мф. XXVII, 4; Сав. кн., Мф. XXVI, 28; XXVII, 4, 25, 49 (вм. **крѣкѣ**), [krst(ъ)] **крѣстѣ** — Зогр. ев., Мр. X, 21; сб. Кл. I, 574, 587, 610, 611, 648, 718—719 (вм. **крѣстѣ**), [krst(ъ)] **крѣстѣ** — Сб. Кл. I. 588, 591 и т. д.

ПРОЦЕССЫ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ПАДЕНИЕМ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 36. В фонетической системе болгарских говоров, которые легли в основу языка кирилло-мефодиевских переводов, согласные [š], [ž], [č], [š̌], [ž̌], [c], [ď] были мягкими по своему происхождению. Гласные переднего ряда [a], [o], [u] после данных согласных несколько продвигались вперед: [a], [o], [u]. Мягкость данных согласных нашла отражение в графике старославянских памятников. Так, в них можно встретить после **ш**, **ж**, **ч**, **шт**, **жд** написание **ѣ** (**Δ**). Например, **доушѣми** — Киев л. III⁶ 12—13; **нашѣ** — Киев. л.

V⁶ 8, 16, II⁶ 16, III 20, V 21, VII⁶ 12; **ѣкѣкѣ** — Мар. ев., Лук. IV, 5; **покажѣте** — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XX, 24; **иштѣте** — Мар. ев., Зогр. ев., Мф. VI, 33; **можѣхѣ** — Мар. ев., Лук. VIII, 19; **покажѣте** — Сав. кн., Мф. XXII, 14; **множѣша** — Сав. кн., Мф. XXI, 36; **иштѣте** — Сав. кн., Мф. VII, 7; Лук. IX, 9; XI, 9; **паштѣнѣкѣ** — Ас. ев., Мр. XV, 46; **оужѣкѣ** — Син. пс., 37^{а/21}; **ѣкѣлѣкѣте** — Син. пс., 60^{6/2-4}; **ѣзѣлѣкѣте** — Син. пс., 174^{а/16}; **хождаше** — Зогр. ев., Мар. ев., Ио. XXI, 18; **ѣкѣкѣ** — Зогр. ев., XIV, 35; **множѣша** — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXI, 36; **ѣкѣкѣ** — Зогр. ев., Мф. XIX, 1 и т. д.

Однако наряду с подобным написанием встречается и употребление буквы **ѣ** (**+**).

Так, в наиболее древнем старославянском памятнике — Киевских листках — написания с буквой **ѣ** (**+**) после этих согласных еще единичны: **ѣзгрѣшати** — IV²¹, **папѣжа** — I^{6/4}.

В Зографском ев., Маринском ев., Синайской псалтыри и особенно в Ассеманиевом ев. написания с **ѣ** (**+**) значительно чаще: **чаша** — Мар. ев., Мф. XXVI, 39, 42; **мѣчаше** — Мар. ев., Мф. XXIV, 63; **ишѣдѣша** — Мар. ев., Мф. IX, 31; **шѣдѣша** — Зогр. ев., Мф. IX, 31; **ѣжѣша** — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 33; **можѣше** — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 28; **ѣлѣша** — Син. пс., 37^{6/3}; **ѣлоуѣше** — Син. пс., 129^{6/13}; **ѣлѣни** — Син. пс., 81^{6/4-5}, **ѣаниѣ** — Син. пс., 163^{а/6}; **хождаше** — Ас. ев., Ио. V, 9; VIII, 59; X, 23; **ѣкѣкѣ** — Ас. ев., Ио. I, 52; **ѣольша** — Ас. ев., Ио. I, 51; **ѣшѣ** — Ас. ев., Ио. I, 51; **отѣкѣша** — Ас. ев., Ио. II, 19; Ио. V, 7, 19; Лук. XXIV, 18; Ио. III, 5, 9, 10 и т. д. Для Сборника Клоца и Супрасльской рукописи характерны уже написания с **ѣ** (**+**) **дрѣжѣка** — сб. Кл. 552, **ѣлѣчѣтѣ**, **пѣчѣти** — сб. Кл. 913, **ѣкѣшѣго** — сб. Кл. 320, **ѣлѣшахѣ** — Супр. 19²⁸, **мѣжа** — Супр. 43²⁹, **наѣлѣдѣжѣшѣи** **Δ** — Супр. 23²⁴, **чѣшѣ** — Супр. 469²², **ѣучѣхѣ** — Супр. 45²⁶⁻²⁷ и т. д.

В написаниях с **ѣ** (вместо **ѣ** — **Δ**) после **ш**, **ж**, **ч**, **шт**, **жд** многие видят указание на отвердение данных согласных. По мнению же А. М. Селищева, подобные написания не обязательно свидетельствуют об отвердении предшествующих согласных, а скорее отражают диспалатализацию (диссимилиацию) гласного после мягкого согласного, подобно древнейшему славянскому изменению [e] в [a] после [j], [č], [š], [ž].

В старославянских памятниках, в которых встречается написание **ѣ** (**+**) после **ш**, **ж**, **ч**, **шт**, **жд**, наблюдается очень частое употребление буквы **ѣ** после этих шипящих (исключение составляет только Супрасльская рукопись), что лишний раз свидетельствует о том, что звуки, обозначавшиеся этими буквами, являлись мягкими: **ѣкѣрѣшѣ** — Зогр. ев., Мф. VI, 3; **ѣудиша** **ѣл** — Зогр. ев., Мф. VIII, 27; IX, 8; Лук. VIII, 25; Мар. ев., Лук. I, 63; **шѣоца** — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VI, 3; **шѣмѣ** — Зогр. ев., Лук. IV, 37; **ѣкѣлѣшѣ** — Зогр. ев., Мф. V, 22; Мар. ев., Лук. VIII, 41; **между** — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. VII, 31; Лук. XVI, 26; **мѣжѣ** — Мар. ев., Мр. X, 2; Лук. XIX, 17; **ходашѣ** — Мар. ев., Мр. II, 23; Мф. IX, 26; **ѣлѣдѣшѣ** — Мар. ев.,

Мр. XV, 21; *чюдеса* — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 24; Мр. XIII, 22; Син. пс. 30^{6/13}, 60^{а/15}; *нищомоу* — Син. пс. 81^{а/17}; *келациомоу* — Син. пс. 56^{а/13}; *шюма* — Син. пс. 55^{а/16}, 98^{6/11-13}; *междурамье* — Син. пс. 81^{6/4}; *кождю* — Син. тр. 51^{6/9}; *чюкыткиѣ* — Син. тр. 7^{6/8}; *брачу* — Син. тр. 24^{6/1}; 25^{6/18}; 38^{6/10}; 68^{а/9}; *ѣжциомоу* — Син. тр. 12^{6/3-6}; *пришедшию* — Син. тр. 7^{а/6}; *выкшию* — сб. Кл. I, 127, 756, 935, 948; *тажю* — сб. Кл. I, 145; *ѣжшю* — сб. Кл. I, 329; *гѣжшю* — сб. Кл. I, 112, 135; *междю* — сб. Кл. I, 527—528; *нечюкытыѣ* — сб. Кл. II, 113; *чудо* — Ас. ев., Ио. IV, 54; *ѣжцю* — Ас. ев., Ио. V, 13; *междю* — Ас. ев., Ио. IV, 31; *брачу* — Ас. ев., Лук. IV, 23; *шюж* — Ас. ев., Мр. X, 40 и т. д. Но и здесь начинается сказываться результат диспалатализации гласного после мягкого согласного, что в старославянских памятниках отражается в написании буквы *оу* после *ш, ч, ж, шт, жд* и наиболее последовательно проведено в Супрасльской рукописи: *чоудо* — 458₂₁; *междоу* — 451₉; *можштоу* — 465₈₋₉; *на плештоу* — 469₁₃, *мжжоу* 25₇; *глаголжштоу* — 471₁ и т. д.

Особого замечания требуют свистящие аффрикаты [с], [d̥z] и мягкий согласный [s], возникший на месте [ch] в результате палатализации последнего.

В старославянских памятниках большей частью после букв *ц* и *з* (>з) пишется *а* и *оу* и крайне редко встречаются написания с *ѣ* и *ю*: *шюца* — Зогр. ев., Мф. VI, 3; *дешица* — Зогр. ев., Мф. VI, 3; *лица* — Зогр. ев., Мф. VI, 16; *польза* — Зогр. ев., Мр. VIII, 36; Лук. IX, 25; *ѣжизаѣтѣ* — Мар. ев., Мф. XIII, 40; *польза* — Мар. ев., Мр. VIII, 36; *пиганицами* — Мар. ев., Мф. XXIV, 49; *отца* — Мар. ев., Мр. X, 7; *пѣназоу* — Мар. ев., Мф. XX, 2, 10; *коньца* — Син. тр. 2^{6/23}; Супр. рук., 467₁₃; *оца* — Син. тр. 63^{6/23}; Ас. ев., Ио. II, 16; V, 18; VI, 57, 65; *рца* — Син. тр. 76^{а/21}; *подкизаетѣ га* — Син. тр. 76^{6/17-18}; *(миро)творца* — Супр. рук. 453_{6,7}; сб. Кл. I, 519, 930, 932; *оца* — сб. Кл. I, 87, 554; *влицанимь* — сб. Кл. I, 821; *к'наза* — Супр. рук. 19₂₃; *лицоу* — Супр. рук., 458₁; *раждизаетѣга* — Син. пс. 79₁₃₋₁₄; *въздкизатѣ* — Син. пс. 149₆; *ѣтѣза* — Ас. ев., Лук. XXIV, 17; *пѣназоу* — Ас. ев., Мр. XX, 2, 10, 13; *гошца* — Ас. ев., Лук. XI, 27, и т. д.

По мнению А. М. Селищева, подобные написания свидетельствуют о более раннем отвердении аффрикат [с] и [d̥z] по сравнению с шипящими. Он полагает, что данные аффрикаты отвердели уже в XI в.

Что касается отвердения шипящих, то оно происходило не одновременно в разных болгарских говорах и относится уже к периоду среднеболгарской эпохи.

Об отвердении [s'] можно судить только по образованиям с местоименной основой [vъs-]. Так, в больших по объему глаголических памятниках в основном после [s'] в словах с этой основой употребляется написание буквы *ѣ* (Δ): *кыѣѣ* — Зогр. ев., Мф. IV, 9; *кыѣѣк* — Зогр. ев., Мф. IV, 29; V, 11, 28, 32; VII, 8; X, 1, 32; XII,

25; XIII, 52 и т. д.; *кыѣѣх* — Зогр. ев., Мф. VI, 32; Мр. XII, 22, 30, 33; Лук. I, 71; *кѣѣко* — Зогр. ев., Мф. VII, 17, 19; XII, 25, 36; *кѣѣ* — Мар. ев., Мф. VI, 33; VIII, 33; XXIII, 3, XXIV, 8, *кыѣѣми* — Мар. ев., XXIV, 9; *кыѣѣкон* — Мар. ев., Мф. XIX, 3, *кѣѣк* — Мар. ев., Мф. IV, 23; V, 11, 21; *кыѣѣ* — Син. пс., 131^{6/9}, 132^{6/16}; 161^{а/5}, *кыѣѣх* — Син. пс. 135^{а/8}, 174^{6/11}, *кѣѣѣ* — Син. пс. 59^{а/21}; 78^{6/13}; *кыѣѣх-скаа* — Син. пс. 134^{6/4} и т. д.

В больших же по объему кириллических памятниках (Саввина книга, Супрасльская рукопись) данные слова пишутся главным образом с *а*: *кыѣа*, *кыѣак* и т. д.

Подобное написание, по мнению А. М. Селищева, свидетельствует о том, что мягкий согласный [s'], возникший на месте [ch], в XI в. по говорам, отразившимся в этих памятниках, отвердел.

§ 37. Во второй половине IX в. в старославянском языке употреблялась звонкая аффриката [d̥z], для передачи которой в глаголических памятниках использовалась буква ѣ, а в кириллических — ж (s).

В дальнейшем данная аффриката подверглась изменению: утратилась звонкий затворный элемент, в результате [d̥z] > [z]. Это привело к совпадению произношения аффрикаты с произношением фрикативного согласного [z], что нашло отражение и в графике старославянских памятников.

Древнейший старославянский памятник — Киевские листки — еще не дает материала, на основании которого можно было бы судить об изменении аффрикаты [d̥z]. В нем всегда правильно употребляется буква ѣ, соответствующая аффрикате [d̥z], возникшей в общеславянском языке на месте [g] в результате палатализации последнего. Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь и позднейшая часть Зографского евангелия также еще не отражают изменений в судьбе данной аффрикаты, буква „ѣло“ пишется здесь везде правильно, т. е. там, где исторически возникла аффриката [d̥z]: *кыѣль* — Ас. ев., Ио. III, 1; XII, 31; *ѣтѣзаниѣ* — Ас. ев., Ио. III, 25; *ноѣѣ* — Ас. ев., Ио. XX, 20, *мнози* — Ас. ев., Мф. VIII, 1; Ио. VI, 60, 66; VII, 40; *польза* — Ас. ев., Ио. VI, 63, *ѣло* — Ас. ев., Мр. XVI, 2, 4; Мф. VII, 27; *пѣналь* — Ас. ев., Ио. VI, 7, *немнози* — Син. пс. 135^{6/11}; *раждизаетѣ га* — Син. пс. 79₁₃, *отѣрзѣси* — Син. пс. 65₁₄, 86^{6/15}; *къздкизатѣ га* — Син. пс. 149₆; *польза* — Зогр. ев., Мф. XVI, 26; *мнози* — Зогр. ев., Мф. XIX, 2 и т. д.

Однако в Синайской псалтыри имеются единичные случаи употребления буквы „земла“ — з: *отѣрзѣѣмъ*, 2₃; *зѣло*, 49^{6/14}; *раждѣзи* — 30₁₈. В Марииинском евангелии и особенно в старшей части Зографского евангелия уже значительно чаще употребляется буква „земла“ — з вместо буквы „ѣло“ — ж (s): *зѣѣзѣмъ* — Мар. ев., Мф. XXIV, 29; Мр. XIII, 25; *кыѣѣзи* — Мар. ев., Мф. XX, 25; *ѣрази* — Мар. ев., Мф. X, 36; *пѣналь* — Мар. ев., Мф. XXII, 19; *мнозѣѣх* — Мар. ев., Мф. XXV, 19; *друзѣзи* — Мар. ев., Мф. XXI, 8; *отѣрзѣ* — Мар. ев., Ио. IX, 14, 17, 21; Лук. III, 21, *зѣло* — Зогр. ев., Мф.

XXVI, 22; XXVII, 14; Лук. XXIII, 8; Лук. XVIII, 39; польза — Зогр. ев., Мр. VIII, 36; Лук. IX, 25; польза — Зогр. ев., Мр. V, 26; пѣназа — Зогр. ев., Мр. VI, 37; XII, 15; стьза — Зогр. ев., Мр. I, 3; нозѣ — Зогр. ев., Лук. VII, 38, 44; мнози — Зогр. ев., Мф. VII, 13; VIII, 1; XIII, 2, 17; Мр. II, 2, 15; V, 9; VI, 2; Лук. I, 1, помози — Зогр. ев., Мф. XV, 25; Мр. IX, 22, 24; друзи — Зогр. ев., Мф. XVI, 14 и т. д.

В Саввиной книге и Супрасльской рукописи обычным является употребление буквы „земля“ — з для передачи аффрикаты [dz]¹: кзи Дзь — Сав. кн., Лук. VIII, 41, 52, 102, 105; Ио. XIV, 30; XVI, 11; пѣназа — Сав. кн., Мф. XXII, 19; Ио. XII, 5; пѣн Дзоу — Сав. кн., Мф. XX, 9; кзи Дза — Сав. кн., Лук. XIV, 2; нозѣ — Супр. рук. 2_а; мнози — Супр. рук. 6_а; возѣхъ — Супр. рук. 8₁₆; взи — Супр. рук. 34₁₄; ѡткрѣзи — Супр. рук. 65₂₃ и т. д.

Таким образом, факты орфографии старославянских памятников ясно указывают на тот процесс, какой был пережит аффрикатою [dz] в старославянском языке.

§ 38. В старославянском языке, как об этом говорилось выше, имелись мягкие звуки [r'], [l'], [n']. В образовании мягких [l'] и [n'] в старославянском языке не было пережито никаких изменений за исключением сочетания мягкого [l'] с предшествующим губным согласным не в начале слова (см. об этом ниже). Что касается мягкого [r'], то, возможно, что в ряде говоров, отраженных в старославянских памятниках, в XI в. мягкого [r'] уже не было, так как произошло его отверждение. Мягкость плавного [r] передавалась в памятниках двояко: или с помощью надстрочного значка над буквой р — \bar{p} , или написаниями *ра* (рѣ), *рю*, *рж*. Так, в Киевских листках, в Синайской псалтыри, в Маринском евангелии, в Ассемановом евангелии обычным способом передачи мягкого [r] являются написания *рѣ*, *рю*, *рж*. Например: *раширѣжѣтѣ* — Мар. ев., Мф. XXIII, 5; (по) *морю* — Мар. ев., Мф. XIV, 26; Мф. VIII, 26; *валтарю* — Мар. ев., Мф. V, 23; *оузѣрж* — Син. пс. 4^а/₁₆; *возѣрж* — Син. пс. 152^б/₁₇; *цѣгарѣ* — Син. пс. 118^а/₂; *црѣ* — Син. пс. 176^а/₁₉; 128^а/₁₆; *ворѣхъжѣ* — Син. пс. 168^а/₆; *ворѣци ѣ* — Син. пс. 69^а/₁₆₋₁₇; *црю* — Син. пс. 74^б/₇; *разарѣашѣ* — Ас. ев., Ио. V, 18; *морѣ* — Ас. ев., Ио. V, 25; VI, 1, 17; по *морю* — Ас. ев. Ио., VI, 19; *ткорѣашѣ* — Ас. ев., Ио. VI, 14; Мр. VI, 20; *црѣ* — Ас. ев., Ио. VI, 15; XIX, 15; (*ѣ*)*творѣж* — Ас. ев., Ио. VI, 38; X, 38; Мр. X, 36; *црю* (зв. ф.) — Ас. ев., Мр. XV, 18.

В Зографском евангелии очень часто мягкость согласного [r'] передается не только указанными выше написаниями, но также и употреблением еще надстрочного значка мягкости: *морѣ* — Мф. IV, 15; XIV, 24; *морю* — Мф. VIII, 26; *кз морю* — Мр. II, 13; III, 7; по *морю* — Мф. XIV, 26. Однако уже здесь имеются случаи употреб-

ления *ра* вместо *рѣ*: *кѣгара* — Зогр. ев., Лук. II, 1, наряду с *кѣгарѣ* — Лук. III, 1 и *кѣгарѣ* — Ио. XIX, 15; *лазора* — Зогр. ев., Лук. XVI, 23, наряду с *лазарѣ* — Ио. XI, 5.

В Саввиной книге и Супрасльской рукописи часто можно встретить написания *ра*, *роу*, *рж* вместо *ра* (рѣ), *рю*, *рж*: *сѣткорѣ* — Супр. 17; 23₁₃; *ворѣштинѣ* $\epsilon\Delta$ — Супр. 74₁₆₋₁₇; *ворѣште* $\epsilon\Delta$ — Супр. 69₂₆; *цѣгара* — Супр. 69₂₉, 257₁₆₋₂₀; *црроу* (зв. ф.) — Супр. 65₂₆₋₃₀; *оузѣрж* — Супр. 18; *ткорашѣ* — Супр. 25₁₈; *расѣра* — Сав. кн., Ио. VII, 43; *разарѣашѣ* — Сав. кн., Мф. XXVII, 40; *сѣмирагѣшѣ* — Сав. кн., Мф. V, 9, *кѣгара* — Сав. кн., Лук. II, 1; *сѣткорѣ* — Сав. кн., Мф. IV, 29; *ткорѣ* — Ио. XIV, 31.

Аналогичная картина наблюдается в Остромировом евангелии: *цра* — Ио. VI, 15; Ио. XIX, 15; Лук. 1, 5; *воура* — Лук. VIII, 23; *оударантѣ* — Лук. XI, 8; *сѣпѣра* — Лук. XVIII, 3, *сѣткорѣ* — Мф. XIX, 16; XX, 32; Лук. XII, 18; Ио. IV, 34, XVI, 15, XVII, 5; *цроу* (зв. ф.) — Мф. XXVII, 29; *оузѣрж* — Ио. XVI, 22; *прозѣрж* — Лук. XVIII, 42.

Подобные написания свидетельствуют об отверждении мягкого согласного [r'] в говоре писцов этих памятников, что в свою очередь нашло отражение в графике последних.

§ 39. Во второй половине IX в. мягкий согласный [l'] после предшествующего ему губного согласного (так называемый [l]-эпентетикум) всегда употреблялся в старославянском языке как в начале слова, так и не в начале слова. Древнейший старославянский памятник — Киевские листки — еще не фиксирует никаких изменений в употреблении [l]-эпентетикума: *извакѣниѣ* — IV, 10; *прѣмлѣмѣ* — V, 14; *кзжлюбѣнѣ* — V, 3—4; *земелькзихъ* — V, 22.

В старославянских памятниках XI в. уже представлены довольно частые отступления от правильного употребления [l]-эпентетикума не в начале слова.

Так, в Зографском евангелии, Маринском евангелии, сборнике Клоца, Синайском требнике наблюдаются случаи утраты [l]-эпентетикума перед гласными [i] и [ъ]: *на земли* — Зогр. ев., Мф. VI, 19; IX, 6; X, 29, 34; XIII, 23; XVIII, 18; Мр. II, 10; Лук. II, 14; Мар. ев., Мф. VI, 10, 13; X, 29; XIII, 8, 23; XVI, 19; XVIII, 18, 19; XXIII, 9; Мр., II, 10; VI, 47 и т. д.; *пристѣль* — Зогр. ев., Мф. VIII, 2, 19; XXV, 21; XXVIII, 2; Мар. ев., Мф. VIII, 2, 19; XVII, 7; XVIII, 21; XIX, 16; XXVII, 58; XXV, 20; XXI, 30 и т. д.; (*кз*) *корава* — Зогр. ев., Мф. IV, 22; IX, 1; XIII, 2; XIV, 22, 32; XV, 39; Лук. V, 11; Мар. ев., Мф. VIII, 23; IX, 1; XIII, 2; XIV, 22, 32, 24; XV, 39; Мр. III, 1; VI, 45 и т. д.; *пристѣльшѣ* — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XIII, 10; XIV, 12; XV, 12; XVI, 1 и т. д.; *коравица* — Зогр. ев., Мар. ев., Лук. V, 2; *остакъ* — Зогр. ев., Мф. IV, 13; Мр. VIII, 13; *дѣлѣхъ ѣ* — Зогр. ев., Мф. XXII, 33; *прѣломѣ* — сб. Кл. 378; *на земли* — сб. Кл. 179, 361 и т. д.; *кзжлюбѣ* — сб. Кл. II, 126; (*на*) *земли* — Син. тр. 3^а/₁₀, 4^б/₁₅, 12^б/₁₅, 13^а/₁₁ и т. д.; *постакъ* — Син. тр. 38^б/₅, *потрѣвьшѣмѣ* — Син. тр. 52^б/₁₆ и т. д.

¹ Это свидетельствует уже о том, что аффриката [dz], утратив звонкий затвор, полностью совпала с фрикативным согласным [z].

В Зографском евангелии и Синайском требнике (и крайне редко в Мариинском евангелии) наблюдаются также случаи утраты [I]-эпентетикум перед гласным [e] (главным образом при образовании страдательных причастий прошедшего времени): *оумрзшткєно* — Син. тр. 73^{6/9}; *влаг(о)окєние* — Син. тр. 5^{6/18}, 7^{а/7}, 9^{а/11, 15}, 12^{6/19}, 13^{а/1}, 14^{6/9} и т. д.; *вл(а)г(о)кєна* — Син. тр. 16^{6/10}; *дрєкьє* — Син. тр. 85^{а/13}; *пригтакєнє* — Зогр. ев., Лук. V, 36; *влагослокєнз* — Зогр. ев., Ио. XII, 13; *влгкєнз* — Зогр. ев., Мар. ев., Лук. I, 42; *оглавєнма* — Мар. ев., Мф. IV, 24.

В Синайской псалтыри, Ассеманиевом евангелии и Саввиной книге наблюдается утрата [I]-эпентетикум и перед другими гласными: *оугавкж* — Син. пс. 83^{а/14}; *зємкж* — Син. пс. 104^{а/7}; *отж зємьк* — Син. пс. 109^{6/7}; *на зємкж* — Син. пс. 17^{а/2}; *извакж* — Син. пс. 19^{6/18}; *крѣпших* — Син. пс. 42^{6/15}; *коравь*, *коравз* — Ас. ев., Ио. VI, 17^{а1}; Мф. IV, 22; Ио. VI, 22; Мф. VIII, 23 и т. д.; *огтакшє* — Ас. ев., Лук. V, 11; *прѣломь* — Ас. ев., Мф. XXVI, 26; *кж зєми* — Ас. ев., Ио. XII, 24; *(кж) корави* — Ас. ев., Ио. VI, 23; Мф. IV, 21; XIV, 33; Лук. V, 7; *кжзлюбкж* — Ас. ев., Ио. XIV, 21; *оглавєноумоу* — Ас. ев., Лук. V, 23; *вл(а)г(о)кѣшє* — Ас. ев., Лук. XXIV, 51; *любѣшє* — Ас. ев., Ио. XI, 5; *штж зєма* — Ас. ев., Ио. XXI, 8; *кжзлюбєнз* — *кжзлюбж* — Ас. ев., Ио. XIV, 21; *зємьк* — Сав. кн., Мф. XXIV, 35; XXVII, 51; *зємыж* — Сав. кн., Мф. XIV, 34; XXV, 18; V, 5; *зємьл* — Сав. кн., Ио. XII, 32; XXI, 8; *зєми* — Сав. кн., Лук. VIII, 8, 15; *корави* — Сав. кн., Мф. IV, 21; Мф. XIV, 33; *огтакшл* — Сав. кн., Мф. IV, 20, 22; *оглавєна* — Сав. кн., Мф. II, 3 и т. д.

Особенно часто пропускается [I]-эпентетикум в Супрасльской рукописи. В данном памятнике пропуск [I]-эпентетикум перед гласными [i] и [ь] является закономерным: *коравь* — 150^{13, 17, 28}; 151^{2, 9, 13} и т. д.; *постакьши* — 317¹²; *зєми* — 5⁹; 17⁸; 28⁸; 39⁸ и т. д.; *ловни* — 98¹⁰; 105³; 109⁹ и т. д.; *корави* — 66²⁴ и т. д. Пропуск [I]-эпентетикум в позиции перед другими гласными обычно на письме передавался употреблением ъ: *дикьлхж* $\epsilon\Delta$ — 134¹⁷; *зємьл* — 322¹⁰; 448⁴⁻⁵; 503¹⁷; 555⁶; *коравьл* — 60¹⁰; 428²⁴; *любьлшє* — 383²⁶; 562³; *оглавьлшє* — 33²⁸; *зємьлж* — 464⁵; *дрєкьє* — 110⁴; 482¹³; 560¹⁶; *вогослокьєннє* — 324²⁸; *толшєннє* — 1⁵; *пригтжпнєнма* — 499²³; *зємьл* — 89³; 111¹⁰⁻¹¹; 271²¹; *капьл*, *капьл* — 453³; *прнємьл* — 281⁹; 286²⁷; 297¹⁴; 437³⁰; *зємьж* — 2²³; 6¹⁹; 7⁹; 8²⁸; 9¹⁹ и т. д. *извакьж* — 162²¹; 512²¹; *нпгравьж* — 469⁹; *оглѣпьж* — 554¹⁵; *погоувьж* — 12¹⁴; 104²³; *капю* (род.-мест. дв. ч.) — 499²⁰; *коравью* — 151¹⁷; 400⁵ и т. д.

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что в Синайской псалтыри и особенно в Саввиной книге и Супрасльской рукописи пропуск [I]-эпентетикум в середине слова перед гласными, кроме [ь] и [i], передавался на письме с помощью букв ъ или ж. Применение этих букв указывает на то, что артикуляция губного согласного после утраты [I]-эпентетикум не находилась непосредственно перед гласным и что ее отделяло какое-то образование. Употребление букв ъ или ж имело здесь чисто графическое значе-

ние: оно указывало на наличие [j] (i) после губного: *коравьл* [korab'ja], *коравью* — [korab'ju] и т. д.

Отсутствие употребления букв ъ или ж вместо утратившегося [I]-эпентетикум в Ассеманиевом евангелии дает основание предполагать, что в данном памятнике отражен такой болгарский говор XI в., в котором произошла ассимиляция [j] ([i]) (вместо [I']) с предшествующим мягким губным согласным: [korabl'a] → [korab'ja] → [korab'a]. В современном болгарском языке [I]-эпентетикум не в начале слова не употребляется, утрата его началась очень давно, о чем свидетельствует и материал старославянских памятников XI в.

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНО ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

§ 40. О характере тех или иных звуков старославянского языка мы можем судить на основании сравнительно-исторического метода, прибегая к сопоставлению данных старославянских памятников с данными других славянских языков, а также с данными других индоевропейских языков.

Применение сравнительно-исторического метода при анализе материала славянских языков дает возможность показать те общие черты, которые характеризуют эту группу языков в целом, и вместе с тем отметить то особенное, что специфично для исторического пути развития каждого языка в отдельности.

Время, предшествовавшее возникновению славянской письменности, принято называть доисторическим, в котором в свою очередь выделяют следующие периоды:

1. Наиболее древним периодом является период так называемого общиндоевропейского языка-основы.

2. Более поздним доисторическим периодом является период общеславянского языка-основы, выделившегося из общиндоевропейского языка-основы.

3. И, наконец, наиболее поздним доисторическим периодом является период распада общеславянского языка. Это — период, когда в общеславянском языке начал намечаться ряд диалектных черт, приведших в дальнейшем к выделению из общеславянского языка отдельных славянских языков.

Общеславянский язык, так же как и индоевропейский язык-основа, является реконструкцией, так как нет непосредственных письменных данных, в которых был бы зафиксирован этот язык. Но эта реконструкция имеет объективное значение, ибо факты общеславянского языка-основы в том виде, в каком мы его воссоздаем, действительно существовали. Правда, реконструкция общеславянского языка неизбежно соединяет в одно целое частично и то, что в действительности было разъединено и хронологически и территориально. Кроме того, некоторые отдельные факты до сих пор не определены еще с достаточной полнотой. Это заставляет

сделать вывод, что общеславянский язык в том виде, в каком он известен науке, по характеру самого материала, которым она располагает, не существовал в какой-то определенный момент как конкретная величина. Однако не вызывает сомнения, что все устанавливаемые наукой факты общеславянского языка действительно существовали в определенные исторические моменты, хотя и в разных комбинациях друг с другом. Сравнительно-историческое изучение отдельных славянских языков показывает, каким был общеславянский язык в момент своего распада. Сравнение данных общеславянского языка в момент его распада с данными других индоевропейских языков помогает установить начальный период в существовании общеславянского языка.

§ 41. Основными чертами звуковой системы индоевропейских языков древнейшей поры являлись следующие.

1. Для индоевропейской звуковой системы было характерно наличие как открытых, так и закрытых слогов. Наличие закрытых слогов делало возможным употребление дифтонгов и дифтонгических сочетаний.

2. Различались долгие и краткие гласные. Например, [ā] и [ǎ], [ō] и [ǒ], [ē] и [ǣ] и т. д.

3. На положении слоговых звуков могли выступать плавные [r] и [l] и носовые [ŋ] и [m].

4. Существовала развитая система взрывных согласных. Они подразделялись не только на глухие и звонкие, но в то же время и на придыхательные и непридыхательные. Например: звонкий непридыхательный [b] и звонкий придыхательный [bh], глухой непридыхательный [p] и глухой придыхательный [ph] и т. д. Задненебные согласные могли быть лабиализованными и нелабиализованными, при этом нелабиализованные задненебные могли выступать как палатальные и как непалатальные согласные. Задненебные согласные свободно употреблялись перед всеми гласными.

5. Количество фрикативных согласных было незначительно: [s], [z], [i (j)] и [v]. Отсутствовали шипящие и аффрикаты. На положении сонорных согласных выступали носовые [n], [m] и плавные [r], [l].

6. Возможно было употребление сочетаний согласных и групп согласных с [j].

7. В составе слова возможны были любые группы согласных звуков.

Сопоставление основных черт звуковой системы индоевропейских языков древнейшей поры со звуковой системой славянских языков показывает, что славянская звуковая система претерпела большие изменения.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАСНЫХ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 42. Графика старославянских памятников не дает никаких указаний на количество гласных в старославянском языке, так как старославянское письмо не имеет специальных знаков, с помощью которых обозначалась бы долгота или краткость гласных звуков.

Однако наличие в некоторых современных славянских языках (например, сербохорватском, чешском, словенском) долгих и кратких гласных позволяет предполагать количественное различие гласных и в общеславянском языке-основе. Сопоставление славянских языков с другими индоевропейскими языками подтверждает это предположение.

В общеславянском языке-основе имелись долгие и краткие гласные. В определенных условиях происходило сокращение долготы слога, долготы гласного. Так, например, было в конечном открытом слоге. Но в связи с тем, что еще недостаточно выяснены все условия, при которых происходило такое сокращение долготы в общеславянском языке, мы условно не будем обозначать долготу гласных общеславянского языка.

§ 43. Фонема [a].

Общеславянский гласный [a] является по своему происхождению долгим звуком. Можно сопоставить следующие слова:

о.-слав. *mati* — ст.-слав. *мати*. Ср. лат. *māter*, греч. (дорич.) *mātēr*, др.-инд. *mātā* (*mātár* —), авест. *mātar* —;

о.-слав. *bratъ*, *bratrъ* — ст.-слав. *вратъ*, *вратръ*. Ср. лат. *frāter*, греч. *frātēr*, др.-инд. *bhrātā*, прус. *brāti*.

Сопоставление приведенных славянских форм с формами других индоевропейских языков показывает, что в соответствии со славянским [a] в других индоевропейских языках употреблен долгий гласный [ā]. Следовательно, в данном случае славянское [a] восходит к [*ā]¹, т. е. [a] < [*ā].

С другой стороны, сопоставление славянских форм с соответствующими формами других индоевропейских языков показывает также следующее:

о.-слав. *darъ* — ст.-слав. *даръ*. Ср. лат. *dōnum*, греч. *dōnon*;

о.-слав. *znaję*, *znati* — ст.-слав. *знати*, *знати*. Ср. лат. *cognōscō*, греч. *gignōskō*.

В данном случае, как свидетельствуют об этом приведенные примеры, славянский гласный [a] восходит к [*ō], т. е. [a] < [*ō].

Славянский гласный [a], далее, мог возникнуть и на месте [*ē], после мягких (палатальных) согласных [j], [č'], [ž'], [š']. Особенно наглядно это видно в формах инфинитивов, у которых основа оканчивалась на гласный [-ě-] [-ěti]: [*gorěti*], [*viděti*], [*trъpěti*] и т. д. (ст.-слав. *горѣти*, *видѣти*, *трьпѣти* и т. д.), но после мягких согласных [j], [č'], [ž'], [š'] вместо [ě] < [*ē] выступает гласный [a]: [*stojati*], [*krič'ati*], [*dyš'ati*], [*lež'ati*] и т. д. (ст.-слав. *стојати*, *кричати*, *дышати*, *лежати* и т. д.). То, что действительно [*ē] после твердого согласного дал у славян гласный [ě], а после мягких согласных [j], [č'], [ž'], [š'] — [a], подтверждают сопоставления с другими индоевропейскими языками. Например:

¹ Значок „звездочка“ * указывает на то, что звук или форма слова, около которых он употреблен, являются доисторическими.

о.-слав. viděti < veiděti — ст.-слав. видѣти. Ср. лат. vidēre, лит. veizdėti;

о.-слав. dyš'ati < *dychēti < *dūsēti — ст.-слав. дышати. Ср. лит. dūsėti.

Данное фонетическое явление отражается и в других формах: о.-слав. žarъ < *gērgъ < *gēros — ст.-слав. жаръ. Ср. gorěti — ст.-слав. горѣти;

о.-слав. guběль — ст.-слав. гувѣль, но о.-слав. рещ'аль — ст.-слав. печаль и т. д.

Следовательно, славянский гласный [a] ← $\begin{cases} [*ā] \\ [*ō] \\ [*e] \text{ после } [j], [č'], [ž'] [š'] \end{cases}$

§ 44. Фонема [o].

Общеславянский гласный [o] по своему происхождению является кратким звуком. Славянскому [o] в других индоевропейских языках соответствуют краткие гласные [ō] и [ā]:

о.-слав. domъ — ст.-слав. домъ. Ср. лат. dōmus, гр. dōmos;

о.-слав. oko — ст.-слав. око. Ср. лат. oculus, греч. ōsse, лит. ākis, прус. āckis;

о.-слав. osъ — ст.-слав. ось. Ср. лат. āxis, греч. ἄksōn, лит. āšis, прусс. āssis, др.-инд. āksah;

о.-слав. ovъsa — ст.-слав. овъца. Ср. лат. ovis, греч. ōis < ōfis, лит. āvis, др.-инд. āvikā.

Гласный [o] на славянской почве мог возникнуть и другим путем: так, в соответствии с индоевропейским ослабленным (иррациональным) гласным [*ə], представлявшим собой результат ослабления долгих гласных [ā], [ō], [ē] в корне или суффиксе, в древнеиндийском языке представлен гласный [i], в греческом, латинском, литовском, германских языках — [a], а в славянских языках — [o]. Например: о.-слав. stojō, stojati — ст.-слав. стоѣ, стоѣти. Ср. др.-инд. sthitāh¹, лат. status, греч. statōs, гот. staps, лит. statyti — «ставить».

Следовательно, общеславянский гласный [o] ← $\begin{cases} [*ō] \\ [*ā] \\ [*ə] \end{cases}$.

§ 45. Совпадение долгих индоевропейских гласных [*ā] и [*ō] в гласный [a], а кратких индоевропейских гласных [*ā] и [*ō] в [o] было определенной фонетической закономерностью в общеславянском языке. Это особенно наглядно видно на заимствованных славянами словах в эпоху, непосредственно предшествующую возникновению славянской письменности. Например, иран. taraga — ст.-слав. топоръ, гот. asilus — ст.-слав. осьль, лат. satanās (греч. satanās — Σατανᾶς) — ст.-слав. сатана.

В общеславянскую эпоху между гласными [o] и [a] не было

¹ Древнеиндийское [h] выступает вместо [s] на конце слова и употребляется в абсолютном конце слова.

сильного различия в тембре, оно касалось главным образом количества (т. е. длительности) гласного.

В древнейших славянских заимствованиях из греческого языка безударное [a] передается как [o], а ударяемое греческое [a] передается как [a]: греч. karábi(o)n — ст.-слав. корабль, рус. *корабль*; с греч. krabbáti(o)n ср. рус. *кровать*.

§ 46. Фонема [e].

Общеславянский гласный [e] по своему происхождению является кратким звуком и восходит к [*ē]:

о.-слав. berō — ст.-слав. беръ. Ср. лат. fērō, греч. fērō; о.-слав. desetъ — ст.-слав. десѣтъ. Ср. лат. decem, греч. déka, лит. dėšimtis;

о.-слав. medъ — ст.-слав. медъ. Ср. лит. mēdūs, греч. mēthu; о.-слав. jestъ — ст.-слав. ѣтъ. Ср. лит. ėst, греч. ėstí.

Следовательно, в данном случае общеславянский гласный [e] восходит к индоевропейскому [*ē]. Однако позднее общеславянское [e] могло возникнуть на месте общеславянского [o], оказавшегося в позиции после мягкого согласного.

Например: о.-слав. selo — ст.-слав. село, но о.-слав. pol'e — ст.-слав. полѣ;

о.-слав. bedro — ст.-слав. ведро, но о.-слав. mor'e — ст.-слав. морѣ;

о.-слав. žepojō вин. п. ед. ч. — ст.-слав. жепѣж, но о.-слав. gabun'ejō — ст.-слав. рабынѣж и т. д.

Таким образом, общеславянский гласный [e] ← $\begin{cases} [*ē] \\ [o] \text{ (после мягкого согласного)} \end{cases}$.

§ 47. Фонема [ě].

Общеславянский гласный [ě] по своему происхождению является долгим звуком и в ряде случаев восходит к [*ē].

Например: о.-слав. sēmę — ст.-слав. сѣма. Ср. лат. sēmen, лит. sēmens — «семена»;

о.-слав. zvěъ — ст.-слав. зкѣрь. Ср. лит. žvėris, гр. thēr (θήρ); о.-слав. viděti — ст.-слав. видѣти. Ср. лат. vidēre, лит. veizdėti;

о.-слав. dēti («класть») — ст.-слав. дѣти. Ср. лит. dėti, латыш. dēt.

Однако, если гласный [ē] оказывался в позиции после согласных [j], [č'], [ž'], [š'], то вместо [ě] на месте [ē] у славян возникал гласный [a] (см. об этом в § 43).

То, что гласный [ě] являлся долгим, восходящим в ряде случаев к [*ē], подтверждает старославянская форма [něstъ] нѣтъ, возникшая из [ne-estъ] > [něstъ] > [něstъ].

Общеславянский гласный [ě] мог иметь и другое происхождение, о чем см. ниже, § 55.

История отдельных славянских языков показывает, что общеславянский гласный [ě] в период распада общеславянского языка-основы по своему звуковому образованию был неодинаков. В языковых группах, легших в основу языка болгарских славян и северо-

западных славян (поляков, полабан, поморян), гласный [ě] представлял долгий открытый [e], близкий к [a], продвинутому в передний ряд (в транскрипции он передается как [ǣ]). Такого типа гласный долгое время был представлен во всей болгарской языковой группе. Изменения, которым в дальнейшем подвергся гласный [ǣ] в этой звуковой группе, состояли в том, что перед слогом с гласным непяереднего ряда он изменился в [ʼa], а перед слогом с гласным переднего ряда — в [e] (например, *бягство, избягал*, но *беглец; лято* — „лето“, но *летен* — „летний“).

В языковых группах, легших в основу других славянских языков, звуковое образование [ě] было иным: он представлял собой напряженный гласный переднего ряда, с повышенным подъемом языка, передававшийся в транскрипции как [ĕ].

Таким образом, гласный [ĕ] в своем образовании в период распада общеславянского языка-основы не был одинаковым. Что касается звукового образования [ĕ] в более ранний период общеславянского языка-основы, то этот вопрос до некоторой степени остается открытым. Но можно предполагать, что [ĕ] по своему образованию представлял собой в то время широкое открытое [e], близкое к [a]. Для вывода о подобном звуковом образовании [ĕ] в ранний период общеславянского языка следует принять во внимание и изменение гласного [e] в [a] после [j], [čʼ], [žʼ], [šʼ].

§ 48. Фонема [i].

Общеславянский гласный [i] был долгим, и в ряде случаев он возник в соответствии с индоевропейским долгим гласным [*i]: о.-слав. *piti* — ст.-слав. *пѣти*. Ср. др.-инд. *pítāḥ*, греч. *píthi πῆθι* — повел. накл., *píṃb* — „пью“;

о.-слав. *živъ* — ст.-слав. *живъ*. Ср. лит. *gívas*, лат. *vīvus* < *vivos*, прус. *jiva* — др.-инд. *jívás*.

Примечание. Славянский согласный [ž] из [g], восходящий к лабиализованному задненебному, утратившему свою лабиализацию; латинский согласный [v] в начале слова также восходит к старому задненебному лабиализованному [g]:

о.-слав. *griva*, *grivъna* — др.-серб. *грива*, *гривъна*. Ср. др.-инд. *grívā* — «затылок», латыш. *grīva* — «устье реки».

Как показывают примеры, славянскому гласному [i] в других индоевропейских языках соответствует долгий гласный [i]. Следовательно, в данном случае славянское [i] < [*i].

Гласный [i] возникал также у славян на месте сочетания [jъ] (= [jь]) в начале слова или на месте сочетания [jъ], которому в других индоевропейских языках соответствует [jū]:

о.-слав. *imъ* < *imъ* — ст.-слав. *имъ*. Ср. славянское слово с тем же корнем, сохранившимся без изменения при употреблении после приставки, оканчивающейся на согласный: о.-слав. *възмъ* — ст.-слав. *взмъ*.

о.-слав. *igo* < **jъgon* — ст.-слав. *игъ*. Ср. лат. *jūgum*, др.-инд. *yugám*, хет. *jugan*.

Гласный [i] у славян мог возникнуть на месте [*ū], оказавшегося в позиции после мягкого согласного звука:

о.-слав. *š'iti* < **siūti* — ст.-слав. *шити*. Ср. лит. [*š'ūti*], гот. *siūjan*, др.-инд. *siūtás* — „шитый“.

Процесс изменения шел таким образом: *siūti* > *siūti* > *š'ūti* > *š'iti*. (Гласный [i] в позиции перед следующим гласным становился неслоговым и ассимилировался с предшествующим согласным [s], смягчая его. В результате возникал мягкий согласный [šʼ]. Гласный [ū], оказавшись в позиции после мягкого согласного, продвигался несколько вперед, вследствие чего возникал [ʼū]. По утрате лабиализации гласный [ʼū] переходил на славянской почве в [i], т. е. [ʼū] > [i].

Таким образом, общеславянский гласный [i] ← [ʼū]
 ↙ [*i]
 ↘ [jъ] < [jū],

[jъ] ([jь]) в начале слова.

Общеславянский гласный [i] мог возникнуть и при монофтонгизации дифтонгов с [i], о чем см. ниже § 55.

§ 49. Фонема [ъ].

В соответствии с индоевропейским кратким гласным [*i] в общеславянском языке представлен редуцированный [ъ], для передачи которого в старославянском языке употреблялась буква „ерь“ — ѣ: о.-слав. *въдова* — ст.-слав. *въдоѣа*. Ср. лат. *viduā*, др.-инд. *vidhāvā*, гот. *widuwo*;

о.-слав. *mъzda* — ст.-слав. *мъзда*. Ср. греч. *místhós*, гот. *mizdō*; о.-слав. *овъса* — ст.-слав. *овъца*. Ср. лат. *ovis*, др.-инд. *aviká*, лит. *avis*; о.-слав. *дънь* — ст.-слав. *дънь*. Ср. лат. *dinum*, греч. *diós* < *diFós*, др.-инд. *dīnam*;

Следовательно, общеславянский гласный [ъ] < [*i].

§ 50. Фонема [ъ].

В соответствии с индоевропейским кратким гласным [*ū] в общеславянском языке представлен редуцированный [ъ], для которого в старославянском языке употреблялась буква „ер“ — ѣ:

о.-слав. *дъшти* — ст.-слав. *дъшти*. Ср. лит. *duktē*, др.-инд. *duhitā*, греч. *thūgátēr*;

о.-слав. *супъ* — ст.-слав. *супъ*. Ср. лит. *sūnūs.*, др.-инд. *sūnūḥ*; о.-слав. *дъва* — ст.-слав. *дъѡа*. Ср. греч. *dūō*, др.-инд. *duvā*;

о.-слав. *тъсчъ* — ст.-слав. *мъхъ*. Ср. лат. *muscus*, лит. *musai* — мн. ч. „плесень на молоке“;

о.-слав. *бъдѣти* — ст.-слав. *вздѣти*. Ср. лит. *budėti*, прус. *budē*, др.-инд. *búdhyaṭē*.

Следовательно, общеславянский гласный [ъ] < [*ū].

В заимствованных славянами из латинского и германских языков слова краткий гласный [ū] представлен также как [ъ]: о.-слав. *кънѣдъ* — ст.-слав. *къназь*. Ср. др.-в.-нем. *kuning*.

§ 51. Фонема [y].

Славянский гласный [y] по своему происхождению является долгим и восходит к индоевропейскому [*ū]:

о.-слав. byti — ст.-слав. выти. Ср. лит. būti, латыш. būt;

о.-слав. дуть — ст.-слав. дымъ. Ср. лит. dūmai, др.-инд. dhūmāḥ, греч. thūmós — „дух, ум, горячность, мужество, гнев“, прус. dumis, лат. fūmos < *dhūmos, латыш. dūmi;

о.-слав. супъ — ст.-слав. ѡмъ. Ср. лит. sūpūs, др.-инд. sūnūḥ;

о.-слав. муšъ — ст.-слав. мышь. Ср. греч. mūs, лат. mūs, др.-в.-нем. mūs, др.-инд. mūḥ.

Следовательно, общеславянский [y] < [*ū].

Подобное происхождение славянского [y] подтверждается и словами, заимствованными славянами из латинского и германских языков: ст.-слав. хъызъ: Ср. др.-в.-нем. hūs — „дом“; ст.-слав. тынъ — „забор“. Ср. др.-в.-нем. zūn < *tūn, известный в древневерхнесаксонском языке; ст.-слав. выколъ. Ср. лат. būbalus.

Однако славянский гласный [y] возникал на месте [*ū] только в том случае, если последний употреблялся в позиции перед следующим согласным или на конце слова. Если же [*ū] употреблялся перед следующим гласным, то происходило его распадение на [uj], в связи с чем у славян возникало сочетание [ъv].

Например: (za)byti — (za)bъveпъ — ст.-слав. (за)выти — (за)въкѣнъ; ryti — ръvати — ст.-слав. рыти — рѣвати;

им. п. ед. ч. svekry, род. п. ед. ч. svekrъve — ст.-слав. ѡекръ — ѡекръке и т. д.

ДИФТОНГИ И ДИФТОНГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

§ 52. В фонетической системе индоевропейского языка-основы было значительное количество дифтонгов и дифтонгических сочетаний. В качестве слогового элемента дифтонгов и дифтонгических сочетаний выступали гласные [e], [o], [a], которые могли быть долгими и краткими ([ē], [ē̄], [ō], [ō̄], [ā], [ā̄]). В качестве неслоговых элементов дифтонгов выступали неслоговые гласные [i] и [u], а неслововыми элементами дифтонгических сочетаний служили сонорные согласные [r], [l], [n], [m].

Следовательно, в индоевропейском языке-основе были представлены следующие дифтонги и дифтонгические сочетания:

[ei],	[ēi],	[oi],	[ōi],	[ai],	[āi];
[eu],	[ēu],	[ou],	[ōu],	[au],	[āu];
[er],	[ēr],	[or],	[ōr],	[ar],	[ār];
[el],	[ēl],	[ol],	[ōl],	[al],	[āl];
[en],	[ēn],	[on],	[ōn],	[an],	[ān];
[em],	[ēm],	[om],	[ōm],	[am],	[ām].

Эти дифтонги и дифтонгические сочетания подверглись изменениям в общеславянском языке. При этом судьба их зависела от

того, в каком положении в слове они находились: в позиции перед следующим гласным, перед следующим согласным или на конце слова. Однако общим законом при изменении дифтонгов и дифтонгических сочетаний у славян было стремление к открытому слогу.

§ 53. В позиции перед следующим гласным они перестали выступать в общеславянском языке как дифтонги и дифтонгические сочетания, так как слогораздел стал проходить между слоговым и неслоговым элементами дифтонга или дифтонгического сочетания, так что слоговая часть отошла к предшествующему слогу, а неслоговая — к последующему. При этом составные элементы бывших дифтонгов и дифтонгических сочетаний могли подвергнуться изменениям. Эти слоговые элементы изменялись так же, как изменялись у славян соответствующие индоевропейские гласные в самостоятельном употреблении.

Например, если слоговым элементом был [*ō], то у славян в соответствии с ним возникал гласный [o], а если слоговым элементом был [*ō̄], то возникал [a] и т. д. Следовательно, дифтонг [*ōi] изменился у славян в [o-i], а дифтонг [*ō̄i] — в [a-i] и т. д. Особо внимания заслуживает изменение бывшего индоевропейского дифтонга [*ēi]. Краткий гласный [*ē] подвергался в общеславянском языке воздействию последующего [i] ([j]), в результате чего перед следующим гласным возникало сочетание [ьi], в котором редуцированный [ь] отошел к предшествующему слогу, а [i] ([j]) — к последующему. В дальнейшем на месте [ь] возникал редуцированный гласный [i] (т. е. [ь-i] > [i-i]), что зафиксировано уже в памятниках старославянской письменности.

Что касается изменения неслоговых элементов дифтонгов, то в позиции перед следующим гласным неслоговой [u] изменялся в губно-зубной [v], т. е. [u] > [v].

Примеры:

1. [ei] > [ь-i] > [i-i]: о.-слав. въjо — ст.-слав. вѣжъ. Ср. лит. vėjū.

2. [oi] > [o-i]: о.-слав. doiti < *dojiti — ст. слав. дѡити. Ср. др.-инд. dhāyati.

3. [eu] > [e-v]: о.-слав. devęъ — ст.-слав. дѣкѣть. Ср. лит. dėvīnī < *dēuīnī.

В позиции перед гласным переднего ряда дифтонг [*ēu] у славян заменялся посредством [o-v]:

о.-слав. повъ — ст.-слав. повѣ. Ср. греч. néos < néFos, нем. neuus, др.-прус. pauns.

В позиции же перед гласным переднего ряда в соответствии с индоевропейским дифтонгом [ēu] у славян употреблялось [e-v]. Поэтому тот же самый корень (что и в слове повъ) мог выступать у славян в другом виде: о.-слав. nevęsta — ст.-слав. невѣста.

4. [ou] > [o-v]: о.-слав. plovo — ст.-слав. плѡкъ. Ср. греч. pléō < pléFō и т. д.

§ 54. Судьба индоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний у славян была иной, если они употреблялись в середине слова перед следующим согласным или в конце слова.

Судьба дифтонгов и дифтонгических сочетаний в конце слова в ряде случаев совпала с их судьбой в середине слова перед согласным, а в ряде случаев отличалась. Поэтому подробнее о судьбе дифтонгических сочетаний в конце слова будет сказано в разделе о явлениях конца слова (§§ 76—78).

В положении перед следующим согласным индоевропейские дифтонги претерпели у славян следующие изменения: благодаря сокращению долготы слогового элемента дифтонги с долгим слоговым элементом совпали с дифтонгами, имеющими краткий слоговой элемент. Это привело к сокращению количества дифтонгов в общеславянском языке. Утрата долготы слоговой частью дифтонга нашла у славян отражение в его интонации: дифтонг, имевший прежде долгий слоговой элемент, стал произноситься с восходящей интонацией, а дифтонг с бывшим кратким слоговым элементом — с нисходящей интонацией.

Например, в индоевропейском языке-основе были представлены следующие дифтонги:

[eɪ]	[ēɪ]		[eu]	[ēu]
[oi]	[ōi]		[ou]	[ōu]
[ai]	[āi]		[au]	[āu]

Благодаря совпадению дифтонгов с долгим слоговым элементом с дифтонгами, у которых слоговой элемент был кратким, количество их сократилось, и поэтому в общеславянском языке представлены только следующие дифтонги: [eɪ], [oi], [ai], [eu], [ou], [au]. Так как краткие индоевропейские гласные [*ō] и [*ā] у славян дали гласный [o], то это привело к совпадению дифтонгов [ai] с [oi] и [au] с [ou]. В результате в позиции перед следующим согласным из всех индоевропейских дифтонгов в общеславянском языке сохранились лишь дифтонги [eɪ], [oi], [eu], [ou].

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении изменения дифтонгических сочетаний.

В связи с тенденцией славянской фонетической системы к открытости слога дифтонги и дифтонгические сочетания в середине слова перед согласным подвергались у славян дальнейшим изменениям.

§ 55. Судьба дифтонгов с неслоговыми [i] и [u] перед следующим согласным.

Дифтонги с неслоговым элементом [i] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировались и дали простые гласные. Дифтонг [ei], монофтонгизируясь, дал гласный [i], совпавший с гласным [i] < [*i]:

о.-слав. vidъ — ст.-слав. видъ. Ср. лит. véidas — „лицо“, греч. eĩdos < Feĩdos — „вид, наружность“;

о.-слав. iti — ст.-слав. ити. Ср. лит. eĩti, греч. eĩmi, лат. is < *eis; о.-слав. zima — ст.-слав. зима. Ср. греч. cheĩma, cheimōn, лат. hibernus — „ненастный, зимний“ из *heimrinos;

о.-слав. krivъ — ст.-слав. кривъ. Ср. лит. kreivas.

Дифтонг [oi] ([ai]) при монофтонгизации дал гласный [ē], совпавший по звучанию с [ě] < [*ē]. Однако [ē], образовавшийся из дифтонга, и [ě] из [*ē] различались между собой по тому, что после мягких согласных первый чередовался с гласным [i], а второй — с гласным [a]:

о.-слав. sněgъ — ст.-слав. ѿнѣгъ. Ср. гот. snaiws, др.-прус. snaugis;

о.-слав. věpъсь — ст.-слав. вѣмъць. Ср. лит. vainikas;

о.-слав. berēte (2 л. мн. ч. повелит. накл.), ст.-слав. верѣте. Ср. греч. féroite;

о.-слав. [otъlěkъ] („остаток“) — ст.-слав. (отъ)лѣкъ. Ср. греч. loipós — „остальной“, лит. āt-laikas;

о.-слав. lěvъ — ст.-слав. лѣвъ. Ср. греч. laiós < laiFós, лат. laevus < laivos¹.

В заимствованных славянами из латинского и германских языков словах дифтонг [ai] передавался через [ē]: ст.-слав. цѣсарь. Ср. гот. kaisar (лат. caesar < *caisar). В конце слова дифтонг [oi] ([ai]) также подвергался монофтонгизации. Однако результат его изменения при монофтонгизации находился в зависимости от того, при какой интонации он произносился. Если дифтонг [oi] в конце слова произносился при восходящей интонации, то при монофтонгизации возникал гласный [ē], а если он произносился при нисходящей интонации, то в результате монофтонгизации возникал гласный [i]:

о.-слав. им. пад. мн. ч. vьci < *vilkoi — ст.-слав. клзци. Ср. лит. vilkaĩ, греч. líkoi;

о.-слав. местн. пад. мн. ч. vьcěchъ < *vilkoisũ — ст.-слав. клзцѣхъ. Ср. греч. líkoisi.

С неслоговым элементом [u] в общеславянском языке было два дифтонга: [eu] и [ou]. Оба этих дифтонга в позиции перед следующим согласным подверглись монофтонгизации.

Дифтонг [ou] ([au]), монофтонгизируясь, дал гласный [u]:

о.-слав. turъ („зубр, буйвол, дикий бык“) — ст.-слав. тоуръ.

Ср. лит. taũgas, др.-прус. tauris, греч. taũros, лат. taurus;

о.-слав. ucho — ст.-слав. оухо. Ср. лат. auris < *ausis (в латинском языке согласный [r] в данном слове из более раннего [s], так же как славянское [ch] < [s]); гот. auþo, лит. ausis;

о.-слав. suchъ — ст.-слав. соухъ. Ср. лит. saũsas.

Дифтонг [eu], монофтонгизируясь, дал гласный [u], смягчив при этом предшествующий согласный, т. е. [eu] > [u]. Очевидно, при переходе [eu] > [u] звук [e] сужался и развился в неслоговой [i], который и воздействовал на предшествующий согласный, смягчая его:

о.-слав. bl'udō („наблюдаю“) — ст.-слав. влюдъ. Ср. греч. (гомер.) reĩthomai — „спрашиваю, расспрашиваю“;

о.-слав. l'ubъ („любимый“) — ст.-слав. любъ. Ср. др.-инд. leubhoh;

¹ Дифтонг [ae] в латинском языке восходит к более раннему дифтонгу [ai], дифтонг [oe] < [oi], а [i] < [ei].

о.-слав. bl'udo, ст.-слав. блюдо. Ср. др.-инд. beudhoḥ;
о.-слав. l'udije, ст.-слав. людие. Ср. лит. liáudis, др.-в.-нем. liut,
совр. нем. Leute, бургунд. leudis „свободный человек.“

С помощью гласного [u] передавали славяне дифтонги с неслоговым [y] при заимствовании слов из германских языков. Например, со ст.-слав. коупити ср. гот. kaupōn — „торговать“, нем. kaufen.

§ 56. Судьба дифтонгических сочетаний с неслоговыми элементами [n] и [m] принципиально не отличалась от судьбы дифтонгов с неслоговыми [i] и [y]. Находясь в позиции перед следующим согласным в середине слова, дифтонгические сочетания с неслоговыми [n] и [m] монофтонгизировались. В результате возникали носовые гласные [ɛ̃] и [ɔ̃]. В позиции же перед следующим гласным благодаря тенденции к открытому слогу слогораздел проходил между составными элементами этих дифтонгических сочетаний: слоговой элемент отходил к предшествующему слогу, а неслоговой — к последующему. Материал старославянского языка подтверждает эти положения:

ст.-слав. [zvɔ-пъ] звѡпъ — ст.-слав. [zvɔ-къ] звѡкъ;

ст.-слав. [pɔ-to] пѡто — ст.-слав. [o-po-na] опѡна;

ст.-слав. [mъ-пѡ] мѡпъ — ст.-слав. [mъ-ti] мѡти;

ст.-слав. [i-mɔ]; имѡ — ст.-слав. [jɛ-ti] ѡти и т. д.

Славянскому носовому гласному [ɔ̃] в других индоевропейских языках соответствуют дифтонгические сочетания [ɔ̃n], [ɔ̃p], [ɔ̃m], [ɔ̃m], [ɔ̃n], [ɔ̃n] [ɔ̃m], [ɔ̃m], а славянскому носовому гласному [ɛ̃] — дифтонгические сочетания [ɛ̃n], [ɛ̃p], [ɛ̃m], [ɛ̃m]:

о.-слав. svěťъ — ст.-слав. свѣтъ. Ср. лит. šventas, др.-прусс. swenta;

о.-слав. рѣть — ст.-слав. пѣть. Ср. лит. penki., греч. pénte;

о.-слав. jětro „печень“ — ст.-слав. ѡтро. Ср. греч. 'éntera — „внутренность“;

о.-слав. oḡtъ — ст.-слав. ѡгътъ. Ср. лат. angulus;

о.-слав. рѡтъ — ст.-слав. пѣть. Ср. лат. pons (род. pontis) — „мост“, др.-инд. pánthāḥ — „дорога“;

о.-слав. rѡka — ст.-слав. рѡка. Ср. лит. rankà < *ronka;

о.-слав. рѡто — ст.-слав. пѡто. Ср. др.-прусс. panto — „цепь, оковы“, лит. rántis.

Данные славянских языков, а также данные других индоевропейских языков указывают и на иное происхождение носовых гласных [ɛ̃] и [ɔ̃].

Так, в ряде случаев славянскому [ɛ̃] соответствуют в других индоевропейских языках сочетания, развившиеся на месте древнейших индоевропейских слоговых [n] и [m]. У славян слова с таким [ɛ̃] чередуются в позиции перед гласным с сочетаниями [ɛ̃n], [ɛ̃m] < [*in], [*im]: [pъpɔ] — [pɛ̃ti], [mъpɔ] — [mɛ̃ti]. В литовском языке в соответствии с этим славянским [ɛ̃] будут употребляться сочетания [in], [im], [un], [um] с разной интонацией под ударением или без ударения; в готском языке этому славянскому [ɛ̃] соответствуют сочетания [un], [um]; в латинском языке — сочетания [en], [em],

[nā], [mā]; в греческом — [a], [na], [ma]; в древнеиндийском — [a], [ā]:

о.-слав. desěťъ — ст.-слав. десѣтъ. Ср. лит. dėšimt, др.-инд. daçát, лат. decem, греч. déka;

о.-слав. tysęť'a — ст.-слав. тысѣтъ. Ср. лит. šimtás, гот. taihun, др.-прусс. tūsimtóns (вин. п. мн. ч.);

о.-слав. paměťъ — ст.-слав. памѣтъ. Ср. лит. mintis — „мысль, мнение“, гот. gamunds, др.-инд. matiḥ, лат. mēns (род. п. mentis).

Примеров с [ɔ̃], которые указывали бы на более ранние сочетания [ɔ̃n], [ɔ̃m] < [*ɔ̃n], [ɔ̃m] перед согласным, развившиеся на месте древнейших индоевропейских слоговых [n] и [m], у славян мало. Наиболее показательным словом [dɔ̃ti] — ст.-слав. дѡти, где [ɔ̃] образовалось в результате монофтонгизации перед согласным дифтонгического сочетания [ɔ̃m] < [*ɔ̃m]. Наличие данного сочетания в составе этого слова подтверждают формы настоящего времени [dъmɔ], [dъmeši] — ст.-слав. дѡмѡ, дѡмѣши и форма страдательного причастия прошед. вр. [(na)dъmepъ] — ст.-слав. (на)дѡмѣнъ. Ср. литовские параллели с сочетанием [um]: dūmti, dumiu.

Однако в ряде случаев на месте древнейших сочетаний [un], [um] в позиции перед следующим согласным у славян возник гласный [y].

Например, о.-слав. luko — ст.-слав. лыко. Ср. лит. lūnkas, др.-прусс. lunkan.

По предположению некоторых исследователей, возникновение гласного [y] в данном случае объясняется следующим образом: в результате монофтонгизации дифтонгического сочетания [un] возникал долгий носовой гласный [ū]. Но носовой характер этого гласного не удерживался, а поэтому возникал [ū], который и давал у славян гласный [y].

В заимствованных славянами словах из германских языков дифтонгические сочетания [an] и [in] переданы через [ɔ̃] и [ɛ̃]:

ст.-слав. князь. Ср. др.-сакс. kuning, др.-анг. cyning, др.-в.-нем. kuning;

ст.-слав. цѣта — „мелкая монета“. Ср. гот. kintus;

ст.-слав. хѡдогъ — „искусный“. Ср. гот. handugs, др.-в.-нем. hantag.

ДИФТОНГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ С ПЛАВНЫМИ [r] И [l]

§ 57. К числу этих сочетаний относились в общеславянском языке дифтонгические сочетания [er], [or], [el], [ol].

При рассмотрении изменения этих сочетаний следует помнить о тенденции к открытому слогу, характерной для славянской фонетической системы. В положении перед гласным звуком у данных дифтонгических сочетаний, как и у рассмотренных выше дифтонгов и дифтонгических сочетаний, слогораздел проходил между их составными элементами, так что слоговой элемент относился к предшествующему слогу, а неслоговой — к по-

следующему. В положении перед согласным звуком, т. е. тогда, когда в середине слова возникал закрытый слог, эти дифтонгические сочетания подвергались изменению. Однако открытие слога происходило здесь не с помощью монофтонгизации, а благодаря перестановке звуков или путем развития дополнительного гласного после плавного.

Перед следующим согласным звуком эти сочетания могли находиться или в середине слова или в начале слова. Так как судьба дифтонгических сочетаний с плавными в указанных положениях была неодинакова, то каждое из них будет рассматриваться отдельно.

Дифтонгические сочетания с плавными в середине слова между согласными

§ 58. Условно данные дифтонгические сочетания в указанном положении обозначают так: [tert], [tort], [telt], [tolt], где [t] равен любому согласному звуку.

Результаты изменения перечисленных дифтонгических сочетаний в указанном положении по разным славянским группам были таковы:

о.-слав.	южнослав., чеш., словац.	западн.-слав.	восточнослав.
*tert	trět	tret	teret
*tort	trat	trot	torot
*telt	tlět	tlet	tolot
*tolt	tlat	tlot	tolot.

Процесс изменения дифтонгических сочетаний с плавными у славян в общих чертах протекал следующим образом. Эти сочетания по своему происхождению представляли долгий слог.

У предков южных славян долгота сосредоточивалась на гласном. Следовательно, в исходном положении дифтонгическое сочетание имело такой вид: [*tōrt]. Долгий гласный [ō] изменялся у славян в [a]. Затем открытие слога шло путем перестановки гласного в позицию после плавного. Таким образом, [*tōrt] > [tart] > [trat].

У предков восточных и западных славян долгота сосредоточивалась не на гласном, а на плавном: [*tořt]. После долгого [r], может быть через стадию слоговости [r̥], развивался дополнительный гласный такого же качества, что и предшествовавший плавному. Этот гласный в дальнейшем становился полным. Таким образом, [*tořt] > [(tořt)] > [tor^ot] > [torot].

В западнославянской группе (кроме чешского и словацкого языков) наряду с развитием дополнительного гласного после плавного гласный, предшествующий плавному, редуцировался. Таким образом, [*tořt] > [(tořt)] > [tor^ot] > [t^orot] > [trot]. То, что сказано об изменении дифтонгического сочетания [or], относится к изменению и других дифтонгических сочетаний с плавными.

У восточных славян сочетания [*telt] и [*tolt], изменившись, совпали в одно сочетание [tolot]. В связи с этим следует сделать замечание о судьбе сочетания [el] у восточных славян. Группа [*telt] изменялась у них так: плавный [l] в позиции перед следующим твердым согласным отвердевал. Отвердевший плавный [l] воздействовал на предшествующий ему гласный переднего ряда [e], веляризуя его. В связи с этим [e], передвинувшись в задний ряд, изменился в [o]. Возникшая группа [tořt] подверглась тем же изменениям, что и первоначальная группа tořt. Таким образом, [telt] > [teřt] > [tořt].

Вот почему о.-слав. melko — ст.-слав. млѣко, сербохорв. mléko, mljèko, чеш., пол. mleko, а в русском — молоко.

Рассмотрим примеры.

о.-слав. gōrdъ (˘ — знак нисходящей интонации) — ст.-слав. градъ, сербохорв. grād (с долгим нисходящим ударением), чеш. hrád, пол. gród, рус. *город* (ударение на первом гласном полногласия). Ср. лит. gairdas — „ограда“;

о.-слав. vōlsъ — ст.-слав. вѣлсъ, сербохорв. vlās, чеш. vlas, пол. włos, рус. *волос*. Ср. др.-инд. válcaḥ „ветвь“;

о.-слав. bóltо (˘ — знак восходящей интонации) — сербохорв. blāto (˘ — знак краткого нисходящего ударения), пол. błoto, рус. *болото*. Ср. лит. báltas „белый“;

о.-слав. dēvо — ст.-слав. дрѣво, др.-серб. дрѣво, чеш. dřevo — drzewo, пол. drzewo — dżewo, рус. *дерево*. Ср. лит. deřva (вин. п. ед. ч.);

о.-слав. vōrna — сербохорв. vrāna, чеш. vrāna, пол. wrona, полаб. vornó, рус. *ворона*. Ср. лит. vārna;

о.-слав. gōlsъ — ст.-слав. гѣлсъ, сербохорв. glās, чеш. hlas, пол. głos, рус. *голос*.

На этих примерах видно, что доисторическая нисходящая интонация в сербохорватском языке передается как долгое нисходящее ударение, а в русском — как ударение на первом слоге полногласия, доисторическая же восходящая интонация в сербохорватском языке передается как краткое нисходящее ударение, а в русском — как ударение на втором слоге полногласия.

Таков общий характер направления изменения дифтонгических сочетаний с плавными в середине слова перед согласным. Однако в ряде древнеболгарских говоров, язык которых отражен в памятниках старославянской письменности, изменение указанных дифтонгических сочетаний перед согласным могло происходить иначе. Открытие слога шло не с помощью перестановки гласного в позицию после плавного, а путем развития дополнительного гласного — редуцированного [ъ] после плавного. Так, например, в соответствии с русским словом *золото* и южнославянским *злато* в Синайской псалтыри встретилась форма золѣта — 89 б/10. Здесь, как видим, на месте бывшего дифтонгического сочетания [ol] выступает сочетание [o+l+ъ], то есть открытие слога про-

изошло благодаря развитию дополнительного гласного [ъ], что позволило сохранить то же расположение звуков, какое было характерно для дифтонгического сочетания.

Дифтонгические сочетания с плавными в начале слова

§ 59. В славянских языках сохранились данные только о сочетаниях [*ort-], [*olt-]. Для сочетаний [*ert-], [*elt-] нет достоверных примеров.

Изменение сочетаний [or-], [ol-] перед согласным в начале слова было обусловлено действием закона открытого слога. Однако характер изменения этих дифтонгических сочетаний по славянским языковым группам зависел от того, при какой интонации они произносились.

Если в группах [ort-], [olt-] дифтонгические сочетания произносились с восходящей интонацией, то тогда результаты изменения были одинаковы по всем славянским группам, а именно: дифтонгическое сочетание [or] изменилось в [ra], а [ol] — в [la].

Если же дифтонгические сочетания [or], [ol] произносились с нисходящей интонацией, то тогда результаты их изменения по славянским группам были различны. У предков южных славян [or-], [ol-] и здесь также изменялись в [ra-], [la-]. У предков же восточных и западных славян они изменились в [ro-], [lo-]. Только в словацком языке в ряде случаев возникали сочетания [ra-] и [la-].

Рассмотрим примеры.

1. О.-слав. *ordlo* („соха“) — ст.-слав. *рало*, сербохорв. *rālo*, чеш. *radlo*, пол. *radło*, рус. *рало*. Ср. лит. *árklas*. (Если же данное дифтонгическое сочетание оказывалось в позиции перед гласным, то расположение звуков сохранялось. Например, *orati* („пахать“) — ст.-слав. *орати*, рус. (сев. говоры) *орать*;

о.-слав. *ólnьji*, церк.-слав. *лани*, сербохорв. *lāne*, чеш., словац. *laň*, пол. *łania*, рус. *лань*. Ср. латыш. *alnis* — „олень“; лит. *alpinė*; о.-слав. *ólkomъ* („жадный“) — ст.-слав. *лакомъ*, сербохорв. *lakom*, чеш. *lakomý*, пол. *łakomy*, рус. *лакомый*. Ср. лит. *álkti* — „быть голодным“;

о.-слав. *órka* („гробница“) — ст.-слав. *рака*, сербохорв. *rāka*, чеш. *rakev*, рус. *рака*. Ср. лат. *arca*, гот. *arka*, греч. *árka*.

2. О.-слав. *orstъ* — ст.-слав. *рстъ*, сербохорв. *rāst*, пол. (wz) *rost*, словац. (wz) *rast*, рус. *рост*. Ср. лат. *arduus* „высокий, крупный“;

о.-слав. *ólкътъ* — ст.-слав. *лакътъ*, сербохорв. *lākat*, чеш. *loket*, словац. *laket*, пол. *łokieć*, рус. *локоть*. Ср. лит. *alkūnė*;

о.-слав. *oldъji* — ст.-слав. *ладни*, сербохорв. *lāda* (*ladja*), чеш. *lodí*, словац. *lod'*, пол. *łodzia*, рус. *лодья*. Ср. лит. *aldijà* (вин. п. *aldijà*);

о.-слав. *ogvьпъ* — ст.-слав. *ракьнь*, сербохорв. *rāvan*, чеш., словац. *govpů*, пол. *gówpu*, рус. *рoвeн*. Ср. др.-прусс. *arwis* „истинный, верный“.

Иногда в южнославянской языковой группе встречаются слова,

в которых вместо ожидаемых сочетаний [ra-], [la-] выступают сочетания [ro-], [lo-]. Так, например, в болгарских говорах, отражавшихся в ст.-слав. памятниках: *рoвъ* (вм. *рaвъ*) — Зогр., Ио. XV, 15; Супр. 292¹⁸, 239¹⁹, 106⁶; *рoзвoнникъ* (вм. *рaзвoнникъ*) — Супр. 558⁹; *рoсткoрикъ* (вм. *рaсткoрикъ*) — Супр. 554²⁶⁻²⁷; *рoзмышлaнa* (вм. *рaзмышлaнa*) — Супр. 543¹⁴ и т. д. Причины такой двойственности не совсем ясны.

Иногда в старославянских памятниках встречаются слова, в которых не отражена перестановка гласного в позицию после плавного при изменении дифтонгического сочетания [ol-] в начале слова. Например, наряду с *ладни* встречается форма *ал'ди* (Зогр., Мр. I, 19), *алди* (Супр. 428²¹), *ал'ды* (Супр. 522⁸), наряду с формой *лакати* встречается форма *алкати* (Син. тр., 103 б/22) и формы с тем же корнем *кззaлкa* (Мар. ев, Сав. кн. Мр. II, 25; Мф. IV, 2), *кззaлкa* (Мар. ев, Мф. XII, 3; Лук. IV, 2), *алкчца* (Сав. кн., Мф. XXV, 44), *кззъaлкa* (Ас. ев., Мф. IV, 2; Мр. II, 25, Лук. VI, 3) и т. д.

В указанных случаях открытие слога происходило путем развития редуцированного [ъ] после плавного, что давало возможность сохранить старое расположение звуков в бывшем дифтонгическом сочетании. В дальнейшем этот [ъ], находясь в слабой позиции, утрачивался.

СОЧЕТАНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ С ПЛАВНЫМИ

§ 60. В общеславянской фонетической системе было два типа сочетаний редуцированных [ъ], [ь] с плавными [r], [l] в положении между двумя согласными:

1. Редуцированный предшествовал плавному: [tъrt], [tъrt], [tъlt], [tъlt];

2. Редуцированный следовал за плавным: [trъt], [trъt], [tlъt], [tlъt].

Этот порядок в сочетании славянских редуцированных [ъ], [ь] с плавными между согласным подтверждается данными других индоевропейских языков.

Разберем каждый из этих типов сочетаний отдельно.

1. Сочетания редуцированных с плавными, в которых редуцированный предшествовал плавному: [tъrt], [tъrt], [tъlt], [tъlt]. В соответствии с этими славянскими сочетаниями в литовском языке представлены сочетания [ur], [ir], [ul], [il] между согласными.

Южнославянские языки и два западнославянских (чешский и словацкий) показывают, что издавна в этих сочетаниях в качестве слогового элемента выступали плавные [r], [l]. Усиление плавного как слогового элемента приводило в дальнейшем к ослаблению предшествующего плавному редуцированного и, наконец, к его полному исчезновению: [tъrt] > [tъrt] > [tъrt] > [trt].

Таким же образом возникли из [tъrt] > [trt], из [tъlt] > [tlt], из [tlъt] > [tlt].

В настоящее время в чешском, словацком, сербохорватском и словенском языках представлены сочетания со слоговыми [ɾ] и [l̥] (с заменой слогового [l̥] в сербохорватском языке на [u], в словенском на [ou] и в чешском языке в определенных условиях на [lu]).

Например:

сербохорв.: pīvi, vūk, pūn, gřlo, přst, mřtvi, dūg.

чеш.: pŕvŭ, vlk, plnŭ, hrdlo, prst, mrtvŭ, dluh.

В болгарском языке в более позднее (историческое) время слоговые плавные вышли из употребления и заменились посредством сочетания плавных [ɾ], [l̥] с глухим гласным [ъ]: *първи, пръв, вълк, плен, гърло, пръст, мъртав, дълг*.

В языках северо-западных славян и в восточнославянских языках слоговость плавных не удержалась. За счет утраты этой слоговости происходило усиление предшествующего плавному редуцированного [ъ] или [ь].

У восточных славян редуцированный усиливался настолько, что в любой позиции, независимо от следующего слога, он становился сильным. Позднее такие [ъ] и [ь] прояснились в гласные полного образования: [ъ] > [o], [ь] > [e].

Другое значительное изменение, пережитое предками восточных славян, состояло в том, что плавный [l̥] в позиции перед следующим согласным отвердевал. Такой твердый [l̥] воздействовал на образование предшествующего редуцированного [ь], веляризуя его, в связи с чем [ь] > [ъ].

Следовательно, [ъlt] > [ъlt̥] > [t̥lt]:

о.-слав. pьrvъ vьlkъ pьlnъ gьrdlo pьrstъ mьrtvъ;

рус. *первый волк полный горло перст мертвый*;

пол. pierwszy wilk pelny gardlo parst martwy.

Ср. с соответствующими формами в литовском языке: pirmas (прежде, сначала), vilkas, pilnas, gurkl̥ys (вин. п. gūrkl̥i), pīštas, mirtas.

В старославянском языке в данном случае на положении слогаобразующего элемента выступал плавный. Но так как в старославянских азбуках не было специальной буквы для слоговых плавных [ɾ], [l̥], то для передачи их в памятниках использовались буквы л и р, после которых обычно писался любой редуцированный: [pɾvъ] *пръкъ* и *пръкъ*, [pɾlnъ] *плъкъ* и *плъкъ*, [mɾtvъ] *мрътъкъ* и *мрътъкъ* и т. д. (подробнее об этом см. выше в § 20).

Таким образом, в ранний доисторический период жизни славянских языковых групп в их фонетической системе были сочетания [t̥rt], [t̥rt], [t̥lt], [t̥lt] со слоговыми [ɾ] и [l̥], которые в дальнейшем по славянским языковым группам начинают претерпевать разные изменения.

2. Второй тип представляют сочетания, в которых редуцированный [ъ] или [ь] находился после плавного: [tr̥t], [tr̥t], [tl̥t], [tl̥t].

Этот порядок в расположении звуков подтверждается данными других индоевропейских языков. Наиболее близкие сочетания к славянским представляет литовский язык: [r̥i], [r̥i], [l̥i], [l̥i].

Например, krūvinas — ст.-слав. *крѡвѡкъ*, trisè — ст.-слав. *трѣѡз*, plūtà („корка“) — ст.-слав. *пакъ* и т. д. Судьба этих сочетаний по славянским группам была неодинакова.

а) Если после сочетания плавного с редуцированным шел слог со слабыми гласными [ъ] и [ь] (например, kɾъvъ, pɾъtъ, kɾъstъ, slъzъ [род. мн. ч. от slъza]), то тогда слог „плавный + редуцированный“ являлся сильным. В отдельных славянских языках (например, в русском) судьба редуцированных [ъ] и [ь] в этих сочетаниях совпала с судьбой редуцированных [ъ] и [ь], находящихся в сильной позиции. Следовательно, редуцированный [ъ] в этих сочетаниях в дальнейшем прояснился в [o], а [ь] — в [e]. В результате в русском языке возникли формы [krɔv'] *кровь*, [pɫot'] *плоть*, [krɛst] *крест*, [slɛz] (род. п.) *слез*.

б) Если же после [r̥t], [r̥t], [l̥t], [l̥t] следовал слог с гласным полного образования, то редуцированный, следовавший за плавным, находился в слабой позиции и подлежал утрате.

Например, Им. п. [kɾъvъ] > [kɾъvъ]
Род. [kɾъve] > [kr̥ve]
Дат. [kɾъvi] > [kr̥vi].

Как показывают эти примеры, в одном и том же слове корень оформлялся в звуковом отношении по-разному: то со слоговым редуцированным, находившимся в сильной позиции, то со слоговым плавным. (При этом слоговость плавного возникла после утраты следовавшего за ним слабого редуцированного.) Чтобы избежать такой двойственности, в языке возникает объединение основ. В одних языках (южнославянских и частично в чешском и словацком) объединение проходит по основам со слоговым плавным. В других языках (например, в северо-западных, а также в русском) объединение начинается по основам с редуцированным, находящимся в сильной позиции. Вот почему в русском языке возникли формы *кровь, крови* и т. д., а в сербохорватском языке — *krv, krvi* и т. д.

О том, как отражены подобные сочетания в старославянском языке см. § 35.

Таким образом, в ранний доисторический период жизни славянских групп в их фонетической системе были сочетания [tr̥t], [tr̥t], [tl̥t], [tl̥t] со слоговыми редуцированными [ъ] и [ь], которые позднее по славянским группам начинают претерпевать разные изменения.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 61. Как отмечалось выше, в доисторическую пору для индоевропейских языков была характерна развитая система взрывных согласных звуков.

Некоторые из этих согласных перешли в общеславянский язык без изменения, некоторые претерпели сильные изменения, а ряд согласных совершенно утратился.

Одним из наиболее характерных изменений, пережитых в общеславянскую эпоху, являлась утрата придыхательных согласных.

Так, в древнейшую пору в индоевропейских языках имелись придыхательные согласные и непридыхательные. Например, [b] и [bh], [d] и [dh], [g] и [gh].

В общеславянском языке придыхательные согласные совпали с непридыхательными. Правильность этого положения можно подтвердить следующими примерами:

① о.-слав. *berǫ* и *bolii* — ст.-слав. *берѣж* и *воини*. В старославянском языке в обоих словах употреблен звук [b]. Между тем в других индоевропейских языках согласному [b] в первом и во втором словах соответствовали разные звуки. Так, ст.-слав. *берѣж* в др.-инд. соответствует *bhāgāmi*, в греч. *fégō*, в лат. *ferō*.

Слова с др.-инд. [bh], греч. [f (φ)], лат. [f] указывают на более раннюю фонетическую стадию с придыхательным [bh]. Таким образом, звук [b] в слове *берѣж* восходит к индоевропейскому придыхательному [*bh].

Если же мы сопоставим ст.-слав. *воини* с другими индоевропейскими языками, то увидим, что в др.-инд. ему соответствует *bāliuān*, в греч. *beltiōn*, в лат. *dēbilis*, т. е. во всех языках в данном случае представлен непридыхательный звук [b]. Таким образом, славянский звук [b] в данном случае восходит к непридыхательному [*b]. Следовательно, в соответствии с индоевропейскими звуками [*b] и [*bh] у славян имеется только один звук [b].

② о.-слав. *dojǫ* — „кормить материнским молоком“, *domъ*, *dъva* — ст.-слав. *домъ* (1 л. ед. ч., наст. вр.), *домъ*, *дъва*. Первой славянской форме [dojǫ] в др.-инд. языке соответствует *dhāyati*, в греч. *thēsato*, в лат. *fēlāre*.

Таким образом, в соответствии со славянским звуком [d] в др.-инд. языке представлен придыхательный [dh], в греч. — придыхательный [th], в лат. — звук [f] < [*dh]. Следовательно, в данном случае славянский звук [d] восходит к индоевропейскому [*dh]. Сопоставление славянских форм [domъ] и [dъva] с соответствующими формами в других индоевропейских языках показывает следующее:

ст.-слав. *дъва*, др.-инд. *duvā*, греч. *dūō*, лат. *duo*;

ст.-слав. *домъ*, др.-инд. *dāmah*, греч. *dōmos*, лат. *domus*.

Из этих примеров видно, что во всех этих языках в соответствии со славянским звуком [d] употреблен непридыхательный звук [d]. Следовательно, в данном случае славянский согласный [d] восходит к индоевропейскому [*d].

Таким образом, в соответствии с индоевропейскими [*d] и [*dh] в славянской фонетической системе употребляется только один звук [d].

Приведенные примеры показывают, что придыхательные и непридыхательные согласные у славян совпали в соответствующие непридыхательные согласные. Только придыхательный согласный [kh] оставил след в славянской фонетической системе, изменившись в [ch]. Аналогичное изменение придыхательного [kh] > [ch] отражено в греческом языке.

§ 62. Второе изменение, которое было пережито согласными на славянской почве, состояло в совпадении заднебных лабиализованных и нелабиализованных звуков. След лабиализованного образования [k] и [g] представлен в некоторых индоевропейских языках в том, что при заднебном согласном развивался лабиальный элемент. Так, например, было в латинском и германских языках. Например, в соответствии со ст.-слав. *къто* в латинском языке представлено *quis*, в готском — *hwās*.

Иногда губная артикуляция получала перевес, что приводило к замене лабиализованного заднебного губным. Так, например, было в греческом языке: *róteros* — „который, кто из двух“. Ср. также: ст.-слав. *отѣлѣкъ* — „остаток“, лат. *linquo* — „оставляю“, гот. *leihwa* — „суживаю“, греч. *leirō* — „оставлять“.

Таким образом, в славянской фонетической системе лабиализованные заднебные согласные не сохранились, совпав с нелабиализованными заднебными.

§ 63. Следующим изменением взрывных согласных на славянской почве является то, что в соответствии с палатальными нелабиализованными заднебными [k'], [g'], [g'h] у славян возникли согласные [s] и [z]. Например: [*k']: о.-слав. *съто* — ст.-слав. *къто*. Ср. лат.

centum, греч. *e-katón*, лит. *šimtas*;

о.-слав. *desęть* — ст.-слав. *десѣть*. Ср. лат. *decem*, лит. *dešimtis*, греч. *déka*;

о.-слав. *slovo*, *slava* — ст.-слав. *слово*, *слава*. Ср. греч. *kléos* — „слава“, лит. *šlāvinti* — „славить“;

[*g']: о.-слав. *znati* — ст.-слав. *знати*. Ср. лат. *co-gnōscō*, греч. *gi-gnōskō*, лит. *žinōti*. Ср. также гот. *kann*;

о.-слав. *зьно* — ст.-слав. *зьно*. Ср. лат. *grānum*, др.-ирланд. *grán*;

[*g'h]: о.-слав. *зима* — ст.-слав. *зима*. Ср. греч. *cheimōn*, лат. *hiems*, лит. *žiemà*;

о.-слав. *vezǫ*, *vozъ* — ст.-слав. *везѣ*, *козѣ*. Ср. греч. *óchos* < *Fóchos* — „повозка“, лат. *veho*, лит. *vežù*, др.-сканд. *vagn* — „повозка“.

Наряду с указанными выше изменениями, пережитыми в системе индоевропейских согласных на славянской почве, в общеславянском языке при определенных условиях подвергался изменениям согласный [s] > [ch]. Кроме того, в общеславянском языке возник целый ряд мягких согласных звуков, не характерных для индоевропейского языка-основы. Рассмотрим происхождение каждого из них в отдельности.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗВУКА [ch]

§ 64. Звук [ch] в славянской фонетической системе имеет разное происхождение.

1. Иногда, как об этом упоминалось выше, звук [ch] на славянской почве возникал на месте придыхательного [*kh]:

о.-слав. *chorbъгъ* — ст.-слав. *чрѣвѣгъ*. Ср. др.-инд. *kharah* — „твердый“;

о.-слав. *chochotati* — ст.-слав. *чохотати*. Ср. др.-инд. *kakhati*, греч. *kachádzō*.

Образование согласного [ch] в начале слова [chochotati] могло находиться в связи с экспрессивностью слова: [ch] могло быть экспрессивным вариантом согласного [k] в начале слова.

2. Однако чаще звук [ch] в славянской фонетической системе возник в результате изменения [s] при определенных фонетических условиях, а именно: если [s] употреблялся после индоевропейских звуков [*i], [*u], [*r], [*k], то он изменялся в [ch]. При этом индоевропейские звуки [*i] и [*u] могли быть долгими и краткими [ī], [ū], [ī], [ū] и могли входить в состав дифтонгов [ei], [oi], [eu], [ou]. А так как на славянской почве [i] > [ī], [ī] > [ь], [ū] > [y], [ū] > [ъ], [oi] > [ě], [eu] > [u], [ou] > [u], [ei] > [i], то [ch] < [s] мог употребляться у славян после звуков [i], [ь], [y], [ъ], [ě (oi)], [u], а также после звуков [r] и [k].

Примеры:

о.-слав. *blъcha* < *blūsa — рус. *блоха*. Ср. лит. *blusa*;

о.-слав. *ucho* < *ousos — ст.-слав. *оухо*. Ср. лат. *auris* < *ausis, лит. *ausis*, гот. *auso*;

о.-слав. *тъсчъ* < *m'usos — ст.-слав. *мъхъ*. Ср. лит. *mūsos*, лат. *muscus*;

о.-слав. *tucha* < *mousa — ст.-слав. *моуха*. Ср. лит. *musė*, лат. *musca*;

о.-слав. *въrchъ* < *vīrsus — ст.-слав. *врѣхъ*. Ср. лит. *viršus* < *vīrsūs, латыш. *virsus*.

Очень нагляден переход [s] > [ch] при образовании форм сигматического аориста, где в более древний период в качестве суффикса выступал согласный [s]:

1 л. ед. ч. о.-слав. *гѣchъ* < *rēkson от *rekti — ст.-слав. *рѣхъ*;

о.-слав. *molichъ* < *molison от *moliti — ст.-слав. *молихъ*;

о.-слав. *buchъ* < *būson от *būti — ст.-слав. *вухъ* и т. д.

То, что суффиксом сигматического аориста в древнейший период действительно являлся согласный [s], подтверждают, например, формы сигматического архаического аориста от глаголов *nesti* и *vesti*, встречающиеся в старославянских памятниках. Так, от [nesti] — *нестти* 1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста — [nēsъ] *нѣхъ* < *nēs-s-on, а от [vesti] *вѣсти* — [vēsъ] *вѣхъ* < *vēs-s-on.

3. В ряде случаев [ch] в славянской фонетической системе встречается на месте бывшего [s] не только после индоевропейских звуков [*i], [*u], [*r], [*k], но и после других гласных, в частности после [a] и [ě]. Однако во всех этих случаях образования с согласным [ch] возникли по аналогии с родственными образованиями, в которых [s] изменился в [ch] фонетически закономерно.

Например, от глагола *znati* форма 1 л. ед. ч. сигматического аориста *znachъ* < *zna-s-on — ст.-слав. *знахъ*. Ср. *buchъ*, *molichъ*, *гѣchъ* и др. Глагол *choditi* < *soditi — ст.-слав. *ходити* образован

по аналогии с приставочными глаголами *prichoditi* < *prisoditi — ст.-слав. *приходити*, *uchoditi* < *ousoditi — ст.-слав. *оуходити*, где [ch] < [s] после звуков [i] или [u].

Аналогичная картина наблюдается при образовании формы местн. пад. мн. числа у существительных с *ā-основой. Например, о.-слав. *vodachъ* < *vodāsū — ст.-слав. *водахъ* (ср. др.-инд. *ācvāsu*) образовано по аналогии с формами *kostьchъ*, *супьchъ*, *plodѣchъ* — ст.-слав. *костьхъ*, *супьхъ*, *плодѣхъ*, где [ch] < [s] после [i], [ū], [ě] < [oi].

4. Звук [ch] у славян мог появиться также в результате заимствования: ст.-слав. *хлѣхъ* — ср. гот. *hlaihs*; ст.-слав. *хлѣкхъ* — ср. гот. *hlaiw* и т. д.

5. В ряде случаев [ch] возник у славян в результате звукоподражания. Например, чеш. *chuchati* — „дышать, дуть“, рус. *хухать*, *хихикать*, *хорохориться*.

Такого же происхождения согласный [ch] в русских диалектных глаголах сильной экспрессивной значимости: *ужахнуть*, *шарахнуть*.

ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ЗАДНЕНЕБНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 65. Заднеязычные согласные [k], [g], [ch] под влиянием гласных переднего ряда подверглись у славян в разные доисторические периоды изменениям.

Наиболее ранним изменением, пережитым заднеязычными согласными в общеславянском языке, являлось изменение их перед гласными переднего ряда: [e], [ь], [ē], [ě] (< *ē), [i] (< *ī) или [ei]. В результате этого изменения возникли шипящие: [k] > [č'], [g] > [dž'] > [ž'], [ch] > [š']. Данное смягчение заднеязычных согласных принято называть первой палатализацией:

о.-слав. <i>roka</i> — <i>poroč'iti</i>	— ст.-слав. <i>рѣка</i> — <i>порѣчити</i> ;
о.-слав. <i>grěchъ</i> — <i>grěš'iti</i>	— ст.-слав. <i>грѣхъ</i> — <i>грѣшити</i> ;
о.-слав. <i>otrokъ</i> — <i>otroč'ę</i>	— ст.-слав. <i>отрокъ</i> — <i>отроча</i> ;
о.-слав. <i>bogъ</i> — <i>bož'ьckъ</i>	— ст.-слав. <i>богъ</i> — <i>божькъ</i> ;
о.-слав. <i>běgъ</i> — <i>běž'ati</i> < *bēgēti	— ст.-слав. <i>вѣгъ</i> — <i>вѣжати</i> ;
о.-слав. <i>goręti</i> — <i>ž'agъ</i> < *gēros	— ст.-слав. <i>горѣти</i> — <i>жаръ</i> ;
о.-слав. <i>oko</i> — <i>oč'ese</i> (род. пад. ед. ч.)	— ст.-слав. <i>око</i> — <i>очесе</i> и т. д.

Особо следует сказать о сочетаниях [*kē], [*gē], [*chē]. Под влиянием долгого гласного [ē] заднеязычные согласные смягчались. Возникшие мягкие согласные [č'], [ž'], [š'] оказывали влияние на следовавший за ними гласный переднего ряда [ē], передвигая его назад. В результате вместо [ē], который у славян должен был дать [ě], возникал гласный [a]: *slyš'ati* < *slūchēti; *krič'ati* < *krikēti и т. д.

В более поздний период общеславянского языка вновь обнаружилась тенденция к смягчению заднеязычных согласных. Однако результат этого смягчения отличался от более раннего, т. е. от

первой палатализации. На этот раз задненебные согласные, смягчаясь, изменились уже не в шипящие, а в свистящие: [k] > [c'], [g] > [dʒ'], [ch] > [s'].

Подобное смягчение задненебных согласных происходило в разное время и зависело от одного из двух следующих условий.

§ 66. 1. Задненебные согласные [k], [g], [ch] могли подвергаться смягчению и переходить в свистящие [c'], [dʒ'], [s'] под влиянием предшествующего гласного переднего ряда [i], [ɛ], [ɐ]:

о.-слав. муѣѣс'а < *mūsika — ст.-слав. мышца. Ср. др.-инд. mūsikā;
о.-слав. ліс'е < *likon. — ст.-слав. лице. Ср. [likъ], ст.-слав. ликъ;
о.-слав. овьс'а < *ovika — ст.-слав. окыца. Ср. др.-инд. avikā;
о.-слав. вьс'ь, вьс'а < *vьschъ < *viso — ст.-слав. вьсь, вьса. Ср. лит. visas, др.-прус. wissa —, латыш. viss.

Данная фонетическая тенденция сказывалась и при заимствовании славянами слов из германских языков:

о.-слав. кьпѣдз'ь — ст.-слав. князь. Ср. др.-в.-нем. kuning;
о.-слав. рѣпѣдз'ь — ст.-слав. рѣназь. Ср. др.-в.-нем. rfenning — „монета“, др.-сакс. repning;

о.-слав. гобьдз'ь — ст.-слав. гобьзь. Ср. гот. gabigs — „богатый“.

Однако эта палатализация имела ограничения (не совсем ясные). Есть целый ряд слов, в которых задненебные согласные [k], [g], [ch], несмотря на наличие предшествующего гласного переднего ряда [i], [ɛ] или [ɐ], не изменились в свистящие. Так, например, отсутствие палатализации наблюдалось в случае, если после задненебного согласного находился другой согласный: о.-слав. стьгна — „улица, переулок“ (но стьдз'а — „дорога“), мьгла, dvignoti (но dvidz'ati), сътегноти (но сътедз'ati), кликноти (но klic'ati) — ст.-слав. стьгна (но стьза), мьгла, дькнати (но дькзати), гьтагнати (но гьтазати), кликнати (но канцати) и т. д. Кроме того, не происходило палатализации также в том случае, если после задненебного согласного употреблялся гласный [ɤ] или [y]: о.-слав. ликъ, льгъкъ, мѣкъкъ, отѣгъч'iti, льгун'и, кьпѣгун'и, двьгьпикъ — „привратник“, тичъ и т. д. — ст.-слав. ликъ, льгъкъ, макъкъ, отагъчити, льгьини, кьнагьини, дьбрьникъ, тичъ и т. д.

Отсутствие палатализации в данном случае объяснялось тем, что артикуляцию задненебных согласных перед гласными [ɤ] и [y] сопровождал лабиальный элемент, который и препятствовал передвижке задненебных вперед после гласных переднего ряда. Этот лабиальный элемент при артикуляции задненебных согласных возникал за счет утраты лабиальности гласными [ɤ] < [*ɥ] и [y] < [*ɥ].

Однако в ряде слов и форм задненебные согласные, несмотря на наличие следовавшего за ними гласного [ɤ] или [y], подверглись палатализации: о.-слав. отьс'ь < отькъ, ліс'ь (род. пад. мн. ч.) < ликъ и т. д. — ст.-слав. отьць, лиць (род. пад. мн. ч.) и т. д.

Возникновение здесь палатальных согласных вместо задненебных явилось в результате обобщения основы. Например, от существи-

тельного отьс'ь < отькъ были представлены следующие формы в ранний период существования общеславянского языка:

Ед. ч.	Им.-вин. п.	отькъ	Тв.	отькомь
	Род.	отька	Зв.	отьке
	Дат.	отьку		

Как показывают приведенные формы, в звательной форме задненебный согласный [k], оказавшись в позиции перед гласным переднего ряда [e], смягчился по первой палатализации. В результате [k] > [c'] и возникла форма отьс'е (ст.-слав. ѣтъче. Ср. аналогичные формы княже, воже, члвѣче и под.).

В более поздний (по сравнению с временем действия первой палатализации) период общеславянского языка на задненебный согласный начинает оказывать действие предшествующий гласный переднего ряда [ɤ]. Это приводит к тому, что в формах родительного, дательного и творительного падежей ед. числа вместо [k] возникает свистящая аффриката [c']. Под влиянием этих форм происходит обобщение основы данного слова в формах именительного и винительного падежей ед. числа, несмотря на то, что там после задненебного согласного [k] употреблялся гласный [ɤ]. Возникшая мягкая аффриката [c'] воздействовала на следующий за ней гласный переднего ряда, передвигая его в передний ряд. В результате [o] > [e], [ɤ] > [ɛ]. Таким образом, возникли формы:

Ед. ч.	Им.-вин. п.	отьс'ь	Тв.	отьс'емь
	Род.	отьс'а	Зв.	отьс'е
	Дат.	отьс'у		

Подобное обобщение основы происходило и во множественном и двойственном числах.

§ 67. 2. Задненебные согласные [k], [g], [ch] подвергались смягчению и переходили в свистящие [c'], [dʒ'], [s'] также в том случае, если после них употреблялся гласный переднего ряда [ɛ] или [i] по происхождению из дифтонга [oi] ([ai]):

о.-слав. с'ѣпа < *kojna — ст.-слав. цѣпа. Ср. лит. (диал.) kainà, (оба по ст.-слав. каѣпа, каѣти па — „каяться“);

о.-слав. с'ѣсар'ь < *kaisar'ь — ст.-слав. цѣсарь. Ср. гот. kaisar;

о.-слав. дз'ѣло < *gojlo — ст.-слав. зѣло. Ср. лит. gailūs — „вспыльчивый, яростный“, гот. gailjan — „оживленный“;

о.-слав. дат.-местн. пад. ед. ч. основы на -*ā- рѣс'ѣ < *ronkai — ст.-слав. рѣцѣ (от рѣка). подз'ѣ < *nogai — ст.-слав. ногѣ (от нога), муш'ѣ < *mouchai < *mousai — ст.-слав. мочѣ (от моча);

о.-слав. им. пад. мн. ч. основы на -*ō- вьл'и < *vilkoī — ст.-слав. вьлци (от вьлкъ). Ср. греч. l'úkoī, лит. vilkaī;

о.-слав. местн. пад. ед. ч. основы на -*ō- вьл'ѣ < *vilkoī — ст.-слав. вьлцѣ и т. д.

Вопрос о том, какое смягчение заднебных согласных в свистящие является более ранним, пока не может считаться окончательно решенным, т. к. есть известные доказательства в пользу того и другого. В связи с этим одни лингвисты называют смягчение заднебных перед гласными \acute{e} и $i < [oi]$ второй палатализацией, а после гласных переднего ряда — третьей, другие — наоборот.

ИЗМЕНЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ ПЕРЕДНЕГО РЯДА

§ 68. Группы согласных, в состав которых входили заднебные согласные, претерпевали у славян в разные доисторические периоды изменения перед гласными переднего ряда. К таким группам согласных относились следующие: [kv-], [gv-], [sk-], [zg-], [kt-], [gt-].

1. Сочетания [kv-] и [gv-] перед \acute{e} ($< [oi]$) изменились в славянских группах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков, в сочетаниях [c'v-] и [dž'v-]: c'větъ, dž'vezda — ст.-слав. цѣтъ, звѣзда, рус. цвет, звезда.

Точно так же памятники старославянского языка дают пример изменения сочетания [chv-] перед i ($< [oi]$) в [s'v-]: vlsvi — ст.-слав. вльски (им. пад. мн. ч. от вльхъ) — Супр. 257₉₋₁₀, 258_{14, 25}; Сав. кн.; Ас. ев.; Мар. ев., Мф. II, 1.

У предков западных славян в сочетаниях [kv-] и [gv-] перед \acute{e} ($< [oi]$) заднебные согласные сохранились без изменения: пол. kwiat, gwiazda; чеш. květ, hvězda; словац. kvet, hviezda.

Подобное различие в судьбе сочетаний [kv-] и [gv-] перед \acute{e} ($< [oi]$) по славянским группам было вызвано тем, что у предков восточных и южных славян согласные в этих сочетаниях были тесно объединены друг с другом. Поэтому палатализация согласного [v] перед гласным переднего ряда повлекла за собой соответствующее смягчение и предшествовавшего ему заднебного согласного. У предков же западных славян согласные в данных сочетаниях находились в свободном примыкании друг к другу, и поэтому палатализация согласного [v] перед \acute{e} ($[oi]$) не отразилась на изменении предшествовавшего заднебного согласного [k] или [g].

2. Сочетания [sk-] и [zg-] перед гласными переднего ряда (кроме \acute{e} и $i < [oi]$) палатализовались и изменялись в общеславянском языке в сочетания [s'tš'] и [ž'dž'], откуда в старославянском языке [š't'] и [ž'd'].

Процесс изменения данных групп протекал следующим образом: [sk] > [sč'] > [s'č'] (= [š'tš']), откуда ст.-слав. [š't']. Заднебный [k] перед гласными переднего ряда (кроме \acute{e} и $i < [oi]$) подвергался первой палатализации и изменялся в [č'] (= [tš']). Под влиянием данной мягкой аффрикаты происходило смягчение предшествующего ей согласного [s] и уподобление его последующему [š]. В результате

в общеславянском языке возникло сочетание [s'tš']. У предков южных славян последний шипящий позднее утрачивался, что привело к возникновению сложного согласного [št'], который и представлен в старославянском языке:

dъštic'a < *dъskika — ст.-слав. дѣштица. Ср. dъska — ст.-слав. дѣска;

št'edeti < *skędęti — ст.-слав. штѣдѣти. Ср. skędъ — ст.-слав. скѣдъ;

blъšt'ati < *blъskęti — ст.-слав. вльштати. Ср. blęskъ — ст.-слав. вльскъ;

vošt'anъ < *voskęnъ — ст.-слав. вощанъ. Ср. voskъ — ст.-слав. воскъ;

pišt'alъ < piskęlъ — ст.-слав. пишталъ. Ср. piskati — ст.-слав. пискати.

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении изменения [zg-] перед гласными переднего ряда (кроме \acute{e} и $i < [oi]$): [zg] > [zdž'] > [ž'dž'], откуда в ст.-слав. [ž'd'].

Заднебный согласный [g] по первой палатализации изменился в мягкую аффрикату [dž], под влиянием которой происходило смягчение предшествующего ей согласного [z] и уподобление его последующему [ž']. Это привело к возникновению сочетания [ž'dž']. У южных славян в дальнейшем происходила утрата конечного шипящего и возникновение сложного согласного [žd'], который и представлен в старославянском языке:

rožd'ije < *rozgъje — ст.-слав. рождіе. Ср. rozga — ст.-слав. розга;

izmožd'anъ < *izmozgęnъ — ст.-слав. изможданъ. Ср. mozgъ — ст.-слав. мозгъ;

drežd'ьnъ < *drezgъnъ — ст.-слав. дрѣзднъ. Ср. drezga — ст.-слав. дрѣзга.

Если же сочетания [sk-] и [zg-] оказывались в позиции перед гласным \acute{e} или i (оба по происхождению из дифтонга $[oi]$), то они при смягчении изменялись в сочетания [sc'] (= [stš']) и [zdž'], откуда в старославянском языке группы [st] и [zd].

Процесс изменения шел следующим образом: [sk] > [sc'] (= [stš']); [zg] > [zdž']. Заднебный согласный [k], смягчаясь, изменялся в [c'], а [g] в [dž']. Это привело к возникновению сочетаний [sc'] (= [stš']) и [zdž']. В дальнейшем у южных славян происходило отпадение конечного согласного в этих сочетаниях, откуда в старославянском языке сочетания [st] и [zd]. Однако в ряде случаев (что, например, нашло отражение в Саввиной книге) сочетание [stš'] (= [sc']) сохранилось без изменения:

č'lověč'ьstě < č'lověč'ьskě (ě < oi) — местн. пад. ед. ч. прилагательного муж. р. — ст.-слав. члѣкъчѣстѣ;

č'lověč'ьsti < č'lověč'ьski (i < oi) — им. пад. мн. ч. прилагательного муж. р. — ст.-слав. члѣкъчѣсти (в Сав. кн. члѣкъчѣсти). Ср. č'lověč'ьskъ — ст.-слав. члѣкъчѣскъ;

dreždè < drežgè (è < ai) — дат.-местн. ед. ч. — ст.-слав. дрѣздѣ.
Ср. drezga — ст.-слав. дрѣзга.

3. Перед гласными переднего ряда подверглись изменению в общеславянском языке и сочетания согласных [kt-] и [gt-]. Процесс изменения данных сочетаний у предков южных славян протекал следующим образом: ([gt]) > [kt] > [tʰ] > [tʰtʰ] > [tʰ] [tʰsʰ] > > [sʰtʰ] > [sʰtʰsʰ] > [štʰ]

Группы согласных [kt] и [gt] были невозможны. Заднебный согласный [g], оглушаясь перед следующим глухим согласным [t], переходил в [k], а затем процесс изменения исконной группы [kt] и группы [kt] < [gt] был одинаков и сводился к следующему. Согласный [t] смягчался перед гласным переднего ряда. Вследствие ассимиляции заднебного [k] последующему [tʰ] возникало сочетание [tʰtʰ], которое изменялось в долгий мягкий согласный [tʰ]. Утрата долготы данным согласным у предков южных славян (в частности, в болгарской языковой группе) шла за счет развития фрикативного элемента [š], который возник не только после мягкого [tʰ], но и перед ним. Фрикативный элемент [š] становился полным звуком. Так возникало сочетание [sʰtʰsʰ], в котором позднее последний согласный утрачивался, что приводило к возникновению сложного согласного [štʰ]:

poštʰ < poktʰ — ст.-слав. поштѣ. Ср. лит. paktis, лат. pox, postis;

dʰštʰi < dʰkti — ст.-слав. дшшти. Ср. лит. duktė;

moštʰi < mogti — ст.-слав. мошти. Ср. mogo — ст.-слав. мога (1 л. ед. ч. наст. вр.), гот. magen, лит. mėgti.

reštʰi < rekti — ст.-слав. рѣшти. Ср. reko — ст.-слав. рѣкѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.), др.-инд. raktāḥ „сваренный, вскипевший“.

У предков восточных славян в результате изменения сочетаний [kt] и [gt] перед гласными переднего ряда возникала аффриката [čʰ] ([tʰsʰ]). Ср. рус. ночь, дочь, мочь, печь. У предков западных славян утрата долготы согласным [tʰ] происходила за счет развития фрикативного согласного [s], что привело к возникновению аффрикаты [cʰ] ([tʰs]). Например, пол. nos, pies, mós, soga, sogka; чеш. nos, píci, moci, dcera.

СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ С ПОСЛЕДУЮЩИМ [j]

§ 69. Для общеславянской фонетической системы не были характерны сочетания согласных с последующим [j]. Поэтому одним из наиболее ранних фонетических процессов, происходивших в общеславянском языке, было смягчение и ассимиляция согласных с последующим [j] ([i]).

При ассимиляции зубных согласных [s] и [z] последующему [j] место артикуляции языка отодвигалось назад, к месту образования [j]. Затем происходила ассимиляция [j] с предшествующим ему мягким согласным, возникшим в результате передвижки зубных [s]

и [z] в палатальную зону, и возникали долгие мягкие согласные [šʰ] и [žʰ], которые в дальнейшем утрачивали долготу. Таким образом, [sj] > [sʰj] > [šʰ] > [šʰ]; [zj] > [zʰj] > [žʰ] > [žʰ]:

pošʰo < nosjō — ст.-слав. пошѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. positi — ст.-слав. ногити;

vožʰo < vozjō — ст.-слав. вожѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. voziti — ст.-слав. козити;

požʰь < pozjь — ст.-слав. ножь. Ср. vьpoziti — ст.-слав. вьнозити, рус. *вонзить*;

gašʰo < gasjō — ст.-слав. гашѣ. Ср. gasiti — ст.-слав. гасити;

vežʰo < vezjō — ст.-слав. кажѣ. Ср. vezati — ст.-слав. казати.

При ассимиляции заднебных согласных [k], [g], [ch] последующему [j] место артикуляции языка продвигалось вперед, к месту образования [j]. В результате передвижки заднебных согласных [k] и [g] в палатальную зону и последующего слияния с [j] возникали долгие мягкие согласные [tʰ] и [dʰ] (ср. в русских говорах формы *рути* и *ноду* вместо *рукʰи* и *ногʰи*). Утрата долготы данными согласными происходила за счет развития фрикативных элементов [š] и [ž]. Итак: [kj] > [kʰj] > [tʰ] > [tʰsʰ] > > [tʰsʰ] (= [čʰ]); [gj] > [gʰj] > [dʰ] > [dʰzʰ] > [džʰ] > [žʰ]; [chj] > > [chʰj] > [šʰ].

Таким образом, в результате ассимиляции заднебных согласных [k], [g], [ch] последующему [j] у славян возникли те же самые палатальные шипящие звуки, которые возникали у них на месте заднебных по первой палатализации (см. § 66):

sèčʰa < sèkja — ст.-слав. гѣча. Ср. sèko — ст.-слав. гѣкѣ (1 л. ед. ч. наст. вр. от гѣшти);

pláčʰo < plakjō — ст.-слав. плачѣ. Ср. plakati — ст.-слав. плакати;

lʰžʰa < lʰgja — ст.-слав. лѣжа. Ср. lʰgati — ст.-слав. лѣгати;

stražʰa < storgja — ст.-слав. стража. Ср. stergo — ст.-слав. стрѣгѣ (1 л. ед. ч. наст. вр. от стрѣшти — „стеречь“);

dušʰa < duchja — ст.-слав. доуша. Ср. duchъ — ст.-слав. доухъ;

gèčʰь < gèkjь — ст.-слав. рѣчь. Ср. geko — ст.-слав. рѣкѣ (1 л. ед. ч. наст. вр. от рѣшти).

При сочетании сонорного согласного [n], [l] или [r] с последующим [j] происходила передвижка артикуляции сонорного в палатальную зону. Затем происходила ассимиляция [j] с тем палатальным согласным, который появился в результате этой передвижки. Возникал долгий мягкий согласный, который в дальнейшем утрачивал долготу. Таким образом, [nj] > [nʰj] > [nʰ] > [nʰ]; [lj] > [lʰj] > [lʰ] > [lʰ]; [rj] > [rʰj] > [rʰ] > [rʰ]:

род. пад. ед. ч. konʰa < konja — ст.-слав. конѣ; morʰa < morja — ст.-слав. морѣ;

им. пад. ед. ч. burʰa < burja — ст.-слав. бурѣ; volʰa < volja — ст.-слав. волѣ;

1 л. ед. ч. наст. вр. golgol'о < golgoljo — ст.-слав. глаголъ (от глаголати); stel'о < steljo — ст.-слав. стѣлъ (от стѣлати); рьг'о < рьгjo — ст.-слав. пьръж (от пьръти — „сопоставляться, спорить“);

3 л. ед. ч. наст. вр. sten'еть < stenjetъ — ст.-слав. стѣнетъ (от стѣнати); bor'еть se < borjetъ se — ст.-слав. борѣтъ ѡ (от брати ѡ — „бороться“).

§ 70. Результаты изменения сочетаний [*tj] и [*dj] по разным славянским языковым группам различны. Это, возможно, свидетельствует о том, что изменение данных сочетаний происходило в период распада общеславянского языка-основы.

Характер изменения сочетаний [*tj], [*dj] сводится к следующему.

Зубные согласные [t] и [d], ассимилируясь последующему [j], протвигались в своей артикуляции назад, к месту образования [j]. Затем [j] сливался с мягким согласным, возникшим в результате этой передвигки, что привело к образованию долгих мягких согласных [t̃] и [d̃]. Последующая утрата ими долготы происходила за счет развития дополнительного фрикативного элемента после этих мягких согласных. При этом у южных славян (болгарская языковая группа) и восточных славян развивался фрикативный элемент [š] и [ž], а у западных славян — [s] и [z]. Процесс изменения сочетаний [*tj] и [*dj] можно представить следующим образом.

У западных славян:

$$[tj] > [t'j] > [\bar{t}'] > [t's] > [ts' (= c)'] \\ [dj] > [d'j] > [\bar{d}'] > [d'z] > [dz'];$$

У восточных славян:

$$[tj] > [t'j] > [\bar{t}'] > [t's'] > [tš' (= č)'] \\ [dj] > [d'j] > [\bar{d}'] > [d'z'] > [dž'] > [ž'];$$

У южных славян (болг. яз. гр.):

$$[tj] > [t'j] > [t'] [t's'] > [s'ts'] > [št'] \\ [dj] > [d'j] > [d'] > [d'z'] > [z'dz'] > [žd'];$$

Следующие примеры иллюстрируют конечные результаты изменения сочетаний [*tj] и [dj] по славянским языковым группам:

о.-слав. světja — ст.-слав. свѣшта [svěšt'a], пол. świeca, др.-рус. свѣча, совр. рус. свеча;

о.-слав. medja — ст.-слав. межда [mežd'a], пол. miedza, рус. межа;

о.-слав. vidjo — ст.-слав. виджа [vižd'о] (1 л. ед. ч. наст. вр. от видѣти), пол. widzę, рус. вижу;

о.-слав. chotjo — ст.-слав. хотшж [choštо] (1 л. ед. ч. наст. вр. от хотѣти), пол. chcę, рус. хочу;

о.-слав. tjudь — „чужеземец“ — ст.-слав. штоуждъ [št'uzd'ь], пол. cudzy, рус. чужой.

§ 71. Сочетания губных согласных [m], [p], [b], [v] с последующим [j] также подверглись у славян изменениям. При ассими-

ляции губных согласных с [j] губная артикуляция осложнялась артикуляцией языка, поднимавшегося к твердому небу. Конечные результаты ассимиляции губных с последующим [j] были неодинаковы в зависимости от их положения в начале или в середине слова.

В начале слова при ассимиляции губных с [j] перед гласным язычная артикуляция отстала от губной артикуляции, причем подъем языка был высокий. Это привело к возникновению после губного мягкого согласного [l'], получившего название [l] — „эпентетикум“, что значит „вставной“. Таким образом, [mj] > [ml'], [pj] > [pl'], [bj] > [bl'], [vj] > [vl'].

Подобное изменение губных с последующим [j] в начале слова было характерно для всех славянских языковых групп:

о.-слав. bjudо — ст.-слав. бюдѣж [bl'udо], рус. блюду, др.-серб. блюдоу. Ср. др.-инд. bheudhos;

о.-слав. рјујо — ст.-слав. плюж [pl'ujо], рус. плюю, сербохорв. pljūjet, пол. pluję. Ср. лит. spiauju — „я плюю“;

о.-слав. bjudо — ст.-слав. бюдѣ [bl'udо], рус. блюдо, сербохорв. bljudo, др.-пол. bluda. Ср. гот. biups (род. п. biudis).

Иначе обстояло дело, если сочетания губных с [j] перед гласным употреблялись в середине слова. Здесь конечный результат изменения сочетания „губной + [j]“ был неодинаков по славянским группам. Так, западнославянские языки не имеют [l]-эпентетикум в этом положении: пол. ziemia — „земля“, kupia — „купля“, karia — „капля“; чеш. země, koupě, kápe.

Остается неясным, был ли когда-либо в западнославянских языках [l]-эпентетикум в середине слова или нет, ибо древнейшие западнославянские памятники письменности относятся к XIII—XIV вв. Возможно, что к этому времени произошла уже утрата [l]-эпентетикум в середине слова, а может быть, в языке предков западных славян такого [l] никогда и не развивалось.

У восточных и южных славян сочетания губных с [j] перед гласным в середине слова дали тот же результат, что и в начале слова. Однако в болгарском языке к X—XI вв. [l]-эпентетикум был утрачен, что нашло отражение в старославянских памятниках:

о.-слав. zemja — ст.-слав. зѣмѣ [zeml'a], сербохорв. zemlja, рус. земля, бол. земя;

о.-слав. kupjo — ст.-слав. коупѣж [kupl'о], др.-серб. коупѣж (1 л. ед. ч. наст. вр.), рус. куплю, болг. купя;

о.-слав. karja — ст.-слав. капѣ [kapl'a], сербохорв. kārļa, рус. капля, болг. капка;

о.-слав. lovjo — ст.-слав. ловѣж [lovl'о], рус. ловлю, болг. ловя (1 л. ед. ч. наст. вр.);

о.-слав. pogubjo — ст.-слав. погубѣж [pogubl'о], рус. погублю (1 л. ед. ч. наст. вр.), болг. погубя.

Об употреблении [l]-эпентетикум в середине слова в старославянском языке см. § 39.

§ 72. Судьба сочетаний [skj] и [zgj]. В этих сочетаниях заднебные согласные [k] и [g], ассимилируясь с [j], изменялись

в [č'] и [dž'] (см. об этом выше, § 70). Согласные [s] и [z] ассимилировались с шипящими [š] и [ž], входившими в состав аффрикат [č'] [= š'] и [dž']. Таким образом, [skj] > [sč'] > [š'č'] (= š'tš'), от куда ст.-слав. [štj], [zgj] > [zdž'] > [ž'dž'], откуда ст.-слав. [žd']:

о.-слав. iskjo — ст.-слав. [išt'о] иштѣ 1 л. ед. ч. наст. вр. Ср. ст.-слав. [iskati] икати;

о.-слав. pleskjo — ст.-слав. [plešt'о] плештѣ 1 л. ед. ч. наст. вр. Ср. ст.-слав. [pleskati] плескати;

о.-слав. dъzgъ — ст.-слав. [dъžd'ъ] дждь. Ср. лит. *duzgjėti.

Как показывают приведенные примеры, судьба сочетаний [skj] и [zgj] полностью совпала с судьбой сочетаний [sk] и [zg] перед гласными переднего ряда [см. об этом выше § 69].

Судьба сочетаний [stj] и [zdj]. Под влиянием [j] зубные согласные [t] и [d] продвигались в палатальную зону, т. е. к месту образования [j]. Затем [j] ассимилировался с возникшим палатальным согласным, что привело к образованию долгих мягких согласных [t̄'] и [d̄']. Согласные [s] и [z] ассимилировались с этими дорсально-палатальными согласными, в результате чего [s] > [š'], [z] > [ž'], т. е. в процессе ассимиляции возникал тот же результат, который наблюдался при изменении сочетаний [sj] и [zj]:

о.-слав. rustjo — ст.-слав. [pušt'о] поуштѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [rustiti] поуштити;

о.-слав. lъstjo — ст.-слав. [lъšt'о] льштѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [lъstiti] льстити;

о.-слав. prigvozdjo — ст.-слав. [prigvožd'о] пригвождѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [prigvozditi] пригвождити;

о.-слав. kръstjenije — ст.-слав. [kръšt'eniје] крштѣние. Ср. ст.-слав. [kръstъ] крштѣ;

о.-слав. tьstja — ст.-слав. [tьšt'a] тьшта. Ср. ст.-слав. [tьstъ] тьстѣ;

о.-слав. vьgnězdъšumu sę — ст.-слав. [vьgněžd'ъš'umu sę] вгнѣ-ждьшоуму сѣ (дат. пад. ед. ч. причаст. дейст. прош. вр., муж. и ср. р.). Ср. ст.-слав. [vьgnězditi sę] вгнѣждити сѣ.

§ 73. Судьба сочетаний [slj], [znj], [trj], [drj], [zlj]. Сonorные согласные [l], [n], [r] под воздействием [j] передвигались в палатальную зону и ассимилировались с [j]. В результате возникали долгие мягкие согласные [l̄'], [n̄'], [r̄'] (см. § 70). Согласные [s], [z], [t], [d] ассимилировались со следовавшими за ними палатальными согласными. Результат этой ассимиляции был такой же, какой вообще возникал в процессе ассимиляции [s], [z], [t], [d] последующему [j]. Таким образом:

[slj] > [sl̄'] > [š'1']; [trj] > [tr̄'] > [št'r']; [znj] > [zn̄'] > [ž'n'];
[zlj] > [zl̄'] > [ž'1']; [drj] > [dr̄'] > [žd'r'];

о.-слав. mysljenije — ст.-слав. [mysl'eniје] мыслѣние. Ср. ст.-слав. [mysliti] мыслити;

о.-слав. vьzljubjenъ — ст.-слав. [vьž'l'ubl'енъ] вжлюбленѣ. Ср. ст.-слав. [vьzl'ubiti] вжлюбити;

о.-слав. sьblaznjenъ — ст.-слав. [sьblaž'n'енъ] сьблаженѣ. Ср. ст.-слав. [sьblazniti] сьблазнити;

о.-слав. sьmotrjo — ст.-слав. [sьmošt'r'о] сьмоштрѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [sьmotriti] сьмотрити;

о.-слав. umodrjo — ст.-слав. [umožd'r'о] оумждрѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [umodriti] оумждрити.

Однако результат изменения указанных выше сочетаний удерживался не всегда. Так, например, наряду с указанными сочетаниями, возникшими в результате изменения [trj], [drj] и [zlj], встречаются сочетания [tr'], [dr'] и [zl']: оумждрѣ [umodr'о], сьмоштрѣ [sьmotr'о], вжлюблѣ [vьzl'ubl'о].

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

§ 74. В славянской фонетической системе доисторической поры в середине слова не могла употребляться любая группа согласных. Этому препятствовал закон открытого слога. В связи с этим в составе слова употреблялись лишь такие группы согласных, с которых мог начинаться слог. В ином случае группы согласных подвергались упрощению.

Так, в общеславянском языке не употреблялись удвоенные согласные, например [tt] или [ss].

Сочетание [tt] (восходящее к [tt] или [dt]) подверглось диссимиляции и изменилось у славян в [st] ([tt] > [tst] > [st]):

*metti — ст.-слав. [mesti] метти. Ср. [meto] метѣ, [meteš'i] метеши;

*vedti — ст.-слав. [vesti] вѣти. Ср. [vedo] вѣдѣ, [vedeš'i] вѣдеши.

Сочетание согласных [ss], ассимилировавшись, дало у славян долгий согласный [s]. Но долгие согласные не были характерны для славян. Поэтому позднее происходило сокращение долготы, в результате чего возник согласный [s]. Таким образом, [ss] > [s̄] > [s]:

*něssъ < *něsson (1 л. ед. ч. сигмат. арх. аориста) — ст.-слав. [něsъ] нѣсѣ (от глагола [nesti] нешти).

Подверглись изменениям также некоторые группы согласных неодинакового образования.

1. Сочетания двух согласных, у которых вторым был [s]: [ps], [bs], [ts], [ds], [ks].

Изменение данных групп шло за счет утраты первого согласного. В результате вместо сочетаний [ps], [bs], [ts], [ds] в славянской фонетической системе сохранился только согласный [s]:

[ps] > [s]: *opsa — ст.-слав. [osa] оса. Ср. лит. vapsa, др.-в.-нем. wafsa, лат. vespa (с метатезой), др.-прусс. wobse, латыш. vapsene;

[bs] > [s]: *grěbsъ < *grěbson — ст.-слав. [grěsъ] грѣсѣ (сигм. арх. аорист, 1 л. ед. ч.). Ср. ст.-слав. [grebo] гревѣ;

[ts] > [s]: *č'itsъ < *č'itson — ст.-слав. [č'isъ] чисѣ (сигм. арх. аорист, 1 л. ед. ч.). Ср. ст.-слав. [č'ьto] чьтѣ;

*otstopiti — ст.-слав. [ostopiti] *остъпнѣти*;
[ds] > [s]: *vědsъ < *vędson — ст.-слав. [věsъ] *кѣхъ*. Ср. ст.-слав. [vedo] *вѣдѣ*;

*bōdsъ < *bōdson — ст.-слав. [basъ] *васъ*. Ср. ст.-слав. [bodo] *водѣ* (сигм. арх. аорист, 1 л. ед. ч.);

*dadsī — ст.-слав. [dasi] *даси* (2 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. [dadętъ] *дадатъ* (3 л. мн. ч. от [dati] *дати*).

Группа [ks] перед следующим гласным переходила в [ch]. Процесс изменения шел следующим образом. Согласный [s] в позиции после [k] переходил у славян в [ch]. Возникла группа [kch], состоявшая из двух звуков, близких друг другу по артикуляции. Упрощение данной группы шло или за счет уподобления [k] последующему [ch], в связи с чем возникала группа [chch] > [ch] > [ch], или, может быть, просто происходила утрата заднеязычного согласного [k] перед следующим [ch]:

*ręksъ < *rękson — ст.-слав. [ręchъ] *рѣхъ*. Ср. ст.-слав. [reko] *рекъ* (сигм. арх. аор., 1 л. ед. ч.).

Если же после группы [ks] шел согласный, то упрощение ее шло за счет утраты [k], согласный же [s] оставался без изменения, т. е. [ks] перед согласным > [s]:

*rękste — ст.-слав. [ręste] *рѣсте* (сигм. арх. аорист, 2 л. мн. ч.). Ср. ст.-слав. [reko] *рекъ*.

2. Сочетания двух согласных, из которых вторым элементом был [t]: [pt], [bt], [kt].

Изменение групп согласных [pt] и [bt] шло за счет утраты губного согласного, т. е. [pt] > [t], [bt] > [t]:

[pt] > [t]: *tepti — „ударять“ — ст.-слав. [teti] *тѣти*. Ср. ст.-слав. [terp] *тѣрѣ*;

[bt] > [t]: *grebti — ст.-слав. [greti] *грѣти*. Ср. ст.-слав. [grebo] *грѣвѣ* [progrebati] *погрѣвати*.

Группа согласных [kt] перед гласными непереднего ряда упрощалась за счет утраты заднеязычного согласного, т. е. [kt] > [t]:

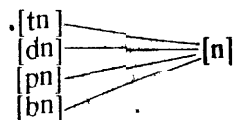
*plekto — ст.-слав. [pletō] *плѣтъ*. Ср. лат. plectō, греч. plēktē — „сеть, веревка“.

*rektъ — „пятый“ — ст.-слав. [rętъ] *пѣтъ*. Ср. лит. peĩktas, лат. quintus < *quinctus, др.-прусс. piēnctis.

В позиции перед гласными переднего ряда судьба сочетания [kt] ([gt]) была иной (см. выше § 68).

3. Сочетание двух согласных, из которых вторым элементом является сонорный [n]: [tn], [dn], [pn], [bn].

Упрощение данных групп шло за счет утраты зубных и губных согласных. Таким образом:

[tn] > [n]: *osvętnęti — ст.-слав. [osvęnęti] *освѣнѣти* — „засветить, рассветать“. Ср. ст.-слав. [svętъ] *свѣтъ*, [svętęti sę] *свѣтѣти сѣ*;

[dn] > [n]: *vędntęti — ст.-слав. [vęnęti] *вѣнѣти*. Ср. [uvędati] *увѣдати*.

*będnęti — ст.-слав. [(vęz)bęnęti] *(квз)вѣнѣти*. Ср. ст.-слав. [będęti] *вѣдѣти*, [buditi] *воудити*;

[pn] > [n]: *sęrpъ — ст.-слав. [sępъ] *сѣрпъ*. Ср. ст.-слав. [sępati] *сѣпати*, но [usęnęti] *оусѣнѣти*, лит. sęrpnas, греч. ūpnos (ὑπνος — густое придыхание вместо начального [s]);

*topnęti — ст.-слав. [tonęti] *тонѣти*. Ср. ст.-слав. [topiti] *топити*, [utorati] *оутопати*;

[bn] > [n]: *gębnęti — ст.-слав. [gęnęti] *гѣнѣти*. Ср. ст.-слав. [razgybati] *разгывати*, [gybělъ] *гывѣль*.

4. Сочетания двух согласных, из которых вторым согласным являлся сонорный [m]: [tm], [dm].

Изменение данных групп шло за счет утраты зубного согласного, т. е. [tm] и [dm] > [m]:

[dm] > [m]: *damъ — ст.-слав. [damъ] *дамь*. Ср. ст.-слав. [dadętъ] *дадатъ*;

*vędmъ — ст.-слав. [vęmъ] *вѣмь*. Ср. ст.-слав. [vędętъ] *вѣдатъ*;

*plemę — ст.-слав. [plemę] *плѣма*. Ср. ст.-слав. [plodъ] *плодъ*.

Для группы [tm], из которой должно было возникнуть [m], нет ни одного достоверного примера. Возможно, что ст.-слав. [vręmę] *врѣма* объясняется как восходящее к *vert-męn. Ср. ст.-слав. [vrętęti] *врѣтѣти* — „вертеть“, др.-инд. vartma „путь, дорога, колея, водосток“.

5) Изменение групп [skn] и [bv].

В результате изменения первая группа упростилась в [sn], а вторая в [b]:

[skn] > [sn]: *tęsknъ < *toiskno — ст.-слав. [tęsnъ] *тѣснъ*. Ср. ст.-слав. [tiskati] *тискати* — „давить“;

*plesknęti — ст.-слав. [plesnęti] *плеснѣти*. Ср. рус. *плеск*;

[bv] > [b]: *obvolko — ст.-слав. [oblako] *облако*; *obvelkati — ст.-слав. [oblękati] *облѣкати*. Ср. рус. *обволакивать*, ст.-слав. [vlačiti] *влачити*;

*obvitati — ст.-слав. [obitati] *обитати*. Ср. ст.-слав. [vitati] *витати*.

6. Судьба групп [tl] и [dl] по славянским языкам.

Судьба данных сочетаний в разных славянских группах доисторического времени была различна. У предков южных и восточных славян в этих сочетаниях произошло упрощение в [l]. У предков западных славян данные сочетания сохранились без изменения. Подобное различие в судьбе этих сочетаний по славянским группам,

по-видимому, было вызвано тем, что у предков западных славян при артикуляции согласных, входивших в сочетания [tl] и [dl], не было тесного примыкания, как это наблюдалось при их произношении у предков южных и восточных славян (аналогичная картина наблюдалась и в судьбе сочетаний [kvě-] и [gvě-], см. § 68), что, возможно, объяснялось в данном случае разным местом слого-раздела. По-видимому, у западных славян в этих группах согласных слогораздел проходил между зубным и плавным:

*ordlo — ст.-слав. *рало*, сербохорв. *ràlo*, рус. *рало*, пол. *radło*, чеш. *rádlo*;

*pletlъ — ст.-слав. *плѣлз*, сербохорв. *plèo*, рус. *плѣл*, *plótł*, чеш. *pletl*;

*šidlo — ст.-слав. *шило*, сербохорв. *šilo*, рус. *шило*, пол. *szydło*, чеш. *šídlo*;

*padlъ — ст.-слав. *палз*, сербохорв. *пао*, рус. *пал*, пол. *padł*, чеш. *padl*;

*modlitva — ст.-слав. *молитѣа*, сербохорв. *mòlitva*, рус. *молитва*, пол. *modlitwa*, чеш. *modlitba*.

7. Изменение сочетаний [sr] и [zr].

Эти группы согласных также не сохранялись у славян. Однако в данном случае изменение группы [sr] шло за счет развития между согласными нового звука [t], который представлял собой переходную артикуляцию от фрикативного согласного [s] к последующему плавному [r]. Может быть, этому способствовало наличие в славянских языках подобного сочетания древнего происхождения (например, ст.-слав. [strigŏ] *стригъ*. Ср. с др.-в.-нем. *strihan*).

Подобное явление наблюдается и в некоторых балтийских и германских языках.

Таким образом, [sr] > [str]:

*sruja — ст.-слав. [struja] *струѣа*. Ср. лит. *srovė* и диалект. *sraujà*, латыш. *straujā*, др.-инд. *sṛavati*;

*sesra — ст.-слав. [sestra] *сестра*. Ср. др.-инд. *svasrē* (дат. п. ед. ч.), гот. *swistr-*, лит. *sesuõ* (род. п. *seseĩs*);

*ostrъ — ст.-слав. [ostrъ] *остръ*. Ср. лит. *ašrūs*, греч. *’ákros*, др.-инд. *áçriḥ* — „вершина, острие, край”.

Сочетание [zr] переходило в [zdr]. Много примеров с развитием [d] между согласными [zr] дают ст.-слав. памятники, где согласный [d] обычно употреблялся между приставкой-предлогом и корнем слова, начинавшимся с согласного [r]: из-д-рѣкы — Син. пс. 141^{a/в}, 138^{б/з}, 127^{a/15}, 42^{б/14}, 36^{б/17} и т. д.; Зогр. ев., Лук. I, 71, 74; Мар. ев., Лук. 1, 74 (вм. из рѣкы), *раздрѣушєнє* — Зогр. ев., Мф. VII, 27; Зогр. ев., Мар. ев., Лук. VI, 49 (вм. раздрѣушєнє); *изрече* — Зогр. ев., Мф. XIV, 7 (вм. *изрече*); *кздрасте* — Зогр. ев., Лук. VIII, 7; Мар. ев. XIII, 19 (вм. *кздрасте*); *кздрыдаате* — Мар. ев., Йо. XVI, 20 (вм. *кздрыдаате*); *издралекома* — Мар. ев. Лук. XXII, 30 (вм. *издралекома*) и т. д.

§ 75. Для конца слова у славян были характерны особые фонетические закономерности, зачастую отличные от фонетики начала и середины слова.

Конец слова подвергался ослаблению в произношении. Степень ослабления его находилась в зависимости от значения слова или формы в предложении, от частоты его применения, от ударения и произношения. Особенно сильной редукции подвергались частицы и наречия.

Результаты ослабления конца слова выражались в утрате конечных согласных, в их отвердении, в усилении лабиализации согласного [o] и в редукции конечных долгих гласных.

§ 76. Утрата конечных согласных. В связи с тем, что для общеславянского языка была характерна тенденция открытости слога, конечные согласные [t], [d], [s], [r] подвергались утрате:

[s]: им. пад. ед. ч. *супъ* < **sünūs* — ст.-слав. *гынз*. Ср. лит. *sūnūs*, гот. *sunus*, др.-инд. *sūnùḥ*;

slovo < **slovos* (ср. род. пад. ед. ч. *slovese*) — ст.-слав. *слоко*. Ср. греч. *kléos* < **kleFos*;

gostъ < **gostis* — ст.-слав. *гостъ*. Ср. лат. *hostis* — „чужой человек, враг”, гот. *gasts*;

ноктъ < **noktis* — ст.-слав. *ношть*. Ср. лит. *naktis*;

аорист 2 л. ед. ч. *пале* < **pades* — ст.-слав. *паде*. Ср. др.-инд. *ábharali*;

[t]: аорист 3 л. ед. ч. *пале* < **padet* — ст.-слав. *паде*. Ср. др.-инд. *ábharat*;

[r]: им. пад. ед. ч. *мати* < **mātēr* — ст.-слав. *мати*. Ср. греч. *mātēr*, лат. *māter*;

дѣкти < **dūktēr* — ст.-слав. *дѣшти*. Ср. греч. *thūgátēr*;

[d]: им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. указат. местоим. *то* < **tod* — ст.-слав. *то*. Ср. др.-инд. *tad(t)*, лат. *istud*.

Если в конце слова употреблялись [ōnt] или [int] < [nt], то в позиции перед конечным согласным [t] происходила монофтонгизация дифтонгических сочетаний [on] и [in], а затем конечный согласный утрачивался:

3 л. мн. ч. простого аориста *padŏ* < **padont* — ст.-слав. *падѣ* [padŏ].

3 л. мн. ч. сигм. аориста *něšę* < *nēsint* < **nēsnt* — ст.-слав. *нѣша* [něšę]. Ср. соответствующую форму в греч. *’éferon* и др.-инд. *ábharan* с утратой конечного согласного [t].

Конечный согласный [n(m)] также подвергался ослаблению. Однако ослабление согласного [n(m)] приводило не только к утрате его, но также и к ассимиляции предшествующим гласным. Особенно наглядно это видно в том случае, если перед ним употребляется долгий гласный [ē] или [ā], т. е. если в конце слова употреблялись дифтонгические сочетания [ēn(m)] и [ān(m)]. В ре-

зультате монофтонгизации данных дифтонгических сочетаний возникли носовые гласные [ɛ] и [o]:

[o]: вин. пад. ед. ч. основ на -a:

roko < *ronkān(m) — ст.-слав. рѣкъ. Ср. прус. gānkan, лит. gānka < *raŋkan;
zemjo < *zemjan(m) — ст.-слав. земьж. Ср. лат. terrām;
stornō < *stornān(m) — ст.-слав. странж. Ср. греч. chōrān.

Подобное окончание наблюдалось и в др.-инд. языке. Ср., например, ту же форму вин. п. ед. ч. aṣvām.

[ɛ]: вин. пад. ед.: me < *mēn(m) — ст.-слав. ма. Ср. др.-инд. mān, прус. mien;

te < tēn(m) — ст.-слав. та. Ср. др.-инд. tvām, прус. tien;
se < sēn(m) — ст.-слав. са. Ср. прус. sien, sin.

В конечных сочетаниях [in] и [ün] фонетические стадии изменения не совсем ясны. Возможно, что если перед конечным носовым согласным [n(m)] употреблялись краткие гласные [i] или [ü], то происходила утрата конечного носового согласного. А возможно, что здесь также происходила ассимиляция носового согласного с артикуляцией предшествующего гласного, в результате чего возникали носовые [i] и [ü] (ср. данные литовского языка). Но носовой характер данных гласных у славян не удержался. Они заменились неносовыми [i] и [ü], которые на славянской почве соответственно дали [ь] и [ъ]:

вин. пад. ед. ч. основ на -*i: supъ < *sūpūn(m) — ст.-слав. ѡупъ.

Ср. прус. supun, лит. sūpū < *sūpūn, др.-инд. sūpūn.

Подобное окончание в данной падежной форме наблюдалось также в греческом и латинском языках. Ср., например, греч. pēschūn — „локоть“ и лат. senātum.

вин. п. ед. ч. основ на -*i: pokъ < *poktin — ст.-сл. пошь. Ср. прус. paktin, лит. pakti < *paktin.

Подобное окончание у существительных с основой на -*i в данной падежной форме наблюдалось и в других индоевропейских языках. Ср., например, др.-инд. agnīm — „огонь“, греч. pólin — „город“, лат. sitim — „жажда“.

Такое же изменение носового согласного [n(m)] происходило у славян и в том случае, если перед ним употреблялся краткий гласный [ö] (см. об этом ниже §§ 77).

Несколько замечаний следует сделать об употреблении предлогов-приставок въ, къ, съ < *въп, къп, съп.

Если данные предлоги-приставки оказывались в позиции перед следующим словом (корнем), начинавшимся с согласного (кроме [j]), то происходила утрата конечного носового согласного. А если они оказывались перед словом (корнем), начинавшимся с гласного или [j], то согласный [n] сохранялся, примыкая к следующему гласному или [j], употребленному перед гласным.

въп: въпегда < въп-jegda — ст.-слав. кънѣгда — „когда“;
въпiti < въп-iti — ст.-слав. кънити — „войти“;

въпimati < въп-imati — ст.-слав. кънимати;

въпъ < въп-jъ — ст.-слав. къ нь (сочетание предлога въп с формой местоимения муж. р. в вин. пад. ед. ч.);

но въкурѣ < въп-курѣ — ст.-слав. къкоупѣ — „вместе“;

въдvoriti se < въп-dvoriti se — ст.-слав. къдворити са;

съп: съпiti < съп-iti — ст.-слав. кънити — „сойти, спуститься“;

съпimъ < съп-jimъ — ст.-слав. къ нимъ (сочетание предлога съп с формой местоимения муж. или ср. р. в твор. пад. ед. ч.);

но съборгъ < съп-borgъ — ст.-слав. къборж;

сърplesti < съп-plesti — ст.-слав. къплести;

къп: къп'emu < къп-jemu — ст.-слав. къ немоу (сочетание предлога къп с формой местоимения муж. или ср. рода в дат. пад. ед. ч.).

По образцу сочетаний въпъ, въп'еть, съп'imъ, съп'imi, къп'emu в славянских языках стали образовываться формы этого местоимения с начальным согласным [п] и после других предлогов: за п'imъ, о п'еть и т. д. Позднее по славянским языкам стали употребляться формы данного местоимения с начальным [п] и без сочетания с предлогом.

§ 77. Усиление лабиализации гласного [o] в конечном слоге. Гласный [o] в конечных сочетаниях [-ōn], [-ōp] и [-ōs] подвергался более усиленной лабиализации и переходил в гласный [ū] с последующим изменением. Таким образом:

[ōn] > [ūn] > [(ū)] > [ū] > [ъ]
[ōp] > [ūp] > [(ū)] > [ū] > [y]
[ōs] > [ūs] > [ū] > [ъ].

Такой же процесс усиленной лабиализации гласного [o] был пережит латинским языком: вин. пад. lupum < *lupom; им. пад. jugum < *jugom. Ср. греч. dzügón;

[ōn]: вин. пад. ед. ч. основ на -*ō: о.-слав. вълкъ < *vil-kon(m) — ст.-слав. кълкъ [v]kъ]. Ср. лит. vilka < *vilkan, лат.

lupum < *lupom, греч. lúkon, др.-инд. vṛkam;

1 л. ед. ч. аориста: о.-слав. радъ < *radon — ст.-слав. падръ [padъ]. Ср. греч. éferon, др.-инд. ábharam;

[ōs]: им. пад. ед. ч. основ на -*ō: о.-слав. вълкъ < *vilkos — ст.-слав. кълкъ [v]kъ]. Ср. лит. vilkas, лат. lupus < *lupos, греч. lúkos, др.-инд. vṛkas;

[ōp]: им. пад. ед. ч. основ на согласный: о.-слав. каму < *kamtōp — ст.-слав. камы. Ср. греч. актōп, лит. ákmiõ, -eĩs, др.-инд. áṣtmā, -apas.

§ 78. Конечные слоги, оканчивающиеся на носовой согласный + [s]: [ins], [uns], [ons (onts)], [jons (jonts)]. Конечные слоги, в состав которых входила группа [nts], подверглись изменению, состоявшему в том, что согласный [t] в позиции перед

следующим согласным [s] утратился, т. к. группа [ts] была невозможна в славянской фонетической системе (см. об этом выше § 74). В результате конечные слоги [-onts] и [-jonts] изменились в [ons] и [jons] и, следовательно, совпали с исконными группами [ons] и [jons]. Под влиянием группы согласных [ns] происходило удлинение предшествующего гласного.

Например, [-ins]: [ins] > [ĩns] > [(ĩs)] > [is] > [i].

Возможно, что дифтонгическое сочетание [in] в позиции перед следующим согласным [s], монофтонгизовавшись, дало долгий носовой гласный [i]. Но носовой характер у гласного [i] не удержался, в связи с чем [i] > [i]. Конечный согласный [s] утрачивался в связи с тенденцией к открытому слогу. В соответствии с долгим гласным [i] в славянской фонетической системе возникал гласный [i]:

вин. пад. мн. ч. основ на -*i: о.-слав. pokti > *poktins > poktins > (noktĩs) > noktĩs > noktĩ > noktĩ — ст.-слав. ношти. Ср. лит. naktis < *naktins.

Ср. также образование данной формы от существительных этого типа склонения в других индоевропейских языках: лат. turris < *turrins, греч. (критск.) rólin, гот. gastins, прус. akins — „глаз“.

Аналогичному изменению подвергался конечный слог [-uns]: [uns] > [ũns] > [(ũs)] > [ūs] > [y].

Возможно, что дифтонгическое сочетание [ũn], монофтонгизовавшись, дало долгий носовой гласный [ũ]. Однако носовой характер этого гласного не удерживался, в результате [ũ] > [ū]. Конечный согласный [s] утрачивался в связи с тенденцией к открытому слогу. Долгий гласный [ū] в конце слова давал у славян гласный [y]:

вин. пад. мн. ч. основ на -*ū: о.-слав. syny < *sũnuns > sũnũns > [sũnũs] > sũnũs > syny — ст.-слав. ѡны. Ср. лит. sũnus < sũnũns.

Сочетания [-ons (-onts)] и [-jons (-jonts)] имеют различную судьбу. Сочетание [-onts], как указывалось выше, совпало с сочетанием [-ons]. Гласный [o] в конечном слоге в данном сочетании подвергался более усиленной лабиализации. В результате возникло сочетание [-uns], которое в конце слова изменялось у славян так же, как и исконное сочетание [-uns].

Таким образом, [ons] > [uns] > [ũns] > [(ũs)] > [ūs] > [y]:
вин. пад. мн. ч. основ на -*o муж. р.: о.-слав. vylky < *vil-kons > vilkuns > vilkũns > [vilkũs] > vilkũs > vilky — ст.-слав. клъкы [v|ky]. Ср. лит. vilkũs < *vilkons, лат. lupõs < *lupons, греч. (критск.). líkons, гот. wulfans.

Изменение сочетания -onts очень наглядно видно на образовании причастий действительного залога настоящего времени мужского рода в форме им. пад. ед. ч.: [onts] > [ons] > [uns] > [ũns] > [(ũs)] > [ūs] > [ūs] > [y].

о.-слав. bery < *bero-nt-s, pesy < *neso-nt-s (к глагольной основе наст. вр. присоединялся суффикс причастия [-nt-] и окончание им. пад. ед. ч. [-s]) — ст.-слав. беры [bery], негы [nesy].

Для подтверждения того, что при образовании данной формы причастия использовался суффикс [-nt-] и окончание [-s] в им. пад. ед. ч., ср. следующие примеры из индоевропейских языков: лит. pešąs < *nešants, др.-инд. bháron (вин. пад. bhárantam), греч. férōn (вин. пад. féronta), лат. ferens (вин. пад. ferentem), гот. bairands.

Следовательно, сочетания [-ons] и [-onts] в конце слова давали один и тот же результат, а именно гласный [y]. Сочетания [-jons] и [-jonts] в конце слова имели другую судьбу. Аналогично сочетаниям [-ons] и [-onts] сочетание [-jonts] совпало с сочетанием [-jons]. После мягкого согласного [j] гласный [o] > [e]. Возникло сочетание [-jens], в котором [e] удлинялся перед следующим сочетанием [ns].

Следовательно, [jens] > [jēns]. Дифтонгическое сочетание [ēn], монофтонгизируясь, дало носовой гласный [e]. Конечный согласный [s] вследствие тенденции к открытому слогу утратился.

Таким образом, [jons] > [jens] > [jēns] > [jēs] > [jē]; [jonts] > [jons] > [jens] > [jēns] > [jēs] > [jē];

[-jons]: вин. пад. мн. ч. основ на -*o (для юж. славян): [kop'ę < *konjons > konjens > konjēns > konjēs > kop'ę — ст.-слав. конѧ.

У западных и восточных славян при образовании данной формы в конце слова возник гласный [ě], что дает основание некоторым лингвистам предполагать, что в западнославянских и восточнославянских языках гласный [ě] в данной форме некогда был носовым.

[-jonts]: им. пад. ед. ч. причаст. действ. залога наст. вр., муж. и ср. р.: о.-слав. znaję < *znajo-nt-s > znajons > znajens > znajēns > znajēs > znaję — ст.-слав. знаѧ [znaję].

Следовательно, в результате изменения сочетаний [-jons] и [-jonts] в конце слова в старославянском языке возникал носовой гласный [e].

§ 79. В связи с ослаблением конечного слога происходило отвердение согласного в этом слоге. Этот процесс протекал в разных славянских языках в разное время. Особенно наглядно это видно на изменении согласного [t'] в формах 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени.

Отвердение согласного [t'] в этих формах в одних славянских языках происходило раньше, в других — позднее. Наиболее рано (к XI в.) произошло отвердение согласного [t'] в болгарской языковой группе. В связи с этим [-tъ] > [-tь]. Окончание [-tъ] отражено в памятниках старославянской письменности: знаѧтъ [znajotъ], глаголетъ (glagol'otъ), ведетъ (vedetъ) и т. д.

Довольно рано отвердевал согласный [t'] в тех славянских языковых группах, которые легли в основу западнославянских языков. Значительно позднее происходило отвердение [t'] в восточнославянских языках. Ослабление конечного слога в данных формах (3 л. ед. и мн. ч. наст. вр.) привело в дальнейшем к утрате согласного [t]. Эта утрата происходила в славянских языках в разное время. В старославянских памятниках формы без [t] крайне редки. В современных болгарских говорах глагольная форма 3 л.

ед. ч. не имеет окончания [t]. В ряде болгарских говоров произошла утрата [t] и в форме 3 л. мн. числа.

В связи с ослаблением конечного слога происходила редукция конечных долгих гласных. В результате долгие гласные, оканчивающие собой слово, довольно рано подверглись в фонетической системе славян сокращению. Например, *kostī* > *kostī*, *sŭnŭ* > *sŭnŭ*, *vodā* > *vodā*, *vodŏ* > *vodŏ* и т. д.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ

§ 80. Чередование гласных представляет собой мену гласных в вариантах одной и той же морфемы. Мена гласных отражается в корне, в суффиксе, в приставке и в окончании. При этом наиболее часто чередование гласных наблюдается в корневой морфеме.

Различают фонетическое и морфологическое чередование гласных. В связи с изменением звуковой системы языка фонетическая обусловленность некоторых чередований может утрачиваться. Так, в течение длительного времени происходило обобщение, выравнивание звукового вида основы по родственным формам. В результате этого процесса произошли значительные изменения в отношении чередования гласных в прежних рядах родственных форм, что привело во многих случаях к замене фонетического чередования чередованием грамматическим: тот или иной вид основы или окончания стал указывать на грамматическую категорию слова.

Поэтому чередования, переставшие быть фонетическими вследствие изменения звуковой системы, могут приобретать в языке морфологический характер, т. е. находиться в зависимости от некоторых случаев словообразования или словоизменения.

Чаще всего морфологическое чередование гласных имеет место в корне.

Все морфологические чередования гласных, характерные для современных славянских языков, представляют собой результат фонетических изменений, происходивших в разное время. Одни из них происходили еще в период индоевропейского языка-основы и, следовательно, отразились в той или иной степени во всех индоевропейских языках, другие имели место только в общеславянском языке и ограничены только славянскими языками, третьи же произошли в отдельных славянских языках после выделения их из общеславянского языка.

Формы индоевропейского чередования гласных были унаследованы общеславянским языком, но подверглись в нем изменениям в силу звуковых изменений, происходивших в общеславянском языке. Кроме того, по образцу унаследованных чередований в общеславянском языке создавались новые чередования. Чередование гласных общеславянского происхождения большей частью представляет результат действия закона открытого слога.

Унаследованные из общеславянского языка формы чередования гласных в старославянском языке в свою очередь подверглись известным изменениям.

Различают качественное и количественное чередование гласных. Качественное чередование гласных представляет собой такой вид чередования гласных, когда происходит мена гласных различного качества, но одинакового количества, например, [ĕ]:[ō],[ĕ̄]:[ō̄].

Количественным чередованием гласных является чередование гласных, различных по количеству, но одинаковых по качеству, например, [ĕ]:[ĕ̄],[ō]:[ō̄].

Бывает также смешанное качественно-количественное чередование гласных, например, [ĕ]:[ō],[ĕ̄]:[ō̄].

Причины качественного чередования гласных в индоевропейском языке-основе неясны. Что касается количественного чередования, то оно, по-видимому, находилось в зависимости от положения по отношению к ударению в слове. Объединение качественного и количественного чередования гласных в один ряд дает так называемый ряд чередования гласных звуков.

При чередовании гласных в общеславянском языке различают следующие ступени (степени):

I. Полная ступень, на которой выступали гласные [e]:[o] (по происхождению из [ĕ]:[ō]).

II. Ступень удлинения, на которой выступали гласные [ĕ̄]:[a] (по происхождению из [ĕ]:[ō]).

III. Ступень редукции, на которой выступали гласные [ь] и [ъ] (по происхождению [ь] < [i], а [ъ] < [ī]).

IV. Ступень удлинения редукции, на которой выступали гласные [ī] и [y] (по происхождению [i] < [ī], а [y] < [ī]).

V. Ступень полного исчезновения гласных.

Однако у славян в словах одного корня могли чередоваться гласные, возникающие при монофтонгизации дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Например, [oi] > [ĕ], [ei] > [i], [ou] > [u], [op] > [o] и т. д.

Поэтому при определении ступени чередования гласных и для установления искомого корня следует иметь в виду, из какого дифтонга и дифтонгического сочетания возник тот или иной гласный. Если в составе дифтонга или дифтонгического сочетания на положении слогового элемента выступал гласный [e] или [o], то образовавшиеся при монофтонгизации гласные следует относить к полной ступени. У ряда слов наблюдается чередование гласных в корне в позиции перед следующим взрывным или фрикативным согласным.

Рассмотрим несколько примеров.

1. *рѣкъ* (1 л. ед. ч. наст. вр.): *рѣкъ*: *рѣкъ* (1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста): *прорѣцати*: *рѣци* (2-3 л. ед. ч. повел. накл.) — [гекo]:[гокъ]:[гĕчъ]:[прорĕ'ati]:[гьс'и].

В первой форме корневой гласный выступает на полной ступени, а корнем данного слова является [гек-]. Во втором слове

корневой гласный также представлен на полной ступени, а корень выступает в виде [гок-] с гласным [o] перед заднебным согласным. В форме [rěchъ] <[*rěkson] > [rěkchъ] > [rěchъ] в корне представлен гласный [ĕ], выступающий на ступени удлинения. В форме [proric'ati] корневой гласный представлен на ступени удлинения редукации. И, наконец, в последней форме в корне употреблен гласный [ь], выступающий на ступени редукации. В двух последних формах произошло также чередование заднебного согласного [к], на который оканчивался корень, со свистящей аффрикатой [с'] в результате палатализации.

2. **югъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **юи** (2 л. ед. ч. наст. вр.): **гътх** (3 л. мн. ч. наст. вр.): **гы** (им. пад. ед. ч. муж. р. причаст. действ. залога наст. вр.) — [jesmъ]: [jesi]: [sotъ]: [sy].

Если в первых двух формах в корне представлен гласный [e], выступавший на полной ступени, то в двух последних формах представлена ступень полного исчезновения гласного перед [s].

3. **плетъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **плотх**: **схплѣтати** — [pletō]: [plotъ]: [sʔplētati].

В двух первых формах корневой гласный представлен на полной ступени, а в третьей форме — на ступени удлинения.

4. **година**: **жъдати** — [godina]: [ž'dati].

Во второй форме корневой гласный представлен на ступени редукации, а заднебный [g] чередуется с шипящим [ž'] по I палатализации.

Аналогичная картина наблюдается и в следующих рядах слов: **шъдх** (им. пад. ед. ч. муж. р. причаст. действ. зал. прош. вр.): **ходити**: **прихъждати** („приходить“): **оушидъ** („беглец“) — [š'dъ] <[chъdъ]: [choditi]: [prichaz'd'ati] <[prichadjati]: [u-š'idъ] <[uchidъ]; **гребъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **гровъ** („могила“): **погрѣвати**: **гравити** — [grebō]: [grobъ]: [progrēbati]: [grabiti]; **ведъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **водити**: **къвѣж** (1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста): **прокаждати** („сопровождать“) — [vedō]: [voditi]: [věšъ] <[vědsъ]: [provaž'd'ati] <[provadjati].

§ 81. Особое внимание следует обратить на чередование гласных в корнях слов, в состав которых входили дифтонги или дифтонгические сочетания. Здесь следует помнить, что если дифтонги с неслоговыми [i], [u] или дифтонгические сочетания с неслоговыми [n], [m] употреблялись перед следующим гласным, то происходило изменение структуры слова, так как слогораздел происходил между составными элементами дифтонгов или дифтонгических сочетаний (слоговая часть отходила к предшествующему слогу, а неслоговая часть — к последующему), при этом гласный, выступавший на положении слогового элемента, чередовался в составе корня так, как чередуется корневой гласный в позиции перед следующим взрывным или фрикативным согласным.

В позиции же перед следующим согласным дифтонги с неслоговыми [i], [u] и дифтонгические сочетания с неслоговым [n], [m] монофтонгизировались.

Это привело к тому, что у славян возникло фонетически обусловленное чередование гласных с теми сочетаниями, которые сохранялись перед следующими гласными звуками.

Рассмотрим ряд слов, имевших в доисторический период один корень:

1. **начънъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **начати**: **начинати**: **ис кони**: **коньць**: **зачати**: **зачънъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **законъ** — [na-č'ьn-ō] <[nakъnō]: [na-č'ē-ti] <[nakē-ti]: [na-č'in-ati] <[nakinati]: [is-kon-i]: [kon-ьс'ь]: [za-č'ē-ti] <[zakēti]: [za-č'ьn-ō] <[zakъnō]: [zakonъ];

2. **пропънъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **пропати**: **опона**: **пѣто**: **пропинати** — [pro-р'ьn-ō]: [pro-pe-ti]: [o-pon-a]: [pō-to]: [pro-pin-ati];

3. **звънѣти**: **збѣжъ**: **збонъ**: **збѣжъ** — [zvъn-ēti]: [zvē-kъ]: [zvon-ъ]: [zvō-kъ];

4. **възъмъ**: **възати** — [vъz-ьm-ō]: [vъz-ē-ti].

Как показывают приведенные примеры, в составе корня представлено чередование носовых гласных [e] и [o], возникших при монофтонгизации дифтонгических сочетаний с носовым [n], [m], с теми сочетаниями, которые сохранились перед следующим гласным.

При этом гласный в составе этих сочетаний чередуется так, как чередуется корневой гласный перед следующим взрывным или фрикативным согласным. При монофтонгизации дифтонгические сочетания [ьп (ьm)] и [ep (em)] дали один и тот же результат — [e], т. е. в данном случае ступень редукации и полная ступень в чередовании гласных совпали.

II 1. **бити**: **биж** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **бон** — [biti]: [bijō]: [boi] <[bojъ];

2. **гнити**: **гниж** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **гнон** — [gniti]: [gnijō]: [gnoi] <[gnojъ];

3. **почити**: **почиж** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **покомъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **покати** **гъ** — [poč'iti]: [poč'ijō]: [pokojo]: [pokajati sē];

4. **ринѣти** („толкнуть“): **рѣвати** „толкать“: **рон** — [rinōti]: [rējati]: [roi] <[rojъ].

В составе корней данных слов в индоевропейском языке-основе употреблялись дифтонги с неслоговым [i]. При этом при монофтонгизации дифтонга [ei] возник гласный [i], а при монофтонгизации дифтонга [oi] — [ē]. Если дифтонг [ēi] употреблялся перед гласным, то он у славян подвергся изменению, состоявшим в том, что [ēi] > [ьi] > [i].

Для примера разберем чередование гласных в словах первого ряда, а именно бити: биж: бон.

Начнем разбор со слова биж [bijō]. В составе корня в данном слове входит редуцированный гласный [i]. Из изложенного ранее (см. § 22) известно, что редуцированный [j] возник на месте [ь], оказавшегося перед следующим [i] ([ij]). Записанное транскрипцией данное слово дает возможность наглядно увидеть, что в составе корня употреблялся дифтонг, подвергшийся в позиции перед следующим гласным изменению, состоявшему в том, что слогораздел

начал проходить между составными элементами дифтонга: $b\bar{i}-j\bar{o} = b\bar{i}-j\bar{o}$.

Но так как редуцированный [i] возник на месте редуцированного [ь], то, следовательно, в более ранний период в составе данного слова употреблялся дифтонг [ьi], который в свою очередь восходит к индоевропейскому дифтонгу [ēi], претерпевшему у славян перед следующим гласным соответствующие изменения.

Следовательно, в составе этого слова в индоевропейском языке-основе употреблялся корень [bej-], куда входил дифтонг [ei], слоговая часть которого на славянской почве подверглась изменению и представлена на ступени редукции. Слово *виж* [bĭjŋ] представляет собой форму 1 л. ед. ч. наст. вр. от глагола *вити* [biti]. Если в форме *виж* [bĭjŋ] употреблялся дифтонг [ei], претерпевший у славян в позиции перед следующим гласным определенные изменения, то в инфинитивной форме *вити* [biti] дифтонг [ei], находясь в позиции перед следующим согласным, монофтонгизировался и дал гласный [i]. Следовательно, и в данной форме корень слова в индоевропейском языке-основе выступал в виде [bej-].

Что касается последней формы *вои* [boi] < [bojь], то в данном случае в составе корня в индоевропейском языке-основе употреблялся дифтонг [oi], который у славян в позиции перед следующим гласным подвергся изменению, состоявшему в том, что слогораздел стал проходить между составными элементами дифтонга так, что слоговая часть его отошла к предшествующему, а неслоговая — к последующему слогу.

Конечный гласный [i] в данной форме восходит к сочетанию [jь] ([iь]). То, что здесь действительно в корне был [j] ([i]), подтверждают формы косвенных падежей. Например, род. пад. ед. ч. [boja] *воя*, дат. пад. ед. ч. [boju] *вою* и т. д.

В старославянском языке употребление йотованной буквы после гласной указывало на наличие целого слога, состоявшего из сочетания [j] ([i]) с последующим гласным.

Если в косвенных падежах в основе употреблялся [j] ([i]), то, следовательно, такой же должна была быть основа и в им. пад. ед. ч., т. е. в виде [boj-]. А сочетание [j] ([i]) с последующим [ь] (который являлся флексией им. пад. ед. ч. у существительных муж. р. с основой на -*ō) дало у славян гласный [i].

Следовательно, в данной форме в индоевропейском языке-основе корень был представлен в виде [boj-], в состав которого входил дифтонг [oi], где слоговая часть на славянской почве была представлена на полной ступени.

III. 1. *пловити*: *пловж* (1 л. ед. ч. наст. вр.): *плавити*: *плавъ* — [plū-ti]: [plov-ŋ]: [plav-iti]: [plъ-тъ];

2. *зовж* (1 л. ед. ч. наст. вр.): *звати*: *призывать* — [zov-ŋ]: [zъv-ati]: [pri-zuv-ati];

3. *дхъжити*: *дхъжати*: *дохъж* — [dъch-ŋti]: [dych-ati]: [dъch-тъ];

4. *ровж*: *рзвати*: *рыти* — [rov-тъ]: [rъv-ati]: [ry-ti];

5. *словити*: *слово*: *слава* — [slu-ti]: [slov-o]: [slav-a];

6. *оучити*: *наука*: *кыкнѣти* — [uč'-iti] (< [ukiti]): [na-uk-a]: [v-uk-ŋti] (< [цукнѣти]).

Дифтонги с неслоговым [u] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировались. При этом при монофтонгизации на полной ступени выступал гласный [u], на ступени редукции — [ъ], а на ступени удлинения редукции — гласный [y].

В позиции перед следующим гласным неслоговой [u] изменялся на славянской почве в губно-зубной [v], а слоговая часть дифтонга изменялась так, как изменялся соответствующий гласный в корне в позиции перед взрывным или фрикативным согласным.

IV. 1. *мырж* (1 л. ед. ч. наст. вр.): *морж*: *схмыръти*: *морѣти*: *оумирати* [mьr-ŋ]: [mor-тъ]: [съ-mr-тъ]: [mrē-ti] (< [mert]): [u-mir-ati];

2. *верж* (1 л. ед. ч. наст. вр.): *схворж*: *вырати*: *врѣма*: *схвирати* — [ber-ŋ]: [съ-bor-тъ]: [bьr-ati]: [brē-me] (< [berme]): [съ-bir-ati];

3. *кола*: *келѣти*: *докълѣти* — [vol'-a]: [vel-ě-ti]: [do-vьl-ěti];

4. *зърѣти*: *позорж*: *зракъ*: *зрага* — [zьr-ěti]: [po-zor-тъ]: [zra-kъ] (< [zor-kъ]): [zar-'a];

5. *горѣти*: *схгарати*: *жарж* — [gor-ěti]: [съ-gar-ati]: [ž'ar-тъ] (< gěrъ);

6. *градж*: *жрьдъ* — [grad-тъ] (< gordъ): [ž'rd-тъ] (< [gьrdь]);

7. *пръстж*: *прахъ* — [prstъ] (< [prstъ]): [prachъ] (< [porchъ] < [*porsos]).

Как показывают приведенные выше примеры, в состав корня перечисленных рядов слов входили дифтонгические сочетания с плавными. Если в состав корня входят такие сочетания, то при объяснении чередования гласных следует помнить об их судьбе в положении перед следующим гласным и согласным. В позиции перед гласным происходило изменение структуры слога так, что слоговой элемент сочетания отходил к предшествующему слогу, а неслоговой — к последующему. При этом слоговой элемент изменялся так, как изменялся корневой гласный перед взрывным или фрикативным согласным.

Если же данные сочетания находились в позиции перед согласным, то тогда следует помнить о судьбе этих сочетаний в старославянском языке. Так, например, [tort] > [trat], [tert] > [trēt], [tolt] > [tlat], [telt] > [tlēt], [tьrt] > [tът], [tьrt] > [tът], [tьlt] > [tът].

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что чередования гласных в славянских образованиях в основном весьма сложны, а сохранившиеся от них следы зачастую нарушили у славян ощущение связи между словами.

МОРФОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 82. Памятники старославянской письменности дают возможность установить систему форм, характерную для славянских языков в IX—XI вв.

Старославянский язык наряду с другими славянскими языками получил свою систему форм из общеславянского языка-основы, который в свою очередь унаследовал эту систему из индоевропейского языка-основы.

Безусловно некоторые формы старославянского языка, как показывает материал сравнительной грамматики, не восходят к индоевропейскому языку-основе, и их возникновение может быть отнесено только к периоду общеславянского языка. Кроме того, в системе форм старославянского языка наблюдаются довольно значительные изменения по сравнению с той системой, которую можно предполагать для индоевропейского языка-основы и которая, следовательно, была унаследована от него общеславянским языком. Часть этих изменений восходит к эпохе общеславянского языка, другая же, отраженная в старославянских памятниках, заключает в себе новые черты, характеризующие болгарский язык X—XV вв.

§ 83. В старославянском языке выделяются следующие основные грамматические разряды слов (части речи): существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие, союз, предлог.

Существительные, прилагательные и числительные объединяются как имена. Они противопоставлены тому разряду слов, который называется глаголом. К именам примыкают местоимения, заменяющие определенные названия общими указаниями лиц и предметов.

Многие из перечисленных выше частей речи сложились в очень давнее время и, безусловно, существовали и в общеславянском и в индоевропейском языке-основе. Однако ряд грамматических разрядов слов, встречающихся в старославянском языке, сложился в более позднюю эпоху и не восходит к индоевропейскому языку-

основе. Например, разряд членных, или местоименных, прилагательных сложился в балто-славянскую эпоху.

§ 84. В старославянском языке различалось именное и местоименное склонение, при этом первое противостояло второму. Имена прилагательные и причастия обладали двумя типами склонения с различным значением: именным и местоименным, причем последнее образовалось путем присоединения к формам именного склонения соответствующих форм указательных местоимений.

Имена в старославянском языке различали три грамматических рода: мужской, женский и средний.

Среди глагольных форм в старославянском языке различались спрягаемые и склоняемые формы.

В старославянском языке различалось три числа: единственное, множественное и двойственное. Двойственное число употреблялось тогда, когда речь шла о двух или парных предметах (например, нога — *дѣѣ ноѣѣ*, око — *очи*, *оухѣ* — *оуши*, *оученикѣ* — *дѣѣ оученика* и под.).

Двойственное число также могло употребляться и в том случае, если имя существительное (или субстантивированное прилагательное, или причастие) стояло при числительном, оканчивающемся на „два“: 12, 22 и т. д.

Имена в старославянском языке различали 7 падежных форм: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный падежи и звательную форму (т. е. падеж обращения). Особая звательная форма имела только у существительных мужского и женского рода в единственном числе.

В отличие от современного русского языка местный падеж (в соответствии с которым теперь — предложный) мог употребляться в старославянском языке без предлога.

Однако не во всех числах каждый падеж имел особую форму. Так, в двойственном числе различались всего три формы: одна для именительного-винительного-звательного, другая для родительного-местного, третья для дательного-творительного падежей.

По мнению некоторых лингвистов, такое употребление форм в двойственном числе говорит о том, что категория двойственного числа начинала выходить из употребления. И, действительно, большинство славянских языков утратило в своем дальнейшем развитии двойственное число как грамматическую категорию, а отдельные сохранившиеся в них формы двойственного числа осознаются как формы множественного числа (например, в русском языке — *очи*, *уши* и т. д.). Лишь только в словенском и лужицком языках формы двойственного числа сохраняются до сих пор.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

§ 85. Имена существительные в старославянском языке различали категорию рода, числа и падежа.

Одним из наиболее продуктивных способов образования существительных являлось их образование с помощью суффиксов. Таких

имен, основа которых представляла бы только корень, в славянских языковых группах с давнего времени нет. Формируясь в общеславянском языке-основе, славянские имена представляли собой корень в сочетании с различными суффиксальными элементами. Основы имен существительных, так же как и прилагательных, обязательно должны были оканчиваться суффиксальными тематическими элементами -o < *ō, -ь < *ŭ, -у (или перед гласным -ьv) < ū, -ь < *ī, -а < *ā, -en (-men), -es (-os), -et, -er (-ter). При этом существительные мужского рода образовывались с тематическими элементами -o < *ō, -ь < *ŭ, -а < *ā и -en, существительные среднего рода — при помощи тематических элементов -o < *ō, -en, -es и -et и существительные женского рода — при помощи тематических элементов -а < *ā, -у (или перед гласным -ьv) < *ū, -ь < *ī и -er (-ter). Перед этими суффиксальными тематическими элементами после корня могли выступать другие суффиксы.

В дальнейшем некоторые суффиксы, войдя в состав корня, стали непродуктивными и утратили свое значение словообразующих элементов. Суффиксальные тематические элементы, указанные выше, в связи со значительными изменениями, пережитыми в славянской фонетической системе, получили с течением времени иное значение и стали относиться не к основе, а к окончанию.

Указанные выше тематические элементы довольно часто выступали в сочетании с другими суффиксальными элементами.

В зависимости от того, какое значение получали существительные, образованные при помощи того или иного суффикса, их можно разделить в основном на следующие группы¹.

1. Отглагольные существительные, обозначающие действующее лицо (nomina agentis), образовывались при помощи суффиксов:

а) -tel'ь: крытитель (от крытити), дѣлатель — „работник“ (от дѣлати), жателъ — „жнец“ (от жати), мѣчителъ (от мѣжити).

Под влиянием существительных с суффиксом -tel'ь, образованных от глаголов с инфинитивной основой на -i-, создается возможность образования существительных с суффиксом -itel'ь от глаголов, у которых инфинитивная основа не оканчивалась на гласный -i-. Например, покеителъ (от покеити), спасителъ (от спасити), прѣддатель (от прѣдати).

б) -ьс'ь: жьрьць (от жьрж — 1 л. ед. ч. наст. вр. от „жьрѣти — приносить жертву“), лобьць — „охотник“ (от лобити), творьць (от творити), плясьць — „танцор“ (от плясати).

Суффикс -ьс'ь был очень продуктивным: при помощи его образовывались не только отглагольные существительные, обозначающие действующее лицо, но также уменьшительные существительные мужского рода, существительные, обозначающие молодых животных, и существительные, соотносительные с прилагательным (см. об этом ниже).

¹ При описании данного раздела использован материал, излагаемый в пособии А. Лескина „Грамматика древнеболгарского языка“, Казань, 1915.

в) Значительно реже имен существительные мужского рода образовывались с помощью суффиксов -ьс'а, -ic'а: ядьца — „обжора“ (от ясти [jasti] < *jasti), сѣчьца — „палач“ (от сѣшти), оувицца (от увити), кинопицца (от кино пити).

г) -jь < *jō: стражь ([straž'ь] < *storg-jō-s) (от стрѣжж, стрѣшти — „стеречь“), кождь (от кодити), кзпль (от копити), плачь (от плакати).

д) -tajь: ходатаи (от ходити), ратаи ([ratai] < ortajь < *ortajos) — „пахарь, земледелец“ (от орати — „пахать“).

2. Отглагольные существительные, обозначающие какое-либо действие, событие или абстрактное понятие, образовывались при помощи следующих суффиксов:

а) Наиболее распространенным было образование этих существительных посредством суффикса -ье (-ije). При этом они главным образом образовывались от страдательных причастий: глаголанье — „говорение“ (от глаголанж, глаголати — „говорить“), джиженье (от джиженж, джигжити), прошенье (от прошенж, прожити), погревенье (от погревенж), питье (от питж, пити), житые (от жити), кзхужденье (от кзхуждити).

б) При образовании отглагольных существительных с суффиксом -*ō происходило чередование корневого гласного [e] или [ь], употребляемого в глаголе, так что в результате у отглагольного существительного в корне выступал гласный [o]: сзворж — „собрание“ — твор. пад. ед. ч. сзвор-о-мь (от сзверж, сзвѣрати), раздорж — „трещина, разрыв“ — твор. пад. ед. ч. раздор-о-мь (от раздѣрж, раздѣрати), мракж ([mrakъ] < morkъ) — твор. пад. ед. ч. мрак-о-мь (от мръкжити), позорж — „зрелище“ — твор. пад. ед. ч. позор-о-мь (от позрьѣти — „посмотреть“), потокж — твор. пад. ед. ч. поток-о-мь (от потѣшти), зконж — „звук“ — твор. пад. ед. ч. зкон-о-мь (от зкнѣти — „звучать“).

Многие относящиеся сюда существительные мужского рода часто получают конкретное, вещественное значение: гробж — „могила“ (от грѣжж, грѣти — „рыть“), цѣбѣтж (от цѣбѣтж, цѣжити), плотж — „забор“ (от плѣтж, плѣтити), робж — „яма“ (от рыти), гнои — „навоз“ (от гнити), крокж — „крыша“ (от крыти).

в) Довольно многочисленным было образование существительных женского рода с суффиксом -ь: сжржь (от сжржѣти), ядь — „пища, еда“ (от ясти), ткарь — „создание“ (от ткорити), кѣдь — „знание“ (от кѣдѣти — „знать“) и т. д.

г) Также довольно многочисленным было образование существительных женского рода с помощью суффикса -ть: чьсть (от чѣтжж, чѣтити — „почитать“), страсть (от страдаати), кѣсть — „известие, слух“ (от кѣдѣти), закнсть (от закндѣти), власть (от владжж, властити), сжмрьть (от мьржж, мьрѣти — „умирать“) и т. д.

д) Отглагольные существительные женского рода с основой на -*ī могли образовываться при помощи суффиксов -пь, -спь, -зпь, -ель: врань ([branjъ] < borgъ — „борьба“ (от воржжж, вратижж — „сражаться“), казнь (от казати — „показывать“), дань (от дати), пѣсьн (от пѣтити), жизнь (от жити), волѣзнь (от волѣтити), вогазнь (от вогажитижж), приазнь

(от *принати* — „благоприятствовать, помогать“), *гьвѣль*, *погьвѣль* (от (по) *гьвнѣти*), *печаль* (от *пекж ел*, *пешти ел* — „заботиться“) и т. д.

3. Существительные, обозначающие носителя какого-нибудь качества и соотносимые с прилагательными и причастиями, образовывались посредством суффиксов:

а) *-ікъ*, *-іс'а*: *оученикъ*, *оученица* (от *оученъ*, *оучити*), *мѣченикъ*, *мѣченица* (от *мѣченъ*, *мѣчити*), *златикъ*, *златица* — „золотая монета“ (от *златъ*), *поуштеница* (от *поуштенъ*, *поуштити*), *пианица* (от *пианъ*) и др.

б) *-ьп-ікъ* и *-ьп-іс'а*: *грѣшъникъ*, *грѣшъница* (от *грѣшънъ*), *правдѣникъ*, *правдѣница* (от *правдѣнъ*), *длзъникъ* (от *длзънъ*).

в) *-ьс'ь* (для жен. р. *-іс'а*): *мрътвѣць* (от *мрътвѣъ*), *слѣпѣць* (от *слѣпѣъ*), *чръньць* — „монах“, *чръница* — „монахиня“ (от *чрънъ*), *старѣць* — „старик“, *старница* — „старуха“ (от *старъ*), *пришьльць* (от *пришьльъ* — „пришедший“).

4. Существительные мужского рода, обозначающие занятие и соотносимые с другими существительными, образовывались посредством суффиксов:

а) *-аг'ь*: *кратарь* (от *крата*), *мытарь* — „сборщик пошлин“ (от *мыто* — „пошлина“), *рыбарь* — „рыбак“ (от *рыба*), *киноградарь* (от *киноградъ* — „виноградник“).

б) *-ьја* > *-и*: *судья* (от *сждъ*), *кѣтти* — „оратор“ (от *кѣтъ* — „изречение“).

в) *-ьб'ја* (*-ьс'ьб'ја*) > *-ь'и*: *кзникъччи* — „писец“ (от *кзника*), *кзмакъччи* — „кормчий, рулевой“ (от *кзма* — „корма, руль“).

5. Существительные, обозначающие принадлежность к какой-либо стране, месту жительства, к какому-либо классу людей, народу, образовывались при помощи суффиксов:

а) *-іпъ*, *-ѣп-іпъ*, *-јап-іпъ*: *поганинъ* — „язычник“ (от *поганъ*), *слобѣннъ*, *землянинъ* — „соотечественник“ (от *земля* — „страна“), *галилѣяннъ* (от *галилѣя*), *римлянинъ* (от *Римъ*), *гражданинъ* (от *градъ*), *кръстияннъ*, *коинъ* — „солдат“, *назарянинъ* и т. д.

Суффикс *-іпъ* у этих существительных употреблялся только при образовании единственного и двойственного числа, а во множественном числе он опускался: *слобѣнѣ*, *галилѣянѣ*, *римлянѣ*, *гражданѣ*, *погани*, *кои* и т. д.

6. Отглагольные существительные среднего рода, обозначающие орудие, образовывались посредством суффиксов:

а) *-dl-*: *рало* ([*ralo*] < *ordlo*) — „плуг“ (от *орати* — „пахать“, ср. чеш. *rádlo*); *шило* ([*š'ilo*] < *š'idlo*) (от *шити*), ср. чеш. *šídlo*; *зръцало* — „зеркало“ (от *зръцати* — „смотреть“), ср. чеш. *zrcadlo*.

б) *-lo* и *-slo*: *грѣвало* — „весло“ (от *грѣти* — „грести“), *число* (от *чѣтъ*, *чѣсти* — „считать“), *кадило* (от *кадити*), *кѣсело* (от *кѣсти*), *магло* (от *мазати*).

С другой стороны, с суффиксом *-lo* образовывались отвлеченные существительные: *дѣло* (от *дѣяти*), *начало* (от *начати*).

в) *-to*: *пжто* — „окова“ (от *пнж пати* — „натягивать“), *крата* (от *крѣти* — „запирать“).

7. Существительные, обозначающие место нахождения какого-либо предмета или указывающие на место действия, образовывались посредством суффиксов:

а) *-ište* < **-iskjo*: *сждище* — „судилище“ (от *сждъ*), *схнзмище* — „место собраний“ (от *схнзмъ* — „собрание“), *позориште* — „театр“ (от *позоръ* — „зрелище“).

Если существительные с этим суффиксом образовывались от глаголов, то в основе всегда употреблялось производное *-l-* от соответствующего глагола: *сѣдалиште* — „стул“ (от *сѣдати*), *хранилиште* (от *хранити*), *жиилиште* (от *жити*), *благаалиште* (от *благати* — „вкладывать“).

б) *-ьп-іс'а*: *тьмьница* (от *тьмьнъ*, *тьма*), *житьница* (от *житьнъ*, *жито* — „хлеб“), *ризыница* (от *ризынъ*, *риза* — „платье“).

8. Уменьшительные существительные образовывались посредством суффиксов:

а) *-ьс'ь* для муж. р., *-ьс'е* для сред. р., *-ьс'а*, *-іс'а* для жен. р.: *градьць* (от *градъ*), *агньць* (наряду с *агна* — „ягненок“), *тельць* (наряду с *телл* — „теленка“), *облачьць* (от *облакъ*), *чадьць* (от *чадо*), *дзштица* (от *дзска* — „доска“), *дкьрьца* (от *дкьрь*), *ладница* (от *лади*).

б) *-ѣт*: *козьла* — род. пад. *козьлатѣ* (от *козьлъ*), *жрѣбла* — род. пад. *жрѣбатѣ* (наряду с *жрѣвьць*), *агна* — род. пад. *агнатѣ* — „ягненок“ (наряду с *агньць*), *телл* — род. пад. *теллатѣ* (наряду с *тельць*), *отроча* — род. пад. *отрочатѣ* — „ребенок“ (от *отрокъ*) и т. д.

Приведенные примеры показывают, что с помощью суффикса *-ѣт* образовывались существительные, обозначающие молодых живых существ (молодых животных или детенышей животных).

9. Существительные женского рода, производные от соответствующих существительных мужского рода, образовывались посредством следующих суффиксов:

а) *-а*: *равъ* — *рава*, *зми* ([*zmii*] < *zmiъ*) — „дракон“ — *змиа* — „змея“, *друогъ* — *друога*.

б) *-ја*: *тъсть* — *тъшта* ([*tbštà*] < *tbstjā*), *господь* — „господин“ — *госпожда* ([*gospožd'a*] < *gospodjā*).

в) *-уп'а* > *-уп'и*: *равъ* — *равьни*, *кзназь* — *кзнагыни*, *когъ* — *богыни*, *самарянинъ* — „самарянин“ — *самаряныни* — „самарянка“.

г) *-іс'а*: *цѣсарь* — *цѣсарница*, *любовѣи* — „развратник“ — *любовѣница*, *пророкъ* — *пророчница*.

10. Значительное количество существительных при помощи суффиксов было образовано от прилагательных и указывало на качество предмета, на его состояние, сущность и т. д.

а) Так, с помощью суффиксов *-ость*, *-ота* образовывались существительные женского рода: *скѣтьлость*, *скѣтьлота* (от *скѣтьлъ*), *старость* (от *старъ*), *чистость*, *чистота* (от *чѣтъ*), *благодсть* (*благъ*), *тагость*, *тажестъ* (от *тажкъ*), *топлота* (от *топлъ*), *крѣпость* (от *крѣпкъ*), *ништѣта* (от *ништъ*) и т. д.

Существительные женского рода, соотносимые с прилагательными и указывающие на качество предмета, его состояние, сущ-

ность и т. д., могли образовываться и при помощи следующих суффиксов:

-у (< ū), -уп'а (> уп'и): любви — „любовь“ (от любз — „милый“), цѣлы — „целость“ (от цѣлз), влагынн — „доброта“ (от влагз — „добрый“), грядынн — „гордость“ (от грядз), скатынн — „святость, освещение“ (от скатз);

-ја: чашта — „чаща“ (от частз), соуша (от соухз), ташта — „толщина, тучность“ (от таштз);

-ова: зклова (от зклз);

-ипа: гажвина (от гажвокз), истина (от истз — „действительный“), гѣдина (от гѣдз), тишина (от тихз).

б) Существительные среднего рода образовывались посредством суффиксов:

-је (-ije): здаракые (от здаракз — „здоровый“), кеселье (от кеселз), величье (от великз), милорздине (от милорздз);

-ѣство: рогатыѣтко (от рогатз), мнзожыѣтко (от мнзожз).

В ряде случаев существительные среднего рода с суффиксом -ѣство могли образовываться от других существительных, обозначая при этом свойства, вытекающие из понятия основного слова: цѣгарыѣтко (от цѣгарѣ), члокѣчыѣтко (от члокѣкз), дѣкыѣтко (от дѣка), мжжыѣтко (от мжжѣ), отчыѣтко (от отчы), вожыѣтко (от вожз) и т. д.

11. Собираемые существительные образовывались главным образом посредством суффикса -је (-ije): тропинѣ (от тропнз), кржвинѣ (от кржва), каменѣ (от камы), коренѣ (от коренѣ), рождинѣ (от рожга).

§ 86. В старославянском языке встречаются слова, основа которых состояла из двух корней:

а) слова, образованные повторением одного и того же корня: гла-гол-з [glā-gol-ъ] < *gol-gol ~;

б) слова, заключающие разные корни: гоу-мын-о [gu-mp-о].

Корень [goŋ], представленный в первой части этого слова, тот же, что и в слове [gov-edo] говѣдо — „рогатый скот“. Только в слове [gumьno] дифтонг [oŋ], оказавшись перед следующим согласным, монофтонгизировался, а в слове [gov-edo] неслоговой [ŋ] в позиции перед следующим гласным перешел у славян в [v]. Во второй части слова [gumьno] представлен корень [mp] глагольного происхождения. Ср.: [mpo] мынж, [mpеѣ'i] мынѣши, инфинитив [mpeti] мати — „мять“. Само же слово [gumьno] гоумыно получило значение места, где рогатый скот мнет (топчет) колосья.

В старославянских текстах встречается много сложных слов, в которых два разных корня объединялись обычно с помощью специального элемента. Большинство из них являлось дословной передачей греческих сложных слов. Если первая часть в таких сложных словах представляла собой имя, то она соединялась с последующим словом обычно через гласный [o] или [e].

Первая часть сложных слов могла быть выражена: существительным: кодо-ногз, кино-градз, кржко-адѣние — „кровожадность“, дрѣко-

дѣла — „плотник“, коне-члокѣкз, ржко-пигание, законо-дакѣца, кино-пица, врато-любѣц; прилагательным: зкло-дѣни, любо-дѣни — „развратник“, лжжѣ-пророкз, скоро-писѣц, благо-дѣтъ; числительным: трѣ-зжвз — „трезубец“ и т. д.

Вторая часть сложений, как показывают приведенные примеры, в качестве самостоятельного слова могла быть существительным.

На положении первого члена сложения могли выступать предлоги и частицы, представлявшие дополнительное определение к существительному, выступающему во второй части сложения. Например, из-ворз, пра-дѣдз, не-мошьт, не-правѣда, не-кома. Сложное слово могло служить обозначением какой-либо вещи или существа, которому в качестве характерного признака свойственно то отношение, какое выражалось в сложении предлога и существительного: из-постатз — „противник“ (дословно — участник места стояния, т. к. постать — „место стояния“), из-гѣдз — „сидящий вместе“ или „имеющий общее место сидения“.

Указанные выше способы словообразования имен существительных в старославянском языке очень давнего происхождения. Однако не все способы словообразования, свойственные индоевропейскому языку-основе, перешли в старославянский язык в качестве активных средств словообразования. Так, например, в старославянском языке не сохранилось в качестве живого средства образование слов с помощью инфиксов, которые в индоевропейском языке-основе являлись активными элементами словообразования.

Большую роль при словообразовании в старославянском языке играло чередование гласных.

ТИПЫ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

§ 87. В общеславянском языке имена распределялись по следующим типам склонения:

- I. Склонение имен с основой на -*ō.
- II. Склонение имен с основой на -*ā.
- III. Склонение имен с основой на -*ī.
- IV. Склонение имен с основой на -*ū.
- V. Склонение имен с основой на согласный (-en, -es, ę-, -(t)er).
- VI. Склонение имен с основой на -ū.

Однако в связи со значительными изменениями, пережитыми в фонетической системе славянских языковых групп, суффиксальные тематические гласные с течением времени получили иное значение. Они стали относиться не к основе, а к окончанию и, следовательно, стали флексией.

В старославянском языке бывший тематический гласный в любом типе склонения можно всегда обнаружить в форме дательного падежа множественного числа и в форме дательного-творительного двойственного числа.

Например: **равъ:** дат. мн. **равомъ**, дат.-тв. дв. **равома**
страна: **странамъ** **странама**
когть: **когтьмъ** **когтьма**
 (где [ъ] < [*ī]) и т. д.

Кроме того, в каждом типе склонения имеется ряд падежных форм, где также можно выделить бывший тематический гласный.

Склонение существительных с основой на -*ō

§ 88. Данный тип склонения существительных является одним из наиболее продуктивных типов в старославянском языке. По этому типу изменялись существительные мужского и среднего рода.

В старославянском языке существительные мужского рода, изменявшиеся по данному типу склонения, оканчивались в им. пад. ед. ч. на [-ъ] -ъ, [-ь] -ь или [-i] < [jъ] -и, а существительные среднего рода — на [-o] -o или [-e] -e.

Окончания [-ъ], [-i] и [-e] имели в им. пад. ед. ч. те существительные, у которых перед этими гласными употреблялся мягкий согласный звук¹. Следовательно, этот тип склонения существительных различал твердый и мягкий вариант склонения. В род. пад. ед. ч. существительные данного типа оканчивались на [-a] -a.

Единственное число

Им.	равъ	конь	краи	селo	поліе
Род.	рава	кон'а	крага	села	поля
Дат.	равоу	коно	краю	селоу	полю
Вин.	равъ	кон'ь	краи	село	полие
Твор.	равомь	кон'емь	краемь	селомь	полемь
Местн.	равѣ	кон'и	краи	селѣ	поли
Зват.	раве	кон'ю	краю	село	полие

Множественное число

Им.-зват.	рави	кон'и	краи	села	поля
Род.	равъ	кон'ь	краи	селъ	полъ
Дат.	равомъ	кон'емъ	краемъ	селомъ	полемъ
Вин.	равы	кон'а	крага	села
Твор.	равы	кон'и	краи	села	поли
Местн.	равѣхъ	кон'ихъ	краихъ	селѣхъ	полихъ

¹ Мягкость была получена благодаря смягчению согласного основы следовавшим за ним [j]: **плавъ** [plac'ъ] < plakjos, **конь** [kon'ъ] < *kopjos, или явилась результатом палатализации задненебных согласных [g] и [k]: **кьмаъ** [k'ъpъdz'ъ] < k'ъpъgъ < *kupingos, **отьць** [ot's'ъ] < ot'ьkъ < *ot'ikos,

Двойственное число

Им.-вин.-зват.	рава	кона	крага	селѣ	поли
Род.-местн.	равоу	коню	краю	селоу	полю
Дат.-твор.	равома	конема	краема	селома	полиема

Как показывают приведенные образцы склонения, существительные среднего рода изменялись так же, как и существительные мужского рода, за исключением следующего: 1) форма именительного, винительного и звательного падежей единственного числа у существительных среднего рода всегда оканчивалась на [-o] или [-e]: **село**, **поле**; 2) форма именительного, винительного и зательного падежей множественного числа у существительных среднего рода всегда оканчивалась на [-a]: **села**, **поля**; 3) в форме именительного-винительного-зательного двойственного числа существительные среднего рода получали окончание [-ě] в твердом варианте склонения и окончание [-i] в мягком варианте склонения: **селѣ**, **поли**.

Окончанию [-ě] после твердых основ соответствует окончание [-i] после мягких основ: местн. пад. ед. ч.: **равѣ** — **коини**, **селѣ** — **поли**, местн. пад. мн. ч.: **равѣхъ** — **коинихъ**, **селѣхъ** — **полихъ**; им.-вин.-зват. дв. ч. у существительных среднего рода: **селѣ** — **поли**.

Окончанию [-у] у существительных с твердой основой в твор. пад. мн. ч. соответствует окончание [i] у существительных с мягкой основой: **равы** — **коини**, **села** — **поля**.

Окончанию [-у] у существительных муж. р. с твердой основой в форме вин. пад. мн. ч. соответствует окончание [-e] у существительных муж. р. с мягкой основой: **равы** — **кона**.

Гласному [o] в окончании существительных с твердой основой соответствует гласный [e] у существительных с мягкой основой: им. пад. ед. ч. существительных ср. р.: **село** — **полие**, твор. пад. ед. ч. **равомь** — **конемь**, **селомь** — **полемь**, дат. пад. мн. ч. **равомъ** — **конемъ**, **селомъ** — **полемъ**, дат.-твор. дв. ч. **равома** — **конема**, **селома** — **полиема**.

Форма винительного падежа ед. ч. у существительных мужского рода, обозначавших одушевленные предметы, совпадала с формой именительного падежа ед. ч. Это объяснялось тем, что в старославянском языке не была еще развита категория одушевленности. Однако в старославянских памятниках уже начинает встречаться употребление формы родительного падежа в значении винительного у этих существительных.

Если основа существительных оканчивалась на задненебный согласный [k], [g] [ch] (к, г, χ), то в позиции перед [ě] и [i] ([ě] и [i] < o) задненебный согласный чередовался со свистящим, а именно [k]:[c'] (к:ц), [g]:[dz'] (г:з), [ch]:[s] (χ:с).

Например, от существительных **члокѣкъ**, **крагъ**, **грѣхъ**, **кѣко** местн. пад. ед. ч. **члокѣцѣ**, **крагѣ**, **грѣцѣ**, **кѣцѣ**; местн. пад. мн. ч. **члокѣцѣхъ**, **крагѣхъ**, **грѣцѣхъ**, **кѣцѣхъ**; им. пад. мн. ч. **члокѣци**, **краги**, **грѣси**; им.-вин. дв. ч. **кѣцѣ**.

В позиции перед гласным [e] в зват. форме ед. ч. задненебный согласный у существительных мужского рода чередовался с шипящим, а именно [k]:[č'] (к:ч), [g]:[ž'] (г:ж), [ch]:[š'] (х:ш). Например: чл^ок^ьч^ье, кра^же, гр^ьш^ье.

Имена существительные мужского рода, оканчивающиеся в им. пад. ед. ч. на [-с'ъ] -цъ, например от^ьцъ, и на [-dž'ъ] -сь, например кн^за^ь, имели зват. форму ед. ч. по образцу существительных с твердой основой. При этом вместо свистящих [с'] ц и [dž'] ж здесь выступали шипящие [č'] ч и [ž'] ж: от^ьч^ье, кн^за^же.

В остальных падежных формах эти существительные изменялись по мягкому варианту данного склонения.

Существительные мужского рода с суффиксами [-tel'ъ] (-тел'ь), [-ag'ъ] (-аг'ь), [-ip'ъ] (-инь), например д'клател'ь, мытар'ь, гражданинь, могли во множественном числе получать формы, характерные для склонения с основой на согласный. При этом у существительных с суффиксом [-ip] последний во мн. ч. утрачивался, напр. им. п. гражд^{ан}е.

Склонение существительных с основой на -*ā

§ 89. По данному типу склонения изменялись существительные женского рода и некоторые существительные мужского рода. В именительном падеже ед. ч. они оканчивались на гласный [-a] -а. В этом типе склонения различались твердый и мягкий варианты.

Например: ст^ра^на, ст^ра^на, зем^ла, д'бкн^ца, об^ьца, ст^ро^уа, сло^уга, ю^ноша, вл^адыка и т. д.

В род. пад. ед. ч. существительные твердого варианта склонения получали флексию (-у) -ы, а существительные мягкого варианта — (-е) -а.

Единственное число

Им.	ст ^р а ^н а	сло ^у га	д'бкн ^ц а	зем ^л а	ст ^р о ^у а
Род.	ст ^р а ^н ы	сло ^у гы	д'бкн ^ц а	зем ^л а	ст ^р о ^у а
Дат.	ст ^р ан'ѣ	сло ^у с'ѣ	д'бкн ^ц и	зем ^л и	ст ^р о ^у и
Вин.	ст ^р ан'ѣ	сло ^у г'ѣ	д'бкн ^ц ѣ	зем ^л ѣ	ст ^р о ^у ѣ
Твор.	ст ^р ано ^ѣ	сло ^у го ^ѣ	д'бкн ^ц ѣ ^ѣ	зем ^л ѣ ^ѣ	ст ^р о ^у ѣ ^ѣ
Местн.	ст ^р ан'ѣ	сло ^у с'ѣ	д'бкн ^ц и	зем ^л и	ст ^р о ^у и
Зват.	ст ^р ано	сло ^у го	д'бкн ^ц е	зем ^л ѣ	ст ^р о ^у ѣ

Множественное число

Им.-зват	ст ^р ан ^ы	сло ^у г ^ы	д'бкн ^ц а	зем ^л а	ст ^р о ^у а
Род.	ст ^р ан'ѣ	сло ^у г'ѣ	д'бкн ^ц ѣ	зем ^л 'ѣ	ст ^р о ^у и
Дат.	ст ^р анам'ѣ	сло ^у гам'ѣ	д'бкн ^ц ам'ѣ	зем ^л ам'ѣ	ст ^р о ^у ам'ѣ
Вин.	ст ^р ан ^ы	сло ^у г ^ы	д'бкн ^ц а	зем ^л а	ст ^р о ^у а
Твор.	ст ^р анам ^и	сло ^у гам ^и	д'бкн ^ц ам ^и	зем ^л ам ^и	ст ^р о ^у ам ^и
Местн.	ст ^р ан ^{ах}	сло ^у г ^{ах}	д'бкн ^ц а ^х	зем ^л а ^х	ст ^р о ^у а ^х

Двойственное число

Им.-вин.-зват.	ст ^р ан'ѣ	сло ^у с'ѣ	д'бкн ^ц и	зем ^л и	ст ^р о ^у и
Род.-местн.	ст ^р ано ^у	сло ^у го ^у	д'бкн ^ц и ^ю	зем ^л ю	ст ^р о ^у ю
Дат.-твор.	ст ^р анам ^а	сло ^у гам ^а	д'бкн ^ц ам ^а	зем ^л ам ^а	ст ^р о ^у ам ^а

Гласному [-у] -ы в окончании существительных твердого варианта склонения соответствует гласный [-е] -а в мягком варианте: род. пад. ед. ч. и им.-вин.-зват. мн. ч. ст^ран^ы — зем^ла.

Гласному [-ѣ] -ѣ в окончании твердого варианта склонения соответствует гласный [-и] -и в мягком варианте: дат. и местн. пад. ед. ч. и им.-вин.-зват. дв. ч. ст^ран'ѣ — зем^ли.

Гласному [о] в твердом варианте склонения соответствует [е] в мягком варианте: твор. пад. ед. ч. ст^рано^ѣ — зем^лѣ^ѣ, зват. форма ед. ч. ст^рано — зем^лѣ.

Если корень существительных оканчивался на задненебный согласный [k], [g] или [ch], то он в формах дат. и местн. пад. ед. ч. и в им.-вин. зват. дв. ч. в позиции перед [-ѣ] (< ai) чередовался со свистящим, а именно [g]:[dž'] (г:ж), [k]:[c] (к:ц), [ch]:[s'] (х:с): но^га — нос'ѣ, р^жка — р^жц'ѣ, па^зо^уха — па^зо^ус'ѣ.

По мягкому варианту данного типа склонения изменялись существительные женского и мужского родов, оканчивающиеся в им. п. ед. числа на [-ii] -ии: л^адин, м^лз^нин (жен. р.), с^ждин, со^качин, кр^ьм^ьчин, кн^нг^ьчин (муж. р.).

Сочетание [-jā] (-jā) на ступени редукции в славянской фонетике отразилось в виде [-i] (таково происхождение конечного гласного в окончании перечисленных выше существительных). Такого же происхождения был [i] после мягкого согласного [n'] в суффиксе [-u'ni] -ьни: по^уг^ьни, бо^гьни, кн^за^гьни, ра^бьни и т. д. Существительные женского рода, оканчивающиеся на [up'i] -ьни, также изменялись по мягкому варианту склонения существительных с основой на -*ā.

Ед. ч. Мн. ч.

Им.	с ^ж дин	ра ^б ьни	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ
Род.	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ
Дат.	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ	с ^ж динѣмъ	ра ^б ьниѣмъ
Вин.	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ
Твор.	с ^ж динѣмъ	ра ^б ьниѣмъ	с ^ж динѣм ^и	ра ^б ьниѣм ^и
Местн.	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ	с ^ж динѣхъ	ра ^б ьниѣхъ
Зват.	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ

Дв. ч

Им.-вин.-зват.	с ^ж динѣ	ра ^б ьниѣ
Род.-местн.	с ^ж динѣю	ра ^б ьниѣю
Дат.-твор.	с ^ж динѣм ^а	ра ^б ьниѣм ^а

Склонение существительных с основой на -*ǐ

§ 90. Этот тип склонения был малопродуктивным в старославянском языке. К нему относилось незначительное количество существительных мужского рода, оканчивающихся в им. пад. ед. ч. на [-ъ] -ъ, а в род. пад. ед. ч. на [-и] -у: **сынъ, домъ, колъ, полъ, кръхъ, медъ.**

Предполагают, что к данному типу склонения относились также существительные **радъ, чинъ, ганъ, оудъ, гадъ, даръ** и др., от которых в памятниках старославянского языка сохранились лишь отдельные падежные формы, характерные для склонения существительных с основой на -*ǐ.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. сынъ	Им.-зват. сыноѣ	Им.-вин.-зват
Род. сыноу	Род. сыноѡ	сыны
Дат. сыноки	Дат. *сынѡмѡ (сынѡмѡ)	Род.-местн
Вин. сынъ	Вин. сыны	сынокоу
Твор. *сынѡмь (сынѡмь)	Твор. сынѡми	Дат.-твор.
Местн. сыноу	Местн. *сынѡхъ (сынѡхъ)	сынѡма
Зват. сыноу		

В значении вин. пад. ед. ч. от существительного **сынъ** в некоторых старославянских памятниках встречается форма, совпадающая с формой род. пад. ед. ч. от существительных с основой на -*ǐ: **сына** — Зогр. ев., Мф X, 37; XVI, 13; XVI, 28; XXI, 38; XXIII, 15 и др.

Этот тип склонения очень рано начал вытесняться склонением с основой на -*ǝ, о чем свидетельствует тот факт, что в твор. пад. ед. ч., дат. и местн. пад. мн. ч. исконные формы склонения с основой на -*ǐ не сохранялись в старославянских памятниках, а вместо них употреблялись формы, характерные для склонения существительных с основой на -*ǝ

Склонение существительных с основой на -*ǐ

§ 91. К данному склонению в старославянском языке относились существительные мужского и женского рода, оканчивающиеся в им. пад. ед. ч. на [-ъ] -ъ, а в род. пад. ед. ч. — на [-и] -и.

В противоположность мягкому варианту склонения с основой на -*ǝ у существительных мужского рода с основой на -*ǐ согласный основы был твердым, получившим лишь позиционную полумягкость перед тематическим гласным [ь] < [*ǐ]. Например, **огнь** [ognь] < *ognis — **конь** [kop'ь] < *kopjǝs.

Что касается существительных женского рода, то они могли иметь в основе перед тематическим гласным и мягкий и твердый

согласный с позиционной полумягкостью. Например **ношь** [noš'ь] < *noktis и **кошь** [kostь] < *kostis.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	гось	гостыѣ
Род.	гости	гостыи
Дат.	гости	гостыимъ
Вин.	гось	гости
Твор.	гостыимь	гостыими
Местн.	гости	гостыихъ
Зват.	гости	гостыѣ

Дв. ч.

Им.-вин.-зват.	гости	гости
Род.-местн.	гостыю	гостыю
Дат.-твор.	гостыма	гостыма

В следующих формах в памятниках старославянского языка наряду с написанием буквы **ь** можно встретить написание буквы **и** (в данном случае буквами **ь/и** обозначался редуцированный гласный [i]):

твор. ед.	гостыимъ	гостыимь
им.-зват. мн.	гостыѣ	гостыиѣ
род. мн.	гостыи	гостыи, гостыи — гостыи
род.-местн. дв.	гостыю	гостыю, гостыю — гостыю

По данному типу склонения образовывали формы двойственного числа существительные **оухъ** и **око**:

Им.-вин.-зват.	оуши	очи
Род.-мест.	оушию	очню
Дат.-твор.	оушима	очима

Употребление гласного [i] вместо [ь] в форме дат.-твор. дв. ч. объясняется воздействием со стороны форм им.-вин.-зват. дв. ч.

Склонение существительных с основой на согласный

§ 92. К данному типу склонения относились существительные всех трех родов. При этом основа существительных, изменявшихся по этому склонению, оканчивалась на суффиксы: -en (-ten), -es, -et или -er (-ter).

1). Существительные мужского рода получали при склонении суффикс (-en) например, **камы**; **камен-**, **пламы**; **пламен-**.

По данному типу склонения изменялись также существительные мужского рода типа: **кремень, ремень, гачмень, корень, дьнь** и др.

2. Существительные женского рода получали суффикс **-er(ter)**.

Таких существительных было два: **мати: матер-, дзшти: дзштер-**.

3. Существительные среднего рода могли получать суффикс **-en, -es, et_i**

а) **има: имен-, крѣма: крѣмен-, гѣма: гѣмен-** и т. д.;

б) **глоко: глокет-, оухо: оушет-, око: очет-, небо: небет-** и т. д.;

в) **тела: телат-, отроча: отрочат-, козыла: козылат-** и т. д.

Единственное число

Им.	камы	има	глоко	тела	мати	дьнь
Род.	камене	имене	глокете	телате	матере	дьне
Дат.	камени	имени	глокети	телати	матери	дьни
Вин.	камень	има	глоко	тела	матерь	дьнь
Твор.	каменььмь	именььмь	глокетььмь	телатььмь	матерььмь	дьнььмь
Местн.	камене	имене	глокете	телате	(матери)	дьне

Множественное число

Им.	камене	имена	глокети	телата	матери	дьне
Род.	каменз	именз	глокети	телатз	матери	дьнз
Дат.	каменььмь	именььмь	глокетььмь	телатььмь	*матерььмь (-ремь)	дьнььмь
Вин.	камени	имена	глокети	телата	матери	дьни
Твор.	каменььми	именььми	глокетььми	телатььми	матерььми	дьнььми
Местн.	каменььхъ	именььхъ	глокетььхъ	телатььхъ	*матерььхъ (-рехъ)	дьнььхъ

Двойственное число

Им.-вин.	камени	именѣ	глокетѣ	телатѣ	(матери)	дьни
Род.-местн.	каменоу	*именоу	глокетоу	телатоу	(матероу)	дьноу
Дат.-твор.	каменььма	именььма	глокетььма	телатььма	(матерььма)	дьнььма

1. У существительных мужского рода окончание **[-у]** -ы в им. пад. ед. ч. встречается только у двух существительных: **камы** и **пламы** и при этом только в Супрасльской рукописи (**пламы** — 159₁₇, **камы** — 243₆₋₇, 276₁, 300₄, 301₅, 444₁₄, 23, 30, 445₁₉ и др.). В остальных памятниках в значении им. пад. ед. ч. выступает у этих существительных форма вин. пад. ед. ч. **камень, пламень**.

Форма им. пад. мн. ч. обычно заменяется собирательными существительными: **каменья, корення, гтєпення**.

2. По образцу существительных мужского рода с основой на согласный могли образоваться во множественном числе падежные формы существительных мужского рода, оканчивающиеся на **-имз, -арѣ, -тель:**

Им.	граждане	дѣлателе	мытаре, -рѣ
Род.	гражданз	дѣлателз, -телѣ	мытаре

Дат.	гражданѣмъ	дѣлателемъ, -тельмъ	мытаремъ, -рѣмъ
Вин.	гражданы	дѣлателѣ	мытара
Твор.	гражданы	дѣлателы, -ли	мытари, -ры
Местн.	гражданехъ	дѣлателѣхъ, -лехъ	мытарѣхъ

3. Существительные среднего рода с суффиксом **[-et]** -ат всегда обозначали молодых живых существ.

4. От существительных **мати** и **дзшти** формы двойственного числа в старославянских памятниках не засвидетельствованы. В значении вин. пад. ед. ч. наряду с формой **матерь** встречается форма род. пад. **матере: любая оца ли мѣре (матере),** Сав. кн., Мф. X, 37; Супр. 253₁₀.

Склонение существительных с основой на **-*ū**

§ 93. К этому склонению в старославянском языке относились существительные женского рода, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на гласный **[-у]** -ы: **скєркы (скєркь-), любы (любьк-), црькы (црькь-), воуки (воукь-), локы (локь-), неплоды (неплодык-)** и др.

Бывший тематический гласный **-*ū** выступал у славян в позиции перед следующим гласным в виде **[-ъv]** -ьк. Благодаря этому основа существительных данного типа склонения стала оканчиваться на согласный звук, что привело к усвоению ими падежных флексий основ на согласный.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	скєркы	скєркьми	Им.-вин.-зват. (скєркьми)
Род.	скєркьке	скєркькь	
Дат.	скєркьки	скєркькамъ	Род.-местн. (скєркькоу)
Вин.	скєркькь	скєркьки	
Твор.	скєркькьмъ	скєркьками	Дат.-твор. (скєркькама)
Местн.	скєркьке	скєркькахъ	

При изучении склонения существительных с основой на ***-ū** следует помнить следующее:

1. В твор. пад. ед. ч. наряду с формой **скєркькьмъ** можно встретить написание **скєркькижъ**, где чередующимися буквами **ь/и** обозначался редуцированный гласный **[i]**.

2. В дв. ч. в памятниках встречается только форма род.-местн. пад.

3. Свообразием данного склонения являлось то, что формы дат., твор. и местн. пад. мн. ч. были образованы под влиянием склонения имен с основой на **-*ā**.

4. В значении вин. пад. ед. ч. в ряде случаев употребляется форма род. пад.: **скєркьке** — Зогр. ев., Мф. X, 35; Лук. XII, 53; **црькьке** — сб. Кл. I, 121; Зогр. ев., Мр. XV, 29; Супр. 227_{27 28}, 228₃ и др., **любьке** — Сав. кн., Ио. XIII, 35; **любьке** — Супр. 207₃ и др.

5. К этому склонению принадлежало некогда и слово *крякъ*, от которого в памятниках встречаются формы ед. ч. по образцу склонения с основой на *-ĭ, а во мн. ч. — по типу склонения с основой на *-i. Исключение составляет только форма род. пад. мн. ч. *крякк* (вм. *крякки*), которая образована по типу склонения с основой на *-ĭ.

ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЯ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

§ 94. Исследование памятников старославянского языка показывает, что именное склонение развивалось и изменялось. Основное направление этих изменений состояло в том, что утрачивалось старое деление на типы склонения по характеру тематического гласного (тематического суффикса) основы.

Этот тематический гласный исторически в ряде падежных форм подвергся сильным изменениям, и его во многих случаях уже невозможно обнаружить в старославянском языке. С другой стороны, все ярче проступает тенденция к объединению существительных одного грамматического рода в один тип склонения. Эту тенденцию усиливало еще совпадение звукового вида многих существительных, имевших один грамматический род.

Каким же изменениям подверглись приведенные выше типы склонения в старославянском языке?

I. В памятниках старославянской письменности намечается взаимодействие существительных с основой на *-ō и с основой на *-ĭ, т. е. существительных типа *равъ* — *сынъ*. Сходство грамматического рода и общность флексии им. п. ед. ч. привели к взаимодействию между ними, вследствие чего существительные с основой на *-ĭ могли употребляться с флексиями существительных с основой на *-ō, и наоборот. Особенно это характерно для существительных с основой на *-ĭ, в склонении которых наблюдается сильное колебание между свойственными ему окончаниями и окончаниями склонения существительных с основой на *-ō.

Так, наряду с формой род. пад. ед. ч. *ыноу* значительно чаще употребляется форма *ына*; наряду с формой дат. пад. ед. ч. *ыноки* чаще встречается форма *ыноу*; в местн. пад. ед. ч. наряду с формой *ыноу* употребляется форма *ынѣ*; вместо зват. формы *ыноу* чаще встречается форма *ыне*; в форме им.-вин.-зват. дв. ч. наряду с формой *ыноу* употребляется форма *ыноу* и т. д.

Приведенные примеры показывают, что в качестве особого типа склонения склонение с основой на *-ĭ было в ст.-слав. языке уже на пути к исчезновению.

Что касается существительных с основой на *-ō, то они также подвергались воздействию склонения с основой на *-ĭ. Распространение окончаний склонения с основой на *-ĭ в склонении с основой на *-ō было неодинаковым: оно очень ограничено проявлялось в единственном числе и более значительно — в именительном и особенно в родительном падеже множественного числа.

Например, им. пад. мн. ч. *доухоѣ* — Супр. 237₈, *попоѣ* — Син. тр. 49^a/₁₁, *гждоѣ* — Супр. 301₈, *змиѣѣ* — Супр. 77₈, 227₂₉, 229₂₄, *зноѣѣ* — Супр. 172₂₉ и т. д. вместо *доуѣи*, *попи*, *гжди*, *змиѣи*, *зноѣи* и т. д.; род. пад. мн. ч. *вѣѣоѣ* — Супр. 40₁₈, *грѣѣоѣ* — Зогр. ев., Сав. кн., Лук. III, 3; Мар. ев., Ассем. ев., Лук. XXIV, 47 и др., *плодоѣ* — Супр. 429₃₀, *змиѣѣ* — Син. тр. 4^b/₁₉₋₂₇; Супр. 467₃; *зноѣѣ* — Супр. 301₂₄, *кряѣѣ* — Зогр. ев., Мр. II, 17; Лук. V, 31; Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мр. V, 26; Супр. 559₁₁ и т. д. вместо *вѣѣѣ*, *грѣѣѣ*, *плодѣ*, *змиѣи*, *зноѣи*, *кряѣѣ* и т. д.

Особенно широко распространилось в памятниках старославянского языка окончание дат. пад. ед. ч. [-ovĭ] -оки (или [-evĭ] -ѣки в мягком варианте склонения). Однако формы на [-ovĭ] -оки встречаются лишь у имен, обозначающих лицо, главным образом в именах собственных и в иноязычных словах: *в(ого)ки* — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. XII, 17; *мѣѣѣки* — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. I, 27; *архиеѣрѣки* — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. I, 44 и др.; *кѣѣѣрѣки* — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXII, 17, 21; Мар. ев., Мр. XII, 14 и *кѣѣѣрѣки* — Мар. ев., Мр. XII, 17; *нерѣки* — Мар. ев., Лук. V, 14; *ноѣѣѣки* — Мар. ев., Мр., XV, 45; *петрѣки* — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. VIII, 33; *винаѣрѣки* — Мар. ев., Зогр., Лук. XIII, 7; *моѣѣѣки* — Мар. ев., Мр. IX, 5; Лук. IX, 33 и т. д. Эта флексия встречается у названий предметов лишь в тех случаях, когда предметы персонифицируются: *глаголаѣѣѣ ѣдоки* — Супр. 476₁₈, *наѣѣѣ . . . ѣ не мироки* — Сав. кн., Ио. XIV, 22.

Таким образом, старославянские памятники указывают на идущий процесс сближения этих двух склонений. Тип склонения на *-ĭ, к которому относилось всего несколько слов, в дальнейшем полностью сливается со склонением с основой на *-ō, передав ему при этом некоторые флексии.

II. Существительные муж. род. с основой на *-jō (типа *конь*) взаимодействуют с существительными муж. р. с основой на *-i (типа *гоѣѣ*).

Тип склонения с основой на *-i отличался от склонения с основой на *-jō тем, что его конечный согласный основы являлся только полумягким, а не мягким, как у существительных с основой на *-jō.

Однако это различие, четкое при согласных [d], [t], [b] и других, противопоставленных мягким [ǰdʹ], [ǰtʹ], [blʹ] и другим, было менее надежно в отношении согласных [n], [r], соотносящихся с мягкими [nʹ], [rʹ]. Поэтому язык легко переходит от *огнь* (огнь) к *огнѣ* (огнѣ), от *звѣѣръ* [zvĕrʹ] к *звѣѣръ* [zvĕrʹb] и т. д., и наряду с формой род. пад. ед. ч. *огни* [ognĭ], *звѣѣри* [zvĕrĭ] начинает употребляться форма *огни* (огн'а), *звѣѣри* [zvĕr'а], в дат. пад. ед. ч. *огню* (огн'u) и т. д.

Такой переход в склонение с основой на *-jō в дальнейшем начинают совершать и другие существительные. Например, от существительного *господѣ* [gosprođb] очень часто в род. пад. ед. ч. встречается форма *господа* (с вариантом *г(оспод)ѣ* в глаголических памятниках — Зогр. ев., Лук. XVI, 5; Син. пс. 26^b/₂₇, 28^a/₈, 32^b/₁₃;

сб. Кл. I, 51; II, 20, 59, 732), в дат. пад. ед. ч. г(о)подою — Зогр. ев., Ас. ев., Мф. IV, 10; Син. пс. 20⁶/₄₈; 26⁶/₂₈, 27²/₃₁ и др.; Син. тр. 60⁶/_{3,9}, 12, 15, 18 и др., гоподоу — Супр. 62₃; Сав. кн., Мф. IV, 10, и под влиянием склонения с основой на *-й форма г(о)подою — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. V, 33; Мр. XII, 36; Лук. I, 17; II, 38; XX, 42 и т. д.

Склонение существительных муж. р. с основой на *-й как особый тип в дальнейшем исчезает, но некоторые характерные для него окончания распространяются внутри существительных с основой на *-jō, со склонением которых оно смешивается. Так, в старославянских памятниках можно встретить в им. пад. мн. ч. форму коумириѣ — Супр. 536₉ в м. коумири, кожди — Зогр. ев., Мф. XXIII, 16, 24 в м. кожди, в род. пад. мн. ч. встречается форма крачеи — Асс. ев., Мр. V, 26 в м. крачь, наряду с новообразованием крачекъ — Зогр. ев., Мр. II, 17; Лук. V, 31; Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев. Мр. V, 26; Супр. 559₁₁ и т. д.

III. Большие изменения претерпевает склонение с основой на согласный. В старославянских памятниках оно фактически не представляет самостоятельного типа. Основы на согласный, от которых в древнейших памятниках сохранялись еще некоторые характерные формы, теряют свое значение и постепенно вытесняются типами склонений с основой на *-й и *-ō.

1. Существительные муж. р. (типа камы) с древнейших пор взаимодействуют с основами на *-й. Так, в твор. пад. ед. ч., дат.-твор. пад. дв. ч., дат., твор. и местн. пад. мн. ч. формы каменьмь, каменьма, каменьмъ, каменьми, каменьхъ имеют два тематических суффикса — [-еп-] и [-ь-], из которых второй суффикс проник в эти формы под влиянием склонения с основой на *-й (ср. гостьмь, гостьма, гостьмъ, гостьми, гостьхъ).

Под влиянием этого же склонения в формах род. и местн. пад. ед. ч. наряду с флексией [-е] начинает употребляться флексия [-и]; каменн — Мар. ев., Лук. XIX, 44.

Под влиянием склонения с основой на *-й форма вин. пад. ед. ч. вытесняет форму им. пад. ед. ч.: камы — камень. Им.-вин. пад. дв. ч. получил у существительных муж. р. форму основ на *-й: каменн и т. д.

2. Существительные ср. р. с основой на согласный взаимодействуют как с существительными с основой на *-й, так и с основами на *-ō.

Так, у них, так же как и у существительных муж. р., под влиянием склонения существительных с основой на *-й издавна употреблялись в твор. пад. ед. ч., дат. и местн. пад. мн. числа и дат.-твор. пад. дв. ч. формы типа глобьмь, именьмь, телатьмь; глобьмъ, именьмъ, телатьмъ; глобьхъ, именьхъ, телатьхъ; глобьма, именьма, телатьма.

В род. и местн. пад. ед. ч. под влиянием этого же склонения наряду с флексией [-е] начинает употребляться флексия [-и]; глобей — Ас. ев., Мф. XXII, 46; Зогр. ев., Мф. XVIII, 23; Лук. I,

29; Мар. ев., Мф. XXV, 19; Мр. X, 22; Лук. I, 29; чоудейи — Супр. 35₁₉, 39₂₇ и т. д.

Вследствие тождества им.-вин. и род. пад. мн. ч. основ на согласный и основ на *-ō у существительных ср. р. преобладание в твор. пад. мн. ч. получила аналогия типу склонения с основой на *-ō: глобейи, именейи, телатейи; то же и в им.-вин. дв. ч. — глобейѣ, именейѣ, телатейѣ.

Особенно сильным было влияние основ на *-ō на существительные с основой на *-es. Этому способствовала общность флексии в им.-вин. пад. ед. ч.: гело — глово. Под влиянием склонения с основой на *-ō появляются формы род. ед. глова — Супр. 132₁ (наряду с формой гловетѣ [-ти]), дат. ед. гловою — Асс. ев., Ио. II, 22 (наряду с формой гловетейи), твор. ед. глобомь — Зогр. ев., Мф. VIII, 16; Мр. XII, 13; Лук. VII, 7; Мар. ев., Мф. XXII, 15; Мр. XII, 13; Лук. XXIV, 19; Ио. XVII, 20 (наряду с формой гловетьмь) и т. д.

В дальнейшем существительные с основой на *-es полностью переходят в тип склонения с основой на *-ō.

3. Существительные жен. р. мати и дъшти также подверглись сильному влиянию со стороны склонения с основой на *-й. Так, по аналогии с этими основами существительные мати и дъшти в твор. пад. ед. ч. получили форму на [ьjō]-ыж: матерьж (матерьжъ), в дат. пад. мн. ч. матерьмъ (матерьмъ), в твор. пад. мн. ч. матерьми, дъштерьми. Под влиянием этого же склонения в род. пад. ед. ч., наряду с формой матере, дъштере, употребляется форма матери — Супр. 242₂₄, Син. пс. 25²/₂₀, 25⁶/₂, дъштери — Син. пс. 8⁶/₁₃, 59²/₃₁, в род. пад. мн. ч. наряду с формой дъштеръ, употребляется форма дъштер(ь)ейи — Син. пс. 140⁶/₁₀ и т. д.

IV. Склонение существительных с основой на *-ū подверглось сильному воздействию со стороны склонений на *-й и на *-ā. Под влиянием склонения с основой на *-й с древнейших пор были образованы формы твор. пад. ед. ч., им. и вин. пад. мн. ч.: црькькыж, кекрькыж (-нж); црькьки, кекрькьки и т. д. Под влиянием этих же основ (типа когть) в род. и местн. пад. ед. ч. начинают употребляться формы с флексией [-и] вместо (-е): црькьки — Син. пс. 26²/₂₃.

Под влиянием склонения на *-й в дальнейшем форма вин. пад. ед. ч. начинает вытеснять форму им. пад. ед. ч.: кекрькь, црькькь и т. д.

В образовании формы дат., твор. и местн. пад. мн. ч. и дат.-твор. пад. дв. ч. с древних пор сказалось влияние склонения существительных с основой на *-ā: кекрькама, кекрьками, кекрькахъ, кекрькама.

Таким образом, материал старославянских памятников показывает, что старый тип деления слов на склонения по тематическому суффиксу разрушается, и в основу такого подразделения кладется уже грамматический род. Благодаря этому происходит перегруппировка типов склонений, и основную роль при объединении слов в такие типы начинает играть грамматический род.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФЛЕКСИЙ

Выше отмечалось, что тематическая структура имен существительных в старославянском языке уже не прослеживается во всех падежных формах, что в ряде случаев она затемнена и что ее во всех типах склонения всегда можно обнаружить только в формах дат. пад. мн. ч. и дат.-твор. пад. дв. ч. Кроме того, в каждом типе склонения выделяются еще и другие падежные формы, где также видна тематическая структура слова. В ряде же падежных форм произошло переразложение основы существительных, и тематический гласный отошел к флексии.

Что же представляют по своему происхождению флексии существительных в старославянском языке?¹

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 95. Именительный падеж

Исторически многие существительные в данной падежной форме не имели флексий. Так, как показывает материал сравнительной грамматики, не имели флексии все существительные с основой на *-ā и существительные с основой на согласный.

Слова типа страна, земля оканчивались в общеславянском языке на тематический гласный основы, который в старославянском языке в данной падежной форме выступает уже как окончание.

Существительное камни (род. пад. кам-ен-е) в доисторическую пору обладало суффиксом и в им. пад. Но этим суффиксом был не [-en], а [-on], т. е. [kam-on]. В таком виде это слово существовало до тех пор, пока не получило по аналогии с другими существительными окончания [-s]: *kamons. Гласный [o] в конечном слоге подвергся усиленной лабиализации и переходил в [u]. Под влиянием группы согласных [ns] в конечном слоге происходило удлинение предшествующего гласного, а [u] > [y]. В связи с действием закона открытого слога конечные согласные утрачивались. Следовательно, *kamons > kamūns > kamū > каму².

Существительное сѣмя < *sēm-ēn (род. пад. сѣм-ен-е). Окончание [-ē] является видоизмененным тематическим суффиксом, который подвергся монофтонгизации.

Существительное слово < *slov-os (род. пад. слов-єт-е). Гласный [o] в конечном слоге должен был бы сузиться, подвергнуться усиленной лабиализации и дать [ū] > [ъ]. Однако здесь произошло только отпадение конечного согласного [s], а гласный [o] сохра-

¹ По вопросу о происхождении большинства славянских падежных флексий нет единого мнения в лингвистической литературе. Поэтому в излагаемом здесь материале мы будем придерживаться той точки зрения, которая нам кажется наиболее убедительной при объяснении происхождения той или иной падежной флексии.

² Полагают, что исходной формой данного существительного в им. п. ед. ч. являлась kamōn > kamūn > (kamū) > kamū > каму.

нился без изменения. Считают, что на сохранение этого гласного оказали известную роль местоимения типа то, оно.

Существительное мати < *ma-tēr (род. пад. мат-єр-е). После отпадения согласного [r] [ē] должно было бы измениться в [ĕ] (ѣ), однако здесь возникла флексия [i], происхождение которой в достаточной степени не выяснено. По мнению некоторых ученых, на это [ē] падало нисходящее ударение, вследствие чего [ē] > [i].

Самой распространенной флексией им. пад. ед. ч. в общеславянский период была флексия [-s]. Ее имели существительные с основой на *-ō, *-ī, *-ū, *-ū;

*-ō: { рабъ < *orb-ō-s > orbūs > rabъ;
конь < *konj-ō-s > konjūs > konjъ > kon'ъ;
*-ī: { гость < *gost-ī-s > gostī > gostъ;
кость < *kost-ī-s > kostī > kostъ;
*-ū; сынъ < *sūn-ū-s > sūnū > synъ;
*-ū: сѣкрь < *svekr-ū-s > svekrū > svekry.

Таким образом, все эти существительные теряли согласный [-s], выступавший в общеславянское время как падежная флексия. Поэтому та флексия, которая представлена в ст.-слав. языке, является видоизменением тематического гласного.

Существительные ср. р. типа село, поле имели флексию, одинаковую для им. и вин. пад. [-n(m)]. Носовой согласный по закону открытого слога отпадал в конце слова, а гласный [o] должен был сузиться, подвергнуться усиленной лабиализации и дать [ъ] ([ō] > [ū] > [ъ]). Но этого не произошло под влиянием местоименных форм типа то, оно.

§ 96. Родительный падеж

Для данного падежа исконно была типична флексия [-es] или [-s]. Сами падежные формы отличались друг от друга не только флексиями, но и чередованием тематического гласного.

У существительных с основой на согласный и на *-ū в качестве флексии выступало [-es]:

камене < *kam-en-es > kamene;
сѣкрьє < *svekr-ū-es > svekr-ū-є-es > svekrъє.

У существительных с основой на *-ī и *-ū флексия выступала в виде [-s]:

*-ī { гости < *gost-ej-s, } Тематический гласный выступал здесь
кости < *kost-ej-s; } на стадии дифтонга. Монофтонгизи-
*-ū: сыноу < *sūn-ou-s. } руюсь, дифтонг [ej] > [i], а [ou] > [u].
Согласный [s] утратился по закону
открытого слога.

У существительных с основой на *-ō присоединялось окончание [-s], а тематический гласный получал долготу:

раба < *orb-ō-s > raba;
сѣла < *sel-ō-s > sela.

Однако наряду с этим существуют и другие точки зрения на происхождение флексии род. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ō.

Не вполне ясно происхождение флексии род. пад. у существительных с основой на *-ā. Наличие гласного [-у]-ы свидетельствует об изменении гласного [о] более раннего времени. Гласный же [о] выступал в данном случае на месте [ǎ]. Усиление лабиального элемента в гласном [о] было вызвано тем, что за ним следовал носовой согласный. Кроме того, произошло удлинение гласного вследствие того, что после него находилось сочетание [ns], которое утрачивалось в конце слова:

*gorans > gorons > gorūns > gorū > gory (ст.-слав. горы).

После мягкого согласного в южнославянских языках было окончание [-e] -а, так же указывающее на носовой элемент в этой форме, т. е. на [ns]. В языках восточнославянских и западнославянских у имен с мягким согласным в основе на положении флексии выступал гласный [-ě]-ѣ: [vol'ě] волѣ, неясный в своем происхождении.

§ 97. Дательный падеж

Окончанием данной формы в общеславянском языке было [*-i]. Оно было характерно для существительных с основой на согласный, на *-ū, *-ŭ, *-i, *-ā:

камени < *kam-en-i > kameni.

Здесь окончание [-i] является сохранившейся старой флексией.

У существительных с основой на *-ŭ хорошо сохранилась старая тематическая структура: сынови < *sŭn-ou-i > synovi (тематический гласный выступал здесь на стадии дифтонга).

У существительных с основой на *-ā наблюдалось следующее: странѣ < *storn-ā-i. На конце слова развивался дифтонг [ai], который, монофтонгизируясь, давал [ě] (дифтонги [ai] и [oi] на славянской почве, как известно, давали один и тот же результат при монофтонгизации). Гласный [ě] после мягких согласных чередовался с [i], т. к. [oi] после мягких переходил в [ei], который, монофтонгизируясь, давал [i] (земли). Следовательно, ст.-слав. флексия [-ě]-ѣ и [-i]-и в дат. пад. ед. ч. у существительных с основой *-ā представляет собой результат слияния бывшего тематического гласного и флексии.

Сам старославянский язык имеет указание на дифтонгическое происхождение гласного [ě] в форме дат. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ā. Это подтверждает наличие палатализации в словах, у которых в корне употреблялся задненебный согласный:

рѣцѣ < *ropk-ā-i, нозѣ < *nog-ā-i.

Не вполне ясно происхождение формы дат. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ō.

У существительных с основой на *-i, по-видимому, в данной падежной форме отсутствовала особая падежная флексия, а тематический суффикс был представлен на стадии дифтонга: гостѣ < *gost-ei > gosti.

§ 98. Винительный падеж

Давним признаком формы вин. пад. ед. ч. во всех индоевропейских языках, в том числе и в славянской языковой группе, был носовой согласный [*-n (*-m)]:

*-ō: рабѣ < *orb-ō-n > orbŭn > orbŭ > rabъ;
 *-ŭ: сынѣ < *sŭn-ŭ-n > sŭnŭ > synъ;
 *-i { гостѣ < *gost-i-n > gosti > gostь;
 когѣ < *kost-i-n > kosti > kostь;
 *-ā: странѣ < *storn-ā-m > stranŭ.

Таким образом, в большинстве форм, за исключением последней, происходило отпадение конечного носового согласного, а предшествовавший ему гласный суживался и давал [ъ] или [ь].

У существительных с основой на *-ā в конце слова возникло дифтонгическое сочетание с долгой слоговой частью, которое, монофтонгизируясь, давало [ŏ].

Следовательно, флексия вин. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ō, *-ŭ, *-i в старославянском языке представляет видоизменение бывшего тематического гласного, а у существительных с основой на *-ā — результат изменения бывшего тематического гласного и флексии.

В словах типа камы, мати — вин. пад. ед. ч. камень, мать — конечный носовой согласный присоединялся к предшествующему согласному основы и развивал слоговость: kam-en-ŋ. Но слоговые носовые согласные [ŋ] и [ŋ] не удержались у славян. Утрата слоговости шла за счет развития краткого гласного [i] перед слоговым носовым согласным: kam-en-ŋm, а сочетание [ŋm] в конце слова давало у славян редуцированный [ь].

§ 99. Творительный падеж

Довольно широко в данной падежной форме у славян в доисторический период было представлено окончание [-mi]:

*-ō: рабомь < *orb-ō-mi > rabomь;
 *-i: гостьмь < *gost-i-mi > gostьмь;
 *-ŭ: сынзмь < *sŭn-ŭ-mi > synьмь.

Таким образом, все эти формы представляют сохранение старой тематической структуры слова и старой флексии.

Некоторое новообразование представлено в словах с основой на согласный звук: камень-мь < *kamenimi. Редуцированный [ь] между согласными [n] и [m] появился здесь в результате древнейшего воздействия основ на *-i и представляет собой тематический гласный *-i, перенесенный в основы на согласный из форм типа гостьмь.

Лишь формы существительных женского рода типа странѣж, землѣж, когѣж, матѣж, скѣрѣжкѣж не поддаются сравнению с дру-

гими индоевропейскими языками. Предполагают, что эти формы не являются первоначальными и обусловлены влиянием местоименного склонения.

§ 100. Местный падеж

В ряде случаев форма местного падежа не имела особого окончания. Это наблюдается в склонениях с основой на *-i и на *-i:

*-i: { гостѣ < *gost-ej } Тематический гласный был представлен
 { ногѣ < *kost-ej } здесь на стадии дифтонга, который моно-
 *-i: { гыноу < *sūn-ou } фонгизировался в конце слова, причем
 [ei] > [i], [ou] > [u].

Следовательно, старославянская флексия в этих формах представляет собой результат изменения на славянской почве бывшего тематического гласного.

Существительные с основой на *-ā и *-ō в доисторический период имели флексию [*-i], перед которой выступал тематический гласный:

странѣ < *storn-ā-i > stornaj > straně;
 рабѣ < *orb-ō-i > orboj > rabě.

(Звук [i] после гласного в конце слова становился неслоговым.

Возникали дифтонги [aj] и [oj], которые, монофтонгизуясь, дали [ě]. После мягкого согласного вместо [ě] выступает [i], т. к. [oj] > [ei] > [i]. Например, коиѣ, землѣ).

Подтверждением того, что [ě], возникавший в конце слова у существительных с основой на *-ā и *-ō, был по происхождению из дифтонга [aj] или [oj], служат те существительные, у которых в основе употреблялся задненебный согласный, подвергавшийся в этой падежной форме перед гласным [ě] палатализации: рѣжа — рѣжѣ, нога — ногѣ, крагъ — крагѣ, оученикъ — оученичѣ и т. д.

Следовательно, старославянская флексия местного падежа у существительных с основой на *-ā и *-ō представляет собой результат изменения бывшего тематического гласного и старой флексии.

Местный падеж у существительных с основой на согласный представляет, по-видимому, чистую основу, осложненную частицей пространственного значения [-ēn] (отсюда фонетически у славян возникает [e]). Это [-en] можно встретить и в древних италийских языках, где оно, примыкая к падежной форме, обозначало место.

На славянской почве [-e] < [en] стабилизировалось уже как падежное окончание.

§ 101. Звательная форма

Особые звательные формы имеются только в склонениях с основой на *-ā и на *-ō. Они образовались путем чередования тематического гласного при отсутствии флексии в данной форме: [a]/[o], [o]/[e]:

*-ā: страна — страно, земля — землю (гласный [o] после мягкого согласного фонетически закономерно переходит в [e]);

*-ō: рабъ < *orb-ō-s — рабѣ.

Исключение составляет форма существительных мужского рода с основой на *-jō: коню, которая издавна имела окончание [-u], как и в словах с основой на *-i, и была получена, по-видимому, под влиянием склонения с основой на *-i.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 102. Именительный падеж

Флексией им. пад. мн. ч. в индоевропейском языке-основе являлось [-*ēs]. Конечное [-*s] у славян утратилось по закону открытого слога и сохранилось только одно [-e]. Подобная флексия представлена в склонении существительных муж. р. с основой на согласный, на *-i и на *-i:

камене < *kam-en-es > kamene;
 гостѣ < *gost-ej-es > gost-ы-ес > gostыѣ (= gostыje) > gostije;
 гынове < *sūn-ou-es > sūnoves > synove.

Существительные муж. р. с основой на *-ō имеют в старославянском языке флексию [-i], которая восходит к дифтонгу [oi] (ср. греч. lúkoí):

раби < *orb-o-i > orboj > rabě.

(Конечный [i] после гласного становился неслоговым, возникал дифтонг [oi], который, монофтонгизуясь, при нисходящей интонации давал у славян гласный [i]).

То, что эта ст.-слав. флексия [i] восходит к [oi], подтверждают такие слова, у которых в корне употреблялся задненебный согласный, подвергшийся в позиции перед этим [i] палатализации:

отроци < *otrok-o-i,
 друзи < *drug-o-i,
 доуци < *duch-o-i.

Существительные с основой на *-ā имели в старославянском языке в им. пад. мн. ч. окончания [-y] -ы и [-'e] -ѣ: страны, земля.

Ряд ученых предполагает, что по своему происхождению это формы вин. пад. мн. ч.

Аналогичная картина наблюдается и у существительных жен. р. с основой на согласный, на *-i и на *-i, которые представляют форму старого винительного падежа: матери, ногѣ, сверзкѣ.

Существительные ср. р. имеют в старославянском языке во мн. ч. в формах им.-вин. пад. флексию [a]: села, поля. Эта флексия восходит к индоевропейскому [a] с собирательным значением. Позднее данная флексия распространилась на все существительные среднего рода: लोकѣга, имена, телата.

§ 103. Родительный падеж

Индоевропейские языки показывают, что род. пад. мн. ч. имел флексию [-*ōn (-*ōm)], произносившуюся при нисходящей интонации (ср. греч. theōn — θεῶν), что на славянской почве приводило к со-

кращению долготы звуков. Отсюда у славян [-on], а из [on] > [ъ] (лабиализация и сужение [o] > [u] > [ъ], утрата носового качества):

равъ < *orb-ō-ōn > orb-ō-ōn > orbōn > orbūn > rabъ.

Здесь могла бы возникнуть вторичная долгота звука в результате ассимиляции тематического гласного с гласным окончанием. Но нисходящая интонация приводила и в данном случае к сокращению долготы гласного, к усилению его лабиализации и возникновению редуцированного [ъ].

Немного сложнее происхождение ст.-слав. флексии род. пад. мн. ч. у существительных с основой на -*ī и на -*ū:

-*ī: гогти < *gost-ĕj-ōn > gost-ĕj-ōn > gost-ъj-ōn > gost-ъj-ūn > gostъjъ (= gostъjъ) > gostъjъ > gostī > gostīi;
-*ū: сынъ < *sūn-ō-ōn > sūn-ō-ōn > sūnovūn > synovъ.

Таким образом, у существительных с основой на -*ī и на -*ū тематический гласный в форме род. пад. мн. ч. выступал на стадии дифтонга.

Однако не все ученые считают, что древнейшая флексия род. пад. мн. ч. у славян восходит к [-ōn (-ōm)]. При этом они ссылаются на то, что имеются индоевропейские языки, в которых указанные формы кончаются слогом с кратким гласным. Например, в др.-прусском языке флексией является [-an], а всякое [an] давало у славян [on].

§ 104. Дательный падеж

В дат. пад. мн. ч. прекрасно сохранилась в славянских языках старая тематическая структура слова. Но само окончание [-mъ] -mъ не находит себе единого объяснения. Ряд ученых возводит это окончание к [-*mus], сохранившемуся в др.-лит. языке. Другие ученые возводят к окончанию [-*mos], опираясь при этом на данные др.-инд. языка:

-*ā: стран-а-мъ < *storn-ā-mūs;
-*ō: рав-о-мъ < *orb-ō-mūs;
-*ī: гогт-ь-мъ < *gost-ī-mūs и т. д.

§ 105. Винительный падеж

Признаком вин. пад. мн. ч. в индоевропейском языке-основе было окончание [-*ns]:

-*ō: { равъ < *orb-o-ns > orbuns > (orbū) > orbū > raby;
 конѧ < *konj-o-ns > konjens < konjē > kon'ę;
-*ū: сыны < *sūn-ū-ns > (sūnū) > sūnū > syny;
-*ī: гогти < *gost-ī-ns > gostī > gostī.

То же сочетание [*ns] выступало в этой падежной форме и у существительных муж. и жен. р. с основой на согласный. Носовой согласный [n], оказавшись в позиции между двумя согласными (так же как и в конце слова после согласного), был носителем слога — [n]. На славянской почве вместо слогового [n] развивалось сочетание [in]:

камѧ < *kam-en-ns > kam-en-ns > kamenins > kamenīns > [kamenīns] > kamenī.

Что касается происхождения флексий у существительных с основой на -*ā (страны, земля), то данные формы не имеют общепризнанного объяснения. Но несомненно, что и здесь также выступала флексия [-*ns].

§ 106. Творительный падеж

В большинстве случаев в данной падежной форме в старославянском языке выступает окончание [-mī] -ми: странами, костъми, сынъми, камѧми и т. д. Это окончание может восходить к [-*mis], на которое указывает литовский язык.

В основах на -*ō окончания твор. пад. мн. ч. в старославянском языке своеобразны и выступают в виде [-у] -ы и [-i] -и: рабы, кони, сѧлы, поли. Эти окончания не имеют общепризнанного объяснения. Ряд индоевропейских языков указывает на наличие здесь флексии [-*ois].

Чешский лингвист О. Гуйер так объясняет эти формы: первоначально из [-*ois] в мягких основах фонетически получилось [-i] (konjois > konjeis > kon'i, ст.-слав. кони). В твердых основах этому [-i] могло соответствовать только [-у] -ы: рабы.

§ 107. Местный падеж

Данный падеж имел в индоевропейском языке-основе флексию [-*sū]. На славянской почве она пережила качественное изменение в своем звучании: согласный [s] после и.-е. звуков [i], [u], [r], [k] переходил в [ch]. Поэтому в соответствии с [-*sū] у славян представлена флексия [-chъ], которая и употребляется в старославянском языке:

гостъхъ < *gost-ī-sū > gostъchъ;
сынъхъ < *sūn-ū-sū > synъchъ;
равъхъ < *orb-oj-sū > raběchъ и т. д.

Считают, что в формах равъхъ и конихъ гласные [ĕ] ѣ и [i] и (по происхождению из [oj]) возникли по аналогии с единственным числом. Ср. равъ < *orbōj, кони < *konjoj.

У существительных с основой на -*ā окончание [-chъ] возникло по аналогии с формами местн. пад. мн. ч. других основ:

странахъ < *storn-ā-sū. Ср. костъхъ < *kost-ī-sū.

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 108. Им.-вин.-зват. падеж

Чаще всего данная форма образовывалась без особого окончания, путем удлинения тематического гласного:

-*ō: раба < *orb-ō > raba;
-*ī: гогти < *gost-ī > gosti;
-*ū: сыны < *sūn-ū > syny.

В основах на *-*ā* и *у* существительных ср. р. с основой на *-*ō* в старославянском языке представлено окончание *[-ě]* *-ѣ* и *[-i]* *-и*: *странѣ, землѣ, гелѣ, полѣ*.

Эти окончания возникли из дифтонга *[oi]* (*ai*) (ср. *ржцѣ* от *ржка*). На наличие здесь дифтонга *[oi]* (или *[ai]*) указывает ряд индоевропейских языков.

Гласный *[i]* возник из дифтонга *[oi]*, изменившегося после мягкого согласного в *[ei]*: *[oi] > [ei] > [i]*.

Существительные ср. р. с основой на согласный получили окончание *[-ě]* *ѣ* под влиянием основ на *-*ō*. Что касается форм существительных муж. и жен. р. с основой на согласный, то они точно не разъяснены, но считают, что они образованы под влиянием существительных с основой на *-*i*.

§ 109. Родительный-местный падеж

Для данной падежной формы следует указать в индоевропейском языке-основе флексию *[-*ou]*, которая на славянском почве фонетически закономерно давала флексию *[-u]* *-у*. Она и встречается в старославянском языке:

рабоу < **orb-o-ou* > *orbōu* > *rabu*;
гостю < **gost-ej-ou* > *gostyj-ou* > *gostiju* (= *gostiju*);
сыноу < **sūn-ou-ou* > *sūnovu* > *synovu* и т. д.

§ 110. Дательный-творительный падеж

В этой форме в старославянском языке представлена флексия *[-ma]* *-ма*, перед которой сохранился тематический согласный основы. Например: *рабома, странама, гостьма, сызма* и т. д. Однако происхождение этой флексии не вполне ясно.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 111. В старославянском языке различались личные, возвратное, указательные, притяжательные, вопросительные, определительные, неопределенные и относительные местоимения.

Местоименное склонение противостояло именному склонению. В нем различалось склонение личных и склонение неличных местоимений.

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 112. В данном типе следует различать склонение местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения. В старославянском языке не было местоимения 3-го лица, и в его значении выступали указательные местоимения.

В отличие от существительных личные местоимения не различали категории рода. Характерной особенностью их являлось то, что при склонении личных местоимений в разных падежных формах выступали разные основы.

Единственное число			
Им.	азъ	ты	<i>б. ж. г.</i>
Род.	мене	тебе	себе
Дат.	мнѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ, си
Вин.	ма, мене	та, тебе	са, себе
Твор.	мною	тобою	собою
Местн.	мнѣ	тебѣ	себѣ

Множественное число			Двойственное число		
Им.	мы	вы	Им.	кѣ	ка
Род.	насъ	васъ	Вин.	на, ны	ка, вы
Дат.	намъ, ны	вамъ, вы	Род.-местн.	наю	каю
Вин.	ны, насъ	вы, васъ	Дат.-твор.	нама	кама
Твор.	нами	вами			
Местн.	насъ	васъ			

При изучении склонения местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного местоимения следует обратить внимание на следующее:

1. Формы местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного местоимения в дат. пад. ед. и мн. ч. (*ми, ти, си, ны, вы*) являются энклитическими, т. е. такими формами, которые в отношении ударения примыкали к предшествующему слову. При этом гласный в этих формах был по происхождению из дифтонга *[oi]* (ср. в греч. яз. *moi, toi, Foi*). Например, *даждь ти ги по рождцю твоєму* — Син. пс. 23^a/₈; *взгл. лю-рогаша ми са* — Син. пс. 25^a/₈; (*взлюбивиши*) *влюбнаго си* — Сав. кн., Мф. V, 43.

2. Формы вин. пад. ед. ч. *ма, та, са* — давнего происхождения (при этом *[e]* < *[ēn (ēm)]*). Ср. др.-прус. *mien, tien, sien*). Данные формы не употреблялись как энклитики и сохраняли самобытное значение в отношении ударения. Например, *и ма единого оставите* — Ас. ев., Сав. кн., Ио. XVI, 32 (*мене* — Зограф. ев., Мар. ев., Сав. кн.); *на та оупькаша отъци наши* — Син. пс. 25^a/₈; *и отъ взстажштѣиуъ на ма къзнесеши ма: отъ мажа неправедна избаки ма* — Син. пс. 21^a/₄₉.

Наряду с этими формами в значении вин. пад. ед. ч. встречаются и формы род. пад.: *мене, тебе, себе*.

Аналогичная картина наблюдается и в форме вин. пад. мн. ч., где употребляются не только старые формы *ны, вы*, но и формы род. пад. *насъ, васъ*. Например, *и вы иждѣятъ* — Ас. ев., Ио. XV, 20 (*васъ* — Мар. ев., Зограф. ев., Сав. кн.); *пришелъ ли еси сѣмо прѣжде времене мжитъ насъ* — Зограф. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 29; *аште изго-ниши ны поели намъ...* Зограф. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 31; *ги си црѣ-и оуглыши ны* — Син. пс. 23^b/₁₀.

Однако с предлогами обычно употребляются сокращенные формы: *на ма, на ны, на та, прѣдъ ма* и т. д.

3. В Киевском миссале вместо им. пад. мн. ч. от местоимения 1-го л. мы встречается форма *мы* (шесть примеров), представляющая собой старый вин. пад. и осмысленная как форма им. пад., по-видимому, под влиянием форм им.-вин. пад. от местоимения 2-го л. *мы*.

4. В Синайской псалтыри и особенно в Синайском требнике господствующей формой от местоимения 1-го л. в род. пад. ед. ч. является *мнѣ* вместо *мынѣ*. Предполагают, что эта форма была получена из моравского языка.

СКЛОНЕНИЕ НЕЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Неличные местоимения были очень развиты в старославянском языке.

Среди них можно выделить местоимения, различающие род и число, и местоимения, не различающие рода и числа. Неличные местоимения различают в своем склонении два варианта: твердый и мягкий.

Местоимения, различающие род и число

§ 113. По твердому варианту склонения изменялись такие местоимения, как *тх*, -о, -а; *окх*, -о, -а; *онх*, -о, -а (указательные); *такх*, -о, -а, *какх*, -о, -а, *пакх*, -о, -а, *быпакх*, -о, -а, *гикх*, -о, -а, *галих*, -о, -а (определятельные); *инх*, -о, -а, *нѣкх*, -о, -а (неопределенные) и т. д.

По мягкому варианту изменялись указательные местоимения *ѣ* (ѣи), *ѣ*, *и*; *и(жѣ)*, *и(жѣ)*, *и(жѣ)*; притяжательные *мои*, -ѣ, -ѣ; *твои*, -ѣ, -ѣ; *ѣи*, -ѣ, -ѣ; *кашь*, -ѣ, -ѣ; *нашь*, -ѣ, -ѣ; вопросительные *чи*, -ѣ, -ѣ и т. д.

Образец склонения

	Единственное число					
	муж. р.	ср. р.	ж. р.	муж. р.	ср. р.	ж. р.
Им.	тх	то	та	и(жѣ)	и(жѣ)	и(жѣ)
Род.	того	того	того	ѣго	ѣго	ѣго
Дат.	тому	тои	тои	ѣмоу	ѣмоу	ѣи
Вин.	тх	то	та	и	ѣ	ѣ
Твор.	тѣмь	тоѣ	тоѣ	имь	ѣѣ	ѣѣ
Местн.	томь	тои	тои	ѣмь	ѣи	ѣи

	Множественное число					
	ти	та	ты	(ижѣ)	(ижѣ)	(ижѣ)
Им.	ти	та	ты	(ижѣ)	(ижѣ)	(ижѣ)
Род.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	нѣхъ	нѣхъ	нѣхъ
Дат.	тѣмъ	тѣмъ	тѣмъ	имъ	имъ	имъ
Вин.	ты	та	ты	ѣ	ѣ	ѣ
Твор.	тѣми	тѣми	тѣми	имѣ	имѣ	имѣ
Местн.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	нѣхъ	нѣхъ	нѣхъ

Двойственное число

Им.-вин.	та	тѣ	тѣ	(ижѣ)	(ижѣ)	(ѣжѣ)
Род.-местн.	тоу			ѣю		
Дат.-твор.	тѣма			има		

Примечания:

1. Когда-то указательное местоимение (мягкий вариант) имело в им. пад. ед. ч. вид *i < jь, *i[je], *i[ja]. В старославянском языке это местоимение в таком виде не сохранилось и встречается в им. пад. ед. ч. только в сочетании с частицей *же*: *иже*, *иже*, *иже*. Но в сочетании с частицей *же* данное местоимение получило значение относительного „который, -ое, -ая“.

Аналогичная картина наблюдается в им. пад. мн. ч. и им. пад. дв. ч. 2. В вин. пад. ед. ч. муж. р. вместо формы *i < jь после предлога употреблялась форма *иъ* [p'ъ]: *на иъ*, *въ иъ* [v'ъ + jь > v'ъp'ъ].

Указательные местоимения в старославянском языке в ряде случаев выполняли функцию отсутствующего личного местоимения 3-го л. Обычно в значении им. пад. для местоимения 3-го л. выступало указательное местоимение *онх*, -о, -а, которое во всех других случаях сохраняло свое основное значение: *онх же отхъже ѣ прѣдъ къѣми глѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XXV, 70; *по инхъ иде инхъ на онхъ полхъ морѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. VI, 1.

В косвенных падежах для выражения лица брались соответствующие формы от указательных местоимений *и(жѣ)*, *и(жѣ)*, *и(жѣ)*: *и мизного пачѣ кѣрокаша за глаго его* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. IV, 41; *питѣниѣ инхъ оумножи стада инхъ многоплодна сътвори* — Син. тр. 15⁶/₁₅₋₁₇; *тѣгда заплькаша лице его ꙗ пакости емоу дѣша* — Мар. ев., Зогр. ев., Мф. XXVI, 67.

Употребление данных падежных форм с частицей *же* придавало местоимению определятельное значение: *... плоды ѣже еси далъ намъ инхъже сънидоша ѣ раби твои жатъ* — Син. тр. 12⁶/₂₃₋₂₅; *... дошѣды на гровъ ꙗз негоже къшеѣхъ еси на нѣга* — Син. тр. 39^а/₂₂₋₂₄.

§ 114. Определительное местоимение *къѣ* имело смешанный тип склонения, где соединялись особенности твердого и мягкого варианта.

	Единственное число			Множественное число		
	Им.	къѣ	къѣ	къѣ	къѣ	къѣ
Им.	къѣ	къѣ	къѣ	къѣ	къѣ	къѣ
Род.	къѣго	къѣго	къѣго	къѣхъ	къѣхъ	къѣхъ
Дат.	къѣмоу	къѣи	къѣи	къѣмъ	къѣмъ	къѣмъ
Вин.	къѣ	къѣ	къѣ	къѣ	къѣ	къѣ
Твор.	къѣмь	къѣѣ	къѣѣ	къѣми	къѣми	къѣми
Местн.	къѣмь	къѣи	къѣи	къѣхъ	къѣхъ	къѣхъ

Чередование мягкого и твердого варианта в склонении данного местоимения объясняется следующим. Старой основой данного местоимения является основа *vīso- (ср. лит. *visas*). Отсюда сла-

вянские языки фонетически закономерно имеют основу *вьcho-* (где [ch] восходит к [s], изменившемуся в [ch] после гласного [i]). Сogласный [ch] в этой основе после гласного [ь] палатализовался и изменился в мягкий [s'], после которого гласный заднего ряда передвинулся в передний ряд. В результате возникла основа *вь's'e-*. А отсюда появились уже формы типа *вь's'ego* < *вь's'hogo*, *вь's'emu* и т. д., т. е. возникали такие формы, которые изменялись по мягкому варианту склонения.

Что касается форм, образованных по твердому варианту склонения, то здесь происходило следующее (разберем это на форме твор. пад. ед. ч.): *вьcho-имъ* > *вьchoimъ* > *вь's'имъ* (гласный [i] в позиции после другого гласного становился неслоговым, возникал дифтонг [oi], который, монофтонгизируясь, давал [ë], а согласный [ch] перед этим [ë] палатализовался и изменился в [s']). Аналогичное явление наблюдается в формах род., дат., твор. и местн. пад. мн. ч.

§ 115. Вопросительное местоимение *кьи* издавна имело падежные формы разного образования: одни от основы *које-*, другие — по типу сложных прилагательных.

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
Им.	кьи кое кага	ции кага кыга	Им.-вин. — — цѣи
Род.	кояго кояга	кынух	Дат.-твор. кыима
Дат.	коямоу коени	кыимз	
Вин.	кьи кое кога, кѣга кыга кага кыга		
Твор.	кыимъ кояга	кыими	
Местн.	кояемъ коени	кыиух	

Для двойственного числа засвидетельствована только форма вин. пад. жен. р. и твор. пад. Обе формы встречаются в Супрасльской рукописи (первая — Супр. 431₁₉, вторая — Супр. 40₁₀). Наряду с местоимением *кьи* употребляется местоимение *катори*; *катори же отх кагз* — Мар. ев., Зопр. ев., Ас. ев., Лук. XVII, 7; *катораго отх гедми...* Мар. ев., Мф. XXII, 28.

В Супрасльской рукописи встречаются также формы от вопросительного местоимения *кьи* в значении относительного местоимения наряду с *иже*: *ни гами циі сътвориша ідолы отъ нѣа* — 485₁₂; *ворѣца прѣдпльчныма ции напльнѣатъ трѣтѣ* — 93₂₇₋₂₉.

МЕСТОИМЕНІЯ, НЕ РАЗЛИЧАЮЩИЕ РОДА И ЧИСЛА

§ 116. К числу этих местоимений относились вопросительные местоимения *ккто* и *что*. Первое из них изменялось по твердому варианту склонения, а второе — по мягкому.

Им.	ккто	что
Род.	кого	чего, чьго, чегого, чьгого

Дат.	комуу	чегомуу, чьгомуу, чемуу
Вин.	кого	что
Твор.	кѣмь	чимь
Местн.	комь	чемь чегомь

При этом слéдует обратить внимание на следующее:

1. Форма твор. пад. *кѣмь* возникла из **ко-имъ* > *коимъ* > *с'еть*. (Дифтонг [oi], монофтонгизируясь, давал гласный [ë], перед которым заднеязычный согласный [к] подвергался смягчению, т. е. палатализовался, изменяясь в [с'].)

2. У местоимения *ккто* в значении вин. пад. издавна выступала форма род. пад. *кого*.

3. В форме род. пад. *чего* сохранилась древняя индоевропейская флексия [*-so].

Форма род. пад. *чьго* является новообразованием, проникшим в старославянский язык из речи моравян и возникшим, как предполагают, из формы *чего* при быстром темпе речи путем ослабления безударного [e] или вследствие подражания [ь] в форме *что*.

В дальнейшем форма *чьго* или *чьго* стала восприниматься как основа и начала оформляться падежными окончаниями. Таково происхождение форм *чегого* (*чьгого*), *чегомуу* (*чьгомуу*), *чемь*.

4. Сочетание местоимений *ккто* и *что* с *нѣ* в начале слова приводило к образованию неопределенных местоимений: *нѣккто*, *нѣчто*, а соединение местоимений *ккто* и *что* с отрицанием *ни* — к образованию отрицательных местоимений *никкто*, *ничто*.

К отрицательным местоимениям очень часто присоединялась частица *же*: *никктоже*, *ничтоже*. Если эти неопределенные или отрицательные местоимения употреблялись с предлогами, то предлог всегда ставился после *нѣ*- и *ни*:- *нѣ отх кого*, *ни о комь же*, *ни о чемь же*, *ни кх комуу же* и т. д.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 117. Прилагательные, употреблявшиеся в старославянском языке, по своему значению могли быть качественными, относительными и притяжательными.

При образовании прилагательных в зависимости от их значения использовались следующие суффиксы:

① Качественные прилагательные могли быть образованы посредством суффиксов:

а) *-о* (который в им. пад. ед. ч. у прилагательных муж. р. выступает в виде *-ь*): *глоуухъ* — твор. пад. ед. ч. *глоуух-о-мь* (ср. *огахнжти*), *гоухъ* — твор. пад. ед. ч. *гоух-о-мь* (ср. *схнжти*), *сѣпъ* — твор. пад. ед. ч. *сѣп-о-мь* (ср. *огапнжти*) и т. д.

б) *-окъ*, *-ькъ*, *-ькъ*: *высокъ* (ср. *кызкыити га*), *жестокъ* (ср. *жегтити*), *главокъ* (ср. *главина*), *гладъкъ* (ср. *гладити*), *сладъкъ* (ср. *насладити*), *кротъкъ* (ср. *кротогтъ*), *тажъкъ* (ср. *отажати*) и т. д.

в) -лѣ, -елѣ, -ѣлъ: крѣглѣ (ср. крѣгъ), кыселѣ (кыселѣти), кѣтълѣ (ср. кѣтъгъ, кѣтътити) и т. д.

② Относительные прилагательные в основном образовались посредством следующих суффиксов:

а) -ѣпъ: кѣрѣпъ (ср. кѣра), врачѣпъ (ср. врачъ), законѣпъ (ср. законъ), црѣкѣпъ (ср. црѣкы, род. пад. ед. ч. црѣкѣке), истинѣпъ (ср. истина), чыстѣпъ (ср. чыстѣ) и т. д.

б) -ѣпъ < ѣпъ (или *-апъ): дрѣвѣпъ (ср. дрѣво), кожанѣпъ (ср. кожа), можданѣпъ [moždanъ] < mozgѣпъ (ср. мозгъ), класѣпъ (ср. класъ) и т. д.

в) -итѣ, -овитѣ: масѣтѣпъ (ср. масѣтѣ), именѣтѣпъ (ср. имя, род. пад. ед. ч. имени), домоѣтѣпъ (ср. домъ), плодоѣтѣпъ (ср. плодъ).

г) -атѣ: крилатѣпъ (ср. крило), оугѣтѣпъ (ср. оугѣтѣ).

③ Притяжательные прилагательные образовывались посредством следующих суффиксов:

а) -овъ (-'евъ): краамовъ (ср. краамъ), зминовъ (ср. зми) [zmii] < [zmiŋ], игемоновъ (ср. игемонъ).

б) -ѣпъ > -'ѣ: чловѣчѣ [č'lověč'ь] < č'lověkjь (ср. чловѣкъ), краамѣпъ [avraam'ь] < avraamjь (ср. краамъ), отьчѣ [otč'ь] < otčkjь (ср. отьчѣ < отькъ).

в) -ѣпъ > -ii: вожи [bož'ii] < bogjь (ср. богъ), раѣпъ (ср. рабъ), пыси (ср. пысъ), краѣпъ [vraž'ii] < vrogjь (ср. врагъ).

г) -ипъ: боекодинъ (ср. боекода), готонинъ (ср. готона), голѣпъ (ср. голѣ).

§ 118. Имена прилагательные в старославянском языке выступают в двух видах: **нокъ, нокѣ, нокѣ / и нокѣ (-и), нокѣ, нокѣ**. Прилагательные первого вида называют краткими, именными или нечленными, а прилагательные второго вида — полными, местоименными или членными.

Наличие двух форм прилагательных, краткой и полной, было в прошлом свойственно всем славянским языкам. Однако не все из них сохранили эту характерную для общеславянского языка основу — особенность. Так, западнославянские языки почти полностью утратили краткие формы прилагательных, в восточнославянских (в русском языке) они сохранились только в предикативной функции (как именная часть сказуемого), и только южнославянские языки (и именно сербохорватский и словенский) до сих пор сохраняют в известной мере прежнее соотношение кратких и полных форм прилагательных.

Старославянский язык полнее других отражает исконное соотношение кратких и полных форм прилагательных и дает достаточно ясное представление о их первоначальном значении.

Прилагательные в старославянском языке могли выступать в атрибутивной и предикативной функции.

Краткие и полные формы прилагательных в атрибутивной функции выражали отношения определенности того существительного, к которому относится прилагательное. При этом полная форма указывала на то, что предмет, к которому относилось прилага-

тельное, выделен из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством, индивидуализирован и воспринимается как единственный в своем роде, отличный от множества равных ему по роду. Краткая форма прилагательных чаще всего просто указывала на то или иное свойство (качество) предмета, не давая ему при этом какой-либо дополнительной характеристики. Что касается предикативной функции прилагательных, то во всех случаях в старославянском языке в этой функции достаточно последовательно выступала краткая форма прилагательных.

Краткие прилагательные очень рано распались по категориям рода и в связи с этим получили в своих основах родовые суффиксы: для мужского и среднего рода — *-ō (*-jō), для женского рода — *-ā (*-jā).

Это привело к тому, что краткие прилагательные в старославянском языке изменялись по падежам так же, как и существительные с теми же основами. Следовательно, краткие прилагательные мужского и среднего рода изменялись по типу склонения существительных с основой на *-ō (*-jō); краткие прилагательные женского рода — по типу склонения существительных с основой на *-ā (*-jā).

Флексии кратких прилагательных не зависели от того, к какому типу склонения относилось поясняемое ими существительное. Например:

Ед. ч.	Им.	нокъ	домъ
	Род.	нокѣ	домѣ
	Дат.	нокѣу	домѣу и т. д.

Звательная форма у прилагательных обычно совпадала с формой именительного падежа ед. ч., хотя наряду с этим встречаются формы, где краткие прилагательные муж. р. в ед. ч. получали в зват. форме окончание [-e]. Например, **фарисѣю глепѣ** — Зогр. ев., Мф. XXIII, 26. Однако чаще в звательной форме у прилагательных муж. р. употреблялась форма полного прилагательного в им. падеже: **равѣ ажакѣ** — Зогр. ев., Мф. XVIII, 32; **оучитѣлю влагѣ** — Зогр. ев., Лук. XVIII, 18. Имеются случаи, когда в зват. форме у прилагательных муж. р. одновременно употребляются обе формы: **добры равѣ влагѣ кѣрѣпѣ** — Зогр. ев. XXV, 23 (ср. **добры равѣ влагѣ и кѣрѣпѣ** — Зогр. ев., Мф. XXV, 21), Син. тр. 83^а/₂₋₃.

§ 119. Полные формы прилагательных образовывались путем присоединения к именному прилагательному соответствующей падежной формы от указательного местоимения **и(же), и(же), и(же)**. Однако еще в общеславянском языке — основе соотношение между именным прилагательным и местоимением вследствие различных звуковых изменений и подравниваний сделалось неясным.

В старославянском языке при образовании падежных форм полных прилагательных можно наблюдать следующее:

1. К падежной форме именного прилагательного присоединялась соответствующая падежная форма указательного местоимения:

Муж. р. ед. ч. Им. **нокъ-и** **тзштъ-и**
 Род. **нока-юго** **тзшта-юго**
 Дат. **нокоу-юмоу** **тзштоу-юмоу** и т. д.

2. К падежной форме именного прилагательного присоединялась флексия от указательного местоимения:

Жен. р. ед. ч. Род. **нокы-га** **вм. нокы-юга**
тзшта-га **вм. тзшта-юга**
 Дат. **нокѣи** **вм. нокѣ-юи**
тзшти-и **вм. тзшти-юи** и т. д.

3. К основе именного прилагательного присоединялся соединительный гласный [у] **ы** или [і] **и**, если основа оканчивалась на мягкий согласный, и соответствующая падежная форма от указательного местоимения:

Муж. р. ед. ч. Твор. **нок-ы-имь** **вм. нокымь-имь**, **тзшт-и-имь** **вм. тзштѣмь-имь**;
 Мн. ч. Местн. **нок-ы-ихъ** **вм. нокѣхъ-ихъ**, **тзшт-и-ихъ** **вм. тзштихъ-ихъ** и т. д.

Исключение составляет образование формы полных прилагательных **жен. р.** в твор. пад. ед. ч., где имеется случай неразличения формы кратких и полных прилагательных:

краткое прилагательное **нокѣѣ** **тзштѣѣ**,
 полное прилагательное **нокѣѣѣ** **тзштѣѣѣ**.

§ 120. Образцы склонения полных прилагательных

Единственное число

	муж. р.	ср. р.	ж. р.	муж. р.	ср. р.	ж. р.
Им.-зват.	нокъи(-и)	нокѣѣ	нокага	тзшти(-и)	тзштѣѣ	тзштага
Род.	нокаюго	нокыга		тзштаюго		тзштага
Дат.	нокоуемоу	нокѣи		тзштоуемоу		тзшти
Вин.	нокъи(-и)	нокѣѣ	нокѣѣѣ	тзшти(-и)	тзштѣѣ	тзштѣѣѣ
Твор.	нокыимь	нокѣѣѣ, нокѣѣѣ		тзштиимь		тзштѣѣѣ
Местн.	нокѣимь	нокѣи		тзштиемь		тзшти

Множественное число

Им.	нокыи	нокага	нокыга	тзшти	тзштага	тзштага
Род.	нокыихъ			тзштиихъ		
Дат.	нокыимъ			тзштиимъ		
Вин.	нокыга	нокага	нокыга	тзштага	тзштага	тзштага

Твор. **нокыими** **тзштиими**
 Местн. **нокыихъ** **тзштиихъ**

Двойственное число

Им.-вин. **нокага** **нокѣи** **нокѣи** **тзштага** **тзшти** **тзшти**
 Род.-местн. **нокѣю** **тзштѣю**
 Дат.-твор. **нокыима** **тзштиима**

В дальнейшем в некоторых падежных формах полных прилагательных началось взаимодействие между окончанием именного прилагательного и начальной частью указательного местоимения, приведшее к выработке совершенно своеобразных падежных окончаний.

Так, например, наряду с формой род. ед. **нокаюго** можно встретить формы **нокаюга**, **нокаю**; наряду с формой дат. ед. ч. **нокоуемоу** — форму **нокоуемоу**, **нокоуемоу** и т. д.

Возникновение этих падежных форм явилось следствием утраты [j] в интервокальном положении, ассимиляции гласных и, наконец, их дальнейшего стяжения, т. е.

[aje] > [aɛ] > [aa] > [a], [ije] > [ie] > [ii] > [i],
 [uje] > [ue] > [uu] > [u], [uji] > [yi] > [y].
 [ěje] > [ěe] > [ěě] > [ě]

Однако количественное соотношение между старыми и новыми формами полных прилагательных в разных старославянских памятниках неодинаково даже в одних и тех же падежах. Особенно часты стяженные формы в Саввиной книге.

В ряде старославянских памятников отразился процесс нового образования форм полных прилагательных под влиянием местоимений. Например, **жюго** (Сав. кн.), **влагѣѣрномуу** (Ас. ев.), **нвѣѣрномуу** (Син. тр.), **ѣѣмоу** (л. Ундол.) (ср. **того**, **кого**, **тому**, **кому** и т. п.).

Именно в таком направлении проходил процесс воздействия местоименных форм на формы прилагательных в восточнославянских языках.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ

§ 121. Прилагательные, обозначавшие признак или качество предмета, могли иметь степени сравнения.

Суффиксами сравнительной степени в общеславянском языке-основе являлись **-jъs-** (**-jes-**) и **-ĕ-jъs-** (**-ĕ-jes-**).

Суффиксы **-jъs-** и **-jes-** при образовании сравнительной степени присоединялись к основе тех бессуффиксальных прилагательных, которые имели на корневом слоге **нисходящую интонацию**. При этом суффикс **-jes-** входил в образование основы только для им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. Для всех других форм основа образовывалась с помощью суффикса **-jъs-**.

Например, при образовании им. пад. ед. ч. сравн. степени от прилагательных chudъ, suchъ, moldъ (ст.-слав. *чудъ, сучъ, мльдъ*) наблюдалось chudjъs-, chudjes-; suchjъs-, suchjes-; mol-djъs-, moldjes-.

Конечный согласный [s] по закону открытого слога был утрачен; [j] ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его. В результате в болгарской языковой группе в форме им. пад. ед. ч. ср. рода возникали формы: chudjes > chužd'e (ст.-слав. *чуждѣ*); suchjes > suš'e (ст.-слав. *сущѣ*); moldjes > mlažd'e (ст.-слав. *младѣ*).

К форме им. пад. ед. ч. муж. р. был прибавлен еще гласный [i], по-видимому, под влиянием тех форм сравн. степени муж. р., которые образовывались с помощью суффикса -ĕ-jъs-; например: chudjъs > chužd'ь + i > chužd'ii (ст.-слав. *чужди*) (редуцированный [ь] ассимилировался последующему гласному [i], в результате чего возник редуцированный [i]); suchjъs > suš'ь + i > suš'ii > suš'ii (ст.-слав. *сущи*); moldjъs > mlažd'ь + i > mlažd'ii > mlažd'ii (ст.-слав. *младди*).

В косвенных падежах основа мужского и среднего рода была осложнена суффиксом -*jō. Это привело к тому, что прилагательные в сравн. степени муж. и ср. р. получили те же падежные окончания, что и существительные с основой на -*jō. Например, образование вин. пад. ед. ч. муж. р. можно представить так:

chudjъs-jō-n > chudjъsjūn > chužd'ьš'ьп > chužd'ьš'ь. (Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, в результате чего возникал [ū], который давал у славян [ъ]. Согл. [j] ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его: [dj] > [žd'], [sj] > [š']. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога, а вместо [ъ] после мягкого согласного возникал [ь]).

Основа сравн. степени прилагательных жен. р. была осложнена суффиксом *-jā. В им. пад. ед. ч. был представлен ослабленный вид этого суффикса в виде -jī: chudjъs-jī > chužd'ьš'ī. (Ср. вин. ед. chudjъs-jā-m > chužd'ьš'ō).

Дифтонгическое сочетание [ām], монофтонгизируясь, давало [o]. Согласный [j] смягчал предшествующий согласный: [dj] > [žd'], [sj] > [š'].

Формы сравн. степени с суффиксом -jъs-(-jes-) могли образовываться также и от тех прилагательных, которые в положительной степени были осложнены суффиксами -окъ, -ькъ или -ькъ: *выокъ, низькъ, крѣпкъ, горькъ* и т. д.

Однако при образовании сравн. степени эти суффиксы опускались, а суффикс -jъs-(-jes-) присоединялся непосредственно к корню: Им. пад. ед. ч. муж. р. *vys-jъs > vyš'ь + i > vyš'ii > vyš'ii*, ст.-слав. *вышии*;

Им. пад. ед. ч. ср. р. *vys-jes > vyš'e*, ст.-слав. *выше*;

Им. пад. ед. ч. жен. р. *vys-jъs-jī > vyš'ьš'ī*, ст.-слав. *вышьи*.

Формы сравн. степени с суффиксом -jъs-(-jes-) образовывались как от бессуффиксальных прилагательных, имевших на корневом слоге восходящую интонацию, так и от суффиксальных прилагательных, входивших вместе со своими суффиксальными элементами в состав основы сравн. степени.

Например:

от слабк:	slab-ĕ-jъs > slabĕi,	ст.-слав. <i>слабѣи</i> ; М
	slab-ĕ-jes > slabĕje,	ст.-слав. <i>слабѣе</i> ; СР
	slab-ĕ-jъs-jī > slabĕiš'ī,	ст.-слав. <i>слабѣиши</i> ; Ж
от добръ:	dobr-ĕ-jъs > dobrĕj,	ст.-слав. <i>добрѣи</i> ;
	dobr-ĕ-jes > dobrĕje,	ст.-слав. <i>добрѣе</i> ;
	dobr-ĕ-jъs-jī > dobrĕiš'ī,	ст.-слав. <i>добрѣиши</i> ;
от мзнокъ:	mъnog-ĕ-jъs > mъnož'ai,	ст.-слав. <i>мзнокан</i> ;
	mъnog-ĕ-jes > mъnož'aje,	ст.-слав. <i>мзнокане</i> ;
	mъnog-ĕ-jъs-jī > mъnož'aiš'ī,	ст.-слав. <i>мзноканши</i> ;
от горькъ:	gorьk-ĕ-jъs > gorьč'ai,	ст.-слав. <i>горьчан</i> ;
	gorьk-ĕ-jes > gorьč'aje,	ст.-слав. <i>горьчане</i> ;
	gorьk-ĕ-jъs-jī > gorьč'aiš'ī,	ст.-слав. <i>горьчанши</i> ;
от макъкъ:	mĕкъk-ĕ-jъs > mĕкъč'ai,	ст.-слав. <i>макъчан</i> ;
	mĕкъk-ĕ-jes > mĕкъč'aje,	ст.-слав. <i>макъчане</i> ;
	mĕкъk-ĕ-jъs-jī > mĕкъč'aiš'ī,	ст.-слав. <i>макъчанши</i>

и т. д.

Следовательно, при образовании форм сравнительной степени с суффиксом -jъs-(-jes-) задненёбные согласные смягчались перед [ĕ] в шипящие, а после шипящих [ĕ] > [a].

§ 122. У некоторых прилагательных сравн. степень образовывалась (или могла образовываться) от другой основы. Например:

	муж. р.	жен. р.	ср. р.
малк:	мьнни	мьнши	мьне, мьнше
бѣликъ:	болни	больши	боле, больше
мзнокъ:	каштни	каштни	каштъше
благъ:	{ лочни	лочъши	лоче, лочъше
добръ:	{ оуни	оуъши	оуше
зълъ:	{ горни	горъши	горше
	{ поуштни	поушъши	поушъше

Образец склонения

	Единственное число		
	Муж. р.	Ср. р.	Жен. ср.
Им.	болни	боле	больши
Род.	кольша		больша
Дат.	вольшоу		вольши
Вин.	лочъшь, болни	боле, больше	большъ

Твор.	вошьсѣмь	вошьсѣж	
Мест.	вошьши	вошьши	
	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.	мзножан	мзножае	мзножанши
Род.	мзножанша		мзножанша
Дат.	мзножаншоу		мзножанши
Вин.	мзножан	мзножае	мзножаншѣ
Твор.	мзножансѣмь		мзножансѣж
Местн.	мзножанши		мзножанши

Множественное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.	вошьсѣ	вошьша	вошьша
Род.	вошьшь		вошьшь
Дат.	вошьсѣмз		вошьшамз
Вин.	вошьша	вошьша	вошьша
Твор.	вошьши		вошьшами
Местн.	вошьшихъ		вошьшахъ
	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.	мзножансѣ	мзножанша	мзножанша
Род.	мзножаншь		мзножаншь
Дат.	мзножансѣмз		мзножаншамз
Вин.	мзножанша	мзножанша	мзножанша
Твор.	мзножанши		мзножаншами
Местн.	мзножаншихъ		мзножаншахъ

Двойственное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.-вин.	вошьша	вошьши	вошьши
Род.-местн.	вошьшоу		
Дат.-твор.	вошьсѣма		вошьшамма
	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.-вин.	мзножанша	мзножанши	мзножанши
Род.-местн.	мзножаншоу		
Дат.-твор.	мзножансѣма		мзножаншамма

При изучении склонения кратких форм прилагательных в сравнительной степени следует обратить внимание на следующее:
1. Наряду с формой воли встречается форма воли, где буквами и и ъ передается редуцированный [i].

2. Им. пад. мн. ч. муж. р. сохранил старое окончание основ на согласный — [e]: мьшьсѣ, вошьсѣ, доврѣшсѣ, мзножансѣ и т. д.

Наряду с этим окончанием начинает конкурировать новое окончание [-i] -и, которое становится преобладающим в Ассеманиевом евангелии и Супрасльской рукописи.

3. В им. и вин. пад. мн. ч. ср. р. наряду с обычными формами на [-š'a]-ша встречаются также формы на [-š'i] -ши: вошьши — Супр. рук. 23_{1а}, горьши — Зогр. ев., Лук. XI, 26.

4. Вин. пад. ед. ч. муж. р. имеет обычно форму, совпадающую с им. пад., или форму, совпадающую с род. пад., при существительных, обозначавших одушевленные предметы: воли грьхъ — Мар. ев., Ио. XIX, 11; отьца ... старѣша — Супр. 278_{1б}. Особое окончание [-š'ь]-шь засвидетельствовано только в сб. Клоца.

От воли вин. пад. в виде вошь не встречается. Употребляется или форма воли или лоучшь.

5. В вин. пад. ед. ч. ср. р. наряду с формами доврѣшсѣ, мьшьсѣ, вошьсѣ, чьстѣньсѣ встречаются иногда формы с окончанием -š'е или -iš'е (-шьсѣ или ишьсѣ): чьстѣньсѣ — Супр. 74₁, вошьсѣ — Супр. 407₆ и т. д. Эта же форма проникает иногда и в им. пад. ед. ч.

§ 123. Полные формы сравнительной степени образовывались путем прибавления к краткой форме прилагательного в сравнительной степени соответствующей падежной формы от указательного местоимения и(же), а(же), е(же) (см. раздел об образовании полных прилагательных § 119).

Им. ед.	воли вошьсѣ	воле	вошьши мзножан мзножансѣ	мзножанши
	вошьшаево		вошьшам	мзножаншаево мзножаншам
	вошьшоуево		вошьши	мзножаншоуево мзножанши

и т. д. (см. раздел о склонении полных прилагат. § 120).

Им. пад. ед. ч. муж. р. у полных форм сравн. степени прилагательных не отличается от кратких форм и имеет те же варианты в окончании -и, -ьи: воли, воли.

Им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. оканчивается обычно на [-š'eje]-шьсѣ: вошьсѣ, чьстѣньсѣ. Наряду с этим встречаются формы типа воле, грьсѣ, кыше, тачасѣ.

Им. п. мн. ч. муж. р. представлен формой на [-š'i] -ши: мзножши — Зогр. ев., Мф. XXI, 8, горьши — Супр. 385₃₀ и т. д. В более поздних памятниках она не засвидетельствована, почему отсутствует и ожидаемая форма на [-š'ei]-шѣ.

Форма им.-вин. пад. мн. ч. ср. р. встречается очень редко.

Приставка наи- могла усиливать сравнительную степень, придавая ей значение превосходной: наикаштѣ, наикорѣ, наидобѣ, наистарѣ. Однако подобные формы очень редки в старославянских памятниках.

Превосходная степень могла передаваться также описательно: кьгъхъ мьши, кьгъхъ нечистѣшсѣ.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 124. В старославянском языке различались количественные порядковые и собирательные числительные.

§ 125. Таблица количественных и порядковых числительных.

Количественные числительные	Порядковые числительные
1. єдинѣ, єдынѣ -о, -а	прѣвъ, -о, -а
2. дѣка муж. р., дѣкѣ — ср. и жен. р.	кѣторѣ, -о, -а
3. трѣе (трѣе) — муж. р., три — ср. и жен. р.	трѣтѣи (-тъи), -нѣ, -нѣ
4. чѣтыре — муж. р., чѣтыри — ср. и жен. р.	чѣтырѣтъ, -о, -а
5. пѣтъ	пѣтъ, -о, -а
6. шѣсть	шѣсть, -о, -а
7. сѣдмѣ	сѣдмѣ, -о, -а
8. осмѣ	осмѣ, -о, -а
9. дѣкѣтъ	дѣкѣтъ, -о, -а
10. дѣсѣтъ	дѣсѣтъ, -о, -а
11. єдинѣ (-о, -а) на дѣсѣтѣ	прѣвъ на дѣсѣтѣ, єдинадѣсѣтъ
12. дѣка на дѣсѣтѣ	кѣторѣ на дѣсѣтѣ, дѣканадѣсѣтъ, дѣканадѣсѣтънѣ
13. трѣе (три) на дѣсѣтѣ	трѣи на дѣсѣтѣ, трѣнадѣсѣтъ
14. чѣтыре (-ри) на дѣсѣтѣ и т. д.	чѣтыренадѣсѣтъ, чѣтыренадѣсѣтънѣ и т. д.
20. дѣкадѣсѣти	дѣкадѣсѣтъ, дѣкадѣсѣтънѣ, дѣкодѣсѣтъ
30. трѣдѣсѣти (-тѣ)	трѣдѣсѣтънѣ
40. чѣтыре (-ри) дѣсѣтѣ (-ти)	чѣтыредѣсѣтъ, чѣтыредѣсѣтънѣ
50. пѣтъдѣсѣтъ	пѣтъдѣсѣтъ, пѣтъдѣсѣтънѣ
60. шѣстьдѣсѣтъ	шѣстьдѣсѣтъ
70. сѣдмѣдѣсѣтъ	сѣдмѣдѣсѣтънѣ, сѣдмѣдѣсѣтънѣ
80. осмѣдѣсѣтъ	осмѣдѣсѣтъ, осмѣдѣсѣтънѣ
90. дѣкѣтъдѣсѣтъ	дѣкѣтъдѣсѣтъ, дѣкѣтъдѣсѣтънѣ
100. сѣтъ	сѣтънѣ
200. дѣкѣ сѣтъ	дѣкосѣтънѣ
300. три сѣтъ и т. д.	трѣсѣтънѣ и т. д.
1000. тысѣштѣ (тысѣштѣ)	тысѣштѣнѣ (тысѣштѣнѣ)
10 000. тѣма, нѣсѣкѣдѣ	

Для названия „10 000“ употребляли имена тѣма — „темнота“ или нѣсѣкѣдѣ — „непонятность“. Эти же имена употреблялись в значении „бесчисленное количество“.

§ 126. Склонение количественных числительных.

Числительное єдинѣ, -о, -а склонялось по типу указательных местоимений тѣ, то, та:

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч. Им.	єдинѣ	єдино	єдина
Род.	єдиногѣ	єдиногѣ	єдиногѣ
Дат.	єдиномоу	єдиномоу	єдинои и т. д.

Числительные дѣка, трѣе, чѣтыре с различием грамматического рода имели при склонении следующие формы:

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.-вин.	дѣка	дѣкѣ	дѣкѣ
Род.-местн.		дѣкою	
Дат.-твор.		дѣкъма	
Им.	трѣе (трѣе)	три	три
Род.		трѣи (трѣи)	
Дат.		трѣмѣ, трѣмѣ	
Вин.		трѣи	
Твор.		трѣми	
Местн.		трѣхѣ, трѣхѣ	
Им. чѣтыре	чѣтыри		чѣтыри
Род.	чѣтырѣ, чѣтырь		
Дат.	чѣтырѣмѣ, чѣтырѣмѣ		
Вин.	чѣтыри		
Твор.	чѣтырѣми		
Местн.	чѣтырѣхѣ, чѣтырѣхѣ		

Как показывают приведенные формы склонения этих числительных, числительное дѣка для муж. р. и дѣкѣ для ср. и жен. р. имело только формы двойственного числа и изменялось по типу склонения указательных местоимений тѣ, то, та.

Числительные трѣе для муж. р., три для ср. и жен. р. и чѣтыре для муж. р., чѣтыри для ср. и жен. р. имели формы множественного числа. При этом первое из них склонялось по типу основ на -*i, а второе — по типу основ на согласный.

Числительные от єдинѣ до чѣтыре выступали как прилагательные, согласуясь с именем, которое они сопровождали: єдинѣ члѣкъѣ, дѣка члѣкъѣ, трѣе, чѣтыре члѣкъѣ.

Количественные числительные от пѣтъ до дѣкѣтъ включительно являлись именами с основой на -*i, производными от соответствующих порядковых числительных пѣтъ, шѣтъ, сѣдмѣ, осмѣ, дѣкѣтъ и склонялись так же, как существительные гѣтъ, костъ в ед. ч., сопровождаясь в качестве дополнения существительными в форме род. п. мн. ч.

§ 127. Числительное *дѣлать* изменялось в целом по основам на согласный.

Единственное число	Множественное число	
Им. <i>дѣлать</i>	<i>дѣлатѣ, дѣлати</i>	
Род. (<i>дѣлатѣ</i>), <i>дѣлати</i>	<i>дѣлатъ</i>	
Дат. <i>дѣлати</i>	<i>дѣлатьмъ, дѣлатемъ</i>	
Вин. <i>дѣлать</i>	<i>дѣлати</i>	
Твор. <i>дѣлатиѣ, дѣлатыѣ</i>	<i>дѣлаты</i>	
Местн. <i>дѣлатѣ, дѣлати</i>	<i>дѣлатьхъ, дѣлатехъ</i>	
Двойственное число		
Им.-вин. <i>дѣлати (дѣлатѣ)</i>		
Род.-местн. (<i>дѣлатоу</i>)		
Дат.-твор. <i>дѣлатьма</i>		

Существительное, связанное с числительным *дѣлать*, стоит при нем в род. пад. мн. ч.

У числительных от 11 до 19 склонялись только единицы, за которыми следовало застывшее выражение на *дѣлатѣ*. Поэтому имена существительные, связанные с этими числительными, как правило, согласовывались с числительным, обозначающим единицы. Например, *дѣла на дѣлатѣ оученика, четыре на дѣлатѣ оученици, пять на дѣлатѣ оученикъ* и т. д.

Числительное *ѣто* изменялось так же, как существительные ср. р. с основой на *-*ѣ*: род. ед. *ѣта, дат. ед. ѣтоу* и т. д., а числительные *тъма* и *тыгашта (тыгъшта)* изменялись по типу имен с основой на **-а* (при этом второе из них — по мягкому варианту данного склонения): род. ед. *тъмы, тыгашта, дат. ед. тъмѣ, тыгашти* и т. д.

§ 128. Сложные числительные образовывались из простых путем соединения их союзом и или *ти*: *ѣто* и *пятьдѣлатъ* и *три* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. XXI, 11; *четыре дѣлати ти шестѣ* — Супр. 177₂₆; *дѣла дѣлати і пять* — Зогр. ев., Ио. VI, 19.

Существительное, связанное со сложным числительным, согласуется с последней его частью: *дѣла дѣлати і пять стади* — Зогр. ев., Ио. VI, 19. Но существительное могло выступать также в качестве приложения к числительному, и тогда оно согласовывалось с ним в падеже: *о дѣлати дѣлатъ* и *дѣлати прабѣдзницѣхъ* — Мар. ев., Лук. XV, 7.

В связи с тем, что система числительных с их различными по происхождению и построению элементами являлась очень сложной, в старославянском языке уже с самого начала появилась тенденция к ее упрощению. Так, срастается и перестает склоняться группа *дѣладѣлати*. В связи с чем, например, в род. пад. можно встретить: *дѣладѣлати ти пяти* — Супр. 230₁₂. То же самое наблюдается

и в отношении *три дѣлати* в местном падеже: *по дѣлати ѣтхъ і тридѣлати* — Супр. 9₂₅.

С другой стороны, при склонении сложного числительного в род. пад. начинает наблюдаться тенденция склонять только первую его часть, например, *дѣлати дѣлатъ і дѣлать* — Зогр. ев., Лук. XV, 4; Ас. ев., Мф. XVIII, 12.

§ 129. Порядковые числительные представляли собой формы прилагательных и изменялись по основам на *-*ѣ* в муж. и ср. р. и по основам на *-*а* в жен. р. Например, ед. ч. им. пад. *дѣлатъ*, род. пад. *дѣлата, дат. пад. дѣлатоу* и т. д.

Значительно чаще в памятниках старославянской письменности порядковые числительные встречаются в полной форме. Например, ед. ч. им. пад. *дѣлатъи*, род. пад. *дѣлатяго*, дат. пад. *дѣлатоуемоу* и т. д.

Сложные порядковые числительные образовывались от простых порядковых путем соединения их союзом и или *ти*: *седмьдѣлатноу* и *дѣлатоу* — Супр. 295₆, а также без союза: *ѣтхнаго четкрьтааго* — Супр. 302₁₉.

При образовании основы порядковых числительных название единиц иногда было представлено с тематическим гласным [о]: *дѣконадѣлатънъ, осмонадѣлатънъ, дѣкодѣлатъ* и др.

§ 130. Собирательные числительные в ед. ч. выступали в ср. р., а во мн. и дв. ч. имели формы всех трех родов. В ед. ч. они были представлены формами *дѣкоу* и *окоу*, *троу*, *четкору*, *паторо*, *шесторо*, *седморо*, *осморо*, *дѣкаторо*, *дѣгаторо*.

Собирательные числительные *дѣкоу*, *окоу*, *троу* изменялись по местоименному склонению; например, в ед. ч. род. пад. *дѣкоу*, *окоу*, *троу*, дат. пад. *дѣкоуемоу*, *окоуемоу*, *троуемоу* и т. д., а от *четкору* до *дѣгаторо* — по именному склонению, т. е. они склонялись так же, как краткие (именные) формы прилагательных; например, род. пад. ед. ч. *четкору*, *паторо*, *дѣгаторо* и т. д.

Если при собирательном числительном было представлено собирательное существительное, то тогда числительное употреблялось в ед. ч., а согласованное с ним собирательное существительное имело форму род. пад.: *дѣгаторо братиѣ* — Супр. 279₁₅. Если собирательные числительные употреблялись во мн. или дв. ч., то согласованное с ними существительное ставилось в том же числе; например, вин. пад. мн. ч. *прѣты... обоу, рѣчьныи і ножьныи* — Супр. 268₂; им. пад. мн. ч. *дѣкоу людѣ* — сб. Кл. I, 840—841; твор. пад. мн. ч. *керигами дѣоими* — Супр. 146₅, дв. ч. *обоу выкаѣте пастѣ* — Супр. 417₂₉.

ГЛАГОЛ

§ 131. В области глагольной системы для старославянского языка были характерны те же наклонения, которые есть и в современном русском языке, т. е. изъявительное, повелительное, условное. Однако формы времени старославянского языка суще-

ственно отличались от современных русских форм. Так, например, прошедшее время было представлено четырьмя формами, из которых две служили для передачи простого прошедшего (аорист и имперфект), а две употреблялись для передачи сложного прошедшего времени (перфект и плюсквамперфект).

Старославянский глагол имел ту же категорию числа, что и имя — единственное, множественное и двойственное.

Спрягаемые глагольные формы изменялись по лицам, которых, как и в современном русском языке, было три. Старославянский язык располагал целым рядом неспрягаемых глагольных форм, которые или склонялись (причастия) или представляли собой несклоняемые застывшие падежные формы (инфинитив и супин).

В отношении категории вида все глаголы старославянского языка распались на две основные группы: глаголы имперфективные и глаголы перфективные. Имперфективные глаголы — это глаголы, выражающие длительное действие (например, *тѣкорити*, *дѣлати*). Перфективные глаголы — это глаголы, которые обозначают действие, находящееся в определенном отношении к законченности или с оттенком законченности (например, *изтѣкорити*, *издѣлати*). Категория вида в старославянском языке только еще складывалась, поэтому видовые отношения там зачастую передавались формами времени. Так, например, аорист, обозначавший действие точечное, непротяженное, указывал на совершенность действия, а имперфект, передававший действие линейное, протяженное, указывал на несовершенство действия.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

§ 132. Глагольные формы в старославянском языке могли образовываться от двух основ: от основы настоящего времени и от основы инфинитива. От основы настоящего времени в старославянском языке образовались настоящее время, повелительное наклонение, причастия настоящего времени.

Обычно основу настоящего времени выделяют или по форме 2-го л. ед. ч. настоящего времени или по форме 3-го л. мн. ч.

От основы инфинитива образовывались имперфект, аорист, причастия прошедшего времени, инфинитив, супин.

Основу инфинитива выделяют путем отбрасывания от формы инфинитива суффикса [-ti] -ти. Однако не всегда основа инфинитива выделяется таким образом.

Так, если в составе инфинитива употреблялся сложный согласный [št'] шт (например, [mošt'i] *мошти*, [rešt'i] *решти*, [pešt'i] *пешти*), то нельзя выделить основу инфинитива, отбросив суффикс [-ti]. Следует помнить, что [št'] развился здесь на месте бывшей группы [kt (gt)] перед гласным переднего ряда.

Аналогичная картина может наблюдаться и в тех случаях, когда в составе инфинитива употреблялась группа [st] ст, развившаяся на месте бывшей группы [dt (tt)]: [vesti] *вѣсти*, [plesti] *плѣсти*.

В обоих случаях основа инфинитива равна корню, оканчивающемуся или на заднеязычный согласный [k], [g], или на зубной [d], [t]: *mog-ti, *rek-ti, *pek-ti, *ved-ti, *plet-ti.

В зависимости от соотношения основ все глаголы в старославянском языке делятся на пять классов. Классы эти устанавливаются по виду основы настоящего времени. В качестве дополнительного признака, т. е. внутри каждого из устанавливаемых классов, глаголы делятся еще по виду инфинитивной основы.

Основа настоящего времени характеризовалась суффиксальными, тематическими элементами. Лишь у немногих глаголов она не имела этих элементов.

Тематический суффикс употреблялся между корнем и окончанием. Все глаголы, у которых личное окончание в формах настоящего времени присоединялось к корню с помощью тематического суффикса, получили название тематических глаголов. Среди них принято различать глаголы I—IV классов.

На положении суффиксальных тематических элементов основ настоящего времени выступали следующие звуки:

1. Тематический гласный [-e-], чередовавшийся с [-o-]. Например, от инфинитива [nesti] *нѣсти* 2-е л. ед. ч. наст. вр. [nes-e-š'i] *нѣеши*. Тематический гласный [-o-] выступал при образовании формы 3-го л. мн. ч. наст. вр. и при образовании форм повел. накл. и причастий наст. вр. Например, 3-е л. мн. ч. наст. вр. от этого глагола *нѣжѣтъ* [nesoť] < *nes-o-nti.

Глаголы, у которых основа настоящего времени имела тематический суффикс [e/o], объединяются в I класс.

2. Тематический суффикс [-ne-], чередовавшийся с [-no-] в тех же формах, как и в основах на [e/o]. Например, от инфинитива *двигнѣти* 2-е л. ед. ч. наст. вр. [dvig-ne-š'i] *двигнеши*, 3-е л. мн. ч. *двигнѣтъ* [dvignoť] < *dvig-no-nti.

Глаголы, у которых в основе настоящего времени выступал тематический суффикс [ne/no], объединяются во II класс.

3. Тематический суффикс [-je-], чередовавшийся с [-jo-] в тех же формах, как и в основах на [e/o]. Например, от инфинитива *знѣти* 2-е л. ед. ч. наст. вр. [zna-je-š'i] *знаеши*, 3-е л. мн. ч. *знаѣтъ* [znajoť] < *zna-jo-nti.

Глаголы, у которых в основе настоящего времени выступал тематический суффикс [je/jo], объединяются в III класс.

4. Тематический суффикс [-i-]. Например, от инфинитива *молати* 2-е л. ед. ч. наст. вр. [mol-i-š'i] *молиши*, 3-е л. мн. ч. *молатъ* [moletť] < *mol-i-nti.

Глаголы с тематическим суффиксом [-i-] в основе настоящего времени объединяются в IV класс.

Глаголы, у которых личное окончание при образовании настоящего времени присоединялось непосредственно к корню, получили название нетематических глаголов (V класс). Таких глаголов было немного: *вѣти*, *мѣти*, *дати*, *кѣдѣти* и в некоторой степени глагол

имѣти, который образовывал 1-е л. ед. ч. по типу нетематических глаголов. В других лицах и числах окончания у него были такие же, как и у тематических глаголов, хотя и присоединялись к основе настоящего времени без тематического суффиксального элемента.

§ 133. С учетом инфинитивной основы глаголы в каждом из классов делятся следующим образом:

Глаголы I класса

а) Инфинитивная основа равна корню, оканчивающемуся на согласный звук:

нести [nes-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. несеши [nes-e-š'i],
решти [rešt'i] < *rek-ti	речеши [reč-e-š'i],
вести [vesti] < *ved-ti	ведеши [ved-e-š'i]

б) Основа инфинитива равна корню и оканчивается на [-е-], -а-, который чередуется в основе настоящего времени в позиции перед гласным с сочетанием [-ьп- (-ьт-)] -ьн- (-ьм-):

клати [klę-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. клънеши [klъn-e-š'i],
млати [mę-ti]	мънеши [mъn-e-š'i],
начати [nač'e-ti]	начънеши [nač'ъn-e-š'i],
имати [ję-ti]	имеши [im-e-š'i]

в) Основа инфинитива равна корню и оканчивается на гласный [-и] -оу-, который в основе настоящего времени в позиции перед гласным чередовался с сочетанием [-ов-] -ок-:

плоути [plu-ti] < *plou-ti	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. плокеши [plov-e-š'i] <
	< pločes'i,
слоути [slu-ti] < *slou-ti	слокеши [slov-e-š'i] <
	< sločes'i

г) Основа инфинитива равна корню + гласный [а]:

рзкати [rъva-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. рзкеши [rъv-e-š'i],
вьрати [bъra-ti]	вереши [ber-e-š'i],
звкати [zъva-ti]	зовеши [zov-e-š'i],
гзнати [gъna-ti]	женеши [ž'ep-e-š'i]

д) Основа инфинитива оканчивается на неполногласное сочетание [-гѣ-] -рѣ-, которое в основе настоящего времени в позиции перед гласным чередуется с сочетанием [-ьг-] -ьр-:

мрѣти [mrě-ti] < mertī	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. мьреши [mъr-e-š'i],
пожрѣти [požrě-ti] < pogerti	пожьреши [požъr-e-š'i],
опрѣти [oprě-ti sę] < operti sę	опьреши [opъr-e-š'i] сә
	[орьр-e-š'i sę]

е) У ряда глаголов основа настоящего времени образуется неправильно и полностью отличается от основы инфинитива:

доути [du-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. дхмѣши [dъm-e-š'i],
оврѣти [obrěs-ti] < obrěti	овращеши [obrešt'-e-š'i]

Глагол оврѣти фактически образует основу наст. вр. по типу глаголов III класса.

Глаголы II класса

Этот тип представлен в старославянском языке значительным количеством глаголов, в частности большим количеством перфективных глаголов. Большинство из них являются производными от имперфективных. Например: доути — доунжти, грысти — грызнжти, оуѣшти — оуѣкнжти, ламати — ланжти и т. д.

Инфинитивная основа у глаголов II класса всегда оканчивается на [-п-] -нж- (исключение составляет только глагол стати [sta-ti], у которого основа наст. вр. [stane-]; ср. 2-е л. ед. ч. станеши [stane-š'i]):

доунжти [dunǫ-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. доунеши [dune-š'i],
зинжти [zinǫ-ti]	зинеши [zine-š'i],
пинжти [plinǫ-ti]	пинеши [pline-š'i],
дквигнжти [dvignǫ-ti]	дквигнеши [dvigne-š'i],
коснжти [kosnǫ-ti]	коснеши [kosne-š'i],
постигнжти [postignǫ-ti]	постигнеши [postigne-š'i]

Глаголы III класса

а) Инфинитивная основа равна корню и оканчивается на гласный [-ѣ-], [-и-], [-у-], [-и-] или [-а-] (ѣ, и, у, а):

оумѣти [umě-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. оумѣнеши [umě-je-š'i]
немѣти [nemě-ti]	немѣнеши [nemě-je-š'i]
бити [bi-ti]	бинеши [bi-je-š'i]
гнити [gni-ti]	гнинеши [gni-je-š'i]
крыти [kry-ti]	кринеши [kry-je-š'i]
мыти [my-ti]	мынеши [my-je-š'i]
чоути [č'u-ti]	чоунеши [č'u-je-š'i]
обоути [obu-ti]	обоунеши [obu-je-š'i]
знати [zna-ti]	знаеши [zna-je-š'i]
дѣлати [děla-ti]	дѣлаеши [děla-je-š'i]

б) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-а-], который утрачивается в основе настоящего времени:

глаголати [glagola-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. глаголеши [glagol'-e-š'i] < glagol-je-š'i
талати [taja-ti]	таеши [ta-je-š'i]
плакати [plaka-ti]	плачеши [plač'-e-š'i]
	< plak-je-š'i

искати [iska-ti]	иштеши [išt'e-š'i] < < isk-je-š'i
трепетати [trepetati-ti]	трепештеши [trepešt'e- -š'i] < trepet-je-š'i

в) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-va-] ка:

оувикати [ubiva-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. оувикаеши [ubiva-je-š'i]	оумывати [umyva-ti]	оумываеши [umyva-je-š'i]
--	---------------------	--------------------------

г) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-ova-] -ока-, который чередуется в основе настоящего времени с гласным [-u-] -оу-:

кѣрокати [vĕrova-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. кѣроуеши [veru-je- -š'i],	радокати ка [radova-ti se]	радоуеши ка [radu-je- -š'i se],
цѣлокати [c'ĕlova-ti]	цѣлоуеши [c'ĕlu-je- -š'i],	
минокати [minova-ti]	миноуеши [minu-je-š'i]	

д) *Неправильные глаголы.* Значительную часть этих глаголов составляют те, у которых в основе наблюдаются чередования e/ĭ, o/l/a, o/ra. При этом первая форма выступает перед гласным в основе настоящего времени, а вторая — перед согласным в основе инфинитива. У всех этих глаголов основа инфинитива представляет собой односложный корень:

млѣти [mlĕ-ti] < — 2-е л. ед. ч. наст. вр. мѣлеши [mel'e- < *melti	колеши [kol'e-š'i] < < kol-je-š'i
клати [kla-ti] < < *kolti	вореши ка [bor'e-š'i se] < bor-je-š'i se
брати ка [bra-ti se] < < borti se	пореши [por'e-š'i] < < por-je-š'i
прати [pra-ti] < < porti	

Следует также отметить глагол пѣти [pĕti], у которого основа инфинитива оканчивалась на [ĕ] < [oi]. Ср. 2-е л. ед. ч. наст. вр. поеши [po-je-š'i].

Глаголы IV класса

а) Основа инфинитива оканчивается на [-i-] -и-:

молити [moli-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. молиши [mol-i-š'i]	просити [prosi-ti]	прогиши [pros-i-š'i]
---	--------------------	----------------------

Как показывают приведенные примеры, у этих глаголов основа инфинитива и основа настоящего времени одинаковы.

б) Основа инфинитива оканчивается на [-ĕ-] -ѣ- или на [-a-] после шипящих или [j]:

мынѣти [mьnĕ-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. мыниши [mьn-i-š'i]	слышати [slyš'a-ti]	слышиши [slyš'-i-š'i]
стојати [stoja-ti]		стоиши [sto-i-š'i] < stoj-i- -š'i

в) Только у одного глагола основа инфинитива оканчивается на гл. [-a-] после твердого согласного:

схпати [sъpa-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. схпиши [sъp-i-š'i].

По типу глаголов IV класса образовывалась форма 3-го л. мн. ч. наст. вр. от хотѣти [chotĕ-ti] — хотатъ [chotetъ] < chot-i-nti. Остальные формы наст. вр. от этого глагола образовывались по типу III класса: 1-е л. ед. ч. хоштѣ [choštĕ], 2-е л. ед. ч. хоштеши [chošt'eš'i] < chot-je-š'i и т. д.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 134. В соответствии с приведенным выше подразделением на глагольные классы, формы наст. вр. от тематических глаголов имеют следующий вид:

I класс нести		II класс дѣигнѣти	
Ед. ч.	1-е л. несѣж		дѣигнѣж
	2-е л. несеши		дѣигнеши
	3-е л. несетъ		дѣигнетъ
Мн. ч.	1-е л. несемъ		дѣигнемъ
	2-е л. несете		дѣигнете
	3-е л. несѣтъ		дѣигнѣтъ
Дв. ч.	1-е л. несеѣѣ		дѣигнеѣѣ
	2-е л. несеѣѣ		дѣигнеѣѣ
	3-е л. несеѣѣ		дѣигнеѣѣ
III класс знати		IV класс молити	
Ед. ч.	1-е л. знаѣж		молиѣж
	2-е л. знаеши		молиши
	3-е л. знаѣтъ		молиѣтъ
Мн. ч.	1-е л. знаемъ		молимъ
	2-е л. знаѣте		молиѣте
	3-е л. знаѣтъ		молиѣтъ
Дв. ч.	1-е л. знаѣѣѣ		молиѣѣѣ
	2-е л. знаѣѣѣ		молиѣѣѣ
	3-е л. знаѣѣѣ		молиѣѣѣ

Если у глаголов I класса перед тематическим гласным [e] употреблялся задненёбный согласный, то происходила I палатализация, вследствие чего задненёбный чередовался с соответствующим шипящим [k]:[č] к:ч, [g]:[ž] г:ж.

Например: рѣшти [rešt'i] < *rekti, мошти [mošt'i] < *mogni.

Ед. ч. 1-е л. рѣж	мож	Мн. ч. рѣчимъ	можемъ
2-е л. рѣчешн	можешн	рѣчете	можете
3-е л. рѣчетъ	можетъ	рѣжѣтъ	можѣтъ
Дв. ч. 1-е л. рѣчѣкѣ			
можѣкѣ		2-е л. рѣчета	
		можета	
3-е л. рѣчете		можете	

При образовании 1-го л. ед. ч. от глаголов IV класса наблюдалось смягчение согласного корня. Это объяснялось следующим: тематический гласный [i] в позиции перед следующим гласным по законам славянской речи становился неслоговым [i] ([j]), который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его.

Например, от глагола любить 1-е л. ед. ч. наст. вр. [l'ubl'ɔ] любѣж (йотованная буква в данном случае указывает на мягкость предшествующего согласного), от глагола прогнати — прожѣж, от видѣти — видѣж и т. д.

Процесс шел таким образом: $progs-i-\varnothing > prosj\varnothing > proš'ɔ$; $vid-i-\varnothing > vidj\varnothing > vižd'ɔ$ и т. д.

Таким образом, при образовании 1-го л. ед. ч. наст. вр. от глаголов IV класса в глагольной основе происходили изменения, характерные для изменения сочетаний согласных с последующим [j] на славянской почве. Аналогичные изменения происходили и у глаголов III класса, если тематический суффикс [je/jo] присоединялся к корню, оканчивающемуся на согласный звук. Причем эти изменения происходили во всех лицах и числах.

Например: плакати писати трепѣтати

Единственное число

1-е л. плачѣж	пишѣж	трепѣштѣж
2-е л. плачѣшн	пишѣшн	трепѣштѣшн
3-е л. плачѣтъ	пишетъ	трепѣштѣтъ

Множественное число

1-е л. плачѣмъ	пишемъ	трепѣштемъ
2-е л. плачѣте	пишете	трепѣштите
3-е л. плачѣтъ	пишѣтъ	трепѣштѣтъ

Двойственное число

1-е л. плачѣкѣ	пишѣкѣ	трепѣштѣкѣ
2-е л. плачѣта	пишѣта	трепѣштѣта
3-е л. плачѣте	пишѣте	трепѣштѣте

§ 135. Образцы спряжения нетематических глаголов

вѣти ѣсти дати вѣдѣти имѣти

Единственное число

1-е л. ѣгь	ѣнь	дань	кѣнь (кѣдѣ)	имамь
2-е л. ѣги	ѣси	даги	кѣси	имашн
3-е л. ѣгъ	ѣтъ	дагъ	кѣтъ	иматъ

Множественное число

1-е л. ѣгьмъ	ѣмъ	дамъ	кѣмъ	имамъ
2-е л. ѣгѣ	ѣте	дагѣ	кѣгѣ	иматѣ
3-е л. ѣгѣтъ	ѣдѣтъ	дадѣтъ	кѣдѣтъ	имѣтъ

Двойственное число

1-е л. ѣгѣкѣ	ѣкѣ	дакѣ	кѣкѣ	имакѣ
2-е л. ѣгѣта	ѣта	дагѣта	кѣгѣта	иматѣ
3-е л. ѣгѣте	ѣте	дагѣте	кѣгѣте	иматѣ

В старославянских памятниках наряду с окончанием 1-го л. мн. ч. -мъ встречается еще окончание -мы. В одних случаях такое окончание могло появиться фонетически закономерно вместо редуцированного [-ъ] перед гласным [i] следующего слова. Например, *оутѣнимы* и — Мар. ев., Мф. XXVIII, 14. В этом случае буквой *ы* передавался редуцированный гласный [y]. Однако наряду с этим имеются случаи, когда подобное окончание [-ту] -мы было обусловлено не артикуляцией следующего гласного [i], а возникло под влиянием местоимения 1-го л. мн. ч. *мы*. Особенно распространено подобное окончание в Супрасльской рукописи. Например, *кѣмы* — Зогр. ев., Ио. IX, 29; Супр. 438₂₇; *имамы* — Супр. 435₁₇, 540₁₇; *напѣнаемы* — Супр. 431₉; *кѣштаемы* — Супр. 380₂.

В 3-м л. ед. и мн. ч. нормой являлось окончание [-тъ] -тъ. Однако в позиции перед местоимением *и* (вин. п. ед. ч. муж. р.) встречаются формы с окончанием [-ту] -ты, в которых [y] возник на месте [ъ], оказавшегося в позиции перед гласным [i]. Например, *погѣтиты-и* — Мар. ев., Мф. XXIV, 47; *ѣмлеты-и* — Мар. ев., Лук. IX, 39; *оутѣшаты-и* — Мар. ев., Ио. XI, 9. Наряду с этим встречаются формы без окончания [-тъ]. Наиболее часты подобные примеры в Супрасльской рукописи. Например, *да не вѣде* — Мар. ев., Мр. XIII, 18; *достои ли* — Зогр. ев., Мр. III, 4; *може ли* — Супр. 27_{24, 26}; *отъгони* — Супр. 509₆; *желѣе* — Супр. 237₇; *покѣдоуѣ* — Супр. 325₂₇ и др.

В 3-м л. дв. ч. нормой являлось окончание [-те] -те. Однако наряду с этим встречаются формы с окончанием [-та] -та. Например, *д(ж)ка вѣдѣта* — Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXIV, 40 (*вѣдѣте* — Мар. ев., Ас. ев.). Особенно распространено окончание [-та] в 3-м л. дв. ч. в Саввиной книге и Супрасльской рукописи.

В этом окончании конечный гласный [а] был получен под влиянием существительных муж. р. с основой на -*ǫ, употребленных в форме им.-вин.-зват. пад. дв. числа.

§ 136. В индоевропейском языке-основе каждая глагольная спрягаемая форма образовывалась с помощью особого окончания. Принято различать два вида глагольных окончаний: первичные и вторичные (названия эти условны).

С помощью первичных глагольных окончаний образовывались формы настоящего времени, с помощью вторичных — формы повелительного наклонения, имперфекта и аориста. При этом вторичные глагольные окончания отличались от первичных не во всех формах, а только в ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. Во всех же остальных формах вторичные глагольные окончания были такие же, как и первичные.

В соответствии с первичными глагольными окончаниями в старославянском языке в формах настоящего времени представлены следующие окончания:

Ед. ч. 1-е л. -ж, -шь	Мн. ч. 1-е л. -мъ	Дв. ч. 1-е л. -кѣ
2-е л. -ши, -и	2-е л. -те	2-е л. -та
3-е л. -тъ	3-е л. -жтъ, -атъ	3-е л. -те

Эти старославянские флексии возникли следующим образом.

1-е л. ед. ч. Окончание 1-го л. ед. ч. нетематических глаголов [-ть] -шь восходит к $^*m\acute{i}$. На славянской почве краткий гласный [i] > [ь]. Окончание [-mi] можно встретить, например, в греческом языке — $\epsilon\acute{i}m\acute{i}$, и в литовском — $esm\acute{i}$.

Происхождение окончания 1-го л. ед. ч. тематических глаголов [-ѹ] -ж точно не разъяснено. Одни ученые объясняют его как окончание более древней формы конъюнктива, оканчивавшегося на $\bar{a}m$ (-ān). Ср., например, в латинском языке $fer\bar{a}m$. Другие считают, что это славянское окончание восходит к дифтонгическому сочетанию [*om (ōn)], в котором гласный [ō] представлял собой первичное окончание (ср., например, греч. $\acute{f}\acute{e}r\bar{o}$, лат. $fer\bar{o}$), а согласный [m (n)] был присоединен к [ō] из вторичного глагольного окончания.

2-е л. ед. ч. Окончание 2-го л. ед. ч. нетематических глаголов [-si] -и и тематических глаголов [-š'i] -ши восходит к $^*s\acute{i}$. Ср., например, др.-инд. $bh\acute{a}rasi$ — „несешь“. Не совсем ясно, почему у славян сохранился в данной флексии гласный [i] < [*i], в соответствии с которым у славян должен был быть [ь]. В дальнейшем по славянским языкам произошла редукция конечного гласного [i].

Что касается возникновения у тематических глаголов шипящего [š'] в этой флексии, то это объясняется тем, что согласный [s] в позиции после гласного [i] (у глаголов IV класса) перешел фонетически закономерно в [ch], который под воздействием следующего за ним гласного переднего ряда подвергся I палатализации и перешел в [š']. По аналогии с глаголами IV класса соглас-

ный [š'] в окончании 2-го л. ед. ч. был перенесен и в окончание этой формы всех тематических глаголов.

3-е л. ед. ч. Старославянское окончание 3-го л. ед. ч. восходит к $^*t\acute{i}$. Ср., например, греч. $\acute{e}st\acute{i}$, др.-инд. $bh\acute{a}rati$. В соответствии с индоевропейским окончанием $^*t\acute{i}$ в старославянском языке должно было быть окончание [-ть]. Но утрата палатализации конечным согласным [t] в конце слова привела к веляризации следовавшего за ним гласного: [t̥] > [t̥ʲ].

Этот процесс по славянским группам происходил в разное время. Наиболее позднее отверждение в форме 3-го л. было в восточнославянских языках (особенно в северновеликорусских и в западноукраинских говорах).

1-е л. мн. ч. Старославянское окончание [-тъ] -мъ восходит к $^*m\acute{o}s$. Ср., например, в латинском языке окончание $-mus$ < mos . На славянской почве в соответствии с древнейшим окончанием $^*m\acute{o}s$ произошли следующие изменения: гласный [ō] в конечном слоге подвергся усиленной лабиализации и перешел в [ū], который давал у славян [ъ]. Конечный согласный [s] по закону открытого слога утратился.

2-е л. мн. ч. Старославянское окончание [-те] -те восходит к *te . Ср., например, в греческом языке $\acute{f}\acute{e}rete$, $\acute{e}st\acute{e}$.

3-е л. мн. ч. В индоевропейских языках в данной форме было представлено окончание *nti . Ср., например, в греческом языке $\acute{f}\acute{e}rus$ < $\acute{f}\acute{e}ronti$, в древнеиндийском $bh\acute{a}ranti$. На славянской почве носовой согласный [n] вступил во взаимодействие с предшествующим ему тематическим гласным [o] (у глаголов I—III классов) или [i] (у глаголов IV класса). В результате возникло дифтонгическое сочетание [on] или [in], которое, монофтонгизируясь, дало у славян носовой гласный [o] или [e]. А сочетание [-ti], входившее в состав окончания 3-го л. мн. ч., подверглось тем же изменениям, что и в ед. ч. (см. происхождение окончания 3-го л. ед. ч.). В результате в старославянском языке представлены окончания [-ѹтъ] -жтъ и [-ѹтъ] -атъ.

1-е л. дв. ч. Старославянское окончание 1-го л. дв. ч. [-vě] -кѣ возникло под влиянием формы им. пад. дв. ч. от местоимения 1-го л. кѣ [vě].

2-е л. дв. ч. В соответствии со старославянским окончанием 2-го л. дв. ч. [-ta] -та в литовском языке в этой форме находим окончание $-ta$ < $^*t\bar{o}$, в др.-инд. — $-thah$.

3-е л. дв. ч. В соответствии со старославянским окончанием 3-го л. дв. ч. [-te] -те в греческом языке находим окончание $-ton$ (чередование [e/o] в глагольных окончаниях — вполне закономерное явление).

Что касается вторичных глагольных окончаний, то в индоевропейском языке-основе они были представлены в следующем виде:

Ед. ч. 1-е л. -m (n)	Мн. ч. 1-е л. (-mos)
2-е л. -s	2-е л. (-te)
3-е л. -t	3-е л. -nt

Каким изменениям подверглись у славян эти вторичные глагольные окончания, рассматривается в разделах об имперфекте, аористе и повелительном наклонении.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 137. Повелительное наклонение в старославянском языке встречается во всех числах и сохраняется для всех лиц, кроме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. и дв. ч. При этом форма для 2-го и 3-го л. ед. ч. была в старославянском языке одинакова.

Повелительное наклонение в старославянском языке образовывалось от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс повел. накл. и личные окончания.

В качестве суффикса повел. накл. у тематических глаголов выступали гласные [i] и [ě] ѣ.

С помощью суффикса [i] образовывались формы повел. накл. во 2-м и 3-м л. ед. ч. от глаголов I—IV классов и в формах 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. от глаголов III и IV классов. А суффикс [ě] использовался в старославянском языке для образования форм 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. от глаголов I и II классов.

Образцы спряжения

<i>I класс нести</i>		<i>II класс дьигнѣти</i>	
Ед. ч.	2-е л. неси		дьигни
	3-е л. неси		дьигни
Мн. ч.	1-е л. нестѣмъ		дьигнѣмъ
	2-е л. нестѣте		дьигнѣте
Дв. ч.	1-е л. нестѣте		дьигнѣте
	2-е л. нестѣта		дьигнѣта
<i>III класс знати</i>		<i>IV класс молити</i>	
Ед. ч.	2-е л. знаи		моли
	3-е л. знаи		моли
Мн. ч.	1-е л. знаимъ		молимъ
	2-е л. знаите		молите
Дв. ч.	1-е л. знаите		молите
	3-е л. знаита		молита

Особое внимание следует обратить на образование форм повел. накл. от глаголов I класса, у которых корень оканчивался на задненёбный согласный, например от *решти* [rešt'ı] < *rekti, *мошти* [mošt'ı] < *mogti, *пешти* [pešt'ı] < *pekti и т. д.

Задненёбный согласный у этих глаголов в формах повел. накл. перед суффиксом [i] и [ě] (< [oi]) чередовался при палатализации со свистящим, а именно [k]:[c] (к:ц), [g]:[ǰ'] (г:с). Если в корне этих глаголов употреблялся гласный [e], то он в формах повел. накл. заменялся на [ь], т. е. здесь происходила редукция:

решти пешти мошти

Единственное число

2-е л. рьци пьци мози

3-е л. рьци пьци мози

Множественное число

1-е л. рьцѣмъ пьцѣмъ мозѣмъ

2-е л. рьцѣте пьцѣте мозѣте

Двойственное число

1-е л. рьцѣте пьцѣте мозѣте

2-е л. рьцѣта пьцѣта мозѣта

От нетематических глаголов формы повел. накл. представлены в следующем виде:

быти дати ясти кѣдѣти имѣти

Единственное число

2-е л. бѣди даждь иждь кѣждь / имѣи

3-е л. бѣди даждь иждь кѣждь / имѣи

Множественное число

1-е л. бѣдѣмъ дадимъ идимъ кѣдимъ имѣимъ

2-е л. бѣдѣте дадите идите кѣдите имѣите

Двойственное число

1-е л. бѣдѣте дадите идите кѣдите имѣите

2-е л. бѣдѣта дадита идита кѣдита имѣита

От глаголов *дати*, *ясти*, *кѣдѣти* формы повелительного наклонения во 2-м и 3-м л. ед. ч. образованы чередованием [d:žd'] (д:жд), появившимся вследствие прибавления в доисторический период при образовании этих форм к основе настоящего времени суффикса [jь]: *dad-jь* > *dažd'ь*, *jad-jь* > *jažd'ь*, *věd-jь* > *věžd'ь*.

То, что действительно в основе настоящего времени у этих глаголов употреблялся согласный [d], подтверждает форма 3-го л. мн. ч. наст. вр.: *дадатъ* [dadetъ], *идатъ* [jadetъ], *кѣдатъ* [vedetъ].

Формы 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. образовывались у этих глаголов прибавлением суффикса [i] и личных окончаний.

Для глагола *выти* издавна использовались для образования повел. накл. формы от иной основы — [bɔd-] *вѣд-*, при этом во мн. и дв. ч. выступал суффикс [ě] *ѣ*.

Отсутствующие формы повел. накл. в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. восполнялись в старославянском языке описательными формами, которые состояли из союза *да* и соответствующей формы наст. вр. Например: 1-е л. ед. ч. *да негѣж*, 3-е л. мн. ч. *да негѣжтъ*. Только для глагола *выти* в некоторых памятниках можно иногда встретить в 3-м л. мн. ч. форму *вѣдѣж* в значении „пусть будут“. Однако гораздо чаще и здесь встречается описательная форма *да вѣдѣжтъ*. Например, *вѣдѣж чрѣсла каша прѣпоѣсана* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Лук. XII, 35 (*да вѣдѣжтъ* — Остр. ев.).

Для 3-го л. ед. числа иногда употреблялась описательная форма. Это объясняется тем, что форма 3-го л. ед. ч. повел. накл. совпала с формой 2-го л. ед. ч. и поэтому смешивалась с ней, а у ряда глаголов (IV класс) она совпадала и с формой аориста.

В старославянских памятниках XI в. имеются формы повел. накл. для глаголов III класса с гласным [a] перед окончанием мн. и дв. ч.: *иштатѣ* — Зогр. ев., Сав. ев., Лук. XII, 31 (*иштитѣ* — Мар. ев.); *ищѣтѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. VII, 7; *сѣкажатѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XIII, 30; *плачатѣ* — Сав. кн., Лук. VIII, 52 (*плачитѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев.); *покажѣтѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XX, 24; Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXII, 19 (*покажитѣ* — Мар. ев., Ас. ев.), *покажатѣ* — Сав. кн., Лук. XVII, 14 (*покажитѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев.); Супр. 69_{а1} и т. д. (вместо *иштитѣ*, *сѣкажитѣ*, *плачитѣ*, *покажитѣ*). Гласный [a] в этих формах появился на месте [ě], перешедшего в [a] после мягких согласных. А гласный [ě] возникал здесь под влиянием форм повел. накл., образованных от глаголов I и II классов, например *негѣтѣ*, *двигнѣтѣ* и т. д.

Происхождение форм повелительного наклонения

§ 138. В значении повел. накл. у славян с доисторической поры выступали формы желательного наклонения (optativus). Образовывались формы повел. (желательного) накл. в славянских языках следующим образом: к основе наст. вр. присоединялся гласный [i], представлявший собой суффикс оптативной основы, и вторичные глагольные окончания.

I класс нести

Ед. ч. 2-е л. nes-o-i-s > nesi

3-е л. nes-o-i-t > nesi

(Тематический гласный [o] вступал во взаимодействие с последующим [i]. Возникал дифтонг [oi], который, монофтонгизируясь,

при нисходящей интонации давал на славянской почве гласный [i], а конечный согласный [s] или [t] утрачивался по закону открытого слога).

Мн. ч. 1-е л. nes-o-i-mōs > nesoimus > nesěmъ

(Гласный [i] в позиции после другого гласного становился неслоговым. Возникал дифтонг [oi], который, монофтонгизируясь, давал [ě]. Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ū], который изменялся у славян в редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] отпадал по закону открытого слога.)

2-е л. nes-o-i-te > nesěte

Дв. ч. 1-е л. nes-o-i-vě > nesěvě

2-е л. nes-o-i-ta > nesěta

Аналогичная картина в образовании форм повелительного наклонения наблюдается и у глаголов II класса (*двигнѣти*):

Ед. ч. 2-е л. dviġ-no-i-s > dvignojs > dvigni

3-е л. dviġ-no-i-t > dvignojt > dvigni

Мн. ч. 1-е л. dviġ-no-i-mos > dvignoimus > dvigněmъ

2-е л. dviġ-no-i-te > dvignoite > dvigněte

Дв. ч. 1-е л. dviġ-no-i-vě > dvignoivě > dvigněvě

2-е л. dviġ-no-i-ta > dvignoita > dvigněta

III класс знати

Ед. ч. 2-е л. zna-jo-i-s > znajejs > znajis > znai

3-е л. zna-jo-i-t > znajejt > znajit > znai

(Гласный [o] после мягкого согласного [j] переходит в [e]. Гласный [i] в позиции после гласного становился неслоговым, возникал дифтонг [ei], который, монофтонгизируясь, давал у славян [i]; сочетание [ji] > [i], а конечный согласный [s] или [t] утрачивался по закону открытого слога.)

Мн. ч. 1-е л. zna-jo-i-mos > znajeimus > znajimъ > znaimъ.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ū], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] отпадал по закону открытого слога.)

2-е л. zna-jo-i-te > znajeite > znajite > znaitе

Дв. ч. 1-е л. zna-jo-i-vě > znajeivě > znajivě > znaivě

2-е л. zna-jo-i-ta > znajeita > znajita > znaita

IV класс молити

Ед. ч. 2-е л. mol-i-i-s > molis > moli

3-е л. mol-i-i-t > molit > moli

(Гласный [i], на который оканчивалась основа настоящего времени у глаголов IV класса, сливался с последующим гласным [i], представлявшим суффикс оптативной основы, в результате чего возникал долгий гласный [i], который давал у славян [i], а конечный согласный [s] или [t] отпадал по закону открытого слога.)

Мн. ч. 1-е л. mol-i-i-mos > molimus > molimъ
 2-е л. mol-i-i-te > molite > molite
 Дв. ч. 1-е л. mol-i-i-vě > molivě > molivě
 2-е л. mol-i-i-ta > molita > molita

Таким образом, происхождение форм повел. накл. от глаголов I—IV классов показывает, что старославянский суффикс повел. накл. [i] или [ě] (и или ѣ) имел различное происхождение. Если в старославянском языке форма повел. накл. во 2-м и 3-м л. ед. ч. от глаголов I—IV классов всегда оканчивается на [i], то происхождение его будет различным: у глаголов I и II классов он восходит к дифтонгу [oi], у глаголов III класса к сочетанию [ji], в котором [i] < [ei] < [oi], а у глаголов IV класса — [i]. Аналогичная картина во мн. и дв. ч.: у глаголов I и II классов суффикс [ě] < [oi], у глаголов III класса суффикс [i] возник на месте сочетания [ji], в котором гласный [i] < [ei] < [oi], у глаголов IV класса суффикс [i] < [i].

ИМПЕРФЕКТ

§ 139. Имперфект обозначал в старославянском языке простое прошедшее время с оттенком длительности действия и образовывался в основном от имперфективных глаголов. Однако он мог образовываться и от перфективных глаголов, указывающих на действие, повторяющееся в прошлом, или обозначающих совокупность однородных недлительных действий.

На русский язык формы имперфекта следует переводить глаголами несовершенного вида.

Образовывался имперфект в старославянском языке следующим образом: к основе инфинитива присоединялись суффикс имперфекта и личные окончания.

Образцы спряжения

Единственное число

	нести	знати	крыти	просити
1-е л.	несѣахъ	знаахъ	крыаахъ	просаахъ
2-е л.	несѣаше	знааше	крыааше	просааше
3-е л.	несѣаше	знааше	крыааше	просааше

Множественное число

1-е л.	несѣахомъ	знаахомъ	крыаахомъ	просаахомъ
2-е л.	несѣашете	знаашете	крыаашете	просаашете
3-е л.	несѣахъ	знаахъ	крыаахъ	просаахъ

Двойственное число

1-е л.	несѣахотѣ	знаахотѣ	крыаахотѣ	просаахотѣ
2-е л.	несѣашета	знаашета	крыаашета	просаашета
3-е л.	несѣашете	знаашете	крыаашете	просаашете

В качестве суффикса имперфекта использовались [-ach] -ах и [-ěach] < ěach -ѣах.

Суффикс [-ach] присоединялся к тем основам инфинитива, которые оканчивались на гласный [a] или [ě]. Такая инфинитивная основа могла быть:

1. У глаголов I класса: върати [vьrati] — 1-е л. ед. ч. вьраахъ [vьra-ach-ъ].

2. У глаголов III класса: знати [znati] — знаахъ [zna-ach-ъ], оумѣти [uměti] — оумѣахъ [umě-ach-ъ].

3. У глаголов IV класса: видѣти [viděti] — видѣахъ [vidě-ach-ъ], кричати [kričati] — кричаахъ [krič'a-ach-ъ].

Суффикс [-ěach] < ěach присоединялся к инфинитивным основам следующих глаголов:

1. К инфинитивным основам на согласный у глаголов I класса: нести [nesti] — 1-е л. ед. ч. несѣахъ [nes-ěach-ъ].

а) Если в инфинитиве было сочетание [st], выступавшее на месте сочетания [dt (tt)], то при образовании имперфекта зубной согласный основы восстанавливался: вѣсти [vesti] < *vedti — 1-е л. ед. ч. вѣдѣахъ [ved-ěach-ъ].

б) Задненёбный согласный основы [g] или [k], выступавший в инфинитиве в затемненном виде (входил в сочетание [št] < [kt] или [gt] перед гласным переднего ряда), при образовании имперфекта восстанавливался. Однако под влиянием следовавшего за ним суффиксального гласного [-ě] задненёбный согласный подвергался I палатализации и чередовался с соответствующим шипящим ([k]:[č], [g]:[ž]), а [ě] после возникшего шипящего давал на славянской почве [a], а не [ě]. Поэтому суффикс имперфекта выступает у этих глаголов в виде [-aach]: рѣшти [rešt'i] < *rekti — рѣчаахъ [reč'aachъ] < rek-ěach-ъ; мошти [mošti] < *mogti — можаахъ [mož'aachъ] — mog-ěach-ъ.

2. К инфинитивным основам глаголов II класса. При образовании имперфекта носовой гласный основы [o] (-ж) утрачивался, и суффикс имперфекта присоединялся непосредственно к согласному [n]: двигнѣти [dvignoti] — двигнѣахъ [dvign-ěach-ъ].

3. К инфинитивным основам на гласный [i] у глаголов IV класса: локити [loviti] — локалаахъ [lovl'aach-ъ] < *lovi-ěach-ъ > lovīěachūn

(= lovjěachŭn) > lovjěachъ < lovl'aachъ; просити [prosiiti] — прошаахъ [proš'-aach-ъ] < *prosi-ěach-ŏn > prosjěachŭn (-prosjeachŭn) > pro-sjeachъ > proš'aachъ.

У данных глаголов гласный [i], на который оканчивалась основа инфинитива, в позиции перед следующим гласным (в данном случае перед [ě]) по законам славянской речи становился неслоговым — [i (j)], который ассимилировался с предшествующим согласным. Гласный же [ě] после возникшего мягкого согласного изменялся в [a]. Поэтому суффикс имперфекта у этих глаголов и выступает в виде [-'aach].

④ С суффиксом [-ěach] образовывался имперфект и от нетематического глагола *мѣти* [jasti] < *jasti — *мѣтахъ* [jaděachъ].

— Следует обратить внимание на образование форм имперфекта от глаголов, у которых инфинитивная основа была односложной и оканчивалась на гласные [-у]-ы, [-і]-и, [-и]-оу. Например: *крыти*, *чоути*, *вити*.

При образовании имперфекта от подобных глаголов к глагольной основе присоединялся суффикс [-'aach]-аахъ: *крыти* [kryti] — *крытаахъ* [kryjaachъ], *чоути* [č'uti] — *чоутаахъ* [č'ujaachъ], *вити* [biti] — *витаахъ* [bijaachъ].

Если в основе инфинитива содержались неполногласные сочетания [-la-], [-lě-], [-ra-], то образование имперфекта фактически шло от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс [-'aach]. Например: *клати* [klati] < *kolti — *колтаахъ* [kol'aachъ], *млѣти* [mlěti] < *melti — *мелтаахъ* [mel'aachъ], *врати* [brati sę] < *borti sę — *ворттаахъ* [bor'aachъ sę].

Аналогичная картина наблюдалась и при образовании форм имперфекта от глагола *пѣти* [-pěti]: — *пѣтаахъ* [rojaachъ].

Для глагола *выти* в значении имперфекта в памятниках старославянского языка употреблялись две формы: а) первая и по образованию и по значению была формой имперфекта, б) вторая по образованию являлась формой аориста, а по значению — формой имперфекта:

а) Ед. ч. 1-е л. вѣахъ	Мн. ч. 1-е л. вѣахомъ
2-е л. вѣаше	2-е л. вѣашете
3-е л. вѣаше	3-е л. вѣахъ

б) Ед. ч. 1-е л. вѣхъ	Мн. ч. 1-е л. вѣхомъ
2-е л. вѣ	2-е л. вѣте
3-е л. вѣ	3-е л. вѣш

а) Дв. ч. 1-е л. вѣахокѣ
2-е л. вѣашета
3-е л. вѣашете

б) Дв. ч. 1-е л. вѣхокѣ
2-е л. вѣста
3-е л. вѣсте

В памятниках старославянского языка XI в. можно встретить ряд изменений, происшедших в образовании имперфекта.

1. Все чаще имперфект начинает образовываться от основы настоящего времени. Например, от *зѣкати* — *зѣкааше* — Мар. ев., Ио. VII, 37; Супр. 473₁₆, но *зѣкаше* — Супр. 516₆; *зѣкаахъ* — Мар. ев., Мф. XXI, 9, но *зѣкахъ* — Супр. 322₁₂.

2. Во 2-м л. мн. ч. и во 2-м и 3-м л. дв. ч. наряду с исконными окончаниями имперфекта начинают употребляться окончания [-aste] -агте и [-asta] -аста, которые были получены под влиянием форм сигматического аориста. Например, 2-е л. мн. ч.: *помышлѣашете* — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. IX, 33, но *помышлѣагте* — Ас. ев., Остр. ев.; 2-е л. дв. числа: *искаашета* — Мар. ев., Лук. II, 49 (*искаше* — Зогр. ев.), но *искаста* — Сав. кн., Остр. ев.; 3-е л. дв. числа: *взпѣашете* — Мар. ев., Мр. XX, 31, но *взпѣагте* — Ас. ев., *взпѣаста* — Сав. кн. и т. д.

3. В результате фонетических процессов (ассимиляция и стяжение гласных) начинают употребляться стяженные формы имперфекта. Например, от *слоужити* — *слоужаше* — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. I, 31, но *слоужаше* — Сав. кн., Ио. XII, 2; Мф. VIII, 15; от *взрашати* — *взрашааше* — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. VIII, 23, но *взрашаше* — Мар. ев., Мр. V, 9; Сав. кн., Мф. II, 4; Лук. XV, 26; от *исхоудити* — *исхождааше* — Зогр. ев., Мар. Ас. ев., Мр. I, 5; Лук. VI, 19, но *исхождаше* — Сав. кн., Мр. I, 5; Лук. VI, 19 и т. д.

Нестяженные формы имперфекта значительно преобладают над стяженными в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом, Остромировом евангелиях. Стяженные формы несколько чаще встречаются в Супрасльской рукописи и исключительно преобладают в Саввиной книге.

Происхождение форм имперфекта

§ 140. Образование славянского имперфекта, сложившегося в общеславянском языке, не имело себе соответствия в формах имперфекта других индоевропейских языков.

Происхождение суффиксов имперфекта [-ěach] и [-ach] неясно. В общеславянском языке славянский имперфект образовывался с помощью вторичных глагольных окончаний, которые присоединялись к основе имперфекта с помощью соединительного гласного [o/e] (гласный [o] употреблялся в формах 1-го л. ед., мн. ч. и дв. ч. и 3-го л. мн. ч., в остальных формах использовался гласный [e]). Например, от глагола *знати* формы имперфекта возникли следующим образом:

Ед. ч. 1-е л. zna-ach-ŏ-n > znaachŭn > znaachъ.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŭ], который давал на славянской почве редуцированный [ъ], а согласный [n] в конце слова по закону открытого слога утрачивался.)

2-е л. *zna-ach-e-s* > *znaaš'e*.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога, а согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации и изменялся в „š“.)

3-е л. *zna-ach-e-t* > *znaaš'e*.

(Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога, а согласный [ch] перед гласным [e] подвергался I палатализации.)

Мн. ч. 1-е л. *zna-ach-o-mōs* > *znaachomūs* > *znaachomъ*.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ū], который давал на славянской почве редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *zna-ach-e-te* > *znaaš'ete*.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. *zna-ach-o-nt* > *znaachot* > *znaachō*.

(Дифтонгическое сочетание [on] в позиции перед согласным монофтонгизировалось и давало [o], а конечный согласный [t] утрачивался.)

Дв. ч. 1-е л. *zna-ach-a-vě* > *znaachově*.

2-е л. *zna-ach-e-ta* > *znaaš'eta*.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. *zna-ach-e-te* > *znaaš'ete*.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

АОРИСТ

Аорист представлял в старославянском языке простое прошедшее время, указывающее на то, что действие в прошлом длилось короткий промежуток времени и было закончено. Образовывался аорист главным образом от перфективных глаголов. На русский язык формы аориста следует переводить глаголами совершенного вида.

В старославянских памятниках встречается два вида аориста: простой и сигматический.

Простой аорист

§ 141. Простой аорист образовывался от инфинитивной основы, оканчивающейся на согласный звук, к которой непосредственно присоединялись личные окончания. Возможно было образование простого аориста от глаголов II класса с инфинитивной основой на суффикс [-но]-нж, которому предшествовал согласный (например, *иштезнѣти*). Суффикс [-но] в форму простого аориста не входил.

Следовательно, эти формы в данном случае образовывались не от инфинитивной основы, а от корня.

Однако не от всех инфинитивных основ на согласный были представлены в старославянском языке формы простого аориста. Кроме того, если у глаголов с инфинитивной основой на согласный в корне употреблялся гласный [e], то формы простого аориста от этих глаголов зафиксированы в старославянских памятниках только во 2-м и 3-м л. ед. ч.

Образцы спряжения

Единственное число

	мошти	ити	иштезнѣти
1-е л.	могъ	идъ	иштезъ
2-е л.	може	иде	иштезе
3-е л.	може	иде	иштезе

Множественное число

1-е л.	могомъ	идомъ	иштезомъ
2-е л.	можете	идете	иштезете
3-е л.	могъ	идъ	иштезъ

Двойственное число

1-е л.	можокъ	идокъ	иштезокъ
2-е л.	можета	идета	иштезета
3-е л.	можете	идете	иштезете

Формы простого аориста были сходны с формами настоящего времени. Сравните, например, формы простого аориста от глагола *ити* с соответствующими формами настоящего времени:

Настоящее время	Аорист	Настоящее время	Аорист
Ед. ч. 1-е л. идъ	идъ	Мн. ч. 1-е л. идемъ	идомъ
2-е л. идеши	иде	2-е л. идете	идете
3-е л. идеть	иде	3-е л. идеть	идъ

Настоящее время

Настоящее время	Аорист
Дв. ч. 1-е л. идекъ	идокъ
2-е л. идета	идета
3-е л. идете	идете

В дальнейшем формы простого аориста начали выходить из употребления и заменялись формами сигматического аориста. При этом простой аорист передал сигматическому формы 2-го и 3-го л. ед. ч.

В Супрасльской рукописи встречается только один пример с формой простого аориста, что говорит о том, что для живой речи XI в. эти формы были уже не характерны.

Происхождение форм простого аориста

§ 142. Образовывался простой аорист в общеславянском языке следующим образом: к основе инфинитива на согласный присоединялись вторичные глагольные окончания с помощью соединительного гласного [o/e] (гласный [o] выступал в формах 1-го л. ед., мн. и дв. ч. и в 3-м л. мн. ч., а [e] — во всех остальных формах).

Например, от глагола *мошти* [mošt'ı] < *mogti простой аорист образовывался так:

Ед. ч. 1-е л. *mog-ō-n* > *mog-ŷ-n* > *mogъ*.

(Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŷ], который на славянской почве давал [ъ]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *mog-e-s* > *mož'e*.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога, а заднебный [g] перед гласной переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. *mog-e-t* > *mož'e*.

(Конечный [t] утрачивался по закону открытого слога, а заднебный [g] подвергался I палатализации.)

Мн. ч. 1-е л. *mog-o-mōs* > *mog-o-mŷs* > *mogomъ*.

(Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŷ], который на славянской почве давал [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *mog-e-te* > *mož'ete*.

(Заднебный [g] подвергался I палатализации.)

3-е л. *mog-o-nt* > *mogot* > *mogo*.

(Дифтонгическое сочетание [on] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировалось и дало [o]. Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога.)

Дв. ч. 1-е л. *mog-o-vě* > *mogově*.

2-е л. *mog-e-ta* > *mož'eta*.

(Заднебный [g] подвергался I палатализации.)

3-е л. *mog-e-te* > *mož'ete*.

(Заднебный [g] подвергался I палатализации.)

Сигматический аорист

§ 143. При образовании сигматического аориста личные окончания присоединялись не непосредственно к основе инфинитива, а с помощью суффикса [-s] (по-гречески буква s называется „сигмой“, с этим термином связано и название аориста), на месте которого мог выступать [-ch], чередующийся с [-š].

Сигматический аорист в старославянском языке образовывался от глаголов с инфинитивной основой на гласный и на согласный. При образовании этого аориста от глаголов с инфинитивной основой на гласный суффикс аориста присоединялся непосредственно к основе инфинитива.

Образцы спряжения сигматического аориста

	мошти	знати	чоути	видѣти
Единственное число				
1-е л.	молихъ	знахъ	чоухъ	видѣхъ
2-е л.	моли	зна	чоу	видѣ
3-е л.	моли	зна	чоу	видѣ
Множественное число				
1-е л.	молихомъ	знахомъ	чоухомъ	видѣхомъ
2-е л.	молисте	знасте	чоусте	видѣсте
3-е л.	молиша	знаша	чоуша	видѣша
Двойственное число				
1-е л.	молихоуѣ	знахоуѣ	чоухоуѣ	видѣхоуѣ
2-е л.	молиста	знаста	чоуста	видѣста
3-е л.	молисте	знасте	чоусте	видѣсте

Наиболее долго сохранялись формы сигматического аориста с суффиксом [-s] в том случае, когда они были образованы от глаголов с инфинитивной основой на носовой гласный [-e] -л. Формы сигматического аориста от этих глаголов чаще всего встречаются в Марииинском евангелии, Ассеманиевом евангелии и в Синайской псалтыри.

Например, от глагола (по)шати: *пошасъ* — Мар. ев., Лук. XIV, 20 (*пошухъ* — в Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн.), *шасомъ* — Мар. ев., Лук. V, 5 (*шухомъ* — Зогр. ев., Ас. ев., Остр. ев.); от глагола начати: *начасъ* — Мар. ев., Мф. XXVI, 22 (*начаша* — Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн.); от глагола распати: *распасъ* — Ас. ев., Мф. XXVII, 38 (*распаша* — Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев.).

Однако наряду с такими формами, как в этих памятниках, так особенно в других, начинает отражаться процесс обобщения аористного суффикса [-ch/-š]. В Саввиной книге и Супрасльской рукописи совсем уже нет форм аориста с суффиксом [-s].

В памятниках старославянского языка от глаголов с инфинитивной основой на гласный встречаются во 2-м и особенно в 3-м л. ед. ч. формы сигматического аориста, распространенные посредством окончания [-tъ]. Например, от *пити* — *питъ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. IV, 12 (*пи* — Остр. ев.); от *кѣспѣти* — *кѣспѣтъ* — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. XIV, 68, 72; *кѣспѣтъ* — Син. тр. 4^{6/13} (*кѣспѣ* — Сав. кн., Ио. XVIII, 27; Супр. 326₁); от *начати*: *начатъ* —

Сав. кн., Ас. ев., Мар. ев., Зогр. ев., Мф. XXVI, 37; Ио. XIII, 5 (нач. — Сав. кн., Мр. XIII, 31) и др.

От глаголов **выти** и **дати** во 2-м и 3-м л. ед. числа встречаются формы сигматического аориста, распространенные посредством окончания [-stь]. Например, от **выти** — **выгтх** — Сав. кн., Лук. XXII, 44; XV, 14; II, 42; Мф. XXVIII, 2; XXV, 6; Мр. IX, 21; Ио. I, 30 (**вы** — Сав. кн. Лук. XVI, 22); от **дати** — **дагтх** Мар. ев., Зогр. ев., Мр. V, 19; XIV, 23; Сав. кн., Мф. XXVI, 48; Ио. XVIII, 11, Мар. ев., Зогр. ев., Ио. XIII, 3; (**кзз**)**да** — Сав. кн., Лук. XVII, 16; (**отх**)**да** — Мар. ев., Зогр. ев., Сав. кн., Лук. VII, 42, 43 ((**отх**)**дагтх** — Ас. ев.) и т. д.

Окончания (-tь) и [-stь] проникли в сигматический аорист под влиянием формы 3-го л. ед. ч. настоящего времени.

§ 144. Сигматический аорист, как указывалось выше, мог образовываться и от глаголов с инфинитивной основой на согласный. При этом принято различать два его вида: сигматический аорист архаический и сигматический аорист нового типа.

Сигматический архаический аорист образовывался в старославянском языке посредством присоединения суффикса аориста непосредственно к основе инфинитива. При этом в основе аориста происходили фонетические изменения, сводившиеся к следующему: корневой гласный удлинялся, а корневой согласный перед суффиксом аориста [s] утрачивался. Например, от глагола **вогти** [bosti] < *bodti — 1-е л. ед. ч. **вагз** [basъ] > bōdsъ;

от глагола **нѣгти** [nesti] — 1-е л. ед. ч. **нѣгз** [nēsъ] < nēsъ.

Образцы спряжения сигматического архаического аориста

	кѣгти	рѣшти
Единственное число		
1-е л.	кѣгз	рѣхз
2-е л.	кѣдѣ	рѣчѣ
3-е л.	кѣдѣ	рѣчѣ
Множественное число		
1-е л.	кѣгомз	рѣхомз
2-е л.	кѣгтѣ	рѣгтѣ
3-е л.	кѣгаш	рѣгаш
Двойственное число		
1-е л.	кѣгокѣ	рѣхокѣ
2-е л.	кѣгта	рѣгта
3-е л.	кѣгтѣ	рѣгтѣ

При образовании сигматического архаического аориста формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по своему происхождению представляли формы простого аориста и всегда оканчивались на гласный [-e].

Характерной особенностью аориста нового типа являлось то, что при его образовании суффикс аориста присоединялся к основе инфинитива не непосредственно, а с помощью соединительного гласного [o]. Однако формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по-прежнему оставались по происхождению формами простого аориста. Так, от глаголов **рѣшти** [rešt'i] и **кѣгти** [vesti] формы сигматического аориста нового типа имели в старославянском языке следующий вид:

Единственное число	
1-е л.	рѣкохз кѣдохз
2-е л.	рѣчѣ кѣдѣ
3-е л.	рѣчѣ кѣдѣ
Множественное число	
1-е л.	рѣкохомз кѣдохомз
2-е л.	рѣкогтѣ кѣдогтѣ
3-е л.	рѣкогаш кѣдогаш
Двойственное число	
1-е л.	рѣкохокѣ кѣдохокѣ
2-е л.	рѣкогта кѣдогта
3-е л.	рѣкогтѣ кѣдогтѣ

§ 145. Формы аориста от нетематических глаголов

	выти	кѣдѣгти	гастн	дати	имѣгти
Единственное число					
1-е л.	выхз	кѣдѣхз	гасз, гахз	дахз	имѣхз
2-е л.	вы, выгтх	кѣдѣ	гастх	дагтх, да	имѣ
3-е л.	вы, выгтх	кѣдѣ	гастх	дагтх, да	имѣ
Множественное число					
1-е л.	выгомз	кѣдѣгомз	гасомз, гагомз	дагомз	имѣгомз
2-е л.	выгтѣ	кѣдѣгтѣ	гастѣ	дагтѣ	имѣгтѣ
3-е л.	выгаш	кѣдѣгаш	гасаш, гашаш	дагаш	имѣгаш
Двойственное число					
1-е л.	выхокѣ	кѣдѣхокѣ	гасокѣ, гахокѣ	дахокѣ	имѣхове(ѣ)
2-е л.	выгта	кѣдѣгта	гаста	дагта	имѣгта
3-е л.	выгтѣ	кѣдѣгтѣ	гастѣ	дагтѣ	имѣгтѣ

Происхождение форм сигматического аориста

§ 146. Сигматический аорист в общеславянском языке образовывался следующим образом: к основе инфинитива присоединялся

суффикс аориста [s] и вторичные глагольные окончания. При этом в 1-м л. ед., мн. и дв. ч. личные окончания присоединялись к основе аориста с помощью соединительного гласного [o].

Если основа инфинитива оканчивалась на индоевропейские звуки [i], [u], [r], [k], то суффикс [-s] в позиции после этих звуков переходил в общеславянском языке в [-ch-]. Но если согласный [s] входил в сочетание [st], то он сохранялся без изменения.

Под влиянием форм, где суффикс аориста [-s] фонетически закономерно переходил в [ch], этот же суффикс [-ch] начал употребляться и в тех формах аориста, которые образовывались от инфинитивных основ, оканчивающихся на [-ě]-ѣ и [-a]-а.

Разберем происхождение форм сигматического аориста от глагола *молити* [moliti].

Ед. ч. 1-е л. *moli-s-ōn* > *molichŭn* > *molichъ*.

(Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch]. Гласный [o] в конечном слоге подвергался более усиленной лабиализации. Возникал гласный [ŭ], который давал на славянской почве [ъ]. Конечный согласный [n] по закону открытого слога отпадал.)

2-е л. *moli-s-s* > *moli*.

(Группа [ss] в конце слова по закону открытого слога утрачивалась.)

3-е л. *moli-s-t* > *moli*.

(Группа [st] в конце слова по закону открытого слога утрачивалась.)

Таким образом, возникшая форма 2-го и 3-го л. ед. ч. [moli] по своему происхождению представляет чистую инфинитивную основу.

Мн. ч. 1-е л. *moli-s-o-mōs* > *molichomŭs* > *molichomъ*.

(Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch]. Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ], который давал на славянской почве [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *moli-s-te* > *moliste*.

3-е л. *moli-s-nt* > *molisnt* > *molichint* > *molichet* > *molis'ę*.

(Согласный [n] между двумя согласными развивал слоговость. Но слоговые носовые согласные не были характерны для славян. Утрата слоговости шла за счет развития гласного [i] перед носовым [ŋ]. Возникало дифтонгическое сочетание [in], которое, монофтонгизируясь, давало [ę]. Конечный [t] утрачивался по закону открытого слога. Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch], который перед гласным переднего ряда подвергался I палатализации и переходил в [š].)

Дв. ч. 1-е л. *moli-s-o-vě* > *molichově*.

(Согласный [s] после [i] переходил в [ch].)

2-е л. *moli-s-ta* > *molista*.

3-е л. *moli-s-te* > *moliste*.

Что касается происхождения форм сигматического архаического аориста от инфинитивных основ на согласный, то здесь наблюдалось следующее.

Например, от глагола *вести* [vesti] < *vedti:

Ед. ч. 1-го л. *věd-s-ō-n* > *vēsŭn* > *věsъ*.

(Сочетание [ds] было невозможно в славянской фонетической системе, оно упрощалось за счет утраты согласного [d]. Корневой гласный [ě] давал у славян [ě].)

Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *ved-e-s* > *vede*.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

3-е л. *ved-e-t* > *vede*.

(Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога.)

Формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по своему происхождению представляли собой формы простого аориста.

Мн. ч. 1-е л. *věd-s-o-mōs* > *vēsomŭs* > *věsomъ*.

(Упрощение сочетания [ds] шло за счет утраты [d]. Корневой гласный [ě] давал у славян [ě]. Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, переходил в [ŭ], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *věd-s-te* > *věste* > *věste*.

3-е л. *věd-s-nt* > *vědsnt* > *vēsint* > *věšet* > *věše*.

(Согласный [n] в позиции между двумя согласными развивал слоговость. Слоговые носовые согласные не были характерны для славян. Утрата слоговости шла за счет развития перед [ŋ] краткого гласного [i]. Возникало дифтонгическое сочетание [in], которое, монофтонгизируясь, давало [ě]. Конечный [i] утрачивался по закону открытого слога. Упрощение группы [ds] шло за счет утраты [d]. Корневой гласный [ě] давал на славянской почве [ě].)

Дв. ч. 1-е л. *věd-s-o-vě* > *věsově* > *věsově*

2-е л. *věd-s-ta* > *věsta* > *věsta*

3-е л. *věd-s-te* > *věste* > *věste*

ПРИЧАСТΙΑ

В старославянском языке употреблялись причастия действительного и страдательного залога, которые в свою очередь могли иметь формы настоящего и прошедшего времени.

Причастия действительного залога настоящего времени

§ 147. Причастия действительного залога настоящего времени образовывались в старославянском языке с помощью суффиксов [-ošŭt'] -шт или [-ęšt'] -шт, присоединявшихся к глагольной основе.

Посредством суффикса [-ošt'] происходило образование причастий от глаголов I, II, III классов, а посредством суффикса [-ešt'] — от глаголов IV класса. Например, I класс нести — нежшт- [nesošt'-]; II класс двигнѣти — двигнѣшт- [dvignošt'-]; III класс знати — знажшт- [znojšt'-]; IV класс молити — молашт- [molešt'-].

К образованной таким образом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания.

При этом причастия действительного залога настоящего времени мужского и среднего рода изменялись по типу склонения существительных с основой на -*jō (т. е. по мягкому варианту склонения с основой на -*ō) и получали такие же флексии, как и существительные типа конь и полѣ. Исключение составляли только: 1) форма им. пад. ед. ч., где причастия действ. зал. наст. вр. муж. и ср. р. имели вид: I класс — негы, II класс — дигны, III класс — знага, IV класс — мола; и 2) форма им. пад. мн. ч. для муж. р., где причастия получали флексию [e] под влиянием склонения имен с основой на согласный.

Причастия жен. р. изменялись по типу склонения существительных с основой на -*jā (т. е. по мягкому варианту склонения с основой на -*ā) и получали такие же флексии, как существительные типа равыйи, земля.

При этом суффикс [-ošt'] -жшт или [-ešt'] -шт выступает во всех падежных формах причастий жен. р. В форме им. пад. ед. ч. причастия жен. р. всегда оканчиваются на [-i].

Таким образом, причастия действ. зал. наст. вр. склонялись следующим образом:

Единственное число

Мужской род

Им.	негы	знага	мола
Род.	нежштя	знажштя	молаштя
Дат.	нежштю	знажштю	молаштю
Вин.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Твор.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Местн.	нежшти	знажшти	молашти

Средний род

Им.	негы	знага	мола
Род.	нежштя	знажштя	молаштя
Дат.	нежштю	знажштю	молаштю
Вин.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Твор.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Местн.	нежшти	знажшти	молашти

Женский род

Им.	нежшти	знажшти	молашти
Род.	нежштя	знажштя	молаштя
Дат.	нежшти	знажшти	молашти
Вин.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Твор.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Местн.	нежшти	знажшти	молашти

Множественное число

Мужской род

Им.	нежште	знажште	молаште
Род.	нежшть	знажшть	молашть
Дат.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Вин.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Твор.	нежшти	знажшти	молашти
Местн.	нежштихъ	знажштихъ	молаштихъ

Средний род

Им.	нежштя	знажштя	молаштя
Род.	нежшть	знажшть	молашть
Дат.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Вин.	нежштя	знажштя	молаштя
Твор.	нежшти	знажшти	молашти
Местн.	нежштихъ	знажштихъ	молаштихъ

Женский род

Им.	нежштя	знажштя	молаштя
Род.	нежшть	знажшть	молашть
Дат.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Вин.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Твор.	нежштѣми	знажштѣми	молаштѣми
Местн.	нежштихъ	знажштихъ	молаштихъ

Двойственное число

Мужской род

Им.-вин.	нежштя	знажштя	молаштя
Род.-местн.	нежштю	знажштю	молаштю
Дат.-твор.	нежштѣма	знажштѣма	молаштѣма

Средний род			
Им.-вин.	негѣшти	знагѣшти	молашти
Род.-местн.	негѣштию	знагѣштию	молаштию
Дат.-твор.	негѣштиема	знагѣштиема	молаштиема

Женский род			
Им.-вин.	негѣшти	знагѣшти	молашти
Род.-местн.	негѣштию	знагѣштию	молаштию
Дат.-твор.	негѣштиама	знагѣштиама	молаштиама

От нетематических глаголов, т. е. глаголов V класса, формы причастий действ. зал. наст. вр. были представлены в следующем виде:

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
от выти:	Ед. ч. Им. ѡ	ѡ	ѣшти
	Род. ѣштиа	ѣштиа	ѣштиа и т. д.
от дати:	Ед. ч. Им. дады	дады	дадѣшти
	Род. дадѣштиа	дадѣштиа	дадѣштиа и т. д.
от лести:	Ед. ч. Им. леды	леды	ледѣшти
	Род. ледѣштиа	ледѣштиа	ледѣштиа и т. д.
от кѣдѣти:	Ед. ч. Им. кѣды	кѣды	кѣдѣшти
	Род. кѣдѣштиа	кѣдѣштиа	кѣдѣштиа и т. д.

Наряду с краткими формами причастий действ. зал. наст. вр. употреблялись полные формы, которые образовались так же, как и полные прилагательные, т. е. к соответствующей форме кратких причастий присоединялась форма от указательного местоимения и(же), и(же), ѡ(же):

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч. Им.	негѣши	негѣштиѡ	негѣштиа
Род.	негѣштиаѡ	негѣштиаѡ	негѣштиаа
Дат.	негѣштиѡѡу	негѣштиѡѡу	негѣштиа
Вин.	негѣшти (негѣшти)	негѣштиѡ	негѣштиаа
Твор.	негѣштиимь	негѣштиимь	негѣштиаа
Местн.	негѣштиимь	негѣштиимь	негѣштиа
Мн. ч. Им.	негѣштен	негѣштиаа	негѣштиаа
Род.	негѣштинѣхъ	негѣштинѣхъ	негѣштинѣхъ
Дат.	негѣштинимъ	негѣштинимъ	негѣштинимъ
Вин.	негѣштиаа	негѣштиаа	негѣштиаа
Твор.	негѣштиним	негѣштиним	негѣштиним
Местн.	негѣштинѣхъ	негѣштинѣхъ	негѣштинѣхъ

	М	* ер.	
Дв. ч. Им.-вин.	негѣштиаа	негѣшти	негѣшти
Род.-местн.	негѣштию	негѣштию	негѣштию
Дат.-твор.	негѣштиним	негѣштиним	негѣштиним

Как видно из приведенного образца склонения полных форм причастий действ. зал. наст. вр. ср. р., в образование им. пад. ед. ч. входила именная форма, равная вин. пад. ед. ч. и оканчивающаяся на [-št'e] -шtie: негѣштиѡ.

При образовании полной формы причастий муж. р. в им. пад. мн. ч. в памятниках старославянского языка встречается именная форма с окончанием на [i]: ѣшти, неакидашти.

Происхождение форм причастий действительного залога настоящего времени

§ 148. Эти причастия в общеславянский период образовывались от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс [-nt] и соответствующие падежные окончания.

Таким образом, форма им. пад. ед. ч. причастий действ. зал. наст. вр. для муж. р. возникла следующим образом:

От глагола нести [nesti]: Им. ед. *neso-nt-s* > *nesōns* > *nesūns* > *nesy*, ст.-слав. негы.

(Сочетание [ts] было невозможно на славянской почве, и упрощение данной группы согласных шло за счет утраты [t]. Гласный [o] удлинялся благодаря следовавшей за ним группе согласных [ns] и подвергался усиленной лабиализации в конечном слоге. Возникший долгий гласный [ū] давал на славянской почве [y], а конечные согласные [ns] по закону открытого слога утрачивались.)

От глагола знати [znati]: Им. ед. *znajo-nt-s* > *znajēns* > *znaje*, ст.-слав. знага.

(Группа согласных [ts] упрощалась благодаря утрате [t], гласный [o] после мягкого согласного [j] передвигался в передний ряд, и возникал гласный [e], который удлинялся за счет следовавшей за ним группы согласных [ns]. Дифтонгическое сочетание [en], монофтонгизируясь, давало [e], а конечный [s] утрачивался согласно закону открытого слога.)

От глагола молити [moliti]: Им. ед. *moli-nt-s* > *molins* > *moļe*, ст.-слав. мола.

(Группа согласных [ts] упрощалась за счет утраты [t], дифтонгическое сочетание [in], монофтонгизируясь, давало [e], а конечный согласный [s] на славянской почве утрачивался по закону открытого слога.)

Что касается других падежных форм, то там основа причастия для муж. и ср. р. осложнялась дополнительным суффиксом -*jō, который был характерен для имен с основой на -*ō (мягкий вариант склонения)¹.

¹ Именно поэтому причастия действ. зал. муж. и ср. р. имеют в старославянском языке флексии, характерные для имен с основой на -*ō (мягкий вариант), а причастия жен. р. — для имен с основой на -*ā (мягкий вариант).

Рассмотрим это на примере образования вин. пад. ед. ч. для муж. р.:

От *нести*: *neso-nt-jō-n* > *nesōšt'ŭn* > *nesōšt'ъ* > *nesōšt'ь* ст.-слав. *несѣштъ*.

(Сочетание [tj] давало у славян [št'], дифтонгическое сочетание [on], монофтонгизируясь, давало [o]. Гласный [ō], в конечном слоге подвергаясь усиленной лабиализации, переходил в гласный [ū], который у славян давал редуцированный [ъ]. Звук [ъ] после мягкого согласного передвигался в передний ряд и изменялся в [ь]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

От *знати*: *znajo-nt-jō-n* > *znajošt'ōn* > *znajošt'ŭn* > *znajošt'ъ* > *znajošt'ь*, ст.-слав. *знаѣштъ*.

От *молити*: *moli-nt-jō-n* > *molešt'ōn* > *molešt'ŭn* > *molešt'ъ* > *molešt'ь*, ст.-слав. *молѣштъ*.

Что касается причастий действ. зал. наст. вр. жен. р., то они также образовывались от основы наст. вр. с помощью суффикса [nt]. Но основа причастия во всех падежных формах осложнялась еще суффиксом [-*jā], который был характерен для имен с основой на -*ā (мягкий вариант). При этом в им. пад. ед. ч. данный суффикс выступал в ослабленном виде [-jī]:

Им. ед. *neso-nt-jī* > *nesōšt'ī* > *nesōšt'ī*, ст.-слав. *несѣшти*.

Вин. ед. *neso-nt-jā-m* > *nesōšt'ām* > *nesōšt'ō*, ст.-слав. *несѣштиѣ*.

Таким образом, старославянский суффикс [-ōšt'] -шт восходит к сочетанию [ontj], где [o] представлял собой гласный, на который оканчивалась основа наст. вр., сочетание [nt] являлось древнейшим суффиксом причастий, а [j] входил в состав суффикса [-*jō] (или [-*jā]), которым осложнялась основа причастия и который был характерен для имен с основой на -*jō (или на -*jā).

Старославянский суффикс [-ēšt'] -шт восходит к сочетанию [-intj], в котором гласный [i] представлял собой окончание основы наст. вр., сочетание [nt] — древнейший суффикс причастий, [j] входил в состав суффикса [-*jō] (или [-*jā]), которым осложнялась основа причастия и который был характерен для имен с основой на -jō (или на -jā).

Причастия действительного залога прошедшего времени

§ 149. Причастия действ. зал. прош. вр. в старославянском языке образовывались от основы инфинитива, к которой присоединялся суффикс [-ъš'] -ш или [-vъš'] -вш и соответствующие падежные окончания.

С помощью суффикса [-ъš'] -ш образовывалась основа причастий от глаголов, у которых инфинитивная основа оканчивалась на согласный: от *нести* [nes-ti]: *несѣш-* [nesъš'-]; от *вести* [ves-ti] < *ved-ti*: *ведѣш-* [vedъš'-]; от *оумрѣти* [umrē-ti] < *umer-ti*: *оумерѣш-* [umerъš'-]; от *прострѣти* [prostrē-ti] < *proster-ti*: *простерѣш-* [prosterъš'-].

Суффикс [-vъš'] -вш присоединялся к инфинитивным основам, оканчивающимся на гласный звук: от *вити* [bi-ti]: *викѣш-* [bivъš'-]; от *видѣти* [vidē-ti]: *видѣвѣш-* [vidēvъš'-]; от *писати* [pisa-ti]: *писавѣш-* [pisavъš'-]; от *минѣти* [minō-ti]: *минѣвѣш-* [minōvъš'-].

При этом следует иметь в виду:

1. Если у глаголов II класса перед суффиксом инфинитивной основы [-nō] -нѣ употреблялся согласный звук, то образование основы причастия прош. вр. шло с помощью суффикса [-ъš'] -ш, который присоединялся непосредственно к корню без суффикса инфинитивной основы. Например: *вззавиѣнѣти* [vъzdvignōti]: *вззавиѣнѣш-* [vъzdvignōti].

2. У глаголов IV класса с инфинитивной основой на гласный [i] основа причастия действ. зал. прош. вр. в более ранний период образовывалась с помощью суффикса [-ъš'] -ш. Например: *хвалити* [chvali-ti]: *хвалѣш-* [chvalъš'-]; *пристѣпити* [pristopi-ti]: *пристѣплѣш-* [pristoplъš'-]; *родити* [rodi-ti]: *рождѣш-* [roždъš'-].

При этом гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, перед следующим гласным изменялся в [i (j)], который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его. А после мягкого согласного редуцированный [ъ] > [ь].

Позднее в обоих этих случаях основа причастия начинает образовываться и с помощью суффикса [-vъš'] -вш. Например, *вззавиѣнѣти*: *вззавиѣнѣвѣш-* [vъzdvignōvъš'-], *вззавиѣнѣти*: *вззавиѣнѣвѣш-* [vъzdvignōvъš'-], *хвалити*: *хваливѣш-* [chvalivъš'-], *пристѣпити*: *пристѣпѣш-* [pristopivъš'] и т. д.

Особенно часто причастия действ. зал. прош. вр. с такой основой от этих глаголов встречаются в Супрасльской рукописи.

К образованной таким способом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания. При этом причастия муж. и ср. р. изменялись по типу склонения существительных с основой на -*ō (мягкий вариант), т. е. как существительные типа *конь* и *поле*, а причастия жен. р. — по типу склонения существительных с основой на -*ā (мягкий вариант), т. е. как существительные типа *равьни*, *земля*.

Особый вид имели формы причастий в им. пад. ед. ч. для муж. и ср. р., где суффикс причастия выступал в неполном виде: *вѣти* — *вѣдѣ*, *несѣти* — *несѣ*, *ити* — *шѣдѣ*, *дѣити* — *дѣиѣ*, *знаѣти* — *знаѣ*, *хвалити* — *хвалѣ* и т. д.

В им. пад. мн. ч. причастия муж. р. имели флексию [-e] под влиянием склонения с основой на согласный: *вѣдѣше*, *несѣше*, *знаѣше*, *шѣе*, *хвалѣше*.

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	несѣ	несѣ	несѣши
Род.	несѣши	несѣши	несѣшиѣ
Дат.	несѣшю	несѣшю	несѣши

Вин.	негъшь	негъше	негъшѣ
Твор.	негъшьемь	негъшьемь	негъшьемѣ
Местн.	негъши	негъши	негъши

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знакъ	знакъ	знакъши
Род.	знакъша	знакъша	знакъша
Дат.	знакъшю	знакъшю	знакъши
Вин.	знакъшь	знакъше	знакъшѣ
Твор.	знакъшьемь	знакъшьемь	знакъшьемѣ
Местн.	знакъши	знакъши	знакъши

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	хкаль	хкаль	хкальши
Род.	хкальша	хкальша	хкальша
Дат.	хкальшю	хкальшю	хкальши
Вин.	хкальшь	хкальше	хкальшѣ
Твор.	хкальшьемь	хкальшьемь	хкальшьемѣ
Местн.	хкальши	хкальши	хкальши

Множественное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	негъше	негъша	негъша
Род.	негъшь	негъшь	негъшь
Дат.	негъшьемъ	негъшьемъ	негъшьамъ
Вин.	негъша	негъша	негъша
Твор.	негъши	негъши	негъшамн
Местн.	негъшихъ	негъшихъ	негъшахъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знакъше	знакъша	знакъшѣ
Род.	знакъшь	знакъшь	знакъшь
Дат.	знакъшьемъ	знакъшьемъ	знакъшамъ
Вин.	знакъша	знакъша	знакъша
Твор.	знакъши	знакъши	знакъшамн
Местн.	знакъшихъ	знакъшихъ	знакъшахъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	хкальше	хкальша	хкальша
Род.	хкальшь	хкальшь	хкальшь
Дат.	хкальшьемъ	хкальшьемъ	хкальшамъ

Вин.	хкальша	хкальша	хкальша
Твор.	хкальши	хкальши	хкальшамн
Местн.	хкальшихъ	хкальшихъ	хкальшахъ

Двойственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	негъша	негъши	негъши
Род.-местн.	негъшю	негъшю	негъшю
Дат.-твор.	негъшьема	негъшьема	негъшамма

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	знакъша	знакъши	знакъши
Род.-местн.	знакъшю	знакъшю	знакъшю
Дат.-твор.	знакъшьема	знакъшьема	знакъшамма

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	хкальша	хкальши	хкальши
Род.-местн.	хкальшю	хкальшю	хкальшю
Дат.-твор.	хкальшьема	хкальшьема	хкальшьема

Наряду с краткими формами причастий действ. зал. прош. вр. употреблялись полные формы, которые образовывались так же, как полные прилагательные и полные причастия действ. зал. наст. вр. Например:

Ед. ч. Им. Муж. р.	негъи(негъи)	Ср. р. негъше	Жен. р. негъши
Род.	негъшаюго	негъшаюго	негъшамъ

и т. д.

Кроме рассмотренных выше причастий действ. зал. прош. вр., в старославянском языке употреблялись еще причастия с суффиксом [-1] -а, которые изменялись только по родам и числам и служили для образования сложных и описательных глагольных времен и форм. Например:

вѣсти [vesti] < vedti: вѣлъ [velъ] < vedlъ, вѣло, вѣла;
негъти: негъъ, негъло, негъла;
знати: зналъ, знало, знала и т. д.

Происхождение форм причастий действительного залога прошедшего времени

§ 150. Причастия действительного залога прошедшего времени представляли некогда формы с основой на согласный. Основа этого причастия образовывалась от основы инфинитива с присоединением суффикса [üs] > [ъs] или [цüs] > [въs]. Во всех падежных формах (за исключением им. пад. ед. ч.) основа причастия для муж. и ср. р.

распространялась суффиксом [*-jǫ], а для жен. р. — суффиксом [*-jā] (им. пад. ед. ч. имел ослабленный вид этого суффикса [*-jī]). При этом [j] ассимилировался с предшествующим ему согласным, смягчая его. В результате [sj] > [š].

Таким образом, ст.-слав. суффикс [-ъš'] < -ǫsj, а [-vъš'] < -ǫšj.

Рассмотрим, как образовывалась форма причастия действ. зал. прош. вр. в им. пад. ед. ч. для муж. р.

От негти: nes-ǫs-s > nesǫs > nešъ, ст.-слав. негъ. (Конечные согласные ассимилировались и дали один согласный [s], который по закону открытого слога утрачивался, а краткий гласный [ǫ] > [ъ].)

От знати: zna-ǫs-s > znavǫs > znavъ, ст.-слав. знавъ. (Конечные согласные ассимилировались: [ss] > [s], который утрачивался по закону открытого слога. Неслоговое [ǫ] в позиции перед следующим гласным переходило на славянской почве в [v], а краткий гласный [ǫ] > [ъ].)

От родити: rodi-ǫs-s > rodjǫs (= rodjǫs) > rožd'ъ > rožd'ъ, ст.-слав. рождь. (Конечные согласные [ss] ассимилировались и дали [s], который утрачивался по закону открытого слога. Гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, в позиции перед следующим гласным становился неслововым и ассимилировался с предшествующим ему согласным, смягчая последний. В результате [dj] > [žd']. Краткий гласный [ǫ] > [ъ], который после мягких согласных передвигался в передний ряд, т. е. [ъ] > [ь].)

В других падежных формах, как отмечалось выше, основа причастий муж. и ср. р. распространялась суффиксом [*-jǫ]. Так, например, вин. пад. ед. ч. у причастий муж. р. образовывался следующим образом:

От негти: nes-ǫs-jǫ-n > nesǫš'ǫn > nešъš'ъ > nešъš'ъ, ст.-слав. негъшь. (Согласный [j] ассимилировался с предшествующим ему согласным [s]: [sj] > [š']. Гласный [ǫ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ǫ]. Конечный согласный [n] отпадал согласно закону открытого слога. Краткий гласный [ǫ] > [ъ]. После мягкого согласного [ъ] > [ь].)

От знати: zna-ǫs-jǫ-n > znavǫš'ǫn > znavъš'ъ > znavъš'ъ, ст.-слав. знакъшь.

От родити: rodi-ǫs-jǫ-n > rodjǫš'ǫn (= rodjǫš'ǫn) > rožd'ъš'ъ > rožd'ъš'ъ, ст.-слав. рождъшь.

Страдательные причастия

§ 151. Основа страдательных причастий настоящего времени в старославянском языке образовывалась с помощью суффикса [-m]-м, который присоединялся к глагольной основе настоящего времени: I класс негти: негом- [neso-m-]; III класс знати: знаем- [znaje-m-]; IV класс любви: любим- [l'ubi-m-].

К образованной таким образом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания. В им. пад. ед. ч. данные причастия представлены в следующем виде:

негомъ, негомѣ, негома;
знаемъ, знаемѣ, знаема;
любимъ, любимѣ, любима.

Страдательные причастия настоящего времени муж. и ср. р. изменялись по типу склонения имен с основой на *-ǫ, т. е. как существительные равъ и село, а причастия жен. р. — по типу склонения имен с основой на *-ā, т. е. как существительное страна.

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	негомъ	негѣ	негома
Род.	негома	негома	негомы
Дат.	негомоу	негомоу	негомѣ
Вин.	негомъ	негѣ	негомъ
Твор.	негомѣ	негомѣ	негомѣ
Местн.	негомѣ	негомѣ	негомѣ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знаемъ	знаемѣ	знаема
Род.	знаема	знаема	знаемы
Дат.	знаемоу	знаемоу	знаемѣ
Вин.	знаемъ	знаемѣ	знаемъ
Твор.	знаемѣ	знаемѣ	знаемѣ
Местн.	знаемѣ	знаемѣ	знаемѣ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	любимъ	любимѣ	любима
Род.	любима	любима	любимы
Дат.	любимоу	любимоу	любимѣ
Вин.	любимъ	любимѣ	любимъ
Твор.	любимѣ	любимѣ	любимѣ
Местн.	любимѣ	любимѣ	любимѣ

Множественное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	негоми	негома	негомы
Род.	негомъ	негомъ	негомъ
Дат.	негомомъ	негомомъ	негомѣ

Вин.	негомы	негома	негомы
Твор.	негомы	негомы	негомами
Местн.	негомѣхъ	негомѣхъ	негомахъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знаѣми	знаѣма	знаѣмы
Род.	знаѣмъ	знаѣмъ	знаѣмъ
Дат.	знаѣмомъ	знаѣмомъ	знаѣмамъ
Вин.	знаѣмы	знаѣма	знаѣмы
Твор.	знаѣмы	знаѣмы	знаѣмами
Местн.	знаѣмѣхъ	знаѣмѣхъ	знаѣмахъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	любими	любима	любимы
Род.	любимъ	любимъ	любимъ
Дат.	любимомъ	любимомъ	любимамъ
Вин.	любимы	любима	любимы
Твор.	любимы	любимы	любимиами
Местн.	любимѣхъ	любимѣхъ	любимахъ

Двойственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	негома	негомѣ	негомѣ
Род.-местн.	негомоу	негомоу	негомоу
Дат.-твор.	негомома	негомома	негомома

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	знаѣма	знаѣмѣ	знаѣмѣ
Род.-местн.	знаѣмоу	знаѣмоу	знаѣмоу
Дат.-твор.	знаѣмома	знаѣмома	знаѣмома

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	любима	любимѣ	любимѣ
Род.-местн.	любимоу	любимоу	любимоу
Дат.-твор.	любимома	любимома	любимома

§ 152. Основа страдательных причастий прош. вр. образовывалась в старославянском языке с помощью суффиксов [-n]-н, [-t]-т или [-en]-ен, которые присоединялись к основе инфинитива.

1. Суффикс [-en] присоединялся к инфинитивным основам, равным корню и оканчивающимся на согласный звук: плѣсти [plesti] < pletti — плѣтен-[pletен-], рѣшти [rešt'i] < rekti — рѣчен-[reč'en] < reken- и т. д.

Посредством этого суффикса образовывалась основа причастия^{окт} и от глаголов II класса, если перед суффиксом инфинитивной основы [-n] был согласный: дѣвигнѣти [dvignōti] — дѣвиген-[dviž'en] < < gvigen-. Этот же суффикс использовался при образовании основы страдат. причастия прош. вр. от глаголов IV класса с инфинитивной основой на гласный [-i]: любити [l'ubiti] — любѣен-[l'ubl'en-], проити [prostiti] — прощен-[proš'en-] и т. д. При этом гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, в позиции перед следующим гласным изменялся в неслоговой [i(j)], который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его.

Суффикс [-en]-ен входил в состав основы причастий, образованных от инфинитивных основ, оканчивающихся на [-y]-ы: покрити [pokry-ti] — покрен-[pokr'ven-]; забыти [zaby-ti] — забвен-[zab'ven-].

Как видно из примеров, вместо гласного [y], на который оканчивалась инфинитивная основа, в основе страдательных причастий выступает сочетание [-ъv] -ък.

2. Посредством суффикса [-n] образовывалась основа причастий от глаголов с инфинитивной основой на гласный [-a] или суффиксальный гласный [-ě]: знати [znati] — знан-[znan-]; видѣти [vidēti] — видѣн-[vidēn-]; сѣдѣлати [sědēlati] — сѣдѣлан-[sědēlan-].

3. Суффикс [-t] использовался при образовании причастий от глаголов с инфинитивной основой, оканчивающейся на неполногласное сочетание [-rě]-рѣ или на гласный корня [-e]-а, [-i]-и, [-ě]-ѣ, [-u]-у: бити [biti] — бит-[bit-]; кити [viti] — кит-[vit-]; пѣти [pēti] — пѣт-[pēt-]; клати [kletī] — клат-[klet-]; начати [nač'eti] — начат-[nač'et-]; обути [obuti] — обут-[obut-]; прогнѣти [ptōstrēti] — прогнѣт-[prostr't-], пожрѣти [pož'rēti] — пожрѣт-[pož'rt-].

От глаголов III класса с инфинитивной основой на [-i] встречается также основа страдат. причастия прош. вр. с суффиксом [-en]-ен: бити [biti] — бжен-[bijen-]. Страдат. причастия прош. вр. изменялись по падежам так же, как и страдат. причастия наст. вр., а именно: причастия муж. и ср. р. получали флексии, характерные для имен с основой на *-ō, т. е. склонялись по типу существительных равн и село, а причастия жен. р. изменялись по типу склонения имен с основой на *-ā, т. е. как существительное страна:

	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч. Им.	плѣтенъ начатъ	плѣтено начато	плѣтена начата
Род.	плѣтена начата	плѣтена начата	плѣтены начаты
Дат.	плѣтеноу начатоу	плѣтеноу начатоу	плѣтенѣ начатѣ
и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ō.		и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ō.	и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ā.

Наряду с краткими формами страдат. причастий в памятниках старославянского языка встречаются их полные формы, которые образовывались так же, как и полные формы прилагательных, т. е.

кратким формам причастий присоединялись соответствующие падежные формы от указательного местоимения и (же), ю (же), я (же):

Им. ед. муж. р.	обоутъ — обоутъи (обоутыи), кедомъ — кедомъи (кедомыи)
ср. р.	обоуто — обоутое кедомо — кедомое
жен. р.	обоута — обоутая кедома — кедомая
Род. ед. муж. р.	обоута — обоутаного кедома — кедоманого и т. д.
ср. р.	обоута — обоутаного кедома — кедоманого и т. д.
жен. р.	обоуты — обоутыа кедомы — кедомыа и т. д.

По своему происхождению старославянские суффиксы страдательных причастий [-m], [-t], [-n], [-en] восходят для муж. и ср. р. к *-mō, *-tō, *-nō, *-enō, а для женского рода к *-mā, *-tā, *-nā, *-enā.

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 153. Формы условного наклонения передавались в старославянском языке описательно, а именно: причастие действ. зал. прош. вр. с суффиксом [-l], образованное от спрягаемого глагола, соединялось с особыми формами от глагола *выти*. В древнейших старославянских памятниках формы вспомогательного глагола *выти* для условного наклонения образовывались таким образом:

Ед. ч. 1-е л.	вимь	Мн. ч. 1-е л.	вимъ
2-е л.	ви	2-е л.	висте
3-е л.	ви	3-е л.	вж (виша)

Формы двойственного числа условного наклонения от *выти* не сохранились в памятниках старославянского языка. Например, *да и вж обавьтиши глкомъ* — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. XII, 13; *и аште не виша прѣкратиши га дзе ти* — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 22; *не ви была спасена кзѣтка пхть* — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. XIII, 20; *да гз другы мои кзкзекелиа га вимь* — Зогр. ев., Лук. XV, 29.

Некоторые ученые (например, А. М. Селищев) предполагают, что эти формы от *выти* по своему происхождению представляли остатки давних форм желательного наклонения.

Позднее наряду с этой формой условное наклонение начинает передаваться с помощью форм аориста от *выти*, которые в дальнейшем вытесняют первую форму:

Ед. ч. 1-е л.	выхъ	Мн. ч. 1-е л.	выхомъ	Дв. ч. 1-е л.	выхоѣ
2-е л.	вы	2-е л.	выте	2-е л.	выста
3-е л.	вы	3-е л.	виша	3-е л.	высте

При этом следует иметь в виду, что во 2-м и 3-м л. ед. ч. для передачи условного наклонения не использовалась форма аориста *вытх*.

Например, *да гз другы мои кзкзекелиа га выхъ* — Остр. ев., Сав. кн., Лук. XV, 29 (вимь — Зогр. ев., Мар. ев.).

Сопоставление этих двух форм от глагола *выти* показывает, что между ними очень рано начала обнаруживаться связь. Наиболее ранним отражением этой связи является употребление формы 2-го л. мн. ч. *висте* с окончанием *-те*, что было вызвано влиянием формы аориста *выте*. Форма 3-го л. мн. ч. *виша*, которая могла употребляться наряду с формой *вж*, также возникла под влиянием формы аориста 3-го л. мн. ч. *виша*.

ПЕРФЕКТ

§ 154. Перфект представлял собой сложное прошедшее время, и им в старославянском языке обозначалось такое действие в прошлом, результаты которого были представлены в настоящем. Образовывались формы перфекта в старославянском языке следующим образом: к причастию действительного залога прошедшего времени с суффиксом [-l], образованному от спрягаемого глагола, присоединялась форма настоящего времени от глагола *выти*.

Например, для глагола „дати“ форма перфекта имела такой вид:

	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч. 1-е л.	далъ егьмь,	дало егьмь,	дала егьмь
2-е л.	далъ еги,	дало еги,	дала еги
3-е л.	далъ егтхъ,	дало егтхъ,	дала егтхъ
Мн. ч. 1-е л.	дали егьмъ,	дала егьмъ,	далы егьмъ
2-е л.	дали егте,	дала егте,	далы егте
3-е л.	дали гжтхъ,	дала гжтхъ,	далы гжтхъ
Дв. ч. 1-е л.	далѣ егьѣ,	далѣ егьѣ,	далѣ егьѣ
2-е л.	дала егста,	далѣ егста,	далѣ егста
3-е л.	дала егте,	далѣ егте,	далѣ егте

Например, *мыѣ николиже не далъ еси козымте* — Зогр. ев., Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Остр. ев., Лук. XV, 29.

Вспомогательный глагол в формах перфекта опускается редко, да и то только в 3-м лице ед. ч. Из всех старославянских памятников пропуск вспомогательного глагола в форме 3-го л. ед. ч. перфекта встречается часто лишь в Супрасльской рукописи; например, *чудо гзтворихъ зхрштинимъ чина же напльнихъ и печаль . . . оутѣшиахъ* — 93₂₃₋₂₆.

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

§ 155. Плюсквамперфект представлял собой сложное прошедшее время, и им обозначалось в старославянском языке такое действие, которое произошло ранее другого прошедшего действия. Образовывались формы плюсквамперфекта, так же как и формы перфекта, описательным способом, а именно: к причастию действительного залога прошедшего времени с суффиксом [-i], образованному от спрягаемого глагола, присоединялась форма имперфекта или аориста (с имперфектным значением) или перфекта от глагола *быти*:

- I. Ед. ч. 1-е л. *даах* (дало, дала) *вѣахъ* и т. д.
 II. > > > *даах* (дало, дала) *вѣахъ* и т. д.
 III. > > > *даах* (дало, дала) *быахъ* (было, была) *югь* и т. д.

Например, *иже и вѣахъ видѣли* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Ио. IX, 8; *ѣ бо вѣ знамение даах имъ* — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XXII, 47.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 156. Формы будущего времени передавались в старославянском языке несколькими способами:

1. Получили значение будущего времени формы настоящего времени перфективных глаголов: *паахъ*, *реахъ*, *кзъахъ* и т. д. Значение будущего времени получили также формы гл. *быти* с супплетивным корнем *вѣд* [bŏd-]:

Ед. ч. 1-е л. <i>вѣдѣ</i>	Мн. ч. <i>вѣдѣмъ</i>	Дв. ч. <i>вѣдѣтъ</i>
2-е л. <i>вѣдѣши</i>	<i>вѣдѣте</i>	<i>вѣдѣта</i>
3-е л. <i>вѣдѣтъ</i>	<i>вѣдѣтъ</i>	<i>вѣдѣте</i>

Например, *что оубо вѣдѣтъ намъ* — Ас. ев., Мф. XIX, 27; *мнози же вѣдѣтъ прѣки послѣднии и послѣднии прѣки* — Ас. ев., Мф. XIX, 30; *вѣдѣтъ бо тогда скръвь великъ* — Мар. ев., Мф. XXIV, 21.

2. Будущее время могло образовываться и описательно: к инфинитиву спрягаемого глагола присоединялись формы настоящего времени вспомогательного глагола. В качестве такого глагола выступал обычно один из следующих: *начати*, *имѣти*, *хотѣти*. Например, *оуглашати же имате врани* — Мар. ев., Мф. XXIV, 6; *что хоштете ми дати* — Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XXVI, 15; *и ненавидѣти ꙗко начнѣтъ* — Сав. кн., Мф. XXIV, 10; *и начнѣтъ бити клебѣты скоа* — Мар. ев., Мф. XXIV, 48 и т. д.

3. Будущее время образовывалось описательным способом также и в том случае, если оно служило для выражения будущего предварительного и, следовательно, указывало на такое действие, которое должно было предшествовать другому будущему действию.

Образовывались формы будущего предварительного следующим образом: к причастию действ. зал. прош. вр. с суффиксом [-i] от

спрягаемого глагола присоединялась форма наст. вр. от глагола *быти* (с основой *вѣд*):

- 1-е л. *вѣдѣхъ сътворихъ*, -ло, -ла.
 2-е л. *вѣдѣши сътворихъ*, -ло, -ла.
 3-е л. *вѣдѣтъ сътворихъ*, -ло-, -ла и т. д.

ИНФИНИТИВ. СУПИН

§ 157. Инфинитив и супин принадлежали к именным формам глагола.

По происхождению инфинитив представлял собой окаменевшую форму дат. пад. ед. ч. от имен с основой на *-i. Приметой инфинитива является окончание [-ti], которое присоединяется к основе. Например, *зна-ти*, *ви-ти*, *кры-ти*, *нес-ти* и т. д.

Если основа инфинитива оканчивалась на согласный [d], [t], [k], [g], то в сочетании с окончанием [-ti] данные согласные подвергались фонетическим изменениям, которые сводятся к следующему. Сочетание [kt(gt)] перед гласным переднего ряда [i] изменялось в [št'], а сочетание [tt(dt)] — в [st]:

- rekti* > *rešt'i*, ст.-слав. *решти*; *mogti* > *mošt'i*, ст.-слав. *мошти*;
vedti > *vesti*, ст.-слав. *вѣсти*; *pletti* > *plesti*, ст.-слав. *плѣсти*.

Супин по своему происхождению представляет собой окаменевшую форму вин. пад. ед. ч. имен с основой на *-ŷ. По значению это был винительный цели. В связи с этим его значением он применялся при глаголах движения. Второй особенностью супина являлось то, что он требовал после себя дополнения в родительном падеже, что также указывает на его именное значение. Отличительной приметой супина являлось его окончание [-тъ], которое присоединялось к основе инфинитива. Например, *видѣ-тъ*, *искоуси-тъ*, *локи-тъ*. Например, *идѣ рѣкъ локитѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Ио. XXV, 3; *пришелъ еси гѣмо прѣжде крѣмене мѣчитѣ насъ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. VIII, 29; *иже иде коупно утро нагѣтъ дѣлателъ киноградоу коному* — Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. XX, 1. Однако если основа инфинитива оканчивалась на заднеязычный согласный [k] или [g], то под влиянием форм инфинитива образовывались формы супина типа *рештъ*, *жештъ* вместо *рѣтъ* [reť] < *rektъ*, *жѣтъ* [ž'etъ] < *gegtъ*.

В дальнейшем в славянских языках форма супина заменяется инфинитивом. Только в двух славянских языках сохранилось применение супина — в словенском и нижнелужицком. Некоторые следы супина сохраняются в северных русских говорах, где представлен инфинитив на твердый [t] в выражениях типа „иду пахат“.

ЗОГРАФСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

1

15. Поздѣ же выхшию, пристѣпиша къ нѣмоу, оученици его гл҃аште, поучто естѣ мѣсто, і година минѣ юже, отзпоустѣ народы, да шьдѣше къ вѣнжнѣма градьца, коупатѣ вращьна севѣ. 16. и҃и же рече имъ, не трѣбуоуѣтѣ отити, дадите имъ къ ѣсти. 17. они же гл҃аша емоу, не имамъ сѣде, тѣкмо, д. хлѣвѣ, і. в. рыбѣ. 18. онѣ же рече, принесѣте ми сѣмо. 19. і покелѣкъ народомъ къзлешти на трѣбѣ, і примѣ, д. хлѣвѣ, . в. рыбѣ, вззрѣкъ на нѣво вл҃гки, і прѣломъ хлѣвы, даѣтѣ оученикомъ, оученици же народомъ. 20. і ѣша к'и і насытиша сѣ, і къзаша ізвѣтѣкъ оукуроухъ, бѣ, коша ісплѣнѣ. 21. ѣдѣшихъ же вѣваше мѣжѣ, патѣ тыкашѣ, разкѣ женѣ і дѣти. 22. і авне оувѣди оученики кълѣсти къ коравѣ, і карити і на оноу полоу донѣдеже отзпоустѣтѣ народы, кон. 23. і отпоуштѣ народы къзиде на горѣ помолитѣ сѣ, поздѣ же выхшию единѣ вѣ тоу. 24. коравѣ же вѣ по срѣдѣ морѣ кълаѣ сѣ къзнами, вѣ во протикѣнѣхъ вѣтрѣ. 25. къ четвѣртѣжѣ же стражѣ ношти, іде къ нимъ и҃и, хода по морю. 26. і видѣвъше и оученици ходашѣ по морю, сѣматѣша сѣ гл҃аште, ѣко призракъ естѣ, і отз страха къзѣпиша. 27. авне же рече имъ и҃и гл҃л, дрзѣанте азъ есмь не боѣте сѣ. 28. втѣкѣштѣкъ же петрѣ рече емоу, ги аште ты еси, покелѣ ми прити къ тебѣ по водамъ. 29. онѣ же рече приди, і излѣзъ іс коравлѣ петрѣ, хождааше на водахъ, і приде къ нѣки. 30. кидѣ же вѣтры крѣпѣкъ оувоѣ сѣ, і начѣнѣ оутапати, къзѣпи гл҃л ги спи ма. 31. авне же и҃и простѣрѣ рѣкѣ сѣтѣ і, і гл҃л емоу малокѣре, по что сѣ оуѣжмѣ. 32. і кълѣзѣшема іма къ коравѣ, прѣста вѣтрѣ. 33. сѣштеі же къ коравѣ, пришѣдѣше поклонѣша сѣ емоу гл҃аште, къ істинѣ снѣ, вѣжи еси. (Мф. XIV, 15—33.)

17. къ прѣкъ же дѣнь опрѣнѣкъ пристѣпиша оученици къ и҃су, гл҃аште къ нѣмоу, къде хощѣши і оуготокаемъ ти ѣсти пасѣха. 18. онѣ же рече ідѣте къ граду къ ѣтерѣу, і рыцѣте емоу, оучителѣ гл҃ѣтѣ, крѣма мое близѣ естѣ оу тебе сѣтѣкорѣ пасѣхъ сѣ оученики екоими. 19. і сѣтѣкориша оученици, ѣкоже покелѣ имъ и҃и, і оуготокаша пасѣхъ. 20. вечерѣу же выхшию, къзлеше сѣ овѣма на деѣлѣ, оученикома. 21. і ѣдѣштѣмъ имъ рече, ѣко единѣ отз васѣ прѣдаѣтѣ ма. 22. і скрѣваште зѣло начаша гл҃ати емоу, ѣдинѣ каждо іхъ, ѣда азъ есмь ги. 23. онѣ же отзкѣштѣкъ рече, ѣмочи сѣ мноѣкъ къ солило рѣкѣ, тѣ ма прѣдаѣтѣ. 24. снѣ же чѣкъ ідетѣ ѣкоже естѣ плано о нѣемъ, горе же чѣкоу томоу, імѣже снѣ чѣкъ прѣданѣхъ вѣдетѣ, добрѣе емоу ви было, аште сѣ ви не родилѣ чѣкъ тѣ. 25. втѣкѣштѣкъ же іюда прѣдакъ его рече, ѣда азъ есмь равѣки, гл҃л емоу ты рече. 26. ѣдѣштѣмъ же имъ, примѣ и҃и, хлѣвѣ і вл҃гкиѣ, прѣломи і, і даѣше оученикомъ екоимъ і рече, примѣте ѣдите, сѣ естѣ тѣло мое. 27. і примѣ чашѣ, і хѣлаѣ къздакъ даѣтѣ имъ гл҃л, питѣ отз нѣма кѣи. 28. сѣ естѣ крѣкъ моѣ, нокаѣго заѣета, проликаемаѣ за мноѣ, къ отпоуштѣние грѣхѣомъ. (Мф. XXVI, 17—28.)

3

1. Ютроу же выхшию, сѣвѣтѣ сѣтѣкориша, кѣи ар'хиѣрѣи, і стар'ци людьци на іса, ѣко оувити і. 2. і сѣказѣше и кедоша, і прѣдаша пѣн'тѣскоумоу пѣлатѣу, іпѣмоу. 3. Тѣгда кидѣ іюда, прѣдакъ его, ѣко ождѣша и, расѣвѣ сѣ къзврати, и҃и, сѣрѣвѣрѣникѣ, ар'хиѣрѣомъ і старѣемъ. 4. гл҃л, сѣгрѣшихъ прѣдакъ крѣкъ непѣкѣнѣнѣ, они же рѣша что естѣ намъ, ты оузыриши. 5. і покрѣгѣ е къ црѣкѣе отиде, і ошьдѣ къзѣѣи сѣ. 6. ар'хиѣрѣі же приѣмѣше сѣрѣвѣро рѣша, не достоіно естѣ къложити его къ кар'канѣ, по нѣже цѣна крѣке естѣ. 7. сѣвѣтѣ же сѣтѣкорѣше коупѣша імѣ сѣло сконѣдельникоѣ, къ погрѣѣвание странѣнѣмъ. 8. тѣмъ же нарече сѣ сѣло то сѣло крѣке до сѣго дѣне. 9. тѣгда сѣвѣтѣ сѣ речѣное пророкомъ іерѣмѣемъ, гл҃аштѣемъ, і приѣша, и҃и, сѣрѣвѣрѣникѣ, цѣнѣ цѣнѣнаѣго, его же цѣниша отз сѣнокъ іаѣкѣ. 10. і даша на сѣлѣ сконѣдельничи, ѣко же сѣказа мѣтѣ ги. 11. и҃и же ста прѣдѣ іпѣмономъ, і къпроси іпѣмонѣ гл҃л, ты ли еси црѣ иудѣкѣкѣ, и҃и же рече емоу ты гл҃ѣши. (Мф. XXVII, 1—11.)

4

16. Хода же при мори галилѣіцѣмъ кидѣ симона, і анѣдрѣа врата того симона, къметѣшта мрѣжа къ морѣ, вѣѣшетѣ во рѣварѣ. 17. і рече

има иҥ. придѣта кз сѣдз мене. і сзтворѣж кы быти локыца чкомѣ. 18. і авне оставыша мрѣжа по немь ідогте. 19. і прѣш'дз мало отз тждоу. оузырѣ іҥкока зекедока. іоѣна брата его. і та кз ал'днн заказашта мрѣжа. 20. і авье кззакѣ т. і оставыша оца своего зекедѣта кз ладн. сз наіменьны по немь ідогте. (Мр. I, 16—20.)

5

29. і авье ішьдзше ісзнзмишта. придж кз домз симонкз і андрѣокз сз іҥкокомь. і іоанномь. 30. Тзшта же симонка. лежааше огнѣмь жегома. і авне глѣаша емоу о неі. 31. і прнѣжплѣ кззакнже гж. імз за ржкж ег. і остакн гж огнѣ. і слоужааше емоу. 32. поздѣ же выѣшн. егда же захуждааше сззньце. прншоашж кз немоу кзл неджжыныа. 33. і вѣ кыь градз сзбралз сз кз дьбремз. 34. і нцѣан многы неджжыныа. імжшта разлнчны гзза. і вѣы многы ізгзна. і не оставлѣаше глѣтн вѣсз тко вѣдѣауж і. (Мр. I, 29—34.)

6

47. і вечерз выкзшо. вѣ во корабль по рѣдѣ морѣ. а сь єдннз на землі. 48. і кндѣкз сз стражаштѣ кз гребенн. вѣ во вѣтрз протнкнз імз. і прн четкртѣтѣ стражн ноштнѣн. і прнде кз ннмз по морю ходл. і хотѣ мннжтн гл. 49. онн же кндѣкзше і по морю ходаштѣ. не пыште-ваша прнзракз бытн. і кззакѣаша. 50. кнн во кндѣкзше і. і кззматоша сз. онз же авье глѣ сз ннма. і рече імз. Дрззайте азз егемь не воите сз. 51. і кннде кз ннмз кз корабль. і оулеже вѣтрз. і сѣло із лнха днклѣауж сз. і оужагаауж сз. 52. не разоумѣша во ѓ хлѣвѣхж. нз вѣ грздѣце іхж окаменѣно. і прнѣхажше прндоша кз земліж пеннгаретѣкж. і прнсташа. 54. іш'дзшемз же імз іс корабл'ѣ. авье познаша н. 55. і прѣ-тѣшл кыж странж тж. і начасл прнноснтн. на одрѣхж волаштѣлж. ідеже слышаауж н тко тоу егтѣ. (Мр. VI, 47—55.)

7

5. ізде сѣган сѣкатз сѣмене своего. і егда сѣаше. око паде прн пжтн. і попзрано вы. і п'тнцѣ невскыа позавоша е. 6. а дрогое паде на камене. і прозавз оуцзше. за не не імѣаше клѣгы. 7. а дрогое паде по рѣдѣ трнньѣ. і кззаратѣ трннье і подакн е. 8. а дрогое паде на землі двбрѣ. і прозавз сзтворн плодз. сзторнцегж. сѣ глѣ кззглѣсн. імѣанн оушн слышатн да слыштн. (Лук. VIII, 5—8.)

МАРИНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

1

1. Не ожджднтѣ да не ождждѣнн вждѣте. 2. імзже во сждомз сжднтѣ сждатз камз. і кз нпжже мѣрж мѣрнтѣ кззмѣрнтѣ сз камз. 3. Что же кндншн сжчѣцз кз оцѣ вратра ткоего. а вржкна еже егтз кз оцѣ ткоемь не чюешн. 4. лн како речешн вратроу ткоемоу. оставн іззмж сжчѣцз нз очере ткоего. і сѣ вржкно кз оцѣ ткоемь. 5. лнцемѣре. ізьмн пржвѣе вржкно нз очере ткоего. і тогда оузырншн изатн сжчѣцз нз очере вратра ткоего. 6. не даднтѣ сѣгаго псомз. нн помѣтантѣ внсьрз кашнхж прѣдз скннѣтн. да не попержтз нхж ногамн сконнн. і кращнше сз растрзгнжтз кы ·· 7. Прогнтѣ н дастз сз камз. ішѣтѣ н обрацѣте. тлжцѣтѣ н откзрзетз сз камз. 8. кыѣкз во проган прнемлетз. і нцан обрѣтаатз. і тлжжжншоу откзрззатз сз ·· (Мф. VII, 1—8.)

2

14. і прншедз нсз кз домз петрокз. кндѣ тлжца его лежашѣ. огнемз жегомж. 15. і прнкопнж сз ржцѣ ег. і остакн гж огнѣ. і кзсга н слоужаше емоу. 16. Поздѣ же выкзшоу. прнѣсѣ кз немоу. вѣсзны лнзногы. і изгзна слокомз дѣш. і кысѣ неджжнныа нцѣанн. 17. да сзвждѣтз сз речѣное про-рокомз. іанемь глѣжцѣемь. тж. неджжы наша прнжтз. н волѣзнн понеге. 18. оузырѣ же нсзж многы народы окржтѣ сѣбе. покелѣ нтн на онз полз. 19. і прнѣжплѣ єдннз кзннжжннж рече емоу. оучнтѣло ндж по тебѣ. тѣможе колнжздо ндешн. 20. глѣ емоу нсз. лнсы тѣзкнны нмжтз. і птнцѣ невскыа гнѣзда. а снѣ чѣвѣскы не нматз кзде глабы поджклоннтн. 21. дрогошн же отз оученнж рече емоу гн. покелн. мн прѣжде нтн. і погретн. отца моего. 22. ісз же глѣ емоу. градн по мнѣ. і остакн мрзткыа погретн скол мрзткыа... 23. і кылѣзжшоу емоу кз корабль по немь ндж оученнцн его. 24. і сѣ тржсз келнжк выстз кз морн. тко покыкѣтн сз кораблю кзннамн. а тж сзпаше. 25. і прншедзше оученнцн его. кззвоуднша н глѣжце гн. сзпн ны погывлѣмз. 26. і глѣ нмз. что страшнн егтѣ малокѣрн. тогда кзсѣавз запрѣтн вѣтрюмь н морю. і выстз тншнна келнѣ. 27. члѣкцн же чюднша сз глѣце. кзто сь егтз тко вѣтрн н море поглосжжтз его ·· (Мф. VIII, 14—27.)

3

2. і сѣ прнѣсѣ емоу ославлѣнз жнлаамн на одрѣ лежашцн. і кндѣкз нсз вѣрж нхж. рече ославлѣноуемоу. дрззай чѣдо отзпоуштажтз сз грѣсн ткон. 3. і сѣ єдннн отз кзннжжннж рѣшл кь сѣвѣ. сь класкнмѣѣатз. 4. і кндѣкз нсз помышлѣннѣ нхж рече. кзскжж кы мыслнтѣ зкло кз срднцнхж

кашихъ. 5. чѣто во естѣ оудовѣ рѣшти. отхпоуцагѣтѣ сѧ грѣси твои. ли рѣщи кѣстѣхъ ходи. 6. нѣ да оубѣсте ꙗко клѣтъ имѣтѣ сѣбѣ члѣчскы на земли отхпоуцати грѣхы. тѣгда глѣ ѡславленоумоу кѣстѣхъ козьми ложе твоѣ. и иди кѣ домѣ свои. 8. видѣхъше же народи чюднша сѧ и проглаголаша бѣ. дакъшааго клѣтъ такъ члѣкомѣ. (Мф. IX, 2—8.)

4

3. ...се изиде сѣби да сѣетѣ. 4. и сѣишѣтоумоу. оубо оубо падѣ при пѣти. и приде птица небескыа и позобоша ꙗ. 5. другоа же падѣ на каменехъ. ꙗже не имѣша земля мзгогы. и авѣ прозвѣж. зане не имѣше глѣбини земли. 6. слѣнцоу же воситѣхъшю приквѣдѣ. и зане не имѣхъ коренихъ ихъхъ. 7. а другоа падѣ кѣ трѣнии. и кѣзиде трѣниа и подави ꙗ. 8. другоа же падѣ на земли добрѣ. и даѣхъ плодѣ. оубо естѣ. оубо шесть десѣтъ. оубо три десѣти. 9. имѣши оуши слышати да слышитѣ. (Мф. XIII, 3—9.)

5

11. вѣ же тоу стадо кино пасомо велиае при горѣ. 12. и молиша и кѣси вѣси глѣшѣте. похли ны кѣ скнииа да кѣ на кѣнидемѣ. 13. и авиѣ покелѣ имѣ ихъ. и ишѣдѣше дѣи нечисти. кѣниидѣ кѣ скнииа. и оустрѣми сѧ стадо по вѣрѣгоу кѣ море. вѣ же ихъ ꙗко дѣвѣ тыжшѣти. и оутопаахъ кѣ мори. 14. и пасшѣти скнииа вѣжаша. и кѣзвѣстиша кѣ градѣ и на селѣхъ. и приде видѣтѣ что естѣ выкѣше. (Мр. V, 11—14.)

6

1. вѣ ты дѣни пакы мзногоу сѣшѣтоу народоу. и не имѣшѣмѣ чѣго ꙗсти призвакѣ оученикы скоа ихъ. глѣ имѣ. 2. милѣ ми еси народосѣ. ꙗко юже три дѣни прикѣдатѣ мѣнѣ. и не имѣтѣ чѣго ꙗсти. 3. и ашѣ отпоуцѣ сѧ не ꙗдѣша кѣ домѣ скоа. ѡслабѣгѣтѣ на пѣти. друзни во ихъ изд далече сѣтѣ пришли. 4. и отхкѣштѣаша емоу оученици его. отх кѣдоу сѣа можѣтѣ кѣто (издѣ) насытити хлѣвѣ на поуѣтѣни. 5. и кѣпроси сѧ колико имѣте хлѣвѣ. они же рѣша сѣдѣмѣ. 6. и покелѣ народоу кѣзлѣшти на земли. и приѣмѣ сѣдѣмѣ тѣ хлѣвѣ. хвалѣ кѣздакѣ прѣломи. и даѣше оученикомѣ своимѣ да прѣдѣлагаѣтѣ. и положиша прѣдѣ народомѣ 7. и имѣахъ и рыбицѣ мало. и ты благословиѣ рѣче. прѣдѣложите и ты. 8. ꙗже же и насытиша сѧ. и кѣзѣла избытѣкы оукроухъ сѣдѣмѣ кошнницѣ. 9. вѣ же ꙗдѣшнихъ ꙗко чѣтери тыжшѣта. и отхпоусти сѧ. (Мр. VIII, 1—8.)

7

21. и приклоучѣшю сѧ дѣни потрѣвѣноу егда иродѣ рождѣстѣоу скоемоу кечерѣж тѣорѣаше кѣнаѣемѣ своимѣ и тыжшѣтѣнникомѣ. и старѣишинѣмѣ гаилѣнскимѣ. 22. и кѣшѣдѣши дѣшѣтери сѣа иродѣкѣдѣ. и плакѣвѣши и

оугождѣши иродѣки. и кѣзлѣжѣшѣтѣмѣ сѧ нимѣ. рѣче цѣрѣ дѣвѣни проги оу мене емоуже ашѣе хоѣеши и дамѣ ти. 23. и клѣтъ сѧ еи. ꙗко егоже ашѣе прогиши дамѣ ти. до полѣ цѣрѣтѣкиѣ моего. 24. она же ишѣдѣши рѣче кѣ матери своѣи. чѣго прошѣ. Сѣна же рѣче глѣкы иоана крѣтитѣлѣ. 25. и кѣшѣдѣши авиѣ сѧ тѣштѣниѣемѣ кѣ цѣрю. проги глѣшѣти хоѣѣ да даѣи ми отх неѣа на блѣдѣ глѣкы иоана крѣтитѣлѣ. 26. и прискрѣвѣнѣз выгѣтѣ цѣрѣ за клѣтѣкы. и кѣзлѣжѣшѣтѣмѣ сѧ нимѣ. не кѣхотѣ отхрѣци сѧ еи. (Мр. VI, 21—27.)

8

36. Иѡѣаше же и единѣ отх фарисѣи да би ꙗз сѧ нимѣ. и кѣшѣдѣ кѣ домѣ фарисѣовѣ кѣзлѣже. 37. и се жена кѣ градѣ ꙗже вѣ грѣшнѣниа. и оубѣдѣвѣши ꙗко кѣзлѣжитѣ. кѣ храмѣниѣ фарисѣовѣ. приѣсѣши алакаѣтрѣ муроу. 38. и ставѣши задѣ при ногоу его. плачѣшѣти сѧ начѣтѣ мочити носѣ его слѣзѣми. и клѣсы глѣкы своѣѣ отирааше. и обловѣзѣаше носѣ его и мазааше муромѣ. 39. видѣхъ же фарисѣи кѣзѣкѣкы его рѣче кѣ сѣвѣ глѣ. сѧ ашѣе би вылѣ прѣкѣ. вѣдѣлѣ би оубо кто и какоѣа жена прикасаѣтѣ сѧ емѣ. ꙗко грѣшнѣниа естѣ. (Лук. VII, 36—39.)

САВВИНА КНИГА

1

33. Рѣче гѣ прѣтѣчѣ сѣж. члѣкѣ единѣ вѣ богатѣ. иже насади киноградѣ и ископа кѣ немѣ точило. и прѣдѣатѣ и дѣлатѣльмѣ и ѡтиде. 34. и егда же приде крѣма емати и похлѣла рабѣ скоа кѣ дѣлатѣльмѣ имѣтѣ кино своѣго. 35. и имѣше дѣлатѣле рабѣ его. вѣша. а другоа оубиша. ѡбы же каменѣемѣ повиша. 36. пакы похлѣла ины рабѣ множѣша прѣвѣхъ. и тѣмѣ стѣвориша такожде. 37. послѣди же похлѣла сѣа своѣго кѣ нимѣ глѣ. постѣдатѣ сѧ сѣа моего. 38. дѣлатѣле же видѣвѣше сѣа его рѣша кѣ сѣвѣ. се естѣ наслѣдѣнѣкѣ придеѣте да оубиѣмѣ сѣго. и оударѣжимѣ наслѣди его. 40. и югда оубо приде гѣ киноградоу. что стѣвори тѣ дѣлатѣльмѣ. глѣ емоу. 41. зѣлѣ зѣлѣ повитѣ. и киноградѣ прѣдѣатѣ имѣмѣ дѣлатѣльмѣ. иже кѣздаѣатѣ емоу. плодѣ кѣ крѣмена скоа (Мф. XXI, 33—41.)

2

1. ...тогда похлѣла. е. оученика скоа 2. глѣ иѣма. идѣта кѣ кѣ иже естѣ прѣмо кама. и авиѣ ѡбращѣта ѡсѣла приказано. и жрѣва сѧ нимѣ. отрѣшѣша прикѣдѣта е сѣмо. 3. и аще рѣчѣтѣ кто кама что. рѣцѣта яко гѣ трѣвоуѣтѣ ею. и похлѣла сѧ. (Мф. XXI, 1—3.)

30. чѣкъ ѣднихъ съхождаше ѡтѣ иерѣинма къ ѣрихъ. и къ развоиники въпадае. иже съклькше і. и азъкъ възложше ѡстакаше і ѣлѣ жного сѣца отиде. 31. по приключаю же иерѣи ѣднихъ. идѣше пѣтьмѣ тѣмѣ. и видѣвъ і мимойде. 32. такожде же і леоугитъ въвѣз на томѣ мѣстѣ. пришедъ и видѣвъ і мимойде. 33. самарѣнинъ же ѣтеръ грады приде къ нему. и видѣвъ і мѣрѣока. 34. и пристѣпъ ѡваза азъкъ ѣго къзаникаа ѡлѣ и кино. възъмъ же і на скотъ свои. приведе же і въ господж. и прилежаше ѣмѣ. 35. и на оутрина шѣдъ. и къзмъ. кѣ. пѣназа. дасть гостыникоу. и рече прилежи ѣмѣ. и аще. что иждивеши. азъ ѣгда възбрацъ сѣ. въздамъ ти. (Лук. X, 30—35.)

16. рече гѣ притчѣ снѣж. чѣкоу ѣдиномоу богатоу оуговъзи сѣ нѣка. 17. и помышлѣше къ себѣ глѣ. что сътворж. яко не и(ма)мъ къде събрати плодъ моихъ. 18. и рече се створж. разорж. житыницъ моихъ. и большъ съзидѣмъ. и съвержъ тоу всѣ жита моя. и доброѣ скоѣ. 19. и рекъ дши скоѣи. имаша много добро. лежашеѣ на лѣта многа. почни иждъ ни въсели сѣ. 20. рече же ѣмоу въ безоумьяю. къ снѣжъ ноцѣхъ къземлѣтѣ дшѣ твоѣж. а иже оуготови. комоу вѣдѣтѣ. 21. тако и съвиралъ себѣ. а не къ бѣ богата сѣ. се глѣ къзглази. имѣаи оуши слышати да слышитѣ. (Лук. XII, 16—21.)

Въ оно¹. 33. пришедше коини на место рекомоѣ голзгафа. ѣже нарицаѣтѣ сѣ. краниѣво мѣсто. 34. даша ѣмоу оцѣтѣ пити. съ злѣничъ сѣмѣшенъ. и къкоушъ не хотѣше пити. 35. распънше же раздѣлиша ризы ѣго. и меташа жрѣвѣа. 36. и сѣдѣше стрѣжахъ і тоу. 37. и положиша върхоу глакъ ѣго винъ написанъ. се ѣсть црѣ иудеискъ. 38. тогда распаша съ нимѣ. вѣ. развоиника. ѣдиногѣ ѡ деснѣжѣ. и ѣдиногѣ ѡ лѣкѣжѣ. 39. мимоходяще же хоуаѣхъ і. покъважѣе главами скоими. (Мф. XXVII, 33—39.)

АССЕМАННЕВО ЕВАНГЕЛИЕ

1. Иѣсоу рождѣшио сѣ въ кидеоми иудѣистѣмѣ. къ дѣни ирода црѣ. се кѣскѣ ѡтѣ къстокъ. придѣ въ ѣрмъ. 2. глѣште. къде ѣстѣ рожденъ сѣ црѣ

¹ въ онс — въ оно время.

иудеискѣ. видѣхомъ во сѣвѣдѣ ѣго на вѣстоцѣ. и придомъ поклонитѣ сѣ ѣмоу. 3. Слышавъ же иродъ црѣ съмѣте сѣ. и весь иерѣмъ съ нимъ. 4. и събравъ късѣ аруиерѣи и кънѣжники людѣкъмѣ. въпрашаше сѣ къде хъ раждаѣтѣ сѣ. 5. они же рѣша ѣмоу. въ кидеоми иудеистѣи. тако во писано ѣстѣ. 7. тогда иродъ таи призѣвакъ къхъзи. ипыта ѣ нихъ. крѣма къкльшѣмѣ сѣ сѣвѣдѣ. 8. И поълакъ сѣ къ кидеомъ. рече. шѣдше ипытанте извѣстѣно ѡ отрочѣти. и ѣгда ѡбръштѣте. къзвѣститѣ мѣ. да и азъ шѣдъ поклонѣ сѣ ѣмоу. 9. Ѧни же поглюшавше црѣ идѣ. и се сѣвѣда гѣже кидѣша на вѣстоцѣ. идѣшѣ прѣдѣ нимѣ. дѣнаѣже пришедши ста крѣхоу. идѣже вѣ отрочѣ. 10. видѣкъше же сѣвѣдѣ къздрѣокаша сѣ радостнѣжъ велѣѣжъ сѣло. 11. и къшѣдше къ хрѣминѣж. идѣша отрочѣ съ марѣѣж. мѣриѣж ѣго. и падѣше поклонѣша сѣ ѣмоу. и ѡтѣрѣзѣше сѣкрокиѣа скѣтѣ. принѣмѣ ѣмоу дарѣи. Злато и ликанъ и зѣвѣрѣж. 12. и ѡтѣкѣтѣ приѣмѣше къ сѣмѣ. не къзкратѣша сѣ къ иродоу. нѣ инокъмъ пѣтемъ. ѡтидѣ къ странѣ своѣж. (Мф. II, 1—5, 7—12.)

11. чѣкъ ѣтеръ имѣ дѣка гнѣ. 12. и рече менѣши снѣ оцѣ. ѡчѣ даждъ мѣ достоинѣжъ чѣастъ имѣнѣтѣ. и раздѣлаи има наѣнѣе. 13. и не по мноствѣхъ дѣнехъ. събравъ късе мѣни снѣ. отиде на странѣ далече. и тоу сѣ расточи имѣнѣе скоѣ. жѣкъ вѣдѣно. 14. иждѣкѣшоу же ѣмоу късѣ. къ гладъ крѣпокъ на странѣ тоѣ. и тѣ начѣтѣ лишатѣ сѣ. 15. и шѣдъ прилѣпи сѣ ѣдиномъ. ѡтѣ житѣль страны тоѣж. и поъла и на сѣла скѣтѣ пастѣ скѣнии. 16. и жѣлааше насытитѣ сѣ. ѡтѣ рожець гѣже ѣдѣвѣжъ скѣнина. И никто же даѣшѣ ѣмоу. 17. къ себѣ же пришедъ рече. коликоу наѣмѣникъ оцѣ моего изѣывѣжѣтѣ хлѣви. азъ же ѣде гладомъ гѣвалѣж. 18. къстѣкъ идѣ къ оцѣ. и рекъ ѣмоу ѡчѣ съгрѣшинъхъ на нѣво и прѣдѣ токож. 19. юже не достоинъ ѣсмъ нареци сѣ снѣ твоѣ. сътворѣ ма ѣко ѣдиногѣ Ѧ наѣмѣникъ тѣкоушъ. 20. и къстѣкъ понде къ оцѣ скоѣмоу. (Лук. XV, 11—20.)

12. късѣходящю иѣсоу къ весь ѣтеръ сѣрѣте и десѣтъ прокаженъ мѣжѣ. иже ставѣше издадалече. 13. и тѣ къзнѣмѣ гласъ. глѣште. иѣе наставѣникѣе помилоуи нѣи. 14. и кидѣвъ сѣ рече нимъ. шѣдше покажите сѣ иерѣомъ. и вѣи идѣжѣемъ им. ичѣстиѣа сѣ. ѣдинъ же ѡтѣ нихъ кидѣвъ. ѣко ицѣлѣкѣ. къзкратѣ сѣ. гласомъ велѣемъ слава бѣа. 16. и падѣ ницѣ на колѣноу ѣго. хѣалѣ ѣмоу къздаѣтѣ. (Лук. XVII, 12—16.)

14. ..оуглыши мѧ върѣноте ꙗко твоего ~ 15. ꙗко мѧ отъ вренѣ да не оуглыши ~ Изъѧки отъ ненакѣдѧштихъ мѧ ~ ꙗко отъ глѧбокыхъ коды ~ 16. да не потопѣтъ мене боурѣ кодынаѣ ~ ни пожреть мене глѧбина ~ ни съведеть о мѧнѣ рокынкъ оугтъ скоухъ ~ 17. Оуглыши мѧ ꙗко блага естѧ милость твоѣ ~ по мнѧжыткою штедротѧ твоехъ призри на ~ 18. не отъкрати лица твоего отъ отрока твоего ~ ꙗко скръбѧ ѧдро оуглыши мѧ ~ 19. вонзѧи дѧши моеꙗ ꙗко отъ хмѧ ѧ ~ врагъ мои хъ ради изъѧки мѧ ~ 20. Ты бо съкѣи поношенѣ мое ꙗко стѧудъ мой ꙗко срамотѧ мой ~ Прѣдъ тобою ѧтъ въ сѧтѧжѧжштѣи мѧнѣ ~ 21. Поношенѣ прѣчѣ дѧша моѣ ꙗко страсти ~ ꙗко жѧдѧхъ же со мнѧжѧ поскръбитѧ ꙗко не вѣ ~ (гл. LXVIII, 14—21.)

4. ꙗко испѧзи ѧ зѧла дѧша моѣ ꙗко жѧкотѧ мои адѣ прѣвлѧжи ѧ ~ 5. Прѣмѣненъ вѧхъ ѧ низъходѧштинѧи къ рокѧ ~ вѧхъ ꙗко. 6. чѧокѣкъ вѣсѣ помѧшти оу мрѧтѧкыхъ скобѧ ~ ꙗко вѣкъни съпѣшти къ грѧбѣхъ ихъ же нѣи помѣнѧжѧ къ томоу ~ ꙗко и ты отъ рѧкы твоеѧ отъринокѣи вѧши. 7. Положиши мѧ къ рокѣ прѣисподньимъ ~ вѧ темны хъ къ сѣни сѧмрѧтѧнѣ ~ 8. На мѧ оуткрѧди ѧ вѧротѣ твоѣ ~ ꙗко вѧнѧ твоеѧ навѣде на мѧ ~ 9. Судѧлихъ еси знѧнѣ моѣ отъ мене ~ положиши мѧ къ мрѧзѧотѣ сѣвѣ ~ Прѣданъ вѧхъ и не исхождахъ ~ 10. шчи мои изнеможете отъ ништѣты ~ вѧздѣхъ рѧцѣ мои ~ 11. Ѣда мрѧтѧкы сѧтворѧши чюдѣсѧ ~ ѧи вѧнѧ вѧскръбѧтъ испѧкѣдѧтъ ѧ ~ тебѣ ~ (гл. LXXXVII, 4—11.)

9. Прѣдѣлѧ положи егѧже не прѣдѧтъ: ни обратѧтъ ѧ покрытъ земѧ: ~ ~ ~ 10. Посылаѧ источьники ко дѧбрехъ: Погрѣдѣ горѧ проидѧтъ ко ~ 11. Наполѧтъ вѧнѧ зѣбри сѧзныѧ: Жѧдѧтъ аѧагрѧ къ жѧждѧ... скож: ~ ~ ~ 12. На ты пытиѧ нѧныѧ прѣкѧтѧжѧтъ: Отъ сѣвѧ камынѣ дѧдѧтъ глѧсѧ: 13. Напѧнѧ горы отъ прѣвѧспрѧхъ скоухъ: Отъ плодѧ дѧлѧ тѧкоухъ насытитѧ ѧ земѣ: ~ 14. Прѧзѧвѧнѧ пѧжитѧ скѧтоми ꙗко тракѧ на слоужѧвѧ чѧкми: ~ Изверѣтѧ хѧвѧхъ отъ земѧ: и кино вѧзверѣлитѧ сѧдѣ чѧкоу: ~ 15. Сумѧстѧти лице олѧвимъ: и хѧвѧхъ сѧдѣ чѧкоу оукрѣпитѧ 16. Насытитѧ ѧ дрѣвѧ польскѧа: Вѧдры лѧвѧнѧскыѧ-ѧ-же еси нагѧдѧхъ: ~ ~ ~ 17. Тоу пытиѧ оугнѣздѧтъ ѧ: Ѣродѧко жѧнѧще облѧдѧетѧ ѧми: ~ ~ ~ 18. Горы кысокыѧ еленѧми: камѧнѧ прѣвлѧжище зѧлѧцѧми ~ (гл. СIII, 9—18.)

...Ходѧтѧо нашѧ. ꙗко докодѧтелю. къ оцѧ твоемоу нѧсѧноумоу. молимъ тѧ о вѣхъ насѧ. недѧстѧнны хъ равѣхъ тѧкоухъ. Нынѣ же пѧче вѧпнемъ о Братрѣ нашѣмъ. ꙗко равѣ твоемъ сѣмъ. не прѣдѧжди егѧ ꙗко поношенѧ безѧоумнѧми. ни вѧротѧнѧ обѧличи. Ни гнѣкомъ тѧкомъ покажи насѧ. зѧвѧжди грѣхъ егѧ. ꙗко и цѣлѧи и отъ одрѧжѧщѧмъ волѣзѧни. Да не погрѧменъ вѧдетѧ. зѧменѧвѧнѧ сѧ вѧ имѧ тѧко. ꙗко хѧлѧ сѧ о тебѣ. (гл. 27^б, 2—16.)

Скѣтъ очю моею ꙗко тѧ нѣстѧ съ мнѧжѧ/. Дроузи мои ꙗко ближѧны моѧ. Прѣмо мнѣ прѣближиши ѧ и стѧша. Ближѧнѧи мои далѣче стѧша/. И нѧждаахъ ѧ искѧщѧни дѧша моѧ. искѧще зѧла мнѣ глахъ. Соуѣтѧнѧа и лѣстѧнѧа къ дѣнѧ пооучахъ ѧ/. азъ же ꙗко и глѧоухъ не слышѧхъ. И ꙗко нѣмъ не отъвѧрѧзѧхъ оугтъ скоухъ/. И вѧхъ ꙗко чѧкъ не слышѧ. ꙗко не имѧ къ оугтѣхъ скоухъ обѧличѧнѣ/. ꙗко на тѧ ꙗко оупѧкахъ. ꙗко ты оуглыши мѧ ꙗко вѧже мой. (гл. 76^б, 1—15.)

подобно естѧ црѣтѧко нѧское. чѧоу црѧю. еже сѧтвори брѧкъ сѧноу скоемоу. ꙗко погѧла рабы скоѧ. прѧзѧкѧти зѧкѧныѧ на брѧкъ. ꙗко не хотѣахъ прѧти. Пѧкы погѧла ины рабы глѧ. Рѧцѣте зѧкѧнымъ. сѧ обѣдѧхъ мои оугѧтоѧкахъ. ꙗко юнѧци мои оупитѧнѧа исколѣна. ꙗко вѣтѣ гѧтоѧа. прѧдѣте на брѧкъ. шни же не рѧждѧше отѧдѧ. шѧкъ на сѧло ское. шѧкъ же на коупѧжѧ скож. а прочѧ емѧше рабы егѧ. Дѧодѧнѧа имъ. и избѧши ѧ. ꙗко слышѧвѧ црѧ тѧ разгнѣѧа ѧ. ꙗко погѧлѧкъ коѧ скоѧ погѧубѧи оубѧница ты. и грѧдъ ихъ зѧжеже. тогѧ глѧ рабомъ скоимъ. брѧкъ оугѧтоѧканъ естѧ. а зѧкѧнѧи не вѣшѧ догѧнѧни. идѣте оубѧ на исхѧдиѧ пѧтен. ꙗко елико аще обрѧщѣте. Прѧзѧкѣте на брѧкъ. ꙗко ишедѧше рабы ты на пѧти. собрѧшѧ ѧ сѧ обрѣтѧжѧ. зѧлыѧ же и добры. испѧнѧши брѧкъ вѧзлѣжѧщѧнѧхъ. вѧшедѧ же црѧ тѧ кѧдѣтъ вѧзлѣжѧщѧнѧхъ. вѧдѣ тоу чѧа не обѧзчѣна. къ одѣнѧи брѧчѧное. ꙗко глѧ емоу дроужѧ. како вѧнѧде сѣмо. не имѧ одѣнѧнѣ брѧчѧнѧаго. онъ же оумѧчѧ. тогѧ рѣче црѧ слоугѧмъ. сѧкѧзѧвѧше и по рѧцѣ и по нѧзѣ. вѧзѧмѣте и кѧкѧрѧзѣте и. къ тѧмъ крѧмѣщѧнѧжѧ. тоу вѧдетѧ плачь и скръжетѧ зѧжомъ мнози во сѧтѧ зѧкѧнѧи. мало же избрѧнѧхъ. (гл. 106^а, 9—25, гл. 106^б, 1—26.)

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ

Житиѣ и дѣлание прѣподобнаго а́нна.

Покелѣ же нѣкому отъ братьѣи тешти къ паницици. и пришед'шимъ отъ пѣти. жад'номъ съштемъ кодъ принести. он' же рече ꙗко не иматъ паницица воды никакоже. и то само оуиштааше братъ. ꙗкоже прѣжде малы скойма рѣкама самъ тѣмъ остакшъ кодъ. пришед'шимъ к њѣмоу стран'нымъ принесе. Пракъдъный же слышакъ то. и къздѣкъ рѣцѣ на небо. кротцѣ и тихо братоу рече. иди къ има гнѣ. и надѣжъ сѣ ꙗкоже обратиши кодъ. и шздъ отърѣзе дѣри паницица. и обрѣте ѡ испльнѣ. и къздикѣ сѣ и оужасѣ. и прославикъ бѣ. почрпъ принесе жаждъштимъ. покедаа имъ злоучникшаа сѣ чоудеса бжнѣ. стави же собожъ чоудо то. и отътоли отъ скоѣго троуда готовити кодъ. на питие стран'нымъ. кодоногъ протикъ коѣи силѣ оуготоки. без' лѣности сѣ тихомъ лицемъ. ношааше кодъ отъ рѣкы ѣфрата. на рамоу скоѣю. и пиахъ приходашти к њѣмъ. къ ношти же то торааше. начѣмъ носити отъ вечера дожи и до зорѣ. не ставыа пѣсни. нъ присно ѡмъ изкршаа по кѣмоу пѣти... кззкъ кодоногъ. нача ити пѣтѣмъ на рѣкѣ. прѣжде же дошѣтиа ѡмъ прѣполокѣнниа пѣти. обрѣте сѣ кодоногъ испльнена коды. авѣе же сѣмъ ѡмъ и остакнѣ на земли. прѣклоникъ колѣнѣ и плака и моли сѣ. и кзстакъ къздѣ рѣцѣ скон на небо. и благодари бога. кззкъ же кодоногъ кззкрати сѣ къ манастырѣ скои. Пришдъзшии же к њѣмоу стран'ний. видѣкше ꙗкоже кззкрати сѣ не дошдъ рѣкы. мѣбахъ њѣмоу разволѣти сѣ. и не мошти по оустав'ноуоумоу њѣго дойти до ѣфрата. и текъ ѣдинъ отъ вратиа на сѣрѣтенѣе њѣго. къзати кодоногъ отъ њѣго. и ити и почрѣти къ њѣго мѣсто отъ рѣкы. и дотекъ стааго. обрѣте ѡже на рамоу њѣго кодоногъ испльнѣ коды. оужасъ же сѣ брат'. кззкрати сѣ. само то ꙗкѣаа. кззракше сѣ оужас'ни же выкше. и дикѣкше сѣ выкшоуоумоу слакѣхъ бѣ. (Гл. 549₂₂—550₁₁, Гл. 550₂₃—551₉.)

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ

1

13. Създъшемъ же кзхкомъ. сѣ ангъ гнѣ къ сѣнѣ ѡи сѣносифоу гла кзстакъ. помни отроча. и матеръ њѣго. и вѣжн къ сѣгуп'тѣ и бжди тоу. дондѣеже ти рекъ хошетъ во иродъ искати отрочатѣ. да погоубитъ ѡ. 14. онъ же кзстакъ. поматъ отроча. и матеръ њѣго ношиа. и отидѣ къ сѣгуп'тѣ. 15. и вѣ тоу. до оумьртна иродока. да кзждѣтъ сѣ рече-ноѣ отъ гѣ. прѣкъмъ глѣщѣмъ отъ сѣгуп'та кззкъхъ сѣнѣ мои. 16. тогда

иродъ. видѣкъ ꙗко поржганъ вытъ отъ кзхкъ. разгнѣка сѣ зѣло и позлакъ. изви къа отрочы кзщма къ видѣемѣ и къ кѣтѣхъ прѣдѣлѣхъ ѡи. отъ дзкожъ лѣтоу. и ниже по крѣмени ѡже испьта отъ кзхкъ. 17. тогда кзвытъ сѣ реченоѣ. иереимѣмъ прѣкъмъ глѣщѣмъ. 18. глакъ къ рамѣ. слышанъ вытъ плачь и рыдание и кзиль мзнокъ рѣхиль плачщи сѣ. чадъ сконхъ и не хотѣаше оутѣшити сѣ ꙗко нежтъ. 19. оумьрш' же иродоу. сѣ ангъ гнѣ къ сѣнѣ ѡи сѣносифоу къ сѣгуп'тѣ 20. гла. кзстакъ. помни отроча и матеръ њѣго. и иди къ землѣ излѣкъ измрѣша во ищщѣи доуша отрочатѣ. (Мф. II, 13—20.)

2

17. тѣ во иродъ позлакъ сѣтѣ ноана. и кзкзакъ и кзсади къ тѣмнищѣ. ироднады ради жены филипа брата скоѣго. ꙗко жени сѣ ѡи. 18. глааше во ноанъ иродоки ꙗко не достонть тѣвѣ имѣти. жены брата тѣоѣго. 19. иродна же гнѣкше сѣ на нь. и хотѣаше и оубити. и не можааше. 20. иродъ во боааше сѣ ноана. вѣды мѣжа правдѣна и сѣта. и хранааше и. и поглоушаа њѣго мзного тѣорѣаше. и къ сласть њѣго поглоушааше. (Мр. VI, 17—20.)

Сравните между собой следующий отрывок по Зографскому, Мариинскому, Ассеманиеву, Остромирову евангелиям и Саввиной книге.

ЗОГРАФСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

16. ...къ етеръ сѣткори вечеръ кельа. и кззкъ мзнокы. 17. и позла равы скоа къ годинѣ вечера. рече зкканымъ градѣтѣ. ꙗко оуже готока сѣтѣ кѣт. 18. и начаша къ коупѣ отърицати сѣ вѣи. прѣкъ рече ѡмоу. село коупнхъ. имамъ нждѣ изити. и видѣти сѣ моаа та имѣ ма отъречена. 19. и другы рече ѡмоу. кзпржкъ болокннхъ. коупнхъ пѣтъ. и градъ искоунтѣ ихъ. моаа та имѣ ма отрекша сѣ. 20. и другы рече. женѣ позлхъ. и њѣго ради не мож прити. 21. пришдъ рабъ покѣда гноу скоѣмоу. Тогда разгнѣккъ сѣ гнѣ домоу. рече равоу скоѣмоу. изиди на распѣтъ и стзгны града и ништаа и вѣднннн. и хромыа и слѣпыа. кзкеди сѣмо. 22. и рече рабъ. гнѣ вы еже покелѣ и еше мѣсто сѣтѣ. 23. и рече гнѣ равоу. изиди на пѣти. и халжы. и оубѣди кѣнити. да напакнитъ сѣ домъ мой. (Лук. XIV, 16—23.)

МАРИНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

16. ...чѣккѣ единѣ сътвори вечерѣ великѣ, и зѣка многы. 17. и пошла рабѣ свои въ годѣ вечера рещи зѣканнымъ градѣте. ꙗко оуже готока сътъ въсѣ. 18. и начала къкоупѣ отрицати сѣ вси, прѣкы рече емоу. село коупиуѣ и имаамъ нѣждѣ изити и видѣти е. молѣ тѣ имѣи ма отърочна. 19. и друугы рече съпрѣгѣ колокыныхъ коупиуѣ пѣть, и градѣ искоуцитѣ ихъ. молѣ тѣ имѣи ма отърочна. 20. и друугы рече женѣ поахъ и сего ради не можѣ прити. 21. и пришѣдѣ рабѣ тѣ повѣдѣ се гспдиноу своемоу. тогда разгнѣкакѣ сѣ господиныхъ домоу. рече рабоу своемоу. изиди скоро на распѣтиѣ и стѣгны града. и ништага и вѣдныма и хромыма и слѣпыма къкеди сѣмо. 22. и рече рабѣ. ги выстѣ ꙗкоже повелѣ. и еште мѣсто естѣ. 23. и рече гѣ рабоу. изиди на пѣти и халжгы. и оувѣди кънити да напѣзнитѣ сѣ домѣ мои. (Лук. XIV, 16—23.)

АССЕМАНИЕВО ЕВАНГЕЛИЕ

16. чѣкѣ етерѣ сътвори вечерѣ великѣ, и зѣка многы. 17. и пошла раба своего въ годѣ вечера. рещи зѣканнымъ. градѣте ꙗко оуже оуготокана сътъ въсѣ. 18. и начаша къкоупѣ отрицати сѣ вси. прѣкы рече емоу. село коупиуѣ и имаамъ нѣждѣ изити и видѣти е. молѣ тѣ имѣи ма отърочна. 19. и друугы рече емоу. съпрѣгѣ колокыныхъ коупиуѣ пѣть, и градѣ искоуцитѣ ихъ. молѣ тѣ имѣи ма отърочна. 20. и друугы рече женѣ поахъ. и сего ради не можѣ прити. 21. и пришѣдѣ рабѣ тѣ повѣда гспдиноу. своемоу син. тогда разгнѣкакѣ сѣ гнѣ домоу. рече рабоу своемоу. изиди скоро на распѣтиѣ. и стѣгны града. и ништага. и вѣдныма. и хромыма и слѣпыма къкеди сѣмо. 22. и рече рабѣ гдноу своемоу. вы еже повелѣ. и еште мѣсто естѣ. 23. рече же гнѣ рабоу. изиди на пѣти и халжгы. и оувѣди кънити. да напѣзнитѣ сѣ домѣ мои. (Лук. XIV, 16—23.)

САВВИНА КНИГА

16. ...чѣккѣ етерѣ створи вечерѣ великѣ и зѣка многы. 17. и пошла рабы свои въ годѣ вечера. рещи зѣканнымъ идѣте. ꙗко оуже готово естѣ къе. 18. и начаша въ коупѣ отрицати сѣ вси. прѣкы рече емоу. село коупиуѣ и имаамъ нѣждѣ изити и видѣти е. молѣ тѣ имѣи ма отърещи сѣ. 19. и друугы рече емоу съпрѣгѣ колокыныхъ коупиуѣ. е. и се идѣ искоушатѣ ихъ. молѣ тѣ имѣи ма отърекыша сѣ. 20. и друугы рече женѣ поахъ. и сего ради не можѣ ити. 21. и пришѣдѣ рабѣ тѣ повѣда гоу

своемоу. тогда разгнѣкакѣ сѣ гнѣ домоу. рече рабоу своемоу. изиди скоро на распѣтиѣ. и на стѣгны градоу. и съверни ништага и вѣдныма. и хромыма и слѣпыма къкеди сѣмо. 22. и рече рабѣ ги выстѣ ꙗкоже повелѣ. и еште мѣсто естѣ. 23. и рече гѣ рабоу. изиди на пѣти. и халжгы. и оувѣди кънити да напѣзнитѣ сѣ храмѣ мои (Лук. XIV, 16—23.)

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ

16. ...чѣкѣ нѣкыи. сътвори вечерѣ великѣ, и зѣка многы. 17. и пошла рабѣ свои. въ годѣ вечерѣ. рещи зѣканнымъ. придѣте. ꙗко оуже оуготокана сътъ къе. 18. и начаша къкоупѣ отрицати сѣ вси прѣкыи рече емоу село коупиуѣ. и имаамъ ноуждѣ изити и видѣти не молѣ тѣ. имѣи ма отърочна. 19. и друугы рече съпрѣгѣ колокыныхъ. коупиуѣ пѣть и хоцѣ искоуцитѣ ихъ молѣ тѣ имѣи ма отърочна. 20. и друугы рече женѣ поахъ. и сего ради не можѣ прити. 21. и пришѣдѣ рабѣ тѣ повѣда господиноу своему се тогда разгнѣкакѣ сѣ гѣ домоу. рече рабѣ своему. изиди скоро. на распѣтиѣ. и стѣгны градоу и ништага. и вѣдныма. и хромыма и слѣпыма къкеди сѣмо. 22. и рече рабѣ. ги выстѣ ꙗже повелѣ и еште мѣсто естѣ. 23. и рече гѣ рабоу. изиди на пѣти и халжгы. и оувѣди кънити. да напѣзнитѣ сѣ домѣ мои. (Лук. XIV, 16—23.)

СЛОВА ПОД ТИТЛАМИ

Нѣ = богъ, вѣго = благо, вѣгѣи = благолюби, вѣгнѣ = благолюк(л)енѣ,
ε = выстѣ; вѣка, вѣдка = владыка; гѣи = господски, гѣдѣ = господѣ, гѣи =
господи, гѣа = глагола, гѣати = глаголати, гѣште = глаголыште, гѣз =
глаголѣ, гѣа = глагола, гѣаше = глаголаше, гѣахъ = глаголаахъ, гнѣ =
господь; дѣхъ = доухъ, дѣи = души; ирѣи, ирѣи х = Иерусалимѣ; иѣ,
иѣ = И (н)сугѣ; И = конѣцѣ; милѣрѣока = милосѣрѣока; нѣо = нѣво, нѣкѣ =
нѣверѣкѣ, нѣкѣ = нѣверѣнѣ, нѣе = нѣверѣ; оѣ = оѣцѣ, оѣ = оѣчѣ; прѣкѣ,
прѣкѣ, прѣкѣ = прѣрокѣ; спѣи = спѣси, спѣние = спѣсение, сѣдѣ = сѣдѣце,
сѣтѣ = скатѣ, снѣ = сынѣ, сѣти = скатымѣ; тѣо = тѣло; Хѣ = Христѣ; цѣрѣ =
цѣсарѣ, цѣркѣ = цѣсарѣскѣ, цѣю = цѣсарю, цѣтѣко = цѣсарѣтѣко, цѣтѣние =
цѣсарѣтѣние; чѣкѣ, чѣкѣ = чѣлѣкѣ, чѣоу = чѣлѣкоу, чѣкѣ = чѣлѣкѣскѣ.

А

а — а, но
 аки, акию — тотчас, немедленно, скоро
 авити СМ. швити
 алакити СМ. шлакити СМ.
 агниць, агниць — ягненок, барашек
 адъ — ад, преисподняя, пекло
 аеръ — воздух
 азъ (местоимение) — я
 ако СМ. шко
 акы (наречие) — как, как-то
 аллакастръ — сосуд из алебаstra
 али — но, однако
 алъдини СМ. лъдини
 алъдани, алъдани — голодание
 ал(ъ)кати, алъжъ — голодать, ощущать
 голод, поститься
 аминь — истинно
 аонагръ — дикий осел
 архирер, архирер — архиерей, первосвященник
 архиснагогъ — старейшина собора
 архитриакимъ — распорядитель пира
 аще — все-таки, тем не менее
 аште — если (ли)
 ашоуть — напрасно

Б

ба — бога
 баграмица — пурпур
 балин — врач
 ба в м. воз — перед фрикативными и шумными согласными
 возаконию, возаконь — беззаконие
 возвѣстѣнь — безвестный, неизвестный
 возгода — бесчисленное множество
 воз-д-разоума — без разума
 воздыма — бездна, пропасть

возоучство — бесстыдство, наглость
 возоучьль — безумный
 воскверньнь — неоскверненный
 восплачьнь — бесплотный, бестельный
 востоуднь — бесстыдный, наглый
 востда — разговор, говор, речь
 востдовати, востдоуж — разговаривать, беседовать
 востисльнь (от возисльнь) — бесчисленный
 востьсти (от воз усти) — без чести
 востьстию (от возустию) — бесчестие
 востадъ (от возудадъ) — бездетный
 востерь — бисер, жемчуг
 воти, вичъ — бить, ударять
 благо — добро, имущество, благо
 благоволити, благовоамъ — благоволить, проявлять расположение к кому-либо
 благовѣстити, благовѣштъ — сообщать хорошую весть
 благодать — благодать
 благо — хороший, добрый
 блазнити, блажнь — соблазнять, искушать, обольщать
 близникъ — близкий родственник
 блюсти, блуджъ — наблюдать, присматривать
 блудити, блуджъ — блудить, развратничать
 блудьнь — непристойный, неприличный; распутный, развратный, безнравственный
 во — потому что, ведь, же
 волен, воин — обильный
 вост, воджъ — бодать
 вошти СМ. вонжъ СМ. — бояться
 вранъ — свадьба, женитьба
 врани, вранижъ — защищать
 вранъ — война
 врати СМ. ворижъ СМ. — бороться, воевать

кратрица — братия
 братръ — брат
 брашьно — пища
 брьдъжъ — жестокий, суровый
 брьнию, брьню, брьню — грязь, тина, глина
 брьвно — балка, перекладина, бревно
 брьма — груз, ноша, бремя
 брьшти, брьжъ — беречь, заботиться
 боци — глупый, безумный
 боцкы — написанное, письмо, запись, расписка
 бовсть — глупость, безумие
 бѣ = богъ
 бѣдръ — бодрый
 бѣдѣти, бѣждъ — бодрствовать
 бѣдѣти СМ. бѣдѣти
 бѣрати, бѣрижъ — брать, собирать
 бѣдѣ — необходимость, нужда
 бѣжати, бѣжъ — бежать
 бѣсьнь — бесноватый

В

варити, варжъ — обманывать
 варити, варжъ — предупредить, обгонять, опережать
 варъ — жар, зной
 ведро — ясно
 велии, велии, велии — большой
 вельзеволь — дьявол, сатана
 вельми — много, очень
 вести, вѣдъ — вести
 весь СМ. вѣсь
 ветхъ — старый, ветхий
 вѣтер — вечер
 вѣтеръ, вѣтеръ — пир, обед, угощение
 видѣти, видѣжъ — видеть
 виноградъ — возделывающий виноград
 винопица — винопиец, пьяница
 витати, витанъ — останавливаться для отдыха; гнездиться (о птицах)
 владѣнискати, владѣнисканъ — проклинать, злословить, богохульствовать
 владѣнисканъ — злословие, хула, клевета, богохульство
 владѣ — волос
 владѣ — волна
 владѣ — волхв, ясновидец, предсказатель; волшебник
 владѣшти, владѣжъ — влечь, тащить
 водоносъ — ведро, сосуд для ношения воды
 воин — воин; лагерь, стан; в вин. п. мн. ч. — вои — войско
 вонжъ СМ. вѣжъ
 вонжъ — запах, аромат
 вранижъ — вражеский
 враждѣ — неприятель, вражда
 враждѣ — привратник

вратъва — лечение, исцеление
 вратити СМ, вратжъ СМ — возвращаться
 врьхоу — наверху
 врьхъ — верх
 врьма — время
 врьшти, врьжъ — бросать
 вьврьшти, вьврьжъ — бросать, ввергать
 вьдоуци — вдова
 вьждѣвати (от вьжѣвати), вьждѣватъ — пожелать, хотеть, иметь желание
 вьжѣшти, вьжѣжъ — зажечь
 вьжизати, вьжизанъ — зажигать
 вьз (предлог) — на
 вьзла(ъ)кати, вьзла(ъ)канъ — почувствовать
 ГОЛОД
 вьзвѣдѣти, вьзвѣждъ — возбудить, разбудить, пробудить
 вьзвратити СМ, вьзвратжъ СМ — возвратиться
 вьзвратити СМ, вьзвратжъ СМ — возвращаться
 вьзвѣсити, вьзвѣжъ — повесить
 вьзвѣстити, вьзвѣштъ — возвестить, оповестить
 вьзгласити, вьзгласжъ — издать сильный возглас, позвать кого-нибудь, выкрикнуть
 вьзгласжати, вьзгласанъ — издавать сильный возглас, звать кого-либо, выкрикивать
 вьздавати, вьздамъ — воздать
 вьздавати, вьздаванъ — воздавать
 вьздвигнѣти, вьздвигнѣжъ — воздвигнуть, поднимать
 вьздрадѣвати СМ, вьздрадѣужъ СМ — возрадоваться
 вьзрасти, вьзрастѣжъ — вырасти
 вьзрастѣжъ — возраст
 вьздруцѣти, вьздруцжъ — зареветь
 вьздруцити СМ, вьздруцанъ СМ — задремать
 вьдрѣжати, вьдрѣжжъ — воздержаться
 вьдѣхнѣти, вьдѣхнѣжъ — вздохнуть
 вьдѣхати, вьдѣханъ — вздыхать
 вьзимати, вьзимати, вьзиманъ — брать
 вьзити, вьзидѣжъ — взойти
 вьзлѣжати, вьзлѣжжъ — питаться, есть (в лежачем положении)
 вьзлѣшти, вьзлѣжжъ — прилечь
 вьзложити, вьзложжъ — поставить, положить
 вьзлюбити, вьзлюбанъ — возлюбить
 вьзмошти, вьзможжъ — быть в состоянии, смочь
 вьзмѣстити, вьзмѣштъ — смешать, спутать, сбить; смутить, возмутить
 вьзвѣвати, вьзвѣжжъ — воззвать, позвать
 вьзвѣшити, вьзвѣшжъ — закричать, воскликнуть
 вьзвѣрѣти, вьзвѣржжъ — поглядеть на кого-либо, взглянуть

изгати, изъяти — вынуть, избавить, спасти
иѣмомь — управитель
имати, имати — брать
имѣти, имѣти — иметь
има — имя
инако — иначе
иноуада — однородный
инь — иной
иньгда — иногда
иньдоу — куда-либо, в другое место
ипокрѣти в м. внокрѣти — лицемер
иродни, иродниада — Иродиана
иродъ — Ирод
ис, исъ — Иисус
искати, ишти — искать
исклати, исколаш — переколоть, перерезать
искоушати, искоушаш — пробовать, испыты-
вать
искоушати, искоушаш — искушать
испытати, испытати — испытать
истешти, истекъ — вытечь
истрыгати, истрыгати — вырвать, выдернуть
истазати, истазати и истажъ — взять об-
ратно; спрашивать; расспрашивать
истѣлати см. исцѣлати
исходити, исхождъ — выходить
исцѣлати, исцѣлаш — исцелить, вылечить,
оздоровить
исцѣлати, исцѣлаш — выздороветь
и(с)уштити, и(с)уштитъ — очистить, вычи-
стить
исъхнѣти, исъхнѣти — высохнуть, сушить
истыпати, истыпати — высыпать
исъшати, исъшати — высечь
исдѣнѣти, исдѣнѣти — иссыкнать, высохнуть
ити, идѣти — идти
ицѣлати см. исцѣлати
иштедѣнѣти (от иштуеиѣти), иштедѣж — исчез-
нуть, стать невидимым
иштитити (от иштуитити), иштиштѣ — очи-
стить, вычистить
штрѣва (от иштурѣва) — из чрева
штрадию (от иштуадию) — порождение

К

к
к — коньць
кадѣти, каждаж — кадить
казати, кажаж — показывать
како — как
каменьь — каменный
камению — камни; каменистая почва
камо — куда
камты, камьк — камень
капати, капати — капать
караван — сосуд, в который помещается
в церкви денежное приношение
капетлѣма — завеса
кацѣти сѣ, каж сѣ — каяться

кесарь — кесарь, римский император
кинесь, кинесь — подать
кладдѣзъ — колодец, источник, родник,
ключ
кладти, колаш — колоть
клавръѣтѣ — сотоварищ по рабству, по
зависимости от господина
клаврати, клавратиш — указывать, обвинять
кликнѣти, кликиш — кликнуть, позвать
клицѣти, кликуш — восклицать
кладти, клямж — клясть, проклинать
клатѣтати, клатѣж — наклоняться, стано-
виться на колени
ковъуегъ, ковъуегъ — ковчег
козѣль — козел
козѣла — козленок
кокогы — петух
коли — когда
колинъдо — время от времени, иногда
колинко, коликоу — сколько
колинъ — который
коло — круг, колесо
коль — сколько
коль краты — сколько раз
кольми — во сколько раз более
кольми паче — тем более
коньць, коньць — конец
корзѣнъ — корабль
кошь — корзина
краи — край
краннѣвь — лобный, черепной; краиньво
мѣсто — лобное место
кратѣти, крадаж — красть, воровать
кратъ — раз
кратѣль — короткий
кромъштинъ, кромъштинъ — крайний, внеш-
ний, наружный
кротѣнь — короткий
крѣвь — кровь
крѣма — корма, руль у судна
крѣмѣти — кормчий, рулевой
крыти, крытиш — покрывать
крѣститѣль — Креститель
крѣстити, крѣтитъ — крестить
крѣсть — крест
крѣстѣнию — крещение
крѣпък — сильный, здоровый
коупити, коупати — купить
коуплѣ — торговля, покупки
коуповати, коуповѣж — покупать
коупъно — вместе
коупънъ — торговец
коуръ — петух
къгда — когда
къда — где
къждо — каждый
къзмъ — кознь, вымысел, хитрость
къи, къи — который
кънига — буква, мн. ч. — книга, писание
къназь — князь

къснѣти, къснѣж — медлить
къто — кто
кънѣти, кънѣж — кипеть
къдоу — куда
къпѣль — купель

Л

ладни — ладья, лодка, корабль
лазати, лазж — ощущать голод, голодать
лакомъ — лакомый
лазьѣ — локоть
лазѣти, лазж — подстергать, выслежи-
вать, преследовать
лавъгитѣ, лавъгитѣ — церковный служи-
тель
лагъко — легко
лажати, лажаж — лежать
лабугитѣ см. лавъгитѣ
лагѣти, лагѣж — лететь
лашти, лагж — лечь
ли — или, ли
ликовати, ликоуш — ликовать, радоваться
линь, вин. п. мн. ч. линъ — хор
лишати сѣ, лишати сѣ — отставить, нуж-
даться в чем-либо, терпеть недо-
статок
лишѣти, лѣж — лить
ловѣзати, ловѣжж — целовать
ловъчь — охотник, ловец
локу — лужа
лъгати, лѣжж — лгать
лъжа — ложь
лъгък — легкий
лъзати, лѣжж — лизать
лънота — красота
лъто — год
любо — или
любодѣти — развратник
любодѣнѣца — блудница, распутная жен-
щина
любѣти — любовь
людьскъ — народный
лють — суровый, страшный
лъжаж — лукавый, злой

М

мазати, мажаж — мазать
маловѣрь — малoverный
маломощъ — слабосильный
малъ — маленький, небольшой
мамона — богатство, мамона
межда — межа
метати, метѣж и метѣж — метать, бросать
милосердѣзати, милосердѣуш — сжалиться
милосердѣ, милосердѣж — милосердный
минограсти, миногражж — проходить, проез-
жать

минодѣти, минодѣж — отойти, удалиться
минѣти, минѣж — пройти
мѣнни — молния
мабузати, мабуж — молчать
мѣти, мѣжж — молоть
мождаж — мозговой
молати, молаж — просить, молить
моути, моуж — мочить
мошти, могж — мочь
мошъ — сила, мощь, могущество
мръкнѣти, мръкнѣж — смеркаться, темнеть
мръжа — сеть
мъда — мзда
мъножи — больший, более многочислен-
ный
мъножество — множество
мыслѣти, мыслаж — думать, мыслить
мытаръ — сборщик податей
мыто — пошлина
мытѣнѣца — таможня
мъгла — мгла
мъдомъчь — сборщик налога
мъни — меньший
мънѣти, мънѣж — думать, полагать
м(ъ)рѣти, мръж — умереть
мѣсто — место
мѣсѣць — месяц
макък — мягкий
масти, мѣштѣ — смущать
мадръ — мудрый
мажж — мужчина, муж
мажа — мука
мажѣти, мауж — мучить
муро — благовонное масло

Н

набъкнѣти, набъкнѣж — научиться
надоути сѣ, надѣжж сѣ — надуться, рас-
пухнуть
надѣмонь — надменный
надѣти, надѣжж — надуть
надѣхати сѣ, надѣжж сѣ — надеяться
насьнѣнѣ см. насьнѣнѣ
назирати, назираж — наблюдать
назѣрѣти, назѣрѣж — проследить (взглядом)
назьнѣнѣж — наемный работник
накашѣ — больше всего
напѣво — тем более
напѣзати, напѣжж — напоить
напитати, напитажж — накормить
напити сѣ, напѣжж сѣ — напиток
напѣлѣнѣти, напѣлѣжж — наполнить
напѣсати, напѣжжж — написать
нарѣшти, нарѣжжж — называть
нарѣцѣти, нарѣцѣжж — называть
насадѣти, насаждаж — насадить, посадить
насытити, насытитѣжж — насытить
насыштати, насыштѣжжж — насыщать

научати, науцати — научать
научити, науцѣти — научить
находити, нахождѣти — находить
начинати, начинати — начинать
начертати, начертати — начертить, нарисовать
начало — начало
начати, начати — начать
начатье — начало
начальник СМ. начальник
начати, начинати — нанять
начати — небесный
начати — небесный
начати — небесное
начати — ибо, на самом деле
начертати, начертати — пренебрегать, презирать
начертати, начертати — негодовать
начати СМ. неже
начертати, начертати — недовольство, испытывать недостаток в чем-либо
начати — недуг
начати — больной, недомогающий
начати, начати — нежеле
начати — беззлойный
начати (от не-из-ручѣти) — невысказанный, невыраженный
начати — чтобы
начати — слабость, бессилие
начати — неразумный
начати, начати — нести
начати — бессмертие
начати — невоздержанность, неумеренность
начати — бесчестный, нечестивый
начати — беспощадный, жестокий
начати — нет
начати, начати — ниспровергать, уничтожать
начати — низкий
начати, начати — спускаться, нисходить
начати — никоим образом
начати — нигде
начати — никогда
начати — нигде
начати — никто
начати, начати — пустить ростки, произрасти
начати — нищета, бедность
начати — нищий
начати, начати — носить
начати — ночь
начати — ночной
начати = неже
начати — но, а
начати — когда-нибудь, когда-либо; наконец, с трудом
начати — где-то, где-нибудь
начати — некто

начати — некий
начати, начати — принуждать
начати — нужда

О

обачати, обачати — заговаривать, заклинать
обаче — однако, впрочем
обачати, обачати — обидеть
обачати СМ, обачати СМ — колебаться, недоумевать
обачати СМ, обачати СМ — колебаться, недоумевать
обачати, обачати — пребывать, жить, обитать
обачати, обачати — обходить кругом, покрыть
обачати, обачати — обладать
обачати, обачати — одевать
обачати, обачати — целовать
обачати, обачати — обольстить
обачати, обачати — надевать
обачати, обачати — найти
обачати, обачати — находить
обачати — обещать
обачати, обачати — обувь
обачати, обачати — сойти с ума
обачати — общий
обачати, обачати — повесить
обачати, обачати — связать, завязать, обвязать
обачати, обачати — охватить
обаче — здесь
обача — иногда, однажды
обаче — здесь
обача — овца
обаче — овечий
обаче, обаче, обаче — этот, -а, -о
обача — сюда
обачати, обачати — огласить
обачати, обачати — оглашать
обача — огонь
обачати СМ, обачати СМ — дать хороший урожай, уродиться, плодоносить
обачати, обачати — победить
обаче — ложе, кровать, носилки
обачати, обачати — одержать
обачати, обачати — одеяние, одежда
обачати СМ. обачати
обачати, обачати — одеть
обачати, обачати — одевать
обачати, обачати — оживить
обачати, обачати — ожить
обачати, обачати — оклеветать
обачати — вокруг
обачати, обачати — испытывать
обача — масло, елей
обача — там
обача, обача, обача — тот, -а, -о
обача, обача — там
обача — туда

обача — назад, наоборот
обача — ограда, изгородь
обача(е) — хлеб, приготовленный без закваски
обачати СМ, обачати СМ — опереться, толкать
обачати, обачати — пахать
обачати, обачати — осветить
обачати, обачати — освятить
обачати, обачати — осквернить
обачати, обачати — оскудеть
обачати — ослепление
обачати, обачати — ослепнуть
обачати, обачати — оставить
обачати, обачати — остаться
обача — осел
обача — ослик
обачати, обачати — прикоснуться, ощупать
обачати, обачати — осудить
обачати, обачати — отнимать
обачати, обачати — вытирать, обтирать
обачати, обачати — отойти
обача — остров
обачати СМ, обачати СМ — отказаться
обача — девочка
обача — мальчик
обача — дитя, ребенок
обачати, обачати — отвернуть, отворачивать
обача(е) — открыт, открыт — открыть, отворить
обача(е) — открывать
обачати, обачати — бросить, отвергнуть
обачати, обачати — отвечать
обачати, обачати — отдавать
обачати, обачати — отнять что-либо у кого-либо
обачати, обачати — открывать
обачати, обачати — открыт
обача — откуда
обача — остаток
обачати, обачати — отлучить
обачати, обачати — отбросить, избавить
обачати, обачати — с тех пор как, когда, откуда
обачати, обачати — отпустить, отвязать
обачати — прощение, отпущение
обачати, обачати — отречься
обачати, обачати — отбросить, отогнать, отвергнуть
обачати — отказавшийся
обача — отец
обача — отеческий
обача — укус
обачати, обачати — очистить

П

пача — опять
пача — память
пача — водоем

пача — пятница
пача — небольшое блюдо
пача, пача — упасть
пача, пача — пасти
пача — лучше, больше, кроме
пача, пача — печь
пача СМ, пача СМ — заботиться, печалиться
пача — пир, угощение
пача, пача — играть на свирели, на флейте
пача, пача — пить
пача — еда, пища
пача СМ, пача СМ — плакать
пача — пламень
пача, пача — плюнуть
пача, пача — плыть
пача — плуточный
пача — плоть
пача — сорная трава
пача, пача и пача — плясать
пача, пача — бодрствовать
пача, пача — бросить
пача, пача — сообщать, рассказывать
пача, пача — сообщить, рассказать
пача — язычник
пача(е) — похоронить, зарыть
пача, пача — погребать
пача, пача — потонуть, погрязнуть
пача, пача — погубить
пача, пача — погибать
пача — погибель
пача, пача — подать
пача, пача — раздвинуть, подвигнуть
пача СМ, пача СМ — подвязаться, бороться
пача — достойный, подобный
пача, пача — дать приют, принять под свой кров
пача, пача — пожрать, поглотить
пача — поздно вечером
пача, пача — съесть, поклевать (о птицах)
пача — зрелище
пача, пача — посмотреть, взглянуть
пача, пача — брат
пача, пача — жениться
пача, пача — поискать
пача, пача — поить
пача, пача — успокаивать
пача, пача — кивать
пача, пача — положить
пача — в полночь
пача — берег, половина
пача, пача — сделать знак
пача, пача — помочь
пача, пача — бросить, кинуть

съврати, съверж — собрать
съвзъшти, съвзъшамъ — снять, раздеть
съвзъсть — совесть, сознание
съвзъть — совет, совещание
съвзъштати, съвзъштатж — посоветоваться, сговориться
съвзъдзати, съвзъдзатж — связать
съдравъ — здоровый
съжъшти, съжъшамъ — сжечь
съжъвати, съжъватж — созвать
съжъвати, съжъватж — созывать
съжъдзати, съжъдзатж — построить
съжъзати, съжъзатж — спускаться
съжъкъ — сгорбленный, скорченный
съжъотрити, съжъотритж — смотреть
съжърть — смерть
съжмасти са, съжматж са — смутиться
съжнити, съжнитж — сойти, спуститься
съжнь — сон
съжньиште — место собрания
съжньмъ — собрание, сбор
съжньдъ — пища
съжнати, съжнатж — снять
съжръсти, съжръштж — встретить
съжтворити, съжтворитж — сделать
съжто — сто
съжторица — сотня
съжтажати, съжтажатж — приобрести, добыть
съжтажати са, съжтаж са — спорить
съжтажати, съжтажатж — надоедать, быть в тягость
съжтажити, съжтажитж — мучить, угнетать
съжхити, съжхитж — сохнуть
съжходити, съжходитж — спускаться
съ, си, св — этот, -а, -о
съде — здесь
съжъртьмъ — смертный
съждалитше — место сидения
съждъти, съждътж — сидеть
съжмо — сюда
съжма — семья
съжнь — тень
съжсти, съжстж — сестъ
съжть — сеть
съжшти, съжштж — сечь, рубить
съжшти, съжштж — сеять
съждни — судья
съждити, съждитж — судить
съждъ — суд
съжпръжъ — упряжь, пара волов в одной упряжи; супруг, муж
съжпръ — противник
съжсъдъ — сосед
съжтъць — сучек

тъжъдъ, тъжъдъ — так же
тъжамъ — вес и определенная монета у древних греков и римлян
тъжо — там
тъжъ — вор
тъжаръ — создание
тъжорити, тъжоритж — делить
тъжоръць — творец
тъжръдъ — твердый, сильный, здоровый
тъж — и
тъжельць — теленок, бычок, молодое животное
тъжети, тъжепж — бить, колотить
тъжешти, тъжештж — течь, бежать
тъжънити, тъжънитж — толкнуть
тъжъшти, тъжъштж — толкать, стучать, ударять
тъжымъ — столько
тъжуйло — корыто, чан, в котором выжимают виноград
тъжтити, тъжтитж — наливать, источать
тъжтри, тъжтръ — три
тъжръгъ — базар
тъжръжитше — торговое место, рынок; собрание
тъжръжнитж — торговец
тъжриню — терновник
тъжрънь — терн, колючка
тъжръзати, тъжръзатж — терзать, рвать
тъжръпъти, тъжръпътж — терпеть
тъжръбовати, тъжръбоватж — требовать
тъжрва и тъжрва — трава
тъжръвъ — трезвый
тъжрасъвица — дрожь, лихорадка
тъжрасти, тъжрастж — трясти
тъжръсь — сотрясение, землетрясение
тъжтоу — здесь, там
тъжтоуждъ — чужой
тъж, тъ, то — этот, -а, -о
тъжгда — тогда
тъжкъмо — только
тъжма — десять тысяч, громадное количество
тъжшта — теща
тъжшдштж, тъжшштж — тысяча
тъжма — тьма
тъжмъ жъ — следовательно
тъжма — темя
тъжгога — тяжесть
тъжжъкъ — тяжелый
тъждоу, тъждъ — туда

ОУ

оуькати, оуькитж — убивать
оуьница — убийца
оуьбити, оуьбитж — убить
оуьбити, оуьбитж — убивать
оуьво — же, итак, ведь, пото

га — я так
гало — так
галь — такой

оуьвогъ — бедный, убогий
оуьвоуьсь — платок
оуьвръсти, оуьвръстж — открыть, приоткрыть
оуьвдъти, оуьвдътж — узнать
оуьврити, оуьвритж — уверить, убедить
оуьвдзати, оуьвдзатж — угождать кому-либо
оуьвсати, оуьвсатж — угасать
оуьвсити, оуьвситж — угасить
оуьвснити, оуьвснитж — угаснуть
оуьввжити, оуьввжитж — погрузиться, увязнуть
оуьввзити са, оуьвввжитж са — получить хороший урожай, плодоносить
оуьвдити, оуьвдитж — угодить
оуьвговати, оуьвговатж — готовить что-либо для кого-либо
оуьвговити, оуьвговитж — приготовить что-либо для кого-либо
оуьвдовъ — удобно, легко
оуьвдовъмъ — удобный, легкий
оуьвдръжати, оуьвдръжитж — удерживать
оуьвдъ — член
оуьвжъсть — ужас
оуьвжъ — уже
оуьвжърти, оуьвжъритж — увидеть
оуьвказати, оуьвказатж — указать
оуьвкрити, оуьвкритж — укротить, смирить, успокоить
оуьвкроухъ — кусок, крошка
оуьвкрыти, оуьвкрытж — укрыть, скрыть
оуьвлшити, оуьвлагж — стихнуть, успокоиться
оуьвмастити, оуьвмаститж — намазать
оуьвмъвати, оуьвмъватж — замолчать
оуьвмърти, оуьвмъритж — умирать
оуьвмъртити, оуьвмъртитж — смерть
оуьвность вместо юность
оуьворажити, оуьворажитж — вооружить
оуьвподовити, оуьвподовитж — уподобить
оуьвпъвати, оуьвпъватж — уповать
оуьвръзати, оуьвръзитж — отрезать
оуьвръднъ, оуьвръднъ — усердие
оуьвста — рот
оуьвстръмити са, оуьвстръмитж са — устремиться
оуьвстнъ — губа
оуьвснити, оуьвснитж — уснуть
оуьвсхнити, оуьвсхнитж — засохнуть
оуьвсхнити, оуьвсхнитж — отсечь, отрубить; погубить
оуьвсидити, оуьвсидитж — положить в гроб (мертвеца)
оуьвсъмъвати са, оуьвсъмъватж са — усомниться
оуьвтапати, оуьвтапатж — утопать, тонуть
оуьвтетити, оуьвтетитж — убитъ
оуьвтонити, оуьвтонитж — утопить
оуьвтро — утро
оуьвтръ — завтра
оуьвтити, оуьвтитж — учить
оуьвшидъ — беглец, беглый раб
оуьвштити, оуьвштитж — уязвить, нанести рану

Ф

фарисеи, фарисеи — фарисей (так назывались сторонники религиозно-политической партии в древней Иудее, представлявшие интересы зажиточных слоев городского населения и отличавшиеся фанатизмом и лицемерным исполнением правил наружного благочестия)

Х

халжга — изгородь, ограда
халла — хвала, похвала, награда
хвалити, хвалитж — хвалить
ходатаи — посредник, заступник, ходатай
ходити, ходитж — ходить
хотъти, хотътж — хотеть
хрлминя — дом, помещение, жилище, здание
храмъ — дом
хризма — благовонное масло
хромъ — хромой
хоуьлти, хоуьлтж — клеветать, злословить, ругать
хъ = Хръстосъ
хътрость — искусство, умение, мастерство
хыштоние — грабег, ограбление

Ц

цкити, цкитж — цвести
цръкъ = цъсарьскъ
цръкы — церковь
цръ = цъсарь
цръство = цъсарьство
цвлити, цвлитж — лечить, врачевать
цвлованию — приветствие
цваль — здоровый
цъсарь — государь, царь
цъсарьствени — царство

У

уасъ — час
уаша — чаша
уашти, уаштж — ожидать; надеяться
уни — чей
уисма — число
уистити, уиститж — считать
ульъ = уловъль
урвь — червь
урвь — черный
урьта — черга
урько — живот, чрево, желудок

уоудити са, уоуджѣ са — удивляться
уоути, уоуш — слышать
уьто, уьто — что
уьсть — честь
уюдити са см. уоудити са
уюти см. уоути
уадо — дитя, ребенок
уасть — часть, доля

Ш, ШТ (Ш)

шити, шинь — шить
штедрота — щедрость
штоуждѣ — чужой
штадъти, штаждѣ — щадить, беречь
шоѹи — левый
шоѹица — левая рука
шюи см. шоѹи
шюица см. шоѹица

Ю

юже см. оуже
юность — молодость, юность
юнъ — молодой
юнъчъ — бычок, молодой вол
ютро см. оутро

ѿ (Ъ)

ѿвити, ѿвлѣж — явить
ѿвити са, ѿвлѣж са — явиться
ѿдѣ — еда
ѿдѣца — обжора
ѿдѣа — рана
ѿзвонъ — уязвленный
ѿзвити, ѿжвалж — ранить
ѿзвѣнъ — убитый, раненый
ѿво, ѿво — потому что, что, тогда, так
что, как
ѿковъ — какой
ѿкоже — как, как-то
ѿкъ — какой
ѿрость — гнев, ярость
ѿсти, ѿвь — есть
ѿхати, ѿдѣж — ехать
ѿште см. ѿште

Ю

югда — когда
юда — не, чтобы не
юдинъ — один
юдѣа — едва
юже — что касается
юзеро — озеро
юлико — сколько
юлинь — который
юль краты — сколько раз, что
юль — почти
юмлати (вм. юмлати), юмльж — брать
ютеръ — некто, некоторый
юште — еще

Ю

юдро — быстро, скоро
юза, юза — болезнь, недуг, слабость
юзынь — язык, народ
юзычъмь — языческий, народный
юти, юльж — взять
ютры — жена брата мужа
ючьмень — ячень

ѿ

ѿгль — угол
ѿдоу — откуда
ѿже — цепь, окопы
ѿжика — родственник (близкий)
ѿзьнь — узкий
ѿтрока — утроба
ѿтръ — внутри
ѿтръниа — внутренний
ѿтръшдоу — внутрь

ѿ

ѿдоуѿже откуда

У

унокритъ — лицемер
уностасъ — сущность, существо, материя,
вещество, субстанция
утро см. оутро

ЛИТЕРАТУРА

- А. Вайан, Руководство по старославянскому языку. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1952.
Н. Ван-Вейк, История старославянского языка. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1957.
В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915.
Сб. „Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков“. Изд-во АН СССР, М., 1956.
Э. Георгиев, Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. Изд-во Болгарской Академии наук, София, 1952.
Э. Георгиев, Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) литературного языка. См. сб. „Славянская филология“, т. I. изд-во АН СССР, 1958.
Е. Э. Гранстрем, О происхождении глаголической азбуки. См. Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, т. XI, 1955.
P. Diels, Altkirchenslavische grammatik, 1—2. Heidelberg, 1932—1934.
A. Dostál, Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954
С. М. Кульбакин, Древнецерковнославянский язык. Изд. 3-е, Харьков, 1917.
П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
А. Лескин, Грамматика древнерусского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915 г.
T. Lehr-Spławiński, Zarys grammatyki języka sfarocerkiewno-słowiańskiego. Kraków, 1949.
H. G. Lant, Old church slavonic Grammar. Mouton, 1955.
А. Мейе, Общеславянский язык. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1951.
B. Rozenkranz, Historische Laut und Formenlehre des Altbulgarischen (Altkirchenslavischen). Heidelberg, 1955.
А. М. Селищев, Старославянский язык. ч. I, Введение. Фонетика. 1951.
Ч. П. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.
А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. Учпедгиз М., 1941.
N. Trubetzkoy, Altkirchenslavische Sprache. Wien, 1933.
Л. В. Черепнин, Русская палеография. Госполитиздат, М., 1956.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

ВВЕДЕНИЕ

Наука о старославянском языке и ее задачи (§ 1—3)	5
Возникновение старославянской письменности (§ 4)	9
О народно-языковой основе старославянского языка (§ 5—7)	11
Славянские азбуки (§ 8—14)	17
Памятники старославянского языка (§ 15—17)	27

ФОНЕТИКА

Звуковая система старославянского языка второй половины IX в. (§ 18)	34
Система гласных (§ 19—20)	35
Позиционное изменение гласных звуков (§ 21—23)	37
Употребление гласных в начале слова (§ 24)	38
Система согласных (§ 25—28)	40
Позднейшие звуковые процессы, отразившиеся в памятниках XI и отчасти X в. (§ 29)	43
Судьба редуцированных [ъ] и [ь] (§ 30—33)	43
Редуцированные [ŷ] и [i] (§ 34)	49
Следствия падения редуцированных [ъ] и [ь] (§ 35)	50
Процессы, не связанные с падением редуцированных (§ 36—39)	52
Звуковая система старославянского языка в сравнительно-историческом освещении (§ 40—41)	59
Происхождение гласных в общеславянском языке (§ 42—51)	60
Дифтонги и дифтонгические сочетания (§ 52—56)	66
Дифтонгические сочетания с плавными [r] и [l] (§ 57)	71
Дифтонгические сочетания с плавными [r] и [l] в середине слова между согласными (§ 58)	72
Дифтонгические сочетания с плавными в начале слова (§ 59)	74
Сочетания редуцированных с плавными (§ 60)	75
Система согласных звуков (§ 61—63)	77
Происхождение звука [ch] (§ 64)	79
Палатализация заднебных согласных (§ 65—67)	81
Изменение групп согласных перед гласными переднего ряда (§ 68)	84
Сочетания согласных с последующим [j] (§ 69—73)	86
Упрощение групп согласных (§ 74)	91
Явления конца слова (§ 75—79)	95
Чередование гласных (§ 80—81)	100

Введение (§ 82—84)	106
Существительные (§ 85—86)	107
Типы именного склонения (§ 87)	113
Склонение существительных с основой на -*ǫ (§ 88)	114
Склонение существительных с основой на -*ā (§ 89)	116
Склонение существительных с основой на -*ū (§ 90)	118
Склонение существительных с основой на -*ī (§ 91)	118
Склонение существительных с основой на согласный (§ 92)	119
Склонение существительных с основой на -*p (§ 93)	121
Процессы изменения именного склонения (§ 94)	122
Происхождение падежных флексий (§ 95—110)	126
Местоимение (§ 111)	134
Склонение личных местоимений (§ 112)	134
Склонение неличных местоимений. Местоимения, различающие род и число (§ 113—115)	136
Местоимения, не различающие рода и числа (§ 116)	138
Прилагательные (§ 117—120)	139
Сравнительная степень (§ 121—123)	143
Числительные (§ 124—130)	148
Глагол (§ 131)	151
Глагольные основы (§ 132—133)	152
Настоящее время (§ 134—135)	157
Глагольные окончания в настоящем времени и их происхождение (§ 136)	160
Повелительное наклонение (§ 137)	162
Происхождение форм повелительного наклонения (§ 138)	164
Имперфект (§ 139)	166
Происхождение форм имперфекта (§ 140)	169
Аорист	170
Простой аорист (§ 141)	—
Происхождение форм простого аориста (§ 142)	172
Сигматический аорист (§ 143—145)	—
Происхождение форм сигматического аориста (§ 146)	175
Причастия	177
Причастия действительного залога настоящего времени (§ 147)	—
Происхождение форм причастий действительного залога настоящего времени (§ 148)	181
Причастия действительного залога прошедшего времени (§ 149)	182
Происхождение форм причастий действительного залога прошедшего времени (§ 150)	185
Страдательные причастия (§ 151—152)	186
Условное наклонение (§ 153)	190
Перфект (§ 154)	191
Плюсквамперфект (§ 155)	192
Будущее время (§ 156)	—
Инфинитив. Супин (§ 157)	193
Тексты	194
Словарь к текстам	208

Нина Максимовна Елкина
СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Редакторы *В В Иванов* и *Г П Смолицкая*
Художник *И Д Кричевский*
Художественный редактор *Б М Кисин*
Техн редактор *Н П Цирульницкий*
Корректор *В М Фомичева*

* * *

Сдано в набор 30/V 1959 г. Подписано
к печати 11/I 1960 г 60 × 92¹/₁₆ Печ л. 14
Уч.-изд л 13,89 Тираж 17 тыс. экз.
А-01813.

* * *

Учпедгиз Москва, 3-й проезд
Марьиной рощи, 41

Ленинградский Совет народного
хозяйства Управление полиграфической
промышленности. Типография № 1
„Печатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Заказ № 1194.

Цена без переплета 2 руб 80 коп,
переплет 1 р 50 к.